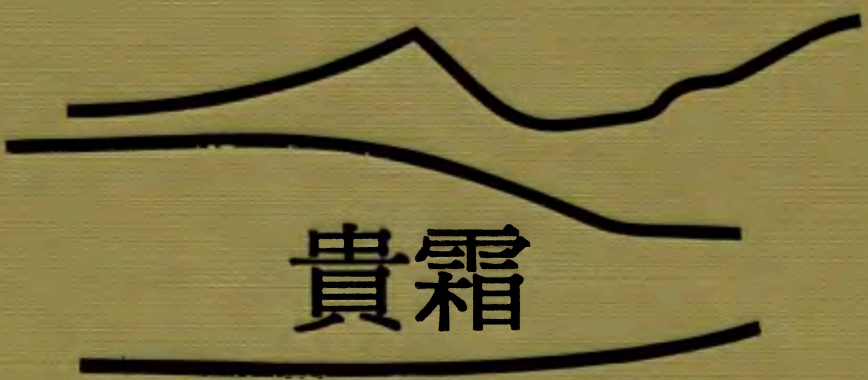
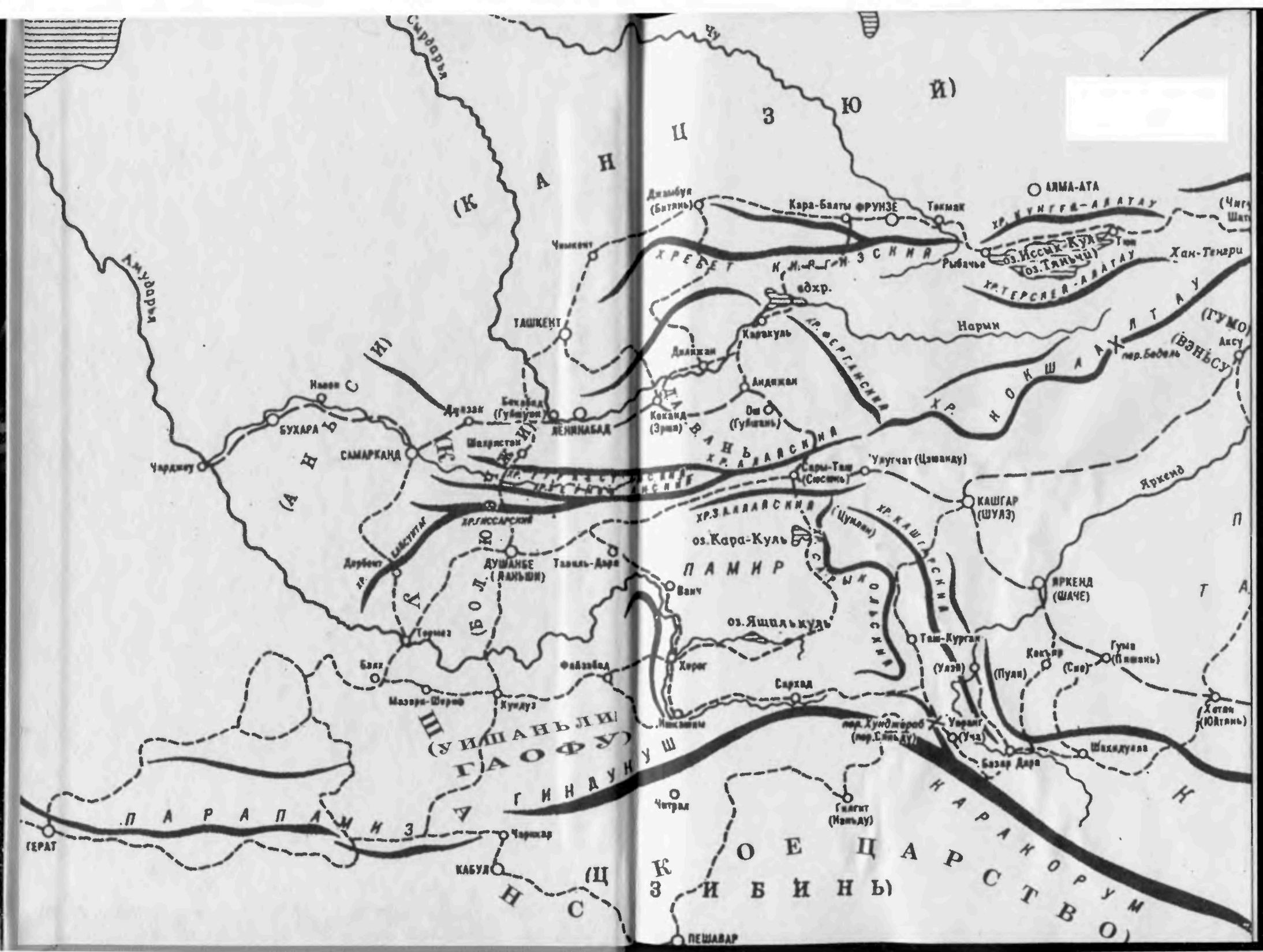
Л. А. БОРОВКОВА

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

ПО ДРЕВНИМ КИТАЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Амударья
Сырдарья
Чу
(КАНЬ ЮЙ)
ЗЮЙЦЗАНЬ
Джамбул (Таразы)
Кара-Балты
ФРУНЗЕ
Токмак
АЛМА-АТА
Чимкент
ТАШКЕНТ
Рыбачье
оз. Иссык-Куль
оз. Тяньчи
Хан-Тенгри
Нарын
Ходжент
Ленинабад
Джизак
Бухара
Самарканд
Чарджуй
Шахристан
Каракуль
Джаркан
Коканд (Эрши)
Андижан
Ош (Гушань)
Сары-Таш (Сюсюйхэ)
Улугчат (Цзяханду)
КАШГАР (ШУЛЬ)
Яркенд
оз. Кара-Куль
ПАМИР
Ванч
оз. Яшилькуль
Хорог
Сархад
Таш-Курган
(Цунлин)
ЯРКЕНД (ШАЧЕ)
Кашгар (Сюе)
Гума (Пишань)
Хотан (Юйтянь)
Шахидулла
Базар Дара
Термез
Дербент
Душанбе (Аньбэй)
Тахиль-Дара
Баглан
Файзабад
Мазари-Шериф
Кундуз
Чарикар
Кабул
Герат
ПАРАПАМИЗ
ГИНДУКУШ
(УЙШАНЬЛИ)
ГАОФУ
Читрал
Гилгит (Ньяду)
Пешавар
КАРАКОРУМ
ЦЗЯНЬ ЮЙ)
ЗИБИНЬ)
ГОСУДАРСТВО

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. А. БОРОВКОВА

КУШАНСКОЕ ЦАРСТВО

(ПО ДРЕВНИМ КИТАЙСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

Москва
ИВ РАН
2005

ББК 63.3(5Кит + 257)
Б 82

Рецензенты:
Т.А. Степугина,
Л.И. Мирошников

Б 82 Боровкова Л.А. Кушанское царство (по древним китайским источникам). — М.: Институт востоковедения РАН, 2005. — 315 с.

ISBN 5-89282-265-6

О существовании Кушанского царства ученые узнали в середине XIX века по нумизматическим и археологическим материалам. Но с тех пор в течение полутора веков время его создания и крушения, даты правления его царей оставались предметом споров. Автор данной книги, основываясь на материалах древних китайских источников, детально выяснила историю предшественника Кушанского царства – царства Большое Юэчжи.

Это и позволило установить абсолютную хронологию и место расположения Кушанского царства.

ББК 63.3(5Кит + 257)

ISBN 5-89282-265-6

© Л. А. Боровкова, 2005
© Институт востоковедения РАН, 2005

Светлой памяти сына моего
Ивана Зубкова
посвящаю

Оглавление

Предисловие 7

Глава I. Кочевые царства Юэчжи и Большое Юэчжи (конец III–II вв. до н.э.) 13

Первые сведения о царстве Юэчжи в Ганьсуском коридоре и о его разгроме сюннами (конец III в. – 140 г. до н.э.) 13

Поход Чжан Цяня в Среднюю Азию и его сведения о царстве Большое Юэчжи 21

О времени первого и второго переселения юэчжей и создания ими царства Большое Юэчжи 38

Установление и развитие посольских связей Хань с Дася и Большим Юэчжи (119–104 гг. до н.э.) 51

Глава II. Земледельческое царство Большое Юэчжи (I в. до н.э.) 63

Когда и как Большое Юэчжи завладело Дася 63

О времени учреждения и местонахождении городов-ставок пяти юэчжийских сихоу 78

О пределах владений Большого Юэчжи в I в. до н.э. 99

Глава III. Археологические и нумизматические материалы из Бактрии о юэчжах II–I вв. до н.э. 117

Как и когда кочевники юэчжи завладели Бактрией 118

Юэчжийский чекан и вопрос о раздробленности Большого Юэчжи 132

Глава IV. Позиции Поздней Хань в Западном крае и ее контакты с Кушанским царством 147

Усиление царства Шаче и его крах (25—61 гг. н.э.) 148

Попытки Поздней Хань утвердиться в Западном крае. Бань Чао (73–107) 154

Бань Юн в Западном крае (123–127) 179

Глава V. Создание Кушанского царства и правление двух первых его царей 195

Мятеж Гуйшуан-сихоу Куджулы Кадфиза и превращение Большого Юэчжи в Кушанское царство (ок. 20 г. н.э.) 196

Экспансия Кушанского царства при Куджуле Кадфизе. Покорение царств Гаофу, Пуда и Цзибинь 205

Упрочение могущества царства при Виме Кадфизе (ок. 80-103 гг.). Завоевание Тяньчжу 215

Глава VI. О датах правления Канишки (ок. 103–125 гг.). Расцвет Кушанского царства при нем и постепенный упадок при его преемниках 229

Заключение 271

Библиография 278

Указатель географических названий 296

Указатель имен 306

Схемы 311

Summary 314

Предисловие

Первые свидетельства о существовании в древности в Центральной Азии дотоле неизвестного современной науке Кушанского царства стали появляться в научной печати Европы около середины XIX века. Честь открытия его принадлежит нумизматам, обнаружившим тогда среди поступавших в Европу с середины XVIII века из Северного Афганистана и Индии в большом количестве монет греко-бактрийских и индо-греческих царей и такие, в легендах которых назывались имена царей Кушан. Состав и ареал находок этих монет позволили сразу предположить, что Кушанское царство существовало в названных регионах к югу от Амударьи после падения во II в. до н.э. Греко-Бактрийского царства.

За истекшие с тех пор полтора века изданы сотни, если не тысячи, разного рода работ о Кушанском царстве, написанных в основном по нумизматическим, эпиграфическим, археологическим материалам и сведениям древних письменных источников. Результат оказался впечатляющим – выяснилось, что это царство, находившееся на землях нынешних среднеазиатских государств, северного Афганистана, Пакистана и Индии, было обширной и мощной державой, стоявшей в одном ряду с Римом, ханьским Китаем, Парфией и игравшей важную роль в политических, торговых и культурных взаимосвязях древнего мира.

Но выяснилось и другое – несмотря на все достижения мирового научного сообщества в изучении Кушанского царства связной политической истории его пока не написано. Остаются спорными основополагающие ее проблемы – местонахождение первоначального ядра царства и завоеванных им владений, а также его абсолютная хронология, в отношении которой выдвинуто немало разных гипотез. И в значительной мере поэтому многие другие вопросы его истории и культуры и даже отдельные факты зачастую интерпретируются по-разному, порождая в свою очередь новые домыслы, догадки, гипотезы.

Слабая изученность истории Кушанского царства объясняется обычно отсутствием собственно кушанских, а также индийских и парфянских исторических сочинений кушанской поры и необычайной фрагментарностью и скудостью сведений о нем иноземных сочинений – античных, древнекитайских, армянских и пр.

Однако судя по работам разных специалистов по Кушанскому царству (нумизматов, археологов, лингвистов, исследователей исторической географии), уже сложилось самое общее представление о его предыстории, истории создания и последующего развития, которыми они так или иначе руководствуются. А основными источниками сведений обо всем этом называются древнекитайские истории «Ши цзи», «Хань шу» и «Хоу Хань шу». О наличии в них материалов, относящихся к Кушанскому царству, стало известно еще к концу XIX в. И известный нумизмат А. Каннингэм в начале своей статьи, опубликованной в 1892 г., очень кратко изложил первую связную версию становления этого царства, основываясь на кратком же сводном описании, толковании и датировке сведений из этих историй в работе 1829 г. одного из самых первых синологов-исследователей А. Ремюза.

Согласно изложению А. Каннингэма, юэчжи, в 165 г. до н.э. изгнанные сюннами, около 126 г. до н.э. уже владели, по свидетельству китайского посла Чжан Цяня, всей Бактрианой. Их орда состояла из пяти племен. Спустя сто лет глава племени кушан Цюцзюцю, идентифицированный ранее нумизматами с Куджулой Кадфизом монетных легенд, подчинил четыре других племени и принял «титул царя Кушан». Затем он овладел долиной Кабула. А его сын Яньгаочжэнь, которого А. Каннингэм идентифицировал с Вимой Кадфизом монетных легенд, завоевал Индию (Каннингэм, 1892, с. 41). Далее А. Каннингэм по нумизматическим и эпиграфическим данным впервые описал очередность царствования правивших после Вимы Кадфиза Канишки, Хувишки и Васудевы (с. 46–50).

Казалось бы, что после столь убедительной констатации наличия важнейших сведений по истории юэчжей и Кушанского царства в материалах древнекитайских историй исследование этих источников специалистами-синологами станет одним из важнейших направлений изучения их истории. Однако этого не случилось.

Внимание синологов в XX веке, как и в XIX, было сосредоточено на истории царств и народов Восточного Туркестана, собственным названием которого у китайцев было «Западный край» (*Сиюй*). Эти северо-западные ближайшие соседи китайских империй Ранней Хань (206 г. до н.э. – 25 г. н.э.) и Поздней Хань

(25 – 220) играли важную роль в противостоянии китайцев и их главного врага сюннов. Синологи продолжили перевод разных китайских источников, в том числе глав из древнекитайских историй, называвшихся «Повествование о западном крае», в частности из «Хоу Хань шу». В данном случае нарицательное название «западный край» обозначало все царства и народы к западу от Хань до Рима, включая и Западный край, о которых при дворе той или другой империи получили сведения. Были среди них и сведения о юэчжах и Кушанском царстве.

Но число написанных в XX в. на основании этих источников специальных синологических исследований вопросов истории юэчжей и Кушанского царства оказалось каплей в море сотен и сотен работ других специалистов. К тому же точки зрения авторов немногочисленных синологических работ по этим вопросам, как правило, не совпадают.

Основными же источниками для множества работ по Кушанскому царству оставались в XX в. все более множившиеся нумизматические, эпиграфические и особенно археологические данные, но приоритетными стали именно последние в результате бурного развития в этом веке археологических изысканий. Однако авторы этих работ, сталкиваясь с вопросами политической истории царства, стали все чаще и больше использовать сведения письменных источников, особенно древнекитайских историй, все подробнее излагать или цитировать их по переводам разных авторов, давать им свое толкование, а иногда даже источниковедческую оценку. Но почти всегда та или иная интерпретация этих сведений зависела от того, сторонником какой из существующих гипотез по основным проблемам Кушанского царства (его абсолютной хронологии и местонахождения его ядра и завоеванных владений) был автор.

Не удивительно, что расхождения в понимании одних и тех же данных древнекитайских историй породили в последние десятилетия у части ученых мнение о том, что продуктивность этих источников в решении проблем Кушанского царства исчерпана. Другие же, считающие свидетельства китайских историй об этом царстве базовыми, видят выход из тупика, в который зашли поиски решения кушанских проблем, в более активном изучении этих источников на современном научном уровне, в объективном толковании их данных вне зависимости от существующих гипотез по какому-либо вопросу. Я разделяю позицию этих ученых.

В течение последних двадцати лет я изучала именно по материалам древних и раннесредневековых китайских династийных

историй как проблемы местонахождения и взаиморасположения царств и народов Восточного Туркестана и Средней Азии, в том числе юэчжей и их соседей, так и историю установления и развития взаимоотношений с ними на государственном уровне сменявших друг друга китайских империй и царств, благодаря чему и поступали к их двору данные об этих иноземных государствах.

Комплексное использование исторических, историко-географических и источниковедческих методов исследования прямых и косвенных сведений этих источников позволило уточнить идентификацию историко-географических объектов с современными и благодаря этому – локализацию юэчжей и их соседей в разные периоды их истории, а также даты разгрома их сюннами и этапов переселения в Среднюю Азию, создания царства Большое Юэчжи и овладения им Дася (Северной Бактрией). В свете этих уточнений сообщения в «Хоу Хань шу» о времени преобразования Большого Юэчжи в Кушанское царство и его последующей истории приобретало хронологическую и географическую определенность. Это и побудило меня предпринять данное детальное исследование практически всех прямых и косвенных сведений источников о юэчжах, их царстве Большое Юэчжи, т.е. о предыстории Кушанского царства, точное знание которой и позволяет доказательно решить главные проблемы его истории – абсолютную хронологию, местонахождение его изначальных и завоеванных позже земель, владений других царств.

Но исследовать политическую историю Кушанского царства только по китайским источникам в настоящее время уже невозможно, так как немало общих и частных фактов и проблем установлено специалистами по другим видам источников – нумизматическим, эпиграфическим, археологическим. Будучи синологом, я излагаю их в основном по обобщающим трудам историков и иногда по работам специалистов. Поэтому заранее приношу извинения за возможные неточности изложения и буду благодарна за указания на них.

Общая оценка специфики, значимости и степени достоверности материалов «Повествований о западном крае» династийных историй дана мною ранее (см.: Боровкова, 1989, с. 6–13), а подробный источниковедческий анализ конкретных сведений о юэчжах и Кушанском царстве проведен в данной работе.

Все переводы текстов, приведенные в работе, сделаны мной, за исключением отмеченных ссылкой на работы других авторов. Все древнекитайские названия, термины даны в современной русской транскрипции.

Написание историографии по Кушанскому царству, до сих пор никем не предпринимавшееся, в данной работе также не предусматривалось, поскольку это – предмет, подлежащий специальному коллективному исследованию разными специалистами, которое составит, возможно, не один том. О немногочисленных же статьях синологов по истории юэчжей сказано в контексте изложения «Истории изучения» западного края в моей последней книге (Боровкова, 2001, с. 8–34), а единичные синологические исследования по Кушанскому царству анализируются в данной работе.

Глава I

КОЧЕВЫЕ ЦАРСТВА ЮЭЧЖИ И БОЛЬШОЕ ЮЭЧЖИ (конец III–II вв. до н.э.)

Первые сведения о царстве Юэчжи в Ганьсуском коридоре и о его разгроме сюннами (конец III в. – 140 г. до н.э.)

Впервые народ юэчжи упоминается в «Ши Цзи», в описании ранней истории сюннов в главе «Повествование о Сюнну»*. В этой главе Сыма Цянь сначала изложил подборку сведений о кочевниках, с глубокой древности соседствовавших с древними китайцами на севере и северо-западе, до создания в 221 г. до н.э. первой централизованной китайской империи Цинь (227–207). А затем, сразу после описания похода против них военачальника этой империи Мэн Тяня в 215–214 гг. до н.э., во время которого он разгромил и изгнал северных кочевников (*ху*) и «завладел всеми [их] землями к югу от реки (*Хэ-нань ди*), и Река стала границей [с ними]» (ШЦ, гл. 110, с. 2886), он и изложил раннюю историю сюннов. Китайцы в то время Рекой называли Хуанхэ, «землями к югу от Реки» – район нынешнего плато Ордос в северной половине Великой излучины Хуанхэ.

Описание ранней истории сюннов похоже на повесть, в нем совсем нет дат, характерных для изложения китайской истории, события рассматриваются как бы со стороны сюннов. Все это доказывает, с нашей точки зрения, что оно на самом деле было составлено по рассказам самих сюннов, но позднее, когда их связи с империей Хань (206 г. до н.э. – 25 г. н.э.) стали очень тесными.

---

* Подробное исследование материалов данной главы см.: Боровкова, 2001, гл. 1, 2.

И именно в самом начале его сказано:

«В то время дунху (восточные хусцы) были сильны и юэчжи процветали. Сюннуский шаньюй именовался Тоумань. Тоумань, не одолев Цинь, переселился [под натиском Мэн Тяня] на север. [В течение последующих] десяти лет Мэн Тянь умер, *чжухоу* (знать покоренных Цинь древнекитайских царств. – *Л.Б.*) восстали против Цинь, в Срединных царствах наступила смута, все ссыльные и *жуны*, переселенные Цинь на рубежи [с хусцами], бежали. Таким образом, сюнны получили простор и постепенно опять переселились к югу от Реки, [снова] стали граничить со Срединными царствами по прежней укрепленной линии [*сай*]» (ШЦ, гл. 110, с. 2887–2888).

Эти события, изложенные после сообщения о походе Мэн Тяня, несомненно, произошли в последующее после него десятилетие, т.е. в 214–205 гг. до н.э.

Следовательно, в последние десятилетия III в. до н.э. юэчжи «процветали». Но где?

Сообщение о том, что *дунху* были сильны и юэчжи процветали, указывает на то, что в сопоставлении с ними сюнны были тогда небольшим и слабосильным народом. А сообщение о том, что сюнны, изгнанные Цинь, вернувшись с севера после ее крушения, вновь заняли земли к югу от Реки до «прежней укрепленной линии», доказывает, что они в конце III в. до н.э. жили в Ордосе. Констатация этого факта важна, так как в последующих сведениях местонахождение юэчжей определяется относительно этих владений сюннов.

Кроме того, эти сведения о ранней истории сюннов доказывают, что общепринятая, но никем не обоснованная дата вступления Маодуня на трон шаньюя – 209 г. до н.э. – ошибочна. Ведь согласно им, сюнны во главе с Тоуманем стали, заметим, «постепенно» возвращаться с севера только после крушения империи Цинь, что случилось в 207 г. до н.э., и бегства поселенных ею людей с «земель к югу от Реки». Так что сюнны вернулись в родные земли Ордоса, скорее всего, лишь к концу 206 г. до н.э.

После этого в описании ранней истории сюннов подробно рассказано о начавшейся длительной вражде Тоумань-шаньюя с его старшим сыном Маодунем, в связи с которой снова упоминаются юэчжи:

«У шаньюя был великий наследник по имени Маодунь. Потом появился младший сын, рожденный любимой женой [*яньчжи*]. Шаньюй захотел устранить Маодуня и возвести на трон младшего сына и [потому] послал Маодуня в процветавшее Юэчжи в свиту правителя* . [Когда] Маодунь уже прибыл в Юэч-

* *Чжи* или *чжицзи* – сын в свиту. Такое значение этого термина очевидно из материалов об отношениях Канцзюй с Хань (см.: Боровкова, 2001, с. 307–309).

жи, Тоумань внезапно напал на Юэчжи. Юэчжи хотели убить Маодуня, но Маодунь украл у них хорошую лошадь и ускакал домой. Тоумань за мужество назначил [его] десятитысячником конницы» (ШЦ, гл. 110, с. 2888).

Но Маодунь не простил отцу вероломство и, тренируя упорно свою конницу, готовил расправу с ним. В конце концов он убил его и сам стал шаньюем, – по нашим расчетам, примерно в конце 205 г. до н.э. (подробнее обо всем этом см.: Боровкова, 2001, с. 52–53).

Вскоре Маодунь, неоднократно шедший на уступки сильным дунху, возмутился, когда те предъявили претензии на его земли, и « ... на востоке неожиданно напал на дунху, ... нанес сокрушительное поражение [их] правителю и с плененным его народом, [захваченным] скотом и имуществом тут же вернулся [в свои владения и затем] на западе нанес удар и обратил в бегство юэчжей (*си цзи цзоу* * *юэчжи*), на юге присоединил земли [народов] *лоуфань* и *байян* к югу от Реки, и полностью вернул сюннуские земли, захваченные циньским Мэн Тянем, до Чжаона и Фуши у ханьских застав на прежней укрепленной линии к югу от Реки. Потом [он] вторгся в [ханьские районы] Янь и Дай. В то время ханьские войска противоборствовали с Сян Юем. Срединные царства изнемогали от военных действий. Поэтому Маодунь смог усилиться» (ШЦ, гл. 110, с. 2889–2990).

Итак, Маодунь, став шаньюем в конце 205 г. до н.э., провел затем, согласно этому описанию, успешные войны с ближними соседями и, в частности, нанес поражение процветавшим до того юэчжам. И все это произошло как раз в то время, когда в Китае шла война Хань-вана Лю Бана с Сян Юем. А она продолжалась, как известно, с 206 до начала 202 г. до н.э., когда Сян Юй погиб, а Хань-ван Лю Бан был провозглашен императором Хань. Следовательно, Маодунь разгромил дунху на востоке от его владений, а юэчжам нанес поражение на западе, полностью завладел бывшими сюннускими землями и землями лоуфань и байян к югу от Реки, т.е. в Ордосе, и заложил тем самым основание для своей будущей державы именно в 204–203 гг. до н.э.

Юэчжи, по данному сообщению, обитали к западу от сюннов, занимавших в то время земли на севере Великой излучины Хуанхэ, в Ордосе. Но прямо к западу от Ордоса за Хуанхэ лежит пус-

---

* Иероглиф *цзоу* в данной фразе Н.Я. Бичурин (1950, т. 2, с. 48), В.С. Таскин (Материалы, 1968, с. 39) и Е. Цюрхер (Цюрхер, 1968, с. 362) перевели одинаково: «прогнал» юэчжей. А М.В. Крюков полагает даже, что конница Маодуня «прогнала с насиженных мест да-юэчжи» (Крюков, 1983, с. 113). Но об изгнании юэчжей в этом случае не может быть и речи, поскольку, как увидим ниже, по сведениям за последующее время, они продолжали жить на своих прежних землях к западу от сюннов, а изгнаны с них были значительно позже.

тыня Алашань. Так что юэчжи явно обитали южнее этой пустыни, т.е. в Ганьсуском коридоре.

О местонахождении царства Юэчжи к западу от державы Маодуня говорится и в описании ее в «Повествовании о Сюнну». О создании Маодунем именно *державы Сюнну* можно говорить, согласно нашему исследованию (Боровкова, 2001, с. 47–53), лишь после завоевания им северных народов (*и*), разгрома войск Хань во главе с самим императором зимой 201–200 гг. до н.э. По заключенному «договору о мире и родстве» в 199 г. до н.э., Хань обязывалась присылать в жены шаньюю свою принцессу, а также отправлять определенное, значительное для сюннов, количество продуктов земледелия и шелка в разном виде (ткани, вата и пр.), а Сюнну – не вторгаться в земли Хань. После этого держава Маодуня стала равной находившейся к югу от нее Чжунго, т.е. Срединной империи (ШЦ, гл. 110, с. 2890). Хань же, только что созданная и еще раздираемая внутренними распрями знати бывших царств, получила необходимый ей мир на внешних северных рубежах.

В описании созданной Маодунем державы Сюнну сказано, что ее владения на западе доходили до Юэчжи, Ди и Цян (ШЦ, гл. 110, с. 2891). А данное свидетельство в свою очередь доказывает, что это описание владений Сюнну составлено ранее 177 г. до н.э., когда она, как увидим далее, завоевала уже и Юэчжи, и другие западные владения.

Хронологически следующее упоминание царства Юэчжи в «Ши цзи» оказалось опять-таки в «Повествовании о Сюнну» как раз в сообщении об этом завоевании в письме Маодуня к ханьскому императору Вэнь-ди (179–157), полученном последним летом 176 г. до н.э. Обращение шаньюя связано с тем, что летом 177 г. до н.э. правитель западной части Сюнну, *ю-сянь-ван*, нарушив договор, вторгся в земли Хань к югу от укрепленной линии, т.е. от Ордоса (ШЦ, гл. 110, с. 2895; ШЦ, 1933, гл. 10, с. 0040/4). Хань выставила против него большое войско, но еще до его подхода сюнны ушли в свои земли. Однако договор был нарушен, что лишало Сюнну дани с Хань. И Маодунь в своем письме, обвинив во вторжении ю-сянь-вана, предлагал возобновить договор, сообщив при этом следующее:

«[Я] наказал *ю-сянь-вана*, послав его на запад разыскать юэчжей и напасть на них. По милости неба [его] воины были в отличном состоянии, кони сильны, и [он], используя северные народы [*и*], уничтожил [царство] Юэчжи, [народ которого либо] был истреблен [либо] сдался ему. [Затем он] утвердился в Лоулань, Усунь, Хуцзе и в 26 других прилежащих к ним царствах. [Отныне]

все натягивающие лук народы соединены в одну семью, [так как] в северных областях [мы] утвердились ранее» (ШЦ, гл. 110, с. 2896).

Очевидно, что Маодунь написал письмо Вэнь-ди, полученное им в начале лета 176 г. до н.э., в начале этого года. Значит, сюнны завоевали Юэчжи и прочие западные владения, несомненно, находившиеся в Восточном Туркестане, после вторжения ю-сяньвана в земли Хань летом 177 г., т.е. во второй половине 177 г.

Для уточнения местонахождения царства Юэчжи в то время очень важно сообщение Маодуня об одновременном завоевании сюннами царства Лоулань, которое и после этого продолжало существовать несколько веков на прикуньлуньском пути к югу от оз. Лобнор. Следовательно, по достоверным данным первой четверти II в. до н.э., полученным при дворе Хань от сюннов, выясняется, что царство Юэчжи тогда находилось к западу от владений сюннов, занимавших северную половину Великой излучины Хуанхэ, т.е. к западу от этой излучины, но, несомненно, к югу от пустыни Алашань в Ганьсуском коридоре. К западу же от него оказалось царство Лоулань. Но к западу от Ганьсуского коридора до оз. Лобнор, к югу от которого лежало царство Лоулань, простирается пустыня, ныне называемая пески Кумтаг. Этот географический факт не позволяет даже предполагать, как это делают некоторые авторы (см. в частности: Крюков, 1988, с. 237), что в конце III – начале II вв. до н.э. «юэчжи кочевали западнее Дуньхуана», города, заметим, основанного Хань лишь в самом конце II в. до н.э. на крайнем западе Ганьсуского коридора. Несостоятельность такой точки зрения показало и исследование вопроса о местоположении гор Циляньшань и родины юэчжей (Боровкова, 1998, ч. I, с. 102–114).

Поскольку очевидно, что рассмотренные выше самые первые сведения о народе юэчжи и его царстве за конец III – начало II вв. до н.э. были получены при дворе Хань от сюннов, не исключено, что и их этноним *юэчжи* был китайской транскрипцией с сюннуского. В этом случае вряд ли есть основание искать его происхождение, как это делают некоторые авторы (см.: Крюков, 1988, с. 236), от созвучных слов в более древних китайских текстах или производить его от китайского названия нефрита, издревле добывавшегося в районе Хотана, где юэчжи, как видим, не обитали.

Десять лет спустя после завоевания в 177 г. до н.э. сюннами царства Юэчжи и других западных царств и включения их во владения державы Сюнну в истории ханьско-сюннуских отношений произошло большое событие, которое, с нашей точки зрения,

связано с переломным событием в истории юэчжей – с разгромом их сюннами и последовавшим переселением из Ганьсуского коридора в Среднюю Азию. Подробный анализ сведений о нем уже проведен (Боровкова, 2001, с. 57–60), поэтому здесь лишь кратко изложим основные из них и наш вывод.

В 174 г. до н.э. умер Маодунь-шаньюй. На трон вступил его сын Лаошан-шаньюй. Вэнь-ди подтвердил свою верность договору о мире и родстве и прислал ему в жены, как в свое время Гао-ди (Лю Бан) Маодуню, в качестве ханьской принцессы всего лишь девушку из императорского рода. Сопровождать ее был послан, вопреки его желанию, евнух Чжунхан Юэ. По прибытии в ставку шаньюя он сразу же сдался ему и стал его главным советником (ШЦ, гл. 110, с. 2898–2899). Но мирные отношения двух держав продолжались согласно договору о мире и родстве.

Однако, судя по приведенным далее в «Повествовании о Сюнну» сведениям, Чжунхан Юэ разжигал высокомерие шаньюя по отношению к Хань, «денно и нощно наставлял шаньюя выжидать удобного случая и [выискивать] место, чтобы навредить Хань» (ШЦ, гл. 110, с. 2899–2901).

И вот зимой 167–166 гг. до н.э. в нарушение договора огромное сюннуское войско, 140-тысячная конница, вторглось в северо-западный регион Хань, где находилась ее столица Чанъань. Сюнны, наступая по двум направлениям, приблизились к ней, разграбив по пути два императорских дворца, один из которых находился совсем близко от нее. И только во время этого прорыва сюннов император стянул к столице большое войско для отпора им (ШЦ, гл. 110, с. 2901), что свидетельствует о том, что для Хань вторжение сюннов в этот регион, где они никогда прежде не появлялись, было неожиданным.

Следовательно, в это время Лаошан-шаньюй и Чжунхан Юэ сочли, что удобный случай навредить Хань представился. Так как в Хань тогда никаких особых событий не отмечено, очевидно, что благоприятные условия для неожиданного нападения на нее сложились в самой Сюнну.

Проведенный нами ранее анализ сведений о путях, по которым наступали сюнны, и о занятых ими городах показал, что они вторглись в северо-западный регион Хань из ближнего к нему Ганьсуского коридора. Но там жили юэчжи, подвластные Сюнну. Поэтому небывалое сосредоточение в их землях огромного сюннуского войска должно иметь и необычное объяснение.

И оно, с нашей точки зрения, есть. Как увидим ниже, спустя десятилетия в Хань узнали, что именно Лаошан-шаньюй разгро-

мил и изгнал юэчжей с их родины в Ганьсуском коридоре, вынудив их переселиться далеко на запад, в Среднюю Азию. И когда ханьское войско в 121 г. до н.э. впервые вторглось в Ганьсуский коридор, там жили сюнны, воспевавшие этот благодатный для жизни кочевников край. Сопоставление этих двух фактов убеждает в том, что Лаошан-шаньюй разгромил и изгнал юэчжей с их очень удобных для кочевников земель в Ганьсуском коридоре, чтобы отдать их собственно сюннам. А расположившись здесь, близко к северо-западному региону Хань и ее столице, шаньюй с Чжунхан Юэ поняли, что наступил как раз благоприятный момент, который они ждали, чтобы навредить Хань. Неожиданно напав отсюда на нее, можно было если не разгромить Хань, то захватить богатейшую добычу, гораздо больше той дани, что поступала от Хань за много лет. И эта цель была достигнута.

Если наши рассуждения верны, а они верны, то выясняется точная дата изгнания юэчжей из Ганьсуского коридора и начала их дальнего переселения. Поскольку Лаошан, используя эффект неожиданности, напал на Хань зимой 167—166 гг. до н.э., затратив перед этим некоторое время на то, чтобы сосредоточить свою многочисленную конницу в Ганьсуском коридоре, то очевидно, что он разгромил и изгнал отсюда юэчжей летом-осенью 167 г. до н.э. Насколько верен этот анализ и вывод из него, покажет исследование других сведений «Ши цзи» и «Хань шу» о данном этапе истории юэчжей и сюннов.

Но для этого необходимо, прежде всего, уточнить дату смерти Лаошан-шаньюя, относимую разными авторами к 165, 160 и 158 г. до н.э. (см.: Крюков, 1988, с. 239). Проведенное нами подробное исследование (Боровкова, 1991, с. 84—92; ее же, 2001, с. 60—65) показало, что Лаошан-шаньюй умер в октябре-ноябре 162 г. до н.э. Вступивший на трон его сын Цзюньчэнь-шаньюй правил очень долго, до 126 г. до н.э.

А в 157 г. умер император Хань Вэнь-ди. Новый император Цзин-ди (156—141) в 156 г. возобновил договор с Цзюньчэнь-шаньюем о мире и родстве и даже открыл рынки у пограничных застав для торговли с сюннами (ШЦ, гл. 110, с. 2904).

Период правления Цзюньчэнь-шаньюя, за исключением последних 5—6 лет, был пиком процветания и могущества державы Сюнну: она получала большую дань с Хань, доходы с завоеванных при Маодуне западных царств (Восточного Туркестана), войска от северных народов (*и*). Свободная торговля на приграничных рынках с Хань еще более обогащала ее, позволяя вести посредническую торговлю ханьскими товарами с царствами Сред-

ней Азии, с которыми, по сведениям, полученным в Хань позднее, она имела прочные связи.

Этот же период стал и временем расцвета могущества Хань. За истекшие шесть-семь десятилетий мира вовне и внутри, не считая кратковременных столкновений с Сюнну и эпизодических внутренних бунтов знати, упрочилось внутреннее единство страны. Мир, экономическая политика властей способствовали развитию хозяйства, росту производства, доходов и богатства империи. Дань Сюнну как плата за мир становилась все менее обременительной экономически, но все более унизительной для престижа Сына Неба и империи. Эта перемена во внутреннем положении Хань и определила изменение ханьско-сюннуских отношений при императоре У-ди (140–87), когда в Хань особенно четко осознали могущество империи и возможность освободиться от унизительной зависимости от Сюнну.

У-ди сразу по вступлении на трон признал договор о мире и родстве с Сюнну и продолжил торговлю с нею у пограничных застав. Но одновременно он стал изыскивать способы, как вернее разгромить ее.

Сыма Цянь в «Повествовании о Давань» написал об этом так:

«В то время Сын Неба расспрашивал сюннов-перебежчиков, и все они говорили, что сюнны разгромили правителя Юэчжи, сделали из его головы чашу для питья и что юэчжи бежали. Но питая ненависть к сюннам, [они] не имели [союзника] для совместного нападения на них. Хань как раз хотела уничтожить *хусцев* (сюннов). Узнав это, [император] вознамерился установить связь [с юэчжами, отправив] посла. [Но] дорога [к ним] шла только через Сюнну. И тогда стали призывать желающих пойти послом. [Чжан] Цянь, будучи *ланом*, откликнулся на призыв и отправился послом в Юэчжи вместе с Гань Фу, рабом-хусцем рода Танъи. Все выступили из Лунси и пошли через Сюнну. Сюнны схватили их и отправили к шаньюю. Шаньюй задержал их, сказав: "Юэчжи находятся к северу от меня. Почему же Хань смеет направлять посла [к ним через мои владения]? [Если] я захочу послать посла в Юэ, разве Хань может позволить мне [это]?" Задерживали [Чжан] Цяня [в Сюнну] более десяти лет. [Он] женился, заимел детей. Однако Цянь не потерял верительную бирку посла Хань. Жизнь в Сюнну становилась все свободнее. И тогда Цянь вместе с бежавшими с ним юэчжами-односельчанами (*юй ци шу-ван сян юэчжи*), пройдя на запад несколько десятков дней, прибыл в Давань» (ШЦ, гл. 123, с. 3157–3158).

Прежде всего уточним, когда У-ди узнал о разгроме юэчжей сюннами, а Чжан Цянь выступил послом в Юэчжи. Сделать это позволяет сообщение в «Повествовании о Давань» о том, что Чжан Цянь вернулся в Хань через 13 лет, когда зимой 127–126 г. до н.э.

скончался Цзюньчэнь-шаньюй и в Сюнну началась борьба за престол (ШЦ, гл. 123, с. 3159). Очевидно, что он возвратился в Хань примерно весной 126 г. до н.э. Следовательно, из Хань он выступил в начале 139 г., а У-ди узнал о разгроме юэчжей сюннами не позднее 140 г. до н.э., сам же разгром произошел когда-то ранее. Сведения о нем У-ди получил, несомненно, от тех сюннуских ванов, которые перебежали и сдались Хань, получив в ней титул знатности *хоу*. А таковых, согласно «Таблице заслуженных сановников», только за 148–143 гг. до н.э. оказалось восемь человек, причем один из них, сдавшийся в 147 г., судя по пожалованному ему титулу *сихоу*, имевшемуся, как увидим далее, у юэчжей и усуней, мог быть юэчжийцем (ХШ, 1933, гл. 17, с. 0345/1–2).

Итак, при дворе Хань именно от сюннов были получены первые сведения о процветавшем в конце III в. до н.э. народе юэчжи и его царстве Юэчжи и последующие сведения о борьбе с ним сюннов в первой трети II в. до н.э. И потому их название *юэчжи* было, вполне вероятно, китайской транскрипцией их сюннуского названия. Не позднее 140 г. до н.э. император У-ди узнал о разгроме юэчжей сюннами и их бегстве в дальние края и, намереваясь заключить с ними союз против Сюнну, в начале 139 г. до н.э. отправил к ним своего посла Чжан Цяня, возвратившегося только весной 126 г. до н.э.

Поход Чжан Цяня в Среднюю Азию и его сведения о царстве Большое Юэчжи

В приведенном выше описании отправления Чжан Цяня в Юэчжи обращает на себя внимание тот факт, что рядом с ним, *ланом*, т.е. сановником двора высокого 3 ранга I степени, назван какой-то раб-хусец Гань Фу, единственный из 300 человек его посольства. Это говорит, несомненно, о важности роли, отведенной этому явно необычному рабу, и о том, что он успешно сыграл ее. Проведенный анализ (Боровкова, 2001, с. 90–91) позволил заключить, что Гань Фу был юэчжийцем, оставшимся после изгнания его соплеменников сюннами на своей родине под властью сюннов и, вероятно, проданным ими в рабство в Хань. Здесь он стал рабом одного из самых знатных ханьских родов – Танъи, из которого была первая жена императора У-ди (ХШ, гл. 97/1, с. 3948). В посольство Чжан Цяня он был включен, вероятно, потому, что владел юэчжийским, сюннуским и ханьским языками и хорошо знал места, где осталась, под властью сюннов, часть

юэчжей. Через них, очевидно, и надеялись посольские узнать новое место обитания бежавших их сородичей и дорогу туда. О таком расчете говорит тот факт, что посольство Чжан Цяня выступило в путь именно из Лунси, района Хань, из которого шел прямой путь в Ганьсуский коридор, где прежде и обитали юэчжи.

Гань Фу, скорее всего, помог Чжан Цяню во время его десятилетнего плена в Сюнну обосноваться в поселении юэчжей, что видно из сообщения о том, что Чжан Цянь «вместе с бежавшими с ним юэчжами-односельчанами» (*юй ци шу-ван сян юэчжи*) прибыл в Давань (ХШ, гл. 61, с. 2687). А непосредственно к западу от Давань, как потом покажет Чжан Цянь, переселившиеся юэчжи основали свое новое царство. Очевидно, что юэчжи, оставшиеся в Ганьсуском коридоре, знали об этом и кратчайшим путем скрытно от сюннов провели Чжан Цяня в Давань.

Прибыв в Давань, скорее всего, к концу 130 г. до н.э., Чжан Цянь открыто заявил ее правителю, что он посол Хань, направляющийся в Юэчжи. Это доказывает, что все земли, через которые пролегал его путь до Давань, были подвластны сюннам. Оказалось, что правитель Давань уже знал о богатстве Хань, но не имел возможности установить связь с нею. Очевидно, что сведения о Хань он получил от сюннов, и они же не позволяли ему установить отношения с нею, оберегая свою монополию на торговлю здесь ханьскими товарами.

Чжан Цянь, не задерживаясь в Давань, попросил правителя дать ему проводников в Юэчжи. Но они привели его не в Юэчжи, а в Канцзюй, видимо, в начале 129 г. до н.э. И только оттуда Чжан Цянь прибыл в Большое Юэчжи (ШЦ, гл. 123, с. 3158). Здесь, в этом месте «Исторических записок», впервые появляется это название, тогда как до этого всегда говорилось просто о царстве Юэчжи.

Визит Чжан Цяня к правителю Большого Юэчжи, состоявшийся, видимо, в начале лета 129 г. до н.э., описан в «Повествовании о Давань» так:

«Правитель Большого Юэчжи был убит хусцами (сюннами), и на трон был возведен его великий наследник, ставший правителем. Подчинившись Дася, [он] поселился на [ее] богатых землях, редко подвергавшихся разбойным нападениям. Стремясь к миру и благополучию, а также из-за отдаленности Хань [он] совсем не хотел мстить сюннам. [Тогда] Цянь из Юэчжи прибыл в Дася, [но и там] в конце концов не смог добиться, [чтобы] Юэчжи заключило договор [с Хань]. Задержавшись в Дася более года, [он] двинулся в обратный путь» (ШЦ, гл. 123, с. 3158).

В Большом Юэчжи, отказавшемся от союза с Хань, Чжан Цянь не стал задерживаться еще, видимо, и потому, что узнал там о непроходимости зимой пути в Дася (которым, как выяснится позднее, был нынешний Душанбинский тракт). Видимо, к осени 129 г. до н.э. он прибыл в Дася, где оставался более года, т.е. примерно до осени 128 г., когда выступил в обратный путь домой. Пошел он, конечно, единственным известным ему путем, по которому прибыл сюда – через Давань и далее вдоль «южных гор», т.е. прикуньлуньским путем. Выйдя по нему (видимо, весной 127 г.) в ближние к Хань земли цянов, он был снова схвачен сюннами и более года провел у них в плену. Только во время смуты в Сюнну после смерти Цзюньчэнь-шаньюя зимой 127–126 гг. до н.э. Чжан Цяню удалось бежать в Хань, куда он и прибыл, вероятно, весной 126 г. Вернулся он только с женой-хуской и верным Гань Фу. За заслуги Чжан Цянь был пожалован более высокой должностью в дворцовом ведомстве, а Гань Фу высокой должностью в местной администрации и почетной фамилией – Танъи, по названию знатного рода, рабом которого он прежде был. Так Гань Фу стал именоваться Танъи Фу (об этом см.: Боровкова, 2001, с. 93, прим. 1).

Но особую ценность представляют сведения из процитированного описания визита Чжан Цяня в Большое Юэчжи и Дася.

По свидетельству этого очевидца, правителем Большого Юэчжи был тогда, в 129 г. до н.э., бывший великий наследник убитого сюннами правителя царства Юэчжи в Ганьсуском коридоре. Отсюда следует, что Большое Юэчжи было централизованным царством, возглавляемым наследственным правителем. Очевидно, что он и его приближенные хорошо помнили местонахождение своей бывшей родины и события своей недавней истории. Так что сведения об этом, полученные Чжан Цянем при дворе Большого Юэчжи, несомненно, достоверны и, в частности, об отношениях этого царства с Дася (Бактрией). Согласно нашему пониманию и переводу сообщения Чжан Цяня, правитель Большого Юэчжи

«подчинившись Дася (*цзи чэнь Дася*), поселился на [ее] богатых землях».

По переводу же Н.Я. Бичурина, он «покорив Дахя, остался здесь жить» (Бичурин, 1950, т. 2, с. 148).

Такая трактовка данной фразы – переселившиеся юэчжи покорили Дася – общепринята, она повторяется и в последнем переводе Е. Цюрхера: «Они (юэчжи. – *Л.Б.*) подчинили Дася и поселились [в этом регионе]» (Цюрхер, 1968, с. 359). Как видим, иероглиф *чэнь* имеет в нашем переводе (подчинились) противо-

положное общепринятому (покорили) значение, а вся фраза получает противоположный смысл.

Поскольку вопрос о том, кто кого подчинил – Большое Юэчжи Дася или Дася Большое Юэчжи – имеет важнейшее значение для понимания их последующей истории, исследуем его подробно.

Предшествующие переводчики трактовали эту фразу исходя из понимания ее комментаторами «Ши цзи» и «Хань шу», жившими в VII и VIII веках. Но Бань Гу первым повторил ее в составленной им биографии Чжан Цяня в «Хань шу»: « ... подчинился Дася (*цзи чэнь Дася*)» – но изменил ее окончание – вместо «и поселился» написал «и почитал ее (*эр цзюнь чжи*)» (XIII, гл. 61, с. 2688). А Янь Шигу (581–645), видимо, первым истолковал эту фразу в биографии Чжан Цяня в комментарии к ее повтору в «Хань шу» в том смысле, что юэчжи подчинили себе Дася (Бактрию) во время их переселения во II в. до н.э.

Переводя эту фразу Чжан Цяня, мы основывались прежде всего на данных толкового словаря «Цыхай». В нем приведены только три значения иероглифа *чэнь*: 1) подданный правителя; 2) вежл.: Ваш раб, Ваш слуга; 3) уничижит.: мальчишка (ЦХ, 1948, с. 1106). Глагольных значений не отмечено. И два значения иероглифа *цзюнь*: 1) «самый почитаемый. [Из] всех людей, подчиненных Сыну Неба, все *хоу*, а также *цины* и *дайфу*, имеющие земли, называются *цзюнь*. Поэтому и сыновья *гунов*, *хоу* и *бо*, хотя и подчиненные Сыну Неба, в своих уделах (*го*) также называются *цзюнь*»; 2) «название почитаемых». И далее перечислены родители, предки, супруги, ученые-предшественники и т.п. (ЦХ, 1948, с. 256). Так что иероглиф *цзюнь* обозначал подвластного императору (верховному правителю) титулованного владетеля удела, а не верховного правителя. Е. Цюрхер же перевел его именно как «сюзерен» (Цюрхер, 1968, с. 359, прим. 4).

Естественно, что Янь Шигу знал такие значения этих иероглифов. Но он комментировал «Хань шу». А из описания в ней Большого Юэчжи очевидно (как показано в следующей главе), что оно завладело Дася. И исходя из этого ясного, но, заметим, относящегося к I в. до н.э. факта, Янь Шигу истолковал и сообщение об их отношениях во II в. до н.э. из «Ши цзи». А чтобы придать ему именно такое значение, он использовал инструментальную конструкцию *и... вэй...* В итоге в его комментарии дословно сказано: «Взял Дася и сделал слугой (*и-Дася вэй-чэнь*), сделал ее (*вэй-чжи*) как бы (*цзо*) цзюнем» (ХШ, гл. 61, с. 2688, прим. 5), т.е. своим подвластным владением.

Через сто лет Сыма Чжэнь (713–742), комментатор «Ши цзи», в своем комментарии к рассматриваемой фразе из «Повествования о Давань» сначала повторил ее в изложении Бань Гу, а затем привел к ней комментарий Янь Шигу (ШЦ, гл. 123, с. 315, прим. 5). И все современные переводчики повторяют точку зрения Янь Шигу и Сыма Чжэня.

В отличие от них, делая свой перевод этой фразы из «Ши цзи», мы исходили еще и из контекста последующего описания посещения Чжан Цянем Большого Юэчжи и Дася. В нем после сообщения о том, как правитель Большого Юэчжи, стремившийся к миру и благополучию, отказался вступить в союз с Хань против Сюнну, сказано:

«[Чжан] Цянь из (*цун*) Юэчжи прибыл (*чжи*) в Дася. [Но и там] в конце концов (*цзин*) не смог (*бу нэн*) добиться (*дэ*), [чтобы] Юэчжи заключило договор (*Юэчжи яо лин*)».

С нашей точки зрения, поход Чжан Цяня в Дася не имел бы смысла, если бы Большое Юэчжи было сюзереном Дася. Если же оно было подвластно Дася, то Чжан Цянь мог рассчитывать, что Дася как сюзерен окажет давление на Большое Юэчжи и заставит заключить договор. И сообщение о том, что Чжан Цянь и в Дася не смог добиться, чтобы Юэчжи заключило договор с Хань, подтверждает, что он шел в Дася как к сюзерену Большого Юэчжи. Но Дася не пошла на конфронтацию с Большим Юэчжи, и это свидетельствует, скорее всего, о том, что в 129 г. до н.э. его зависимость от нее была номинальной.

Однако для убедительного решения вопроса, кто кого покорил, юэчжи – Дася или Дася – юэчжей, считаем необходимым исследовать все другие материалы по истории юэчжей и Дася в «Ши цзи» и «Хань шу» с учетом данных по истории Бактрии того времени, известных по другим источникам.

На этом долгом пути следует, полагаем, прежде всего выяснить местонахождение во II в. до н.э. Большого Юэчжи и Дася, взаиморасположение их с соседями и их взаимоотношения. Сделать это позволяют опять же сведения Чжан Цяня, изложенные Сыма Цянем в «Ши цзи». Он получил их, несомненно, при дворах посещенных им царств, т.е. от высших официальных лиц, наиболее знающих положение и историю своих и соседних царств. Видимо, по этой причине Чжан Цянь не включил в описание Усунь, составленное по данным таких официальных лиц в Давань, сведения об этом царстве, полученные им от простолюдинов, среди которых жил в плену в Сюнну. Но эти сведения он сообщил У-ди гораздо позднее, лишь после расспросов его императором.

Сыма Цянь изложил рассказ Чжан Цяня о царствах в определенной последовательности – после описания посещенного им царства дал описание его соседа, о котором узнал там, где побывал: после Давань – Усунь, после Канцзюй – Яньцай, после Большого Юэчжи – Аньси, после Дася – Шэньду.

Сведения в описаниях Сыма Цянь систематизировал по такой схеме: расстояние до царства от Хань и от его соседей (измерявшееся тогда между столицами), взаиморасположение с ними по странам света, наличие связей, численность населения или войск, образ жизни (кочевой, оседлый) и прочие данные. Эта схема будет воспринята и доработана Бань Гу и составителями последующих династийных историй.

В результате исследования этих сведений Чжан Цяня (Боровкова, 1989, гл. 1; ее же, 2001, гл. 3) составлена «Схема взаиморасположения царств по «Ши цзи»»: на ней за точку отсчета принята Давань, локализация которой в Ферганской долине сомнений не вызывает почти ни у кого* (см.: Схема 1 по ШЦ).

Поскольку описания всех этих царств по сведениям Чжан Цяня проанализированы в указанных выше работах, здесь в соответствии с темой данного исследования подробнее рассмотрим лишь то, что касается описания Большого Юэчжи, и имеющие отношение к нему отдельные сведения из описаний его соседей.

Так как путь Чжан Цяня из Хань в Большое Юэчжи шел, как уже говорилось, именно через Давань, начнем с рассмотрения сведений из ее описания, в котором сказано:

«Давань находится к юго-западу от Сюнну, от Хань – прямо на запад в 10 тыс. ли (ок. 4 тыс. км. – *Л.Б.*). Обычаи [в ней] оседлые, обрабатывают землю, выращивают пшеницу. Есть виноград и вино, много хороших лошадей с кровавым потом, происходящих от небесных лошадей. [Города] имеют внешние и внутренние стены. В подвластных ей владениях более 70 больших и малых городов. Народу примерно несколько сот тысяч. Ее войска (*бин*) вооружены луками и стрелами, стреляют с лошадей. К северу от нее Канцзюй, к западу – Большое Юэчжи, к юго-западу – Дася, к северо-востоку – Усунь, а к востоку – Юйми и Юйтянь (Керия и Хотан. – *Л.Б.*)» (ШЦ, гл. 123, с. 3160).

Эти сведения доказывают, что Давань по масштабам того времени была довольно крупной земледельческой страной с населением в несколько сот тысяч человек. Указания же о взаиморасположении ее с соседями по странам света являются важным источ-

* Э. Пуллиблэнк, однако, считает, что «во времена Ранней Хань Канцзюй занимал Ташкент и регионы к северу. Верховная же власть в Согдиане между Канцзюй и Оксом была тогда у Даюань (Давань. – *Л.Б.*), обычно, но ошибочно идентифицируемой с Ферганой» (Пуллиблэнк, 1968, с. 252).

ником для примерной локализации их относительно Ферганской долины: Большое Юэчжи – к западу от нее, Дася (Бактрии) – к юго-западу, т.е. явно южнее Большого Юэчжи, а Канцзюй – к северу. Но в описании Канцзюй это «кочевое царство» указано не к северу, а к северо-западу от Давань примерно в 2000 ли (800 км) (ШЦ, гл. 123, с. 3161). Поскольку Канцзюй указывается в том же направлении от Давань и в последующих историях, то это доказывает его точность и наличие ошибки в описании Давань, скорее всего, из-за пропуска одного иероглифа – запад – позднейшими переписчиками «Ши цзи». Подтверждает такую локализацию Канцзюй к северо-западу от Давань (Ферганы) и сообщение в его описании о нахождении к югу от него Большого Юэчжи, указанного к западу от Давань, обычаи в котором были одинаковы с канцзюйскими (ШЦ, гл. 123, с. 3161).

Вот теперь исследуем описание Чжан Цянем самого Большого Юэчжи, которое приводим полностью:

«Большое Юэчжи находится к западу от Давань примерно в 2000–3000 ли и к северу от р. Гуйшуй. К югу от него – Дася, к западу – Аньси, к северу – Канцзюй. Это кочевое царство (*син го*), [народ которого] переселяется, следуя за скотом. По обычаям, одинаково с Сюнну. Натягивающих лук 100–200 тысяч.

В прошлые времена процветания [царство] Юэчжи пренебрежительно относилось к сюннам. Когда же Маодунь вступил на трон, то напал и нанес поражение Юэчжи. А сюннуский Лаошан-шаньюй убил правителя Юэчжи и сделал из его головы чашу для питья. Первоначально юэчжи жили между Дуньхуаном и Цилянь, а когда были разгромлены сюннами, ушли далеко, прошли к западу от Давань и нанесли удар по Дася, но подчинились ей. Затем поселились к северу от р. Гуйшуй, [где и] основали ставку кочевого правителя. Немногие остатки их народа, [которые не смогли уйти с большинством], закрепились в южных горах. Цяны назвали их [владение] Малым Юэчжи» (ШЦ, гл. 123, с. 3161–3162).

Как видим, описание состоит как бы из двух частей: в первой даны общие сведения о современном местонахождении Большого Юэчжи и кочевом образе жизни его народа, а во второй части изложена предыдущая история юэчжей и их царства Юэчжи.

В первой части сообщение о нахождении Большого Юэчжи к западу от Давань подтверждает достоверность такого сообщения в описании Давань. Однако указанное здесь расстояние между ними в 2–3 тыс. ли вызывает сомнения ввиду своей крайней неопределенности. А сопоставление его с другими данными Чжан Цяня доказывает его ошибочность: 1) Канцзюй указан им в 2 тыс. ли к северо-западу от Давань; 2) Дася, судя по ее описанию, ко-

торое рассмотрим ниже, тоже находилась в 2 тыс. ли к юго-западу от Давань; 3) о Большом Юэчжи говорится, что оно расположено к югу от Канцзюй и к северу от Дася. Представим их взаиморасположение графически и получим равнобедренный треугольник с длиною сторон в 2 тыс. ли, если принять за стороны расстояния от Давань до Канцзюй и от Давань до Дася. Основанием же его будет расстояние от Канцзюй на юг через Большое Юэчжи до Дася (напомним, расстояния между царствами измерялись в те времена по расстояниям между столицами), а высотой – расстояние от Давань до Большого Юэчжи. И при любом угле наклонения сторон равнобедренного треугольника его высота не может быть больше длины его сторон. Следовательно, расстояние от Давань до Большого Юэчжи было в любом случае меньше 2 тыс. ли.

Вряд ли при дворах Большого Юэчжи и Давань не знали более или менее точно длину пути между их столицами. Скорее всего, в обоих царствах не хотели сообщать его Чжан Цяню, как и численность своего населения и войска. Объяснить это можно только враждебными отношениями между этими двумя царствами, которые предопределили и то, что Чжан Цянь был препровожден из Давань не прямо на запад в Большое Юэчжи, а на северо-запад в Канцзюй.

Указанные Чжан Цянем равные расстояния в 2 тыс. ли от Давань до Канцзюй, Дася и Усунь определены им, конечно, приблизительно по той причине, полагаем, что он впервые пересчитывал их с местных мер длины в китайские ли.

Итак, сведения Чжан Цяня не оставляют сомнения в том, что Большое Юэчжи было царством кочевников и находилось к западу от Давань (Ферганы).

Но в описании Большого Юэчжи сказано еще, что оно находилось к северу от р. Гуйшуй, к югу от которой, как узнаем далее из описания Дася, лежала Дася (Бактрия). Как своего рода аксиома, общепризнано, что р. Гуйшуй – это Амударья в ее верхнем (без Пянджа) широтном течении по границе Средней Азии и Афганистана и что Большое Юэчжи во II в. до н.э. находилось к северу от нее. Однако, как это ни парадоксально, нет ни одной работы, в которой бы идентификация р. Гуйшуй с верхним течением Амударьи была предметом особого исследования или хотя бы ставился вопрос о необходимости его. С нашей точки зрения, свидетельство Чжан Цяня о местонахождении кочевого царства Большое Юэчжи к западу от Давань, т.е. от Ферганы, и к северу от р. Гуйшуй явно противоречит идентификации этой реки с Аму-

дарьей в ее верхнем (без Пянджа) течении. Ведь общеизвестно, что к западу от Ферганы в широтном направлении течет Сырдарья, которая только у Бекабада круто поворачивает почти на север, Амударья же к западу от Ферганы протекает весьма далеко и к тому же в северо-северо-западном направлении, а не в широтном. Верхнее же широтное течение ее по границе с Афганистаном находится отнюдь не к западу от Ферганы, а весьма далеко к юго-юго-западу. Во-вторых, Бактрия, по сведениям античных авторов, была древней земледельческой страной с большим числом городов и, как доказали многочисленные археологические исследования XX века, лежала по обоим берегам Окса, т.е. Амударьи. И потому существование на ее северном берегу во II в. до н.э. Большого Юэчжи, царства кочевников, даже столица которого, по сведениям очевидца Чжан Цяня, была не городом, а ставкой кочевого правителя, представляется сомнительным.

Как же сложилась «аксиома» о тождестве р. Гуйшуй с верхним течением Амударьи?

Изучение историографии привело, как нам кажется, к истоку ошибки. Оказалось, что первым отождествил их в 1756 г. французский синолог Ж. Дегинь в своей «Общей истории гуннов, тюрков, монголов и прочих западных татар» (Дегинь, 1756). В европейской науке того времени это был первый перевод-пересказ в авторской интерпретации материалов средневековой китайской исторической энциклопедии, в которой, в частности, были обобщенно изложены и сведения древнекитайских историй о народах и царствах к западу от Китая. Среди них оказались и сведения из «Ши цзи» о народе юэчжи, который был разгромлен сюннами, бежал к западу от Давань и поселился к северу от р. Гуйшуй.

Почему же Дегинь решил, что эта река, протекавшая к западу от Давань, однозначно идентифицированной им с Ферганой, и есть Амударья? Объяснить это можно, видимо, прежде всего тем, что представления о географии Средней Азии в Европе того времени были весьма приблизительными. Кроме того, с начала XVIII в. начался широкий приток в Европу греко-бактрийских монет из долины Джейхун (Амударьи) в Северном Афганистане. В 1738 г. российский академик Ф.З. Байер опубликовал в Петербурге на общепринятом тогда в европейской науке латинском языке «Историю Бактрийского царства греков» (Байер, 1738). В ней он собрал сведения античных авторов об этом регионе. Все сходилось: монеты подтверждали сведения античных авторов, связывавших Греко-Бактрию с Оксом (Амударьей). Поэтому Ж. Дегинь, убежденный всем этим и удивительным сходством сообще-

ний античных авторов о завоевании Греко-Бактрии кочевниками-тохарами и сообщений китайской истории о завоевании Дася народом юэчжи, идентифицировал тохаров с юэчжами, реку Гуйшуй – с Оксом и Дася, лежавшую к югу от Гуйшуй – с Бактрией (Дегинь, 1756, т. 1, ч. 2, с. 88–90).

Продолжавшийся в XIX в. приток монет из этого региона, начавшиеся с конца этого века археологические изыскания, а в XX в. – широкие археологические раскопки снова и снова давали свидетельства о местонахождении Греко-Бактрии и сменившего ее Кушанского царства в долине Амударьи. Идентификация Ж. Дегинем реки Гуйшуй с Амударьей стала как бы сама собой разумеющейся аксиомой, не требующей исследования и доказательства. На отмеченное нами выше противоречие ее со сведениями Чжан Цяня и с географией региона никто не обращал внимания. И сообщение Чжан Цяня о местонахождении Большого Юэчжи к северу от р. Гуйшуй было безоговорочно принято, как доказательство завоевания кочевниками-юэчжами правобережной Бактрии уже во II в. до н.э.

Более того, поскольку юэчжи, согласно «аксиоме», уже в этом веке обитали на северном берегу Амударьи, начались поиски прямого пути к ним из Хань через Памир. Обнаруженные археологами древние поселения людей на Памире (см. об этом: Литвинский, 1972) стали восприниматься как доказательство того, что и древнекитайские послы, направляемые в Большое Юэчжи, уже знали и использовали пути через него. И хотя у Чжан Цяня и вообще в «Ши цзи» нет даже намека на то, что в Ранней Хань знали о существовании огромной горной страны Памиро-Алая, крайне труднопроходимой даже сейчас, некоторые ученые стали утверждать, что Чжан Цянь вернулся домой именно через нее. По их мнению, получилось, что он столь легко прошел через Памир, что даже этого не заметил и ни словом не обмолвился об этом участке своего пути до выхода на прикуньлуньскую дорогу.

Поэтому, исследуя сведения о Большом Юэчжи и Дася Чжан Цяня, а также последующего времени, изложенные в «Ши цзи» и «Хань шу», необходимо выяснить, насколько они согласуются с «аксиомой» о тождестве р. Гуйшуй с Амударьей и с нашей точкой зрения, согласно которой р. Гуйшуй была Сырдарьей.

Во второй части описания Большого Юэчжи в «Ши цзи» изложены сведения о недавней истории юэчжей, рассказанные Чжан Цяню при дворе этого царства. Достоверность первых из них подтверждают рассмотренные выше сведения, ранее полученные в Хань от сюннов и зафиксированные в «Повествовании о Сюнну».

Например, то, что царство Юэчжи в прошлом процветало, удостоверяется сообщениями о его процветании в конце III в. до н.э. и об отправлении правителем сюннов Тоуманьшаньюем своего великого наследника Маодуня в свиту ко двору Юэчжи, что в те времена нередко делали слабые царства, стремясь получить покровительство сильных. То, что Маодунь, став шаньюем, нанес Юэчжи поражение, подтверждается сообщением о разгроме им дунху на востоке, а юэчжей на западе, а то, что сюнны разгромили Юэчжи, убили его правителя и из его головы сделали чашу для питья – сообщением об этом сюннов-перебежчиков императору У-ди не позднее 140 г. до н.э.

Поэтому, полагаем, заслуживают доверия и те сведения во второй части описания Большого Юэчжи, о которых в Хань до возвращения Чжан Цяня еще не знали.

Это – сообщения о том, что разгромил Юэчжи и убил его правителя именно Лаошан-шаньюй и что юэчжи первоначально обитали между Дуньхуаном и Цилянь. Первое из них имеет большое значение для датировки этого переломного момента в истории юэчжей, точно отнесенного ко времени правления Лаошан-шаньюя, а второе – для определения местонахождения их родины, поскольку точно указывает на место их первоначального обитания.

Дата вступления Лаошан-шаньюя на трон, 174 г. до н.э., сомнений не вызывает. А вот дату его смерти относят и к 165, и к 160, и к 158 г. до н.э. (Крюков, 1988, с. 239). Проведенное нами специальное исследование позволило установить, что Лаошан-шаньюй скончался в октябре-ноябре 162 г. до н.э. (Боровкова, 1991, ч. I, с. 84–92; Боровкова, 2001, с. 61–66).

Что же касается определения места первоначального обитания юэчжей между Дуньхуаном и Цилянь, то оно явно сформулировано Сыма Цянем, так как при жизни Чжан Цяня Дуньхуана еще не было, Хань создала его на крайнем западе Ганьсуского коридора только в 109 г. до н.э., а о горах Циляньшань в ней узнали в 121 г. до н.э., т.е. спустя пять лет после возвращения Чжан Цяня из Средней Азии. Однако Сыма Цянь, формулируя в конце II в. до н.э. это определение, несомненно, основывался на других сведениях Чжан Цяня, в частности на его сообщении в описании Большого Юэчжи о том, что после разгрома и бегства юэчжей часть их осталась в южных горах и что цяны назвали их владение Малым Юэчжи. Достоверность этого факта подтверждает сообщение о том, что ханьский военачальник Хо Цюйбин во время похода в Ганьсуский коридор в 121 г. до н.э. прошел через Малое

Юэчжи (ШЦ, гл. 2931), а также сведения о Малом Юэчжи в последующих историях (см.: Боровкова, 1998, с. 110–112). Согласуется определение Сыма Цянем первоначального места обитания юэчжей между Цилянь и Дуньхуаном и с рассмотренными выше данными из «Повествования о Сюнну» за конец III – начало II вв. до н.э. о юэчжах как западных соседях сюннов, живших тогда в Ордосе.

Однако в комментарии Янь Шигу к этой фразе, повторенной в биографии Чжан Цяня в «Хань шу» о первоначальном местообитании юэчжей между Дуньхуаном и Цилянь, сказано, что они обитали «к востоку от Циляньшань и к западу от Дуньхуана» (XIII, гл. 61, с. 2692, прим. 1). Поэтому некоторые ученые стали доказывать, что горы Циляньшань и родина юэчжей находились к западу от Дуньхуана, а не в Ганьсуском коридоре (Крюков, 1988, с. 237). Чтобы прояснить этот вопрос, прежде всего обратим внимание на то, что комментатор «Ши цзи» Чжан Шоуцзе, живший в VIII в., т.е. спустя сто лет после Янь Шигу, в своем комментарии к этой фразе написал: «Юэчжи обитали к востоку от Дуньхуана и к западу от Цилянь. Дуньхуан-цзюнь – это нынешний Шачжоу, а горы Циляньшань находятся к юго-западу от Ганьчжоу (Чжанъе. – *Л.Б.*)» (ШЦ, гл. 123, с. 3162, прим. 2). Чжан Шоуцзе, комментируя «Ши цзи», нередко приводил комментарии Янь Шигу к повторам в «Хань шу» текстов из «Ши цзи». И в данном случае он, судя по всему, сделал то же самое по имевшемуся в его распоряжении в VIII в. тексту «Хань шу» с комментариями Янь Шигу. В дошедшем же до нас тексте «Хань шу» переписчики ее в последующие века несомненно допустили ошибку в данном комментарии Янь Шигу.

Проведенное нами специальное исследование по всем данным о горах Циляньшань и владениях Малого Юэчжи, содержащимся в «Ши цзи», «Хань шу» и последующих историях, а также по комментариям к ним, подтвердило местонахождение Циляньшань к юго-западу от Чжанъе, а родины юэчжей – к западу от этих гор и Чжанъе и к востоку от Дуньхуана, т.е. в Ганьсуском коридоре (см.: Боровкова, 1998, с. 102–114).

Далее рассмотрим сообщение из второй части описания Большого Юэчжи о том, что ушедшие со своей родины юэчжи «прошли к западу от Давань (*го Давань си*), нанесли удар по Дася (*цзи Дася*), но (*эр*) подчинились ей *(чэнь чжи)*. Как видим, о военном столкновении юэчжей с Давань в нем нет и намека, поэтому фраза о том, что юэчжи прошли к западу от Давань, позволяет заключить, что Давань отказалась даже пропустить через свои земли

этих многочисленных кочевников. И они были вынуждены идти в обход ее владений с севера дальше на запад в земли Дася. Видимо, отказ Давань пропустить юэчжей и стал причиной их враждебных отношений в последующее время. Выйдя к западу от Давань и напав на Дася, измученные предшествующими войнами и дальними переселениями юэчжи не могли, с нашей точки зрения, победить ее и сами подчинились ей.

Однако Н.Я. Бичурин перевел это сообщение так: «Юечжы ... перешел от Давани на запад, ударил на Дахя и покорил сие владение» (Бичурин, 1950, ч. 2, с. 151). Как видим, он не считал, что юэчжи прошли через Давань. Далее же, следуя принятой им ранее точке зрения танского комментатора Сыма Чжэня, о чем говорилось выше, он перевел иероглиф *чэнь* как «покорил». В результате, согласно его переводу этой фразы, получилось, что юэчжи уже в момент переселения подчинили себе Дася.

Таков же смысл этого сообщения и в переводе Е. Цюрхера: «Они прошли через Давань и к западу [от этой страны] нанесли удар по Дася и подчинили ее» (Цюрхер, 1968, с. 360), – с той разницей, что, по его мнению, юэчжи прошли через земли Давань.

Итак, рассмотренные сведения из описания похода Чжан Цяня по царствам Средней Азии и из описания им Большого Юэчжи позволяют однозначно заключить, что переселявшиеся юэчжи обосновались наконец к западу от царства Давань (Фергана) в землях Дася (Бактрия). Но на основании их невозможно столь же определенно решить, что это за р. Гуйшуй, к северу от которой кочевники-юэчжи создали свое новое царство и кто кого покорил – юэчжи Дася или Дася их. В связи с этим особую значимость приобретают сведения в описании Дася. Вот что сообщил о ней Чжан Цянь:

«Дася находится в 2000 с лишним ли к юго-западу от Давань, к югу от р. Гуйшуй. Обычаи в ней оседлые, есть города и дома. Обычаи такие же, как в Давань. Не имеет верховного главы (*да чжан*), а все города и владения ставят малых глав (*сяо чжан*). Ее войска слабы, боятся войны. [Народ] любит торговать на рынках. Когда большие юэчжи переселились на запад, напали, [но] потерпели поражение от нее, и все подчинились и покорились Дася. В Дася много народу, миллион с лишним. Ее столица называется Ланьши. На имеющихся рынках торгуют всевозможными товарами. К юго-востоку от нее – Шэньду» (ШЦ, гл. 123, с. 3164).

После рассказа о Шэньду Сыма Цянь заметил:

«По рассчетам [Чжан] Цяня, Дася отстоит от Хань на 12 тыс. ли к юго-западу» (ШЦ, гл. 123, с. 3165),

т.е. расстояние между ними он определил точно по сумме расстояний, указанных Чжан Цянем от Хань до Давань (10 тыс. ли) и от Давань до Дася (2 тыс. ли).

Прежде всего в этом описании рассмотрим сведения Чжан Цяня, касающиеся местонахождения Дася.

Первое из них, о том, что Дася находится к югу от р. Гуйшуй, позволяет заключить, что ее владения начинались сразу с южного берега этой реки. Так как к северу от нее располагалось Большое Юэчжи, то очевидно, что Гуйшуй, протекавшая к западу от Давань в широтном направлении, была границей между ним и Дася.

Следующее свидетельство Чжан Цяня о местонахождении Дася к юго-западу от Давань в 2000 с лишним ли (800 км) позволяет точно определить, что же это была за река Гуйшуй.

Поскольку в те времена расстояния между царствами определялись по расстоянию между их столицами, то очевидно, что 2000 ли было между столицами Давань и Дася. Но Чжан Цянь назвал только столицу Дася г. Ланьши и не упомянул название столицы Давань. И лишь из описания Сыма Цянем ханьско-даваньской войны 104–101 гг. до н.э. (о ней см.: Боровкова, 2001, гл. 5) выясняется, что столицей Давань был г. Эрши. Однако в «Ши цзи» нет данных о его местонахождении. А в I в. до н.э. столицей Давань стал другой город, Гуйшань, и ее прежняя столица Эрши уже не интересовала ханьский двор и в «Хань шу» г. Эрши более не упоминается. И только в «Синь Тан шу», в описании царства Восточное Цао-Судуйшана VII в. появилось сообщение, что здесь находился г. Эрши ханьского времени (СТШ, гл. 221/2, с. 62). Как видим, память о даваньской столице II в. до н.э., выстоявшей в 101 г. до н.э. против огромного, пришедшего из невиданной дали ханьского войска, веками сохраняли потомки ее героических защитников. И когда сначала в империю Суй (581–617), а потом и в империю Тан (618–906) стали приходить послы из Цао и соседних с ним царств (ЦФЮГ, гл. 970, с. 11396–11408), они напомнили китайцам об этом знаменитом в их и своей истории городе и указали его бывшее местонахождение.

При дворе Суй и Тан, судя по материалам «Бэй ши» и «Синь Тан шу», хорошо знали о расстояниях до Восточного Цао и царств по пути к нему. От Нинъюань (как в Тан назвали царство Бохань), т.е. бывшей Давань, до восточного Цао, местное название которого Судуйшана, было 400 танских ли (210 км) (СТШ, гл. 221/2, с. 6245). Царство же Бохань отстояло от Шулэ (Кашгара) на 1000 ли (526 км) (БШ, гл. 97, с. 3236). Таким образом, общее расстояние от Шулэ до Восточного Цао, где находился г. Эрши, состав-

ляло в VII в. 1400 танских ли (736 км) или 1840 ханьских ли. С учетом же спрямления пути от Шулэ до г. Эрши к VII в. в среднем на 10% расстояние между ними при Ранней Хань составляло около 2000 ли (800 км).

Общепринято локализовать Эрши в нынешнем Коканде. Действительно, по современной автотрассе от Кашгара до Коканда 681 км (Атлас автодорог, 1984, л. 141, 144, а расстояние от Кашгара до пограничного Иркештама рассчитано по карте), что на 15% меньше расстояния VII в. между Шулэ и Эрши. Так что локализация Эрши в Коканде представляется обоснованной. Теперь, определив, что столицей Давань во II в до н.э. был г. Эрши (Коканд), выясняем, что между ним и столицей Дася г. Ланьши было, по данным Чжан Цяня, 2000 ли (800 км), а от Шулэ до Ланьши – 4000 ли. Если река Гуйшуй и есть Амударья, то город Ланьши, столица Дася, лежавший к югу от этой реки, должен был тоже находиться к югу от нее. И потому Ланьши чаще всего идентифицируют с Балхом или Хульмом.

Но из Коканда нет прямого пути на юго-запад к Амударье. Пройти к ней можно двумя путями. Первый – на запад через Худжанд (бывший Ленинабад) до Хаваста (243 км), из него на юг по Душанбинскому тракту до Душанбе (340 км) и оттуда на юг либо до Пянджа, либо до Айваджа или до Термеза, лежащих на северном берегу Амударьи. По этому пути от Коканда до них по современным автотрассам соответственно 812, 801 и 834 км. Второй путь – от Коканда на запад до Самарканда (414 км) и от него на юг по Узбекскому тракту до Термеза (384 км), равный в целом 798 км (расстояния определены по: Атлас автодорог, 1984, л. 138–141).

Как видим, по современным автотрассам расстояние от Коканда до городов на северном берегу Амударьи равно или даже чуть больше указанного Чжан Цянем расстояния между столицами Давань (г. Эрши) и Дася (г. Ланьши) по древним дорогам II в. до н.э. Но ведь очевидно, что расстояния по спрямленным современным автотрассам значительно меньше расстояний по дорогам ханьского времени. Расхождение между ними, согласно нашим исследованиям (Боровкова, 1989; Боровкова, 1992а, с. 214–221), составило в среднем 20–30% на разных участках дорог. Так что расстояние от Эрши до северного берега р. Гуйшуй (Амударьи) должно было составлять во II в. до н.э. не менее 960 км, а то и 1040.

Таким образом, проведенное исследование позволяет утверждать, что столица Дася г. Ланьши не мог находиться к югу от Амударьи и что р. Гуйшуй не могла быть Амударьей. Поэтому нельзя идентифицировать г. Ланьши ни с древним Балхом, ни с

другими древними городами, лежавшими к югу от Амударьи. Река же Гуйшуй, через которую Чжан Цянь, несомненно, переправлялся по пути из Большого Юэчжи в находившуюся к югу от нее Дася, была Сырдарьей, к северу от которой лежало царство кочевников Большое Юэчжи, а к югу – земледельческая страна с множеством городов – Дася (Северная Бактрия). Где-то в этой стране между Сырдарьей и Амударьей и находилась ее столица г. Ланьши.

Точнее определить местонахождение Ланьши только на основании указанного Чжан Цянем расстояния до нее в 2000 ли (800 км) от столицы Давань невозможно. Поэтому, чтобы завершить рассмотрение данного вопроса, сошлемся кратко на сведения китайских историй за последующие века. Согласно «Хань шу», г. Ланьши стал в I в. до н.э. столицей царства Большое Юэчжи, а по данным «Хоу Хань шу», в I–II вв. н.э. он остался столицей Кушанского царства, превратившись за эти века, несомненно, в очень большой город.

И советские археологи открыли в Северной Бактрии помимо Термезского еще только одно огромное древнее городище у г. Шахринау в 44 км западнее Душанбе, равное по площади (350 га) городищам Термеза и Балха. Его существование датируется по монетным находкам II в. до н.э. – II в. н.э.

Теперь сопоставим расстояние от Коканда до Шахринау, равное 627 км (Атлас автодорог, 1984, л. 138, 141), с указанным Чжан Цянем расстоянием между г. Эрши (Коканд) и г. Ланьши в 800 км. Как видим, расстояние II в. до н.э. больше современного на 173 км, т.е. на 21,6%, что соответствует среднему показателю сокращения расстояний за две тысячи лет по дорогам данного региона. Это все позволяет, полагаем, идентифицировать р. Гуйшуй с Сырдарьей и локализовать г. Ланьши на месте древнего городища у г. Шахринау, а Большое Юэчжи II в. до н.э. – на северном берегу Сырдарьи и Дася к югу от нее.

Далее рассмотрим другие сведения из описания Дася в «Ши цзи».

Определив местонахождение Дася к югу от р. Гуйшуй, Чжан Цянь охарактеризовал ее как земледельческую страну с городами, с развитой торговлей, по обычаям одинаковой с Давань. Никаких признаков присутствия в ней кочевников им не отмечено, а сказанное согласуется с определением Греко-Бактрии античными авторами как страны с тысячей городов. Отмеченное им более чем миллионное население Дася доказывает, что это была очень многонаселенная по тем временам страна.

В политическом отношении Дася в 129—128 гг. до н.э. представляла собой, по сведениям Чжан Цяня, конгломерат мелких владений со своими царьками без верховного правителя. Поэтому полагаем, что г. Ланьши, названный Чжан Цянем столицей Дася, считался таковой по традиции, идущей с прошлых времен, когда страна была единым централизованным царством.

Политическая раздробленность Дася также опровергает, с нашей точки зрения, общепринятое мнение о том, что юэчжи в момент переселения разгромили и покорили Дася. Ведь будь это так, правитель Большого Юэчжи, централизованного царства кочевников, стал бы верховным правителем ее.

Но как раз после описания политической раздробленности Дася Чжан Цянь опять привел сообщение, которое принято трактовать как доказательство завоевания юэчжами в момент переселения всей Дася. Поэтому рассмотрим опять наш перевод этого сообщения, приведя его транскрипцию, и сопоставим с переводами других авторов:

«Когда (*цзи*) большие юэчжи переселились на запад (*си ту*), напали (*гун*), потерпели поражение (*бай*) от нее (*чжи*), и все (*цзи*) подчинились (*чэнь*) и покорились (*сюй*) Дася».

По нашему мнению, здесь ясно сказано, что юэчжи, переселившись на запад, напали на Дася, но потерпели поражение от нее, и все подчинились Дася.

Н.Я. Бичурин, следуя принятой им точке зрения танских комментаторов, считавших, что юэчжи покорили Дася, попытался и данное сообщение толковать в том же смысле: «Когда Большой Юечжы, идучи на запад, разбил их (т.е. мелкие владения Дася. — *Л.Б.*), то они поддались Дому Дахя» (Бичурин, 1950, т. 2, с. 152). Для этого иероглиф *бай*, означающий «потерпеть поражение в сражении» (ЦХ, 1948, с. 604), он перевел словом «разбил», а иероглиф *чжи*, как «их», т.е. мелкие владения Дася. Но после обобщения *цзи*, «все», был вынужден перевести иероглифы *чэнь* и *сюй* одним словом «поддались», хотя ранее в сообщениях об этом событии переводил *чэнь* как «подчинили», «покорили». В результате все сообщение в его переводе оказалось алогичным: юэчжи разбили мелкие владения Дася, которые, однако, почему-то «поддались» не разгромившим их юэчжам, а какому-то «Дому Дахя», хотя перед этим сказано, что в Дася не было верховного правителя, т.е. «Дома», а что стало с юэчжами, неизвестно.

Иначе, но столь же вольно и в том же смысле перевел это сообщение Чжан Цяня и Е. Цюрхер: «Когда Большие Юэчжи переселились на запад, они напали и победили ее, и они полнос-

тью подчинили и покорили Дася» (Цюрхер, 1968, с. 361). Как видим, у него иероглиф *бай*, «потерпеть поражение», превратился в «победили», *цзи*, «все» – в «они полностью». Согласно такого рода переводам, получилось, что юэчжи напали на Дася после того, как она уже распалась на мелкие владения, и такая точка зрения стала общепринятой. Очевидно, что для решения вопроса о точности того или иного перевода сообщений об этом очень важном для понимания истории Средней Азии II–I вв. до н.э. факте лучше всего выяснить, когда Греко-Бактрийское царство распалось на мелкие независимые владения и когда переселявшиеся юэчжи вторглись в царство Дася (Бактрию) – до или после его крушения.

О времени первого и второго переселения юэчжей и создания ими царства Большое Юэчжи

На первый вопрос ответили исследователи истории Греко-Бактрийского царства по античным источникам. Правивший им в начале II в. до н.э. царь Деметрий был убит около 170 г. до н.э., вероятно, собственным военачальником Евкратидом, который и оказался последним правителем этого царства с тысячей городов, известным античным авторам. В 155 г. до н.э. Евкратид был убит сыном. Далее, как выяснили исследователи по нумизматическим данным, в Греко-Бактрии правили более двадцати царей и царьков, но хронологию их правлений и местонахождение их владений определить пока не удалось. Споры продолжаются.

Во всяком случае, очевидно, что сильное централизованное Греко-Бактрийское царство существовало до 155 г. до н.э.

О времени переселения юэчжей было высказано несколько точек зрения. Сиратори К. в статье 1912 г. полагал, что юэчжи, разгромленные Лаошан-шаньюем, сначала переселились в долину Или в 174–160 гг. до н.э., а затем в Дася в 158 г. до н.э. Кувахара в статье 1916 г. первое переселение юэчжей в долину Или отнес к 172–161/160 гг. до н.э., а второе, в Дася – к 139–129 гг. А Фудзита Т. в статье того же года отнес первое переселение юэчжей к 176/175–162/161 гг. до н.э., а второе – к 161/160 г. до н.э. В 1932 г. точку зрения Кувахара поддержал Ясума Я. В Европе их точки зрения стали широко известны после того, как Г. Халун изложил их в своей работе и согласился с мнением Кувахара (Халун, 1937, с. 247–249; Нарайн, 1957, с. 133, прим. 5). С того времени специалисты по истории Бактрии исходят в своих работах из при-

знания периода 141/140—130/128 гг. до н.э. временем завоевания юэчжами Дася (Бактрии).

Согласно этой общепринятой точке зрения, юэчжи переселились в земли Дася и покорили ее значительно позже смерти Евкратида. Суждение Фудзита Т. о переселении их сюда в 161/160 г. до н.э. было забыто. Поскольку позже данный вопрос специально не исследовался синологами, рассмотрим его подробно.

Итак, по совершенно достоверным сведениям в описании Большого Юэчжи, полученным Чжан Цянем при дворе этого царства в 129 г. до н.э., именно Лаошан-шаньюй, правивший со 174 г. и, как мы установили, вплоть до октября-ноября 162 г. до н.э., разгромил юэчжей и изгнал их из Ганьсуского коридора. Значит, это случилось точно ранее 162 г. до н.э. Однако неизвестно, в каком именно году, куда юэчжи бежали, как долго и по какому пути они шли и когда оказались в землях Дася, до или после смерти Евкратида.

Ответить на эти вопросы позволяют материалы «Ши цзи» и «Хань шу» по ранней истории народа усунь. Но прежде остановимся на событиях, которые поясняют, когда и как данные материалы появились в Хань, — это дает возможность судить об их достоверности.

Чжан Цянь после возвращения домой в 126 г. до н.э. рассказал императору У-ди о царствах Средней Азии и в заключение посоветовал ему установить связи с Дася. Он сказал, что будучи в Дася, видел там изделия из Шу (Сычуани), которые, по словам жителей, местные торговцы привозили из Шэньду (Индии). А Шэньду лежит к юго-востоку от Дася

«в нескольких тысячах ли и имеет изделия из Шу. [Если] сейчас отправить послов в Дася через Цян, то цяны погубят их, а [если] немного севернее, то [их] схватят сюнны. А из Шу удобно идти прямо [в Дася], да и нет [там] разбоя» (ШЦ, гл. 123, с. 3166).

Во-первых, обратим внимание на то, что Чжан Цянь советует У-ди установить связи непосредственно с Дася, а не с Большим Юэчжи, — а это было бы по тем временам недопустимо, если бы Дася была подвластна Большому Юэчжи. Во-вторых, из этих слов Чжан Цяня видно, что ни он, ни при дворе Хань не имели в то время представления ни о Шэньду, ни о пути в нее из Шу. Отсюда — наивное убеждение Чжан Цяня о близости Шэньду к Шу и о безопасности пути через нее в Дася.

Однако Чжан Цянь не только указал У-ди путь для установления связи с Дася, минуя владения сюннов, но и, подогревая имперские амбиции его, тут же нарисовал картину возможного под-

чинения царств Средней Азии и вселенского господства Сына Неба.

«Давань, а также Дася и Аньси – это большие страны с множеством удивительных вещей, оседлые, очень сходные по занятиям [населения] со Срединной империей, но войска [у них] слабые. Ценят ханьские дорогие изделия. В лежащих к северу от них Большом Юэчжи и Канцзюй войска [напротив] сильные, [их] можно использовать с выгодой для двора, посылая дорогие вещи. Если действительно добьемся [этого], а по сути подчиним их, то [слава о] величии и добродетели [Сына Неба] распространится меж четырех морей и на пространстве в 10 тыс. ли через перевод с девяти языков дойдет до [народов] с разными обычаями. Сын Неба в восторге одобрил сказанное Цянем и приказал ему отправить посольства [в Дася] между Шу и Цзяньвэй по четырем дорогам одновременно».

Но послы вскоре были на этих дорогах убиты. Столь же безуспешными оказались и последующие попытки отправить послов по тем же дорогам. В результате

«... затратив много [средств] и не открыв дорогу [в Дася], [У-ди] отказался от этого [плана]» (ШЦ, гл. 123, с. 3166).

Отправление послов и их гибель – все это произошло ранее 123 г. до н.э., когда Чжан Цянь был послан сопровождать главнокомандующего ханьских войск в поход против сюннов. За заслуги в этом походе, а также за то, что ходил, обратим внимание, в Дася, а не в Юэчжи, он был пожалован титулом Бован-хоу (ШЦ, гл. 111, с. 2929; гл. 123, с. 3167). Но во время следующего похода против сюннов в 121 г. до н.э. он опоздал к месту сражения, за что был осужден на смерть, но откупился и стал простолюдином (ШЦ, гл. 110, с. 2908–2909; гл. 123, с. 3167).

Войну против Сюнну У-ди начал еще в 133 г. до н.э. и продолжал до 119 г. В 127 г. ханьские войска нанесли сюннам тяжелое поражение и изгнали с их исконных земель в Ордосе, ставших отныне владением Хань (ШЦ, гл. 110, с. 2906; гл. 111, с. 2923). А в 121 г. до н.э. они нанесли сюннам тяжелое поражение в Ганьсуском коридоре. Из этого факта выясняется, что сюнны до того времени жили на месте изгнанных ими юэчжей. Здешний правитель сюннов Хунье-ван, боясь, что шаньюй казнит его за поражение, сдался Хань и со всем народом ушел в ее пределы. А Хань тут же начала освоение земель Ганьсуского коридора (ШЦ, гл. 110, с. 2908–2909).

Подробное исследование этой пятнадцатилетней войны Хань с Сюнну и выяснение ее итогов (Боровкова, 2001, гл. 2) показало, что в результате ее Хань наконец-то освободилась от унизительной даннической зависимости от державы Сюнну, а Сюнну не

только лишилась очень существенной для нее дани с Хань и прибыльной торговли с нею на приграничных рынках, но и своих исконных земель в Ордосе и богатейших земель в Ганьсуском коридоре. Сюннам пришлось переселиться к северу и западу от своих бывших владений. Согласно сообщению Сыма Цяня за 105 г. до н.э. (ШЦ, гл. 110, с. 2914), восточная часть сюннов обитала теперь к северу от Юньчжуна (Хух-Хото), т.е. значительно западнее, чем до войны, а западная часть их, владевшая ранее землями в Ордосе и Ганьсуском коридоре, теперь обитала к северу от Цзюцюаня и Дуньхуана, т.е. к северу от Ганьсуского коридора, где начинался северный, притяньшаньский, путь через Восточный Туркестан.

А Хань, завладев Ганьсуским коридором, получила под свой контроль выход на, как показало наше исследование (Боровкова, 1989, гл. 2), самый прямой и короткий в то время южный, прикуньлуньский, путь в царства Средней Азии. Сюнны, утратив выход на него, уже не могли так тщательно, как ранее, контролировать его, чем немедленно решил воспользоваться У-ди. После окончания войны в 119 г. до н.э. он сразу же вернулся к своей давней идее найти союзников для борьбы с Сюнну и к представленному ему Чжан Цянем головокружительному плану подчинения влиянию Хань царств Средней Азии. Он вновь призвал ко двору низведенного в простолюдины Чжан Цяня и «неоднократно расспрашивал его о Дася и ближних [к ней царствах]» (ШЦ, гл. 123, с. 3168).

Вероятно, во время этих бесед Чжан Цянь вспомнил и по-новому оценил те общие сведения, которые он получил при дворе Давань о ее северо-восточном соседе Усунь и которые сообщил У-ди еще в 126 г. до н.э.:

«Усунь находится к северо-востоку от Давань примерно в 2000 ли. Это кочевое царство (*син го*), [народ которого переселяется] следуя за скотом. По обычаям одинаково с Сюнну. Натягивающих лук несколько десятков тысяч. Смелы в сражениях. В прошлом подчинялось Сюнну. Когда же усилилось и заполучило зависимых (*цзин шу*), [правитель его] не захотел ездить ко двору [шаньюя]» (ШЦ, гл. 123, с. 3161).

Эти общие сведения позволяли заключить, что царство Усунь было западным соседом Сюнну и что отделение его от Сюнну привело к обострению их отношений. Заметим, что это единственный известный за весь II в. до н.э. случай отпадения от могущественной тогда державы Сюнну ее зависимого владения.

Видимо, поэтому Чжан Цянь в беседе с У-ди в 119 г. до н.э. передал ему те сведения о ранней истории усуней, которые полу-

чил ранее от простолюдинов, находясь в сюннуском плену, и предложил план использования Усунь против Сюнну. У-ди одобрил план и, дав Чжан Цяню снова высокую должность, отправил немедленно послом в Усунь во главе 300 человек и с богатыми дарами (ШЦ, гл. 123, с. 3168).

Позже вернемся к описанию этого похода Чжан Цяня в Усунь в 119 г. до н.э., поскольку в нем говорится и о Большом Юэчжи. А сейчас обратимся к его рассказу о ранней истории усуней, приведенному в «Повествовании о Давань» в «Ши цзи». Он является, с нашей точки зрения, ключом к пониманию сведений о ранней истории юэчжей в варианте этого рассказа Чжан Цяня, приведенном в его биографии в «Хань шу», который и рассмотрим ниже.

Чжан Цянь сообщил:

«Ваш слуга (*чэнь*)*, находясь [в плену] в Сюнну, слышал, что в Усунь правитель называется *куньмо*. Отец [нынешнего] *куньмо* [имел] маленькое царство у западной границы Сюнну. [Потом] сюнны напали и убили его отца, а новорожденный [сын] *куньмо* был брошен в поле. Ворон с мясом в клюве стал летать над ним, а волчица приходила кормить его [своим] молоком. Шаньюй удивился, счел [младенца] святым и взял на воспитание. А когда [он] возмужал, послал его командовать войсками, и *куньмо* добился успеха. [Тогда] шаньюй вернул ему народ его отца и приказал возглавить защиту западных городов (*си чэн***). Куньмо стал опекать свой народ, нападать на соседние мелкие владения, обучать несколько десятков тысяч натягивающих лук наступательному бою. Когда шаньюй умер, куньмо повел свой народ в дальнее переселение, вступил на трон и не захотел [ездить] на собрания ко двору Сюнну. Сюнну послала отборные войска атаковать [его], но [они] не добились победы и, считая [куньмо] святым, удалились. Вследствие этого [Сюнну] установила связи с ним и больше не нападала [на Усунь]» (ШЦ, гл. 123, с. 3168).

Как видим, информаторы Чжан Цяня имели лишь самое общее, но верное представление о местонахождении маленького царства Усунь – к западу от владений сюннов. И потому Бань Гу был неправ, приписав Чжан Цяню в описании Усунь в «Хань шу» более точное знание в то время местонахождения родины усуней – между Цилянь и Дуньхуаном: «Впервые Чжан Цянь со-

---

* Здесь *чэнь* (Ваш слуга) – тот же иероглиф, которым обозначены отношения подданства между Дася и Большим Юэчжи.

** В издании «Ши цзи» 1975 г. иероглиф *чэн* (город) предложено заменить на *юй* (край). Но у Сыма Цяня название *си-юй* (западный край) вообще не встречается. Оно появляется только в «Хань шу» примерно с середины I в. до н.э. Поэтому такая замена вряд ли обоснованна. Но несомненно, что под «западными городами» подразумевались те 26 владений, завоеванных сюннами в 177 г. до н.э. одновременно с Юэчжи, Усунь и Лоулань, которые, без сомнения, находились в Западном крае (Восточном Туркестане).

общил, что изначально усуни сообща с юэчжами обитали между [Ци-лянь] и Дуньхуаном» (ХШ, гл. 96/2, с. 3902). А ведь Дуньхуан был построен после смерти Чжан Цяня! В рассказе Чжан Цяня, заметим, подтверждается и сообщение в описании Усунь в «Ши цзи» об отделении этого царства от Сюнну.

В свете сообщения Маодуня о завоевании сюннами в 177 г. до н.э. царств Юэчжи и Усунь вроде бы не вызывает сомнений и приведенный в рассказе Чжан Цяня факт разгрома маленького царства Усунь сюннами. Но он представляется недостоверным в свете приведенных в рассказе сведений о жизни куньмо в Сюнну. Согласно им, в год смерти шаньюя куньмо было около двадцати лет, поскольку он стал уже опытным военачальником. А так как во время пребывания Чжан Цяня в плену в Сюнну там правил Цзюньчэнь-шаньюй (162–126), то очевидно, что тогда речь могла идти о смерти либо Маодуня в 174 г. до н.э., либо Лаошана в 162 г. до н.э. Если предположить, что куньмо родился в 177 г. до н.э., т.е. в год разгрома сюннами царств Юэчжи и Усунь, то окажется, что в год смерти Маодуня ему было лишь около четырех лет, а в год смерти Лаошана – пятнадцать. Из этого следует, что куньмо родился ранее 177 г. до н.э. А это, как и то, что шаньюй вырастил сына убитого им правителя Усунь, т.е. своего кровного врага, позволяет усомниться в том, что именно сюнны разгромили Усунь и убили отца куньмо.

Но существует другая версия этого рассказа Чжан Цяня, изложенная Бань Гу в его биографии в «Хань шу». По содержанию она значительно отличается от версии в «Ши цзи», богаче последней деталями и непротиворечива по смыслу. Но она составлена Бань Гу на два века позже текста Сыма Цяня, что и дает право усомниться в ее достоверности. Поэтому, чтобы выяснить, какая из двух версий рассказа Чжан Цяня заслуживает большего доверия, обратим внимание на следующие факты.

По словам Чжан Цяня, эту историю усуней он услышал, находясь в плену в Сюнну. Но он жил там отнюдь не при дворе шаньюя, а среди простолюдинов, что явствует из того, что бежал он из плена вместе с юэчжами-односельчанами, а они вряд ли знали и помнили в деталях историю другого народа.

Откуда же появились у Бань Гу в I в. н.э. новые подробные данные о ранней истории усуней, показавшиеся ему столь важными и достоверными, что он решился на чрезвычайный поступок – кардинально изменил текст Сыма Цяня, хотя обычно излагал его либо точно, либо с минимальными изменениями? Появление их объясняют, с нашей точки зрения, сведения в «Ши цзи»

и «Хань шу» по истории ханьско-усуньских отношений последующего времени, подробно исследованные нами ранее (Боровкова, 2001, гл. 10, 11). Здесь упомянем кратко лишь те из них, которые наиболее убедительны для ответа на поставленный вопрос.

После того как Чжан Цянь, отправленный в конце 119 г. до н.э. послом в Усунь, побывал там и к концу 115 г. вернулся вместе с ответным усуньским посольством, узнавшим об огромности и богатстве империи, ханьско-усуньские посольские связи стали регулярными. В 107 г. до н.э. был заключен династический брак: ханьская принцесса (в качестве которой, как в свое время и в Сюнну, была послана не дочь императора, а просто девушка из императорского рода) стала младшей женой куньмо, того самого, который основал новое царство Усунь и отделился от Сюнну. С тех пор и до 51 г. до н.э. младшей женой усуньского куньмо становилась непременно ханьская принцесса, имевшая при себе большую свиту из ханьцев и поддерживавшая устойчивую связь с ханьским двором. Ханьские послы и сановники довольно часто и нередко подолгу бывали при дворе Усунь, а усуньские – при дворе Хань. Так что здесь имели много сведений об Усунь, что сказалось и в том, что ее описание в «Хань шу» оказалось самым длинным и подробным среди описаний всех других царств в «Повествовании о западном крае».

Неудивительно, что столь тесные длительные связи позволили двору Хань получить подробные сведения и о ранней истории усуней из первых рук, возможно, даже от самого куньми, основателя царства, или его сыновей и внуков. И естественно, что они знали свою предшествующую историю точнее и полнее, чем простолюдины, бывшие информаторами Чжан Цяня.

Это объясняет, почему Бань Гу, имея столь достоверные сведения, внес большие дополнения и уточнения в рассказ Чжан Цяня, изложенный Сыма Цянем, который получился таким:

«Ваш слуга, находясь [в плену] в Сюнну, слышал, что в Усунь правитель называется куньмо. Маленькое царство Наньдоуми, отца [нынешнего] куньмо, вместе с Большим Юэчжи изначально находилось между Цилянь и Дуньхуаном. [Однажды] Большое Юэчжи напало и убило Наньдоуми, захватило его земли, а народ [его] бежал в Сюнну. Буцзю-*сихоу*, воспитатель новорожденного сына куньмо, схватил [его] и бежал. [Потом] положил в траву [и ушел], чтобы найти еду. Возвратясь же, увидел, что волчица кормит его [своим] молоком, а ворон, держа в клюве мясо, летает рядом. Посчитав [младенца] святым, [Буцзю-*сихоу*] ушел с ним в Сюнну. Шаньюй полюбил и воспитал его, а когда [он] возмужал, отдал куньмо народ его отца и послал командовать войсками. Куньмо не раз добивался успеха. В то время когда юэчжи, разгром-

ленные сюннами, напали на западе на правителя [царства] Сэ, и он, двинувшись на юг, переселился [с народом] в дальние [страны], а юэчжи поселились на его землях, куньмо уже был в силе. [Он] попросил у шаньюя разрешения отомстить за отца, напал на западе на больших юэчжей и разгромил их. Большие юэчжи снова двинулись на запад и переселились в земли Дася. Куньмо же, захватив [часть] их людей, остался жить [на оставленных ими землях Сэ]. Войско [его] понемногу усиливалось. Когда шаньюй умер, куньмо не захотел более иметь дело с двором Сюнну. И Сюнну послала войска против него, но [они] не добились успеха и, все еще считая [куньмо] святым, удалились от него» (ХШ, гл. 61, с. 2691–2692).

Главное отличие версии рассказа Чжан Цяня о ранней истории усуней, изложенной Бань Гу, от приведенной в «Ши цзи» состоит в том, что в ней она тесно связана не столько с сюннами, сколько с юэчжами, о которых благодаря этому приведены уникальные и достоверные сведения.

Сообщение в ней о том, что усуни издревле жили вместе с юэчжами между Цилянь и Дуньхуаном, отсутствующее, естественно, в версии «Ши цзи», поскольку при жизни Чжан Цяня Дуньхуан еще не существовал, несомненно, достоверно. В таком случае логично, что именно юэчжи разгромили их маленькое царство, убили правителя Наньдоуми, народ бежал в Сюнну и что шаньюй воспитал сына Наньдоуми, убитого юэчжами, а не сюннами, как сказано в версии «Ши цзи». Иначе именно сюнны были бы кровными врагами для сына Наньдоуми, а таковыми, по версии Бань Гу, были юэчжи.

Чтобы хронологизировать хотя бы примерно это и последующие описанные в версии Бань Гу важнейшие события в истории юэчжей: разгром их сюннами, переселение их и разгром царства Сэ, разгром их усуньским куньмо в землях народа *сэ* (саков) и новое переселение их в земли Дася – есть всего два временных ориентира. Первый – указание на то, что сюнны разгромили юэчжей в Ганьсуском коридоре в правление Лаошан-шаньюя, второй – сообщение о том, что усуньский куньмо разгромил юэчжей в долине Или незадолго до смерти шаньюя, который, как выяснено выше, скончался осенью 162 г. до н.э.

Поэтому, чтобы определить примерную дату каждого из перечисленных событий в истории юэчжей, проанализируем самым тщательным образом все сведения в обеих версиях рассказа Чжан Цяня.

Итак, по достоверным сведениям в версии Бань Гу, к тому времени, когда сюнны разгромили и изгнали юэчжей с их родины в Ганьсуском коридоре, воспитанный шаньюем усуньский

куньмо «возмужал», несколько лет успешно командовал сюннускими войскам, в награду за что шаньюй отдал ему под опеку народ его отца, и он уже «был в силе», из чего ясно, что ему было около двадцати лет. Разгромленные юэчжи двинулись на запад в царство народа *сэ* (саков), которое, как выяснили исследователи, находилось в долине Или, и разгромили его. Но почему именно сюда? Надо полагать, они были осведомлены о благоприятных там для кочевников географических условиях, о слабости царства Сэ и о пути туда. Поскольку в версии Бань Гу нет и намека на то, что сюнны пытались добить гонимых ими юэчжей по пути туда, а он неизбежно проходил через подвластные сюннам западные владения, можно даже предположить, что сами сюнны, заинтересованные побыстрее и с меньшими потерями завладеть богатыми юэчжийскими землями в Ганьсуском коридоре, предоставили юэчжам все эти сведения.

Но и кратчайший путь из Ганьсуского коридора в долину Или был далеким. В конце XIX в. по императорскому тракту от Аньси (немного северо-восточнее Дуньхуана) через Урумчи до Кульджи в долине Или было 1645 верст (Матусовский, 1888, с. 312), т.е. 1750 км. Очевидно, что во II в. до н.э. этот караванный путь не был столь прямым и торным, как в конце XIX в. Как показало наше исследование исторической географии данного региона по материалам «Хань шу» (Боровкова, 1989, гл. 2), в ханьское время расстояния по дорогам были здесь в среднем на 20% больше, чем по дорогам конца XIX в. Следовательно, путь от Дуньхуана до долины Или в районе Кульджи составлял тогда около 2100 км.

По свидетельству ханьского военачальника, совершившего в 36 г. до н.э. поход через Западный край (Восточный Туркестан) в царство Канцзюй, тяжелое войско проходило по этому пути 30 ли (12 км) в день, а легкое – 50 ли (20 км) (XIII, гл. 70, с. 3023). При такой средней скорости тяжелое войско одолело бы путь в 2100 км примерно за шесть месяцев. Но юэчжи были многочисленным, по меркам того региона и времени, народом. Позже они говорили, что в эру их процветания у них только воинов (натягивающих лук) было более 100 тыс. (XIII, гл. 96/1, с. 3890). Население же в целом было, следовательно, примерно раза в четыре больше. Но часть народа погибла при нападении сюннов, часть осталась, уйдя в земли *цянов*.

Предположим, что переселялось 250–300 тыс. человек. С женщинами и детьми, домашним скарбом и скотом юэчжи шли, скорее всего, медленнее тяжелого войска. Но и задерживаться в пути они не могли, возможно, подгоняемые сюннами, но в ос-

новном из-за нехватки продовольствия. По данным «Хань шу», в I в. до н.э. во всех царствах притяньшаньского региона и прилегающей к нему южной части Джунгарии насчитывалось около 298 тыс. человек (Боровкова, 2001, Приложение 4), а по пути юэчжей, значит, намного меньше. Таковы были в то время возможности экологической ниши здесь, что и не позволяло юэчжам задерживаться на этом пути.

Поэтому есть основание полагать, что юэчжи прошли путь из Ганьсуского коридора в долину Или примерно за год. Потом была война с народом *сэ* (саками), выдворение его с занимаемых земель, расселение самих юэчжей на новых землях. Так что обосновались они в долине Или, по-видимому, года полтора спустя после ухода со своей родины в Ганьсуском коридоре.

Но Лаошан-шаньюй вскоре, видимо, понял, что многочисленные юэчжи, ставшие врагами сюннов, окрепнув в новых богатых землях, могут стать опасным противником у северо-западных пределов державы Сюнну. И когда куньмо попросил у шаньюя разрешения – возможно, не без его же подсказки – пойти войной на юэчжей, чтобы отомстить за смерть отца, он охотно согласился и дал, судя по результату, большое сюннуское войско, которое и сокрушило юэчжей.

После того как юэчжи обосновались в долине Или, прошло какое-то время, прежде чем куньмо и шаньюй приняли решение о войне с ними. Затем была подготовка к войне, поход войск в долину Или, сражение, вероятно, затяжное, ибо кровные враги бились насмерть, и изгнание юэчжей с их новых земель. Поэтому есть основание предположить, что со времени расселения юэчжей в долине Или до изгнания их оттуда усуньским куньмо прошло около двух лет.

Куньмо, по версии Бань Гу, изгнав юэчжей, часть их захватил. Достоверность данного факта подтверждает сообщение в описании Усунь в «Хань шу», где сказано, что в этом царстве есть и народ сэ, и народ больших юэчжей (ХШ, гл. 96/2, с. 3901). Таким образом, завоеванные куньмо земли в долине Или стали частью владений Сюнну. Войско его стало усиливаться, возможно, за счет захваченных юэчжей. После этого в обеих версиях сказано: «Когда шаньюй умер»... Очевидно, что смерть его случилась не сразу после разгрома юэчжей, и куньмо успел утвердиться в новых землях. Поэтому можно предположить, что с момента изгнания юэчжей до смерти Лаошан-шаньюя в октябре-ноябре 162 г. до н.э. прошло около полутора лет.

А теперь расположим рассмотренные события в обратном хронологическом порядке согласно примерно определенным интервалам между ними, взяв за точку отсчета дату смерти Лаошан-шаньюя в октябре-ноябре 162 г. до н.э.

Примерно за полтора года до нее, т.е. в начале 163 г. до н.э., куньмо разгромил и изгнал юэчжей из долины Или.

Года за два до этого, т.е. в начале 165 г. до н.э., юэчжи после разгрома и изгнания сэ обосновались в их землях в долине Или.

На переселение юэчжей из Ганьсуского коридора в долину Или, войну с сэ и изгнание их ушло года полтора. В итоге получается, что Лаошан-шаньюй разгромил и изгнал юэчжей с их родины в Ганьсуском коридоре примерно в середине 167 г. до н.э.

Таким образом, дата этого переломного события в истории юэчжей, вычисленная по сведениям обеих версий рассказа Чжан Цяня о ранней истории усуней и юэчжей, совпадает с той, что была предположительно определена нами выше по данным «Ши цзи» о нападении огромного войска Лаошан-шаньюя на Хань зимой 167–166 гг. до н.э. Напомним, что тогда 140-тысячная конница Сюнну единственный раз за всю историю противостояния этой державы с Хань неожиданно вторглась в северо-западные земли империи и прорвалась к ее столице г. Чанъань, но была оттеснена. Пути вторжения сюннов и их цель позволили предположить, что оно было предпринято Лаошан-шаньюем из Ганьсуского коридора сразу после того как он летом-осенью 167 г. до н.э. разгромил и изгнал оттуда юэчжей и получил возможность неожиданно прорваться в столичный округ Хань из этого ближнего к нему края.

В заключение перечислим датированные в результате этого исследования основные события в истории юэчжей в их хронологической последовательности:

летом-осенью 167 г. до н.э. они были вынуждены покинуть свою родину в Ганьсуском коридоре и начать переселение в долину Или;

в начале 165 г. они уже обосновались в долине Или;

в начале 163 г. – были разгромлены войском Сюнну во главе с усуньским куньмо и начали новое переселение на запад.

Но прежде чем рассматривать их дальнейший путь, определим время, когда юэчжи разгромили маленькое царство Усунь в Ганьсуском коридоре и когда куньмо воссоздал новое царство Усунь в долине Или.

Поскольку очевидно, что ко времени смерти Лаошан-шаньюя осенью 162 г. до н.э. куньмо было около двадцати лет, то родился

он, скорее всего, примерно в 182 г. до н.э., и тогда же юэчжи разгромили царство Усунь в Ганьсуском коридоре и убили его отца Наньдоуми, а народ бежал в Сюнну.

Новое царство Усунь куньмо создал в долине Или, как явствует из обеих версий рассказа Чжан Цяня, после смерти Лаошан-шаньюя в 162 г. до н.э. Но в версии «Ши цзи» сказано, что после смерти шаньюя куньмо «повел свой народ в дальнее переселение, вступил на трон» и отделился от Сюнну. Вряд ли можно усомниться в том, что переселение «своего народа», т.е. усуней из сюннуских земель, куда они бежали после разгрома их царства юэчжами примерно в 182 г. до н.э., и подготовку к созданию независимого от Сюнну царства куньмо старался провести как можно незаметнее для нового шаньюя. А это требовало значительного времени. Поэтому логично предположить, что он провозгласил себя правителем независимого от Сюнну нового царства Усунь около 160 г. до н.э. Сюнну тут же попыталась, начав войну с ним, подчинить его снова, но безуспешно, и была вынуждена признать его независимость.

Что же касается юэчжей, которые были разгромлены и частью захвачены куньмо в начале 163 г. до н.э., то они «снова двинулись на запад и переселились в земли Дася». Значит, в начале этого года, т.е. примерно за полтора года до смерти Лаошан-шаньюя осенью 162 г. до н.э., юэчжи из долины Или двинулись на запад. По сведениям Чжан Цяня, полученным при дворе Большого Юэчжи, они «прошли к западу от Давань» (Ферганы) и, напав на Дася (Бактрию), поселились в ее землях к северу от р. Гуйшуй.

Но чтобы попасть сюда, юэчжи, выйдя из долины Или на запад, должны были сначала дойти до района нынешнего Бишкека (бывшего Фрунзе), откуда только и можно было ближним караванным путем на юг, т.е. по нынешнему тракту Бишкек – Ош, выйти к северным пределам Давань и оттуда к западу от нее. Но район Бишкека в то время входил, скорее всего, в пределы царства Канцзюй, столица которого Битянь (Джамбул; о его локализации см.: Боровкова, 1989, с. 63–66) находилась в 1510 ли (600 км) к северо-западу от столицы Давань г. Эрши (Коканд). По-видимому, Канцзюй не захотел принять многочисленных юэчжей в свои владения, однако согласился пропустить их через район Бишкека на пути к югу, выводивший с севера к пределам Давань. Скорее всего, этот доброжелательный шаг Канцзюй если и не определил, то в значительной мере не мог не способствовать установлению последующих дружественных отношений между ним и созданным к югу от него царством Большое Юэчжи.

Не имея возможности ни поселиться в восточных землях Канцзюй, ни задерживаться на сложнейшем, почти непроходимым зимой караванном пути из района Бишкека на юг, многочисленные юэчжи, несомненно, спешили до начала зимы 163 г. до н.э. выйти по нему в теплую Ферганскую долину. Возможно ли это было? Ныне по автодорогам от Кульджи до Бишкека и от него на юг по автотрассе на Ош до отходящей от нее на запад дороги на Наманган 1270 км (Атлас автодорог, 1984, л. 132–133, 144–145). Расстояние по древним дорогам было в среднем на 20–30% больше. Значит, путь юэчжей составил около 1640 км, но мог быть и короче. При скорости движения тяжелого войска 12 км за день оно прошло бы это расстояние не более чем за 137 дней. Но юэчжи переселялись всем народом, и потому, двигаясь, допустим, в два раза медленнее, прошли его за девять месяцев. Если они вышли из долины Или в феврале, то в октябре-ноябре могли оказаться в теплом краю до наступления холодов.

Но Давань, страна земледельцев, не пустила многочисленных юэчжей-кочевников в свои пределы. Так как нет и намека на военное столкновение между ними, то очевидно, что изнуренные юэчжи вынуждены были обходить Давань с севера и продвигаться далее на запад к ее рубежам с Дася. Это, полагаем, и стало причиной враждебных отношений между Большим Юэчжи и Давань в последующее время.

По современным дорогам от поворота с трассы Бишкек – Ош на Наманган через Чуст и Пап до Худжанда (бывший Ленинабад) 280 км (Атлас автодорог, 1984, л. 138–139). Древнее расстояние составляло, следовательно, не более 360 км. При той же скорости движения юэчжи могли выйти к западу от Давань и к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи) в район нынешнего Худжанда на рубеже 163–162 гг. до н.э.

Очевидно, что в то время Дася, в северные земли которой вторглись переселявшиеся юэчжи-кочевники, была Греко-Бактрийским царством, которым правил Евкратид (ок. 170–155 гг. до н.э.). Следовательно, юэчжи, изнуренные за последние пять лет поражением от сюннов, переселением в далекую долину Или, войной с саками, новым поражением теперь уже от усуньского куньмо и новым дальним переселением к западу от Давань, столкнулись с могущественным Греко-Бактрийским царством. Вряд ли можно усомниться в том, что они потерпели поражение от Евкратида, а не он от них, что они, обессиленные, покорились ему, а не он им. Евкратид, ведший войны с парфянским царем Митридатом I (170–138), позволил кочевникам-юэчжам поселиться на

горно-степных окраинных землях своего царства к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи), рассчитывая, по-видимому, использовать их как заслон от набегов враждебных северных кочевников и, не исключено, в войне с Парфией.

Город Ланьши, названный Чжан Цянем столицей Дася, мог быть столицей Евкратида, возможно, той самой Евкратидией, которую упоминали античные авторы. Узурпировав трон Греко-Бактрийского царства, Евкратид, скорее всего, основал свою столицу подальше от прежней, Балха, где были сосредоточены его противники.

После убийства Евкратида в 155 г. до н.э. и развала царства на мелкие независимые владения, его сын, вероятно, сохранил власть над столицей и ее округой и по наследству считался сюзереном юэчжей. Но в 129 г. до н.э., судя по тому, что Чжан Цянь, получив отказ правителя Большого Юэчжи заключить союз с Хань против Сюнну, пошел в Дася, но не смог добиться, чтобы тамошний правитель заставил юэчжей это сделать. Очевидно, что зависимость Большого Юэчжи от Дася была номинальной. Фактическая независимость его от Дася и позволила Хань в 112 г. до н.э. установить и затем развивать активные посольские связи и с Дася, и с Большим Юэчжи.

Установление и развитие посольских связей Хань с Дася и Большим Юэчжи (119–104 гг. до н.э.)

В 119 г. до н.э., как уже говорилось, после завершения успешной пятнадцатилетней войны против Сюнну У-ди вновь решил поискать союзников для борьбы с этой державой. Он опять призвал ко двору Чжан Цяня, низведенного в 121 г. до н.э. в простолюдины, и неоднократно расспрашивал его о Дася и соседних царствах. Именно во время этих бесед Чжан Цянь рассказал императору раннюю историю усуней, услышанную им в сюннуском плену, и, предположив на основании ее, что отношения между Сюнну и отделившимся от нее царством Усунь обострены, предложил У-ди план разгрома Сюнну и установления влияния Хань в царствах Средней Азии с помощью усуней:

«Ныне шаньюй снова поставлен [нами] в затруднительное положение, а бывшие земли Хунье опустели и обезлюдели. Иноземцы по обыкновению падки до ханьских богатств. И теперь удобный момент, щедро одарив усуней, пригласить их переселиться на восток в бывшие земли Хунье и вступить в братские отношения с

Хань. Следует позволить им поступать по своему усмотрению. Если [они] послушаются, то отсечем правую руку сюннов (т.е. отберем у сюннов их западные владения в Восточном Туркестане. – *Л.Б.*). И уже вместе с Усунь сможем привлечь Дася и все другие [царства] к западу от нее, сделать их внешними подданными (*вай чэнь*). «Сын Неба согласился, пожаловал Цяню [должность] *чжун-лан-цзяня* во главе 300 человек [отправил послом в Усунь], [дав им] по два коня на каждого и 10 тыс. волов и овец, а также несметное количество золота и шелка для даров [иноземным правителям]. Многие помощники посла получили верительные бирки, чтобы [Чжан Цянь] по дороге отправил их послами в прилежащие к ней царства» (ШЦ, гл. 123, с. 3168).

Как видим, Чжан Цянь советовал У-ди воспользоваться поражением Сюнну в пятнадцатилетней войне с Хань и предложить усуням переселиться на опустевшие в 121–120 гг. до н.э. земли сюннуского Хунье-вана. Таким образом, считал он, можно лишить сюннов подвластных им царств Восточного Туркестана и получить через последние безопасную дорогу в Дася и другие царства Средней Азии, которые затем подчинить Хань. Обратим внимание, что Чжан Цянь, лично побывавший при дворах Большого Юэчжи и Дася и знавший о характере их отношений, говорит именно о дороге в Дася, а не в Большое Юэчжи, которое общепринято считать сюзереном Дася.

Кроме того, исследователи обратили внимание на то, что в версии приведенного в «Ши цзи» рассуждения Чжан Цяня, изложенной позже Бань Гу в «Хань шу», вместо «земли Хунье» написано «земли куньмо», вместо «поселиться в бывших землях Хунье» – «поселиться в бывших землях [усуней]» (ХШ, гл. 61, с. 2692). Эти различия породили сомнения в достоверности данных фраз из «Ши цзи» (см. об этом: Крюков, 1988, с. 235).

С нашей точки зрения указанные расхождения объясняются тем, что у Чжан Цяня и Бань Гу была разная информация. Чжан Цянь в 119 г. до н.э. не имел еще точного представления о местонахождении родины усуней, не знал о тесном соседстве первоначального маленького царства Усунь с Юэчжи в Ганьсуском коридоре. Поэтому он и предлагал У-ди соблазнить усуней богатыми дарами, дабы побудить их переселиться на опустевшие после 121 г. до н.э. земли сюннуского Хунье-вана. В распоряжении же Бань Гу были точные сведения, полученные от самих усуней и собранные при дворе Ранней Хань, установившей тесные связи с Усунь, начиная с рубежа II–I вв. до н.э. Он знал, что родина усуней, соседствовавших с юэчжами, была сначала захвачена юэчжами, а

затем уже сюннами. Поэтому он и назвал их «земли куньмо», т.е. родина усуней, а не сюннуские «земли Хунье».

Чжан Цянь выступил с посольством в Усунь в самом конце 119 г. до н.э. Проведенное нами подробное исследование дальнейших сведений в «Повествовании о Давань» (Боровкова, 2001, с. 119–123) позволило вычислить примерные даты следующих событий. К концу 117 г. до н.э. он прибыл туда. Куньмо, исходя из внутреннего положения в царстве и настроения людей, отказался от предложения У-ди переселиться в Ганьсуский коридор.

Тогда Чжан Цянь разослал на рубеже 117–116 гг. до н.э. своих помощников послами в Давань, Канцзюй, Аньси, Шэньду, Юйтянь, Юйми, а также, как уже подчеркивалось нами, отдельно в Дася и в Большое Юэчжи как в независимые царства. Сам же в сопровождении ответного усуньского посольства к концу 115 г. вернулся в Хань. Спустя год с лишним, т.е. в начале 113 г. до н.э., он умер. А еще через год с лишним, примерно в начале 112 г., вернулись отправленные им из Усунь послы из Дася и других (не названных однако) царств с «их людьми» (ЩЦ, гл. 123, с. 3169). Так что этот год можно считать датой установления посольских связей Хань с Дася, Давань, Большим Юэчжи.

Усуньское посольство, прибывшее с Чжан Цянем, примерно к концу 113 г. до н.э. вернулось в Усунь и сообщило куньмо о богатстве и силе Хань. И посольские связи между ними стали регулярными. Более того, как написал Сыма Цянь, «ханьские послы в Усунь, выходя из нее на юг, стали друг за другом направляться в Давань и Большое Юэчжи» (ШЦ, гл. 123, с. 3170). Это сообщение доказывает, что ханьские послы ходили в Большое Юэчжи через Давань (Фергану), а отнюдь не через неизвестный тогда Памир.

Тесные посольские связи Усунь с Хань вызвали негодование Сюнну, едва не начавшей войну против нее (ШЦ, гл. 123, с. 3170). Возможно, с целью предотвратить такую войну ханьское войско в 111 г. до н.э. вторглось в земли Сюнну (ШЦ, гл. 6, с. 189; гл. 110, с. 2912). А развитие контактов Хань с Большим Юэчжи, кровным врагом Усунь, вызвало беспокойство последней. Это видно из того, что Усунь, ранее отказавшаяся от заключения династического брака с Хань, теперь поспешно начала интенсивные переговоры о его заключении (ШЦ, гл. 123, с. 3170). И в 107 г. до н.э. ханьская принцесса, в качестве которой была послана, как ранее и в Сюнну, всего лишь девушка из императорского рода, стала младшей женой куньмо, старшей же была сюннуская принцесса (ШЦ, гл. 123, с. 3172).

Из этих сведений следует, что со 112 г. до н.э. Хань установила и стала активно развивать посольские связи с Усунь, Давань и Большим Юэчжи.

Но особенно интересовали У-ди связи с Дася. После завоевания в 111 г. до н.э. двух юго-западных царств Юэ он вновь сделал попытку открыть безопасный путь в Дася, отправив послов по дорогам из Ба и Шу (Сычуани). Но эта попытка, как и предыдущие, закончилась неудачей. В это же время по пути из Цзюцюаня (т.е. по прикуньлуньскому) много послов дошло до Дася (ШЦ, гл. 123, с. 3170–3171). И согласно сообщению в «Повествовании о Сюнну» за 111–109 гг. до н.э., «Хань на западе имела также связи с Юэчжи и Дася» (ШЦ, гл. 110, с. 2913).

В эти же годы «для связей с северо-западными царствами», как Сыма Цянь называл Усунь, Давань и царства к западу от них, Хань начала строить продолжение укрепленной линии против сюннов от Линцзюй (немного севернее нын. Ланьчжоу) на запад до Цзюцюаня, который, полагаем, тогда же, в 109 г., и был основан (ШЦ, гл. 110, с. 2912; гл. 123, с. 3170).

После этого Хань стала ежегодно посылать в эти царства по пять-шесть, а то и более десяти посольств, особенно много в Давань, лошади которой очень полюбились Сыну Неба (ШЦ, гл. 123, с. 3170).

Далее Сыма Цянь, современник этих событий и дворцовый историограф, непосредственно наблюдавший их, описал настоящий бум в развитии посольских связей Хань с «северо-западными царствами», т.е. с «царствами к западу от Давань» и с «царствами к западу от Усунь до Аньси». Однако описал обобщенно, не назвав ни одного конкретного царства, как и не упомянув имени ни одного посла, которые во множестве посылались в эти царства или прибывали из них в Хань (ШЦ, гл. 123, с. 3173–3174).

Одна из причин такой неконкретности его сведений за эти годы заключена, с нашей точки зрения, в отмеченном им здесь же факте – идти послами в эти далекие царства из-за грабежей и разбоя по пути туда в Хань стали соглашаться только бедные люди низших сословий (ШЦ, гл. 123, с. 3171). Их, естественно, при императорском дворе не принимали, и потому сведения, которые могли быть получены от них, и их собственные имена дворцовые историографы не фиксировали.

И только по возвращении из Аньси (Парфии) первого ханьского посла, которым явно был отправленный Чжан Цянем из Усунь на рубеже 117–116 гг. до н.э. его помощник (а тогда послами были еще сановники), его сведения об этом царстве и прибытие с

ним ответного посольства Сыма Цянь описал особо. Анализ этого описания (Боровкова, 2001, с. 133) показал, что посол вернулся в Хань в 109 г. до н.э. опять же через Давань по прикуньлуньскому пути. Так что первый обмен посольствами между Хань и Аньси (Парфией) в 116–109 гг. до н.э. состоялся в годы правления знаменитых ханьского императора У-ди (140–87) и парфянского царя Митридата II (123–88). Сведения ханьского посла об Аньси в целом совпадают с теми, что сообщил о ней Чжан Цянь. Это позволяет предположить, что отсутствие новых сведений о царствах к западу от Давань до Аньси объяснялось стабильностью политической ситуации в том регионе и десять лет спустя после смерти Чжан Цяня.

Но несколько новых сведений о других аспектах жизни народов данного региона Сыма Цянь все-таки привел. Из них по теме данной работы представляют интерес сообщения о разности их языков и о том, что «все их люди с глубокими глазами и густыми бородами» (ШЦ, гл. 123, с. 3174). Таким образом, Сыма Цянь добавил к отмеченным ранее Чжан Цянем отличиям народов царств этого края по образу жизни (оседлый, кочевой) еще и различия по языкам, не назвав, однако, ни одного языка конкретно. Кроме того, он определил эти народы как европеоидные, впервые сформулировав их расово-этнический признак – «глубокие глаза и густые бороды». Это его определение европеоидов, повторенное Бань Гу в описании Давань в «Хань шу» (ХШ, гл. 96/1, с. 3896), закрепилось в китайских историях на многие века.

Так как Большое Юэчжи находилось к западу от Давань и к востоку от Аньси (ШЦ, гл. 123, с. 3162), то получается, что юэчжи были европеоидами. Но до переселения сюда они издревле жили в Ганьсуском коридоре по соседству с северо-западными районами Хань. Значит, древние китайцы давно знали европеоидов. Это, видимо, и объясняет, почему Чжан Цянь, бывший родом как раз из одного из северо-западных районов Хань, первым из ханьцев побывавший в Давань и в царствах к западу от нее, не удивился европеоидному облику их народов и не отметил данный факт. Сыма Цянь же написал об этом скорее всего потому, что удивился – по сведениям многих послов, побывавших во многих царствах того региона после Чжан Цяня, **все народы** там были европеоидами и среди них не было похожих на ханьцев.

Сыма Цянь, описывая всплеск посольских связей Хань с северо-западными царствами, с явным неодобрением отмечал невероятную пышность и расточительность, с какой У-ди принимал их послов. Он замечал с горечью, что

«[послы из царств] к западу от Давань из-за отдаленности их [от Хань] держались высокомерно и своевольно, не желали кланяться императору.

В царствах же к западу от Усунь до Аньси из-за близости к Сюнну, а Сюнну [ранее] поставила в затруднительное положение юэчжей, снабжали сюннуских послов продовольствием по одному только письму шаньюя, не осмеливались задерживать их. Когда же прибывали ханьские послы, то без денег и шелка не могли получить продовольствие, а не [купив] на рынке [тягловый] скот, не могли ехать. Так [они] поступали по причине того, что Хань далека и у нее много богатств. ... Так относились к ним из-за страха перед Сюнну» (ШЦ, гл. 123, с. 3173).

Сыма Цянь отражал, несомненно, настроение части дворцовой знати, преимущественно военных, чье богатство прирастало в результате не посольских связей, а успешных военных кампаний. Они-то, несомненно, и подтолкнули У-ди к войне против очень далекой Давань. Были потрачены огромные средства, значительная часть которых, по замечанию Сыма Цяня, была присвоена военачальниками (подробнее об этой войне см.: Боровкова, 2001, гл. 5).

Естественно, во время этой войны с Давань в 104–101 гг. до н.э. посольские связи Хань с царствами к западу от нее, т.е. с Дася и Большим Юэчжи, были прерваны. Последний раз в «Ши цзи» Дася упомянута в 102 г. до н.э. как страна, мнением которой о Хань У-ди очень дорожил (ШЦ, гл. 123, с. 3176).

Поскольку до сих пор нет специального подробного исследования политической истории юэчжей конца III и II вв. до н.э., а рассмотренные вне контекста событий в регионе отдельные сведения о них из древнекитайских историй разбросаны по многим работам, полагаем полезным, заключая проведенное комплексное источниковедческое, историческое и историко-географическое исследование, дать развернутые выводы из него.

Прежде всего, это выводы, касающиеся сути и датировки важнейших событий.

Последняя четверть III в. до н.э. – время процветания юэчжей, живших к западу от слабосильного тогда народа сюнну, возглавляемого Тоумань-шаньюем и обитавшего в северо-западной части Ордоса.

В 204–203 гг. до н.э. Маодунь, убивший в 205 г. отца Тоуманя и ставший шаньюем, обучив войска, разгромил на востоке дунху, а на западе нанес поражение юэчжам.

В 201–200 гг. до н.э. Маодунь успешно отразил нападение войск только что созданной в 202 г. империи Хань, вынужденной в результате заключить с ним в 199 г. договор о мире и родстве, по

которому Хань фактически становилась данницей Сюнну. Затем Маодунь завоевал северные народы и создал державу Сюнну, простершуюся на запад до владений цянов и юэчжей в Ганьсуском коридоре.

В 182 г. до н.э., по нашим расчетам, царство Юэчжи разгромило своего ближайшего соседа – маленькое царство Усунь. Его правитель (куньмо) Наньдоуми был убит, народ бежал в Сюнну. Там же оказался и новорожденный сын Наньдоуми, которого Маодунь-шаньюй взял на воспитание.

В 177 г. до н.э. Сюнну завоевала на западе царства Юэчжи, Усунь, Лоулань, Хуцзе и 26 других, находившихся, несомненно, в Ганьсуском коридоре и Восточном Туркестане.

В 174 г. до н.э. Маодунь умер. Его сын стал Лаошан-шаньюем.

Летом-осенью 167 г. до н.э. Лаошан-шаньюй уничтожил царство Юэчжи в Ганьсуском коридоре, убил его правителя, изгнал народ и расселил сюннов в этом благодатном тогда краю. Изгнанные юэчжи начали переселение в долину р. Или. А Лаошан быстро собрал в Ганьсуском коридоре огромное войско (140-тысячную конницу) и зимой 167–166 гг. до н.э. неожиданно для Хань совершил грабительский поход в близкий отсюда богатый столичный район ее.

В начале 165 г. до н.э. многочисленный народ юэчжи (около 250–300 тыс. человек), изгнанный в 167 г. со своей родины в Ганьсуском коридоре, одолел трудный и далекий путь (ок. 2100 км) в долину р. Или и, разгромив и изгнав живших в ней *сэ* (саков), поселился здесь.

Примерно в начале 163 г. до н.э. молодой усуньский куньмо, сын убитого юэчжами Наньдоуми, выросший при дворе шаньюев и бывший до этого уже ряд лет сюннуским военачальником, желая отомстить юэчжам за смерть отца, с согласия Лаошан-шаньюя предпринял во главе сюннуских войск поход в долину Или, разгромил и изгнал юэчжей, после чего эти земли стали владением Сюнну. А юэчжи начали новое переселение из долины Или на запад.

После смерти Лаошан-шаньюя в октябре-ноябре 162 г. до н.э. куньмо постепенно переселил в долину Или усуней из сюннуских земель, основал здесь, скорее всего, около 160 г. до н.э. новое царство Усунь и отделился от Сюнну. Карательный поход войск Сюнну против него был безуспешен.

Что касается юэчжей, то они, разгромленные и изгнанные из долины Или, примерно в начале 163 г. до н.э. двинулись на запад, где находилось царство Канцзюй. Так как они затем «миновали

Давань», очевидно, что Канцзюй не позволил многочисленным юэчжам поселиться в своих землях, но, по-видимому, мирно пропустил их в район нынешнего Бишкека, что и стало, полагаем, предпосылкой их последующих дружественных отношений. Отсюда по караванному пути на юг (нынешнему тракту Бишкек – Ош), почти непроходимому зимой, юэчжи поспешили летом-осенью того же года выйти к северным пределам Давань (Ферганы). Но они «миновали» ее, из чего следует, что Давань не пропустила их через свои земли, и это, несомненно, обусловило их последующие враждебные отношения. «Миновав» Давань, несомненно, с севера юэчжи примерно на рубеже 163–162 гг. до н.э. вышли к западу от нее в земли Дася, т.е. Греко-Бактрийского царства, которым правил Евкратид (170–155). Изнуренные двумя войнами и двумя очень дальними переселениями в течение всего лишь пяти лет, они в столкновении с ним потерпели поражение и подчинились ему. Наиболее точно Чжан Цянь сообщил об этом в описании Дася, излагая сведения об этапе переселения юэчжей в нее: «Когда большие юэчжи переселились на запад, напали, [но] потерпели поражение от нее и все подчинились и покорились Дася». Евкратид позволил им поселиться в пригодных для кочевников землях к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи) и к западу от Давань.

И примерно в начале 162 г. до н.э. юэчжи создали здесь свое кочевое царство Большое Юэчжи, даже столица которого была не городом, а ставкой кочевого правителя.

В 155 г. до н.э. Евкратид был убит. Греко-Бактрийское царство, как принято считать по нумизматическим данным, распалось на ряд владений.

Не позже 140 г. до н.э. император Хань У-ди узнал от сюннуских ванов-перебежчиков о разгроме сюннами юэчжей и бегстве последних куда-то далеко.

В начале 139 г. У-ди отправляет посольство во главе с сановником Чжан Цянем через земли сюннов в Юэчжи с целью заключить договор против Сюнну. Но сюнны взяли посольство в плен.

На рубеже 130–129 гг. до н.э. Чжан Цянь, бежавший из сюннуского плена с юэчжами-односельчанами, прибыл в Давань. Он узнал, что Большое Юэчжи, куда он шел, находится к западу от нее. Но, несомненно, по причине враждебных отношений между Давань и этим царством посла Хань препроводили не в Большое Юэчжи, а на северо-запад в дружественный Канцзюй, откуда Чжан Цянь в том же году и прошел на юг в Большое Юэчжи. Чжан Цянь нашел это кочевое царство с населением около 400 тыс. человек централизованным. Его правитель, бывший великий

наследник убитого сюннами в 167 г. правителя царства Юэчжи в Ганьсуском коридоре, стремясь к миру и спокойствию, отказался заключить с Хань договор против Сюнну.

Тогда Чжан Цянь в том же 129 г. отправился в Дася, лежавшую к югу от Большого Юэчжи и от разделявшей их р. Гуйшуй, несомненно, как к суверену Большого Юэчжи и прожил в ней около года. Но и здесь он не смог добиться, чтобы Большое Юэчжи заключило договор с Хань. Эта неудача убедила его в том, что власть Дася над Большим Юэчжи была в то время уже абсолютно номинальной, что оно фактически не зависело от нее. И это понятно, поскольку Дася, какой увидел ее Чжан Цянь в 129–128 гг. до н.э., т.е. 26 лет спустя после смерти Евкратида и распада Греко-Бактрийского царства, хотя и была многонаселенной (свыше 1 миллиона человек) земледельческой страной с множеством городов, но уже политически децентрализованной, разделенной на множество независимых мелких владений.

В 126 г. до н.э. Чжан Цянь вернулся в Хань и доложил У-ди о всем виденном и слышанном. Его общий вывод был таков: Давань, Дася и Аньси – это большие страны с множеством удивительных вещей, но со слабыми войсками, а лежащие к северу от них Канцзюй и Большое Юэчжи имеют сильное войско. Он предложил У-ди план подчинения их влиянию Хань, посоветовав начать с открытия пути в Дася к югу от враждебных Хань сюннов и цянов из Шу (Сычуани) через Шэньду (Индию).

В 125–124 гг. до н.э. У-ди пытался реализовать этот план и предпринял попытки отправить послов в Дася из Шу, которые, однако, закончились безрезультатно.

В 119 г. до н.э. завершилась успешная для Хань пятнадцатилетняя война с Сюнну (133–119). В частности, империя завладела Ганьсуским коридором, из которого начинался ближний в то время путь через Восточный Туркестан в Давань и в лежавшие к западу от нее Дася и Большое Юэчжи. В конце года У-ди отправляет Чжан Цяня послом в Усунь с предложением переселиться в Ганьсуский коридор для борьбы с Сюнну.

Примерно в конце 117 г. до н.э. Чжан Цянь, получив отказ Усунь, рассылает отсюда своих помощников послами в разные царства, включая Дася и Большое Юэчжи.

В начале 112 г. отправленные им послы возвращаются в Хань из Дася и других неназванных царств с ответными посольствами.

109–104 гг. до н.э. – период бурного развития посольских связей Хань с Давань, Дася, Большим Юэчжи, Усунь.

В 104–101 гг. до н.э. война Хань против Давань прервала посольские связи Хань со всеми царствами к западу от Давань и, значит, с Дася и Большим Юэчжи.

В 102 г. до н.э. Дася последний раз упоминается в «Ши цзи» как страна, престижем Хань в которой У-ди очень дорожил.

Другие выводы из проведенного исследования касаются идентификации р. Гуйшуй и локализации царства Большое Юэчжи II в. до н.э. к северу от нее. Пока общепринято считать р. Гуйшуй Амударьей и локализовать Большое Юэчжи II в. до н.э. к северу от ее широтного течения по границе Афганистана с республиками Средней Азии.

Но, во-первых, свидетельство очевидца Чжан Цяня о том, что Большое Юэчжи находится к западу от Давань (Ферганы) и к северу от р. Гуйшуй, а к югу от реки расположена Дася, позволяет заключить, что Гуйшуй – это Сырдарья в ее широтном течении к западу от Ферганы до г. Бекабад, где она круто поворачивает на север. Ведь Амударья в ее широтном течении по границе Афганистана с республиками Средней Азии находится не к западу, а к югу от Ферганы и далеко, примерно в 800 км по современным автотрассам от Коканда, находящегося в центре Ферганы. К западу же от Ферганы до Амударьи около 700 км, но там она течет не в широтном направлении, а с юга на север.

Во-вторых, свидетельство Чжан Цяня о том, что Большое Юэчжи – это кочевое царство, в котором народ (около 400 тыс. человек) переселялся, следуя за скотом, и даже столица была не городом, а ставкой кочевого правителя, дает основание полагать, что оно было создано на пригодных для кочевников горно-степных землях именно к северу от Сырдарьи и к западу от Ферганы, а не к северу от Амударьи в правобережной Северной Бактрии, где народ издревле занимался земледелием и имелось немало городов.

В-третьих, определенное Чжан Цянем расстояние от столицы Давань, а ею, как установлено, был г. Эрши (Коканд), до столицы Дася г. Ланьши в 2000 с лишним ханьских ли (800 км) по дорогам того времени, не позволяет локализовать Ланьши к югу от Амударьи. Ведь почти столько же километров сейчас от Коканда (древнего Эрши) до лежащих непосредственно на северном берегу Амударьи городов Термез, Айвадж и Пяндж по спрямленным современным автотрассам. А по ним расстояние в среднем на 20–30% короче, чем по дорогам II в. до н.э. Так что столица Дася г. Ланьши находилась гораздо севернее Амударьи, с которой, следовательно, нельзя идентифицировать р. Гуйшуй. Это была Сырдарья.

Такое заключение подтверждается данными раскопок: советскими археологами обнаружено огромное древнее городище, равное по площади древним городищам Балха и Термеза, и датируемое II в. до н.э. – II в. н.э. у г. Шахринау в 44 км западнее Душанбе. Расстояние до Шахринау от Коканда на 21% меньше расстояния от Эрши до Ланьши, указанного Чжан Цянем, что вкупе со всем вышеизложенным позволяет идентифицировать с этим городищем г. Ланьши, бывший в течение четырех веков, начиная со II в. до н.э., последовательно столицей Дася, Большого Юэчжи и Кушанского царства.

Однако окончательное заключение об обоснованности таких выводов, сделанных из исследования сведений II в. до н.э., возможно лишь после выяснения, согласуются ли они с теми сведениями, которые приводятся о Большом Юэчжи, Дася и их соседях за последующий I в. до н.э. в «Хань шу».

Глава II

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЕ ЦАРСТВО БОЛЬШОЕ ЮЭЧЖИ (I в. до н.э.)

Когда и как Большое Юэчжи завладело Дася

Итак, к концу II в. до н.э., по сведениям «Ши цзи», в регионе к западу от Давань (Ферганы) существовали, как показано в первой главе, кочевое царство Большое Юэчжи к северу от реки Гуйшуй (Сырдарьи) и многонаселенная земледельческая страна Дася к югу от нее.

А уже простое ознакомление с перечнем царств, описания которых приведены в главе «Повествование о западном крае» «Хань шу», наводят на мысль об изменении политической ситуации в этом регионе в I в. до н.э. – здесь в ряду царств, описанных по сведениям Чжан Цяня в главе «Повествование о Давань» «Ши цзи», нет Дася.

Исследование обстоятельств исчезновения этой большой страны с политической карты региона начнем с выяснения времени появления в Хань в I в. до н.э. новых сведений и их источниках о царствах данного края. А для этого необходимо в первую очередь установить когда и как Хань возобновила посольские связи с ними после войны с Давань (104–101 гг. до н.э.).

Первые сведения находим еще в «Ши цзи», где систематические данные доведены Сыма Цянем по 99 г. до н.э.

После подробного описания хода и окончания ханьско-даваньской войны 104–101 гг. до н.э. он в самом конце «Повествования о Давань» сообщил:

«Ханьцы, наказав Давань, возвели Моцая на трон ее правителя и ушли. А через год с лишним знатные даваньцы, посчитав, что угодливость Моцая [пе-

ред ханьцами] привела их страну на край гибели, по общему согласию убили его, возвели на трон Чаньфэна, брата Мугуа (правителя, убитого во время войны в угоду ханьцам. – *Л.Б.*), но послали сына его в Хань в свиту (*чжи*). Хань, чтобы успокоить их, отправила посла с подарками. И еще Хань послала более десяти посольств во все иноземные царства к западу от Давань разыскивать редкости и вместе с тем разглашать весть о могущественной и добродетельной Хань, покаравшей Давань. [Она] послала Цзюцюань-дувэя в Дуньхуан создать к западу от него до р. Яньшуй (Черчен. – *Л.Б.*) цепь сторожевых вышек, а в [бывшем царстве] Луньтоу (разгромленном ханьским войском по пути на Давань в 102 г. до н.э. – *Л.Б.*) военно-земледельческое поселение в несколько сот человек, назначила чиновников охранять поселение и запасать продовольствие для снабжения послов в иноземные царства» (ШЦ, гл. 123, с. 3179).

Уже то, что данное сообщение в «Повествовании о Давань» в «Ши цзи» последнее, позволяет уверенно отнести изложенные в нем события к последним описанным в нем годам – 101–99 до н.э. Но для датировки событий в Большом Юэчжи и Дася, описанных в «Хань шу», необходимо еще точнее установить, когда сын Чаньфэна прибыл в Хань и когда У-ди впервые после войны с Давань отправил послов в нее и царства к западу от нее, которые и могли по возвращении сообщить новые сведения об этих царствах.

Сначала определим, когда даваньская знать отправила в Хань сына своего нового правителя. Согласно проведенному ранее исследованию (Боровкова, 2001, с. 138–146), ханьские войска после окончания войны вернулись из Давань в Хань к концу осени 101 г. до н.э. На дорогу домой им понадобилось не менее четырех-пяти месяцев; следовательно, они покинули Давань примерно в начале лета того года. А через год с лишним после их ухода, т.е. примерно в конце лета 100 г. до н.э., даваньская знать убила ставленника Хань и возвела на трон Чаньфэна, сына же его отправила ко двору Хань, скорее всего, осенью.

С учетом времени на дорогу он прибыл в столицу Хань в начале 99 г. до н.э. После этого понадобилось время, чтобы У-ди сформировал ответное посольство в Давань и более десяти посольств в царства к западу от нее. Определить время когда он отправил их из Хань помогают сведения Сыма Цяня в «Повествовании о Сюнну», где он сообщил, что после окончания войны с Давань У-ди в том же 101 г. до н.э. издал указ о своем намерении разгромить теперь и Сюнну (ШЦ, гл. 110, с. 2917). Очевидно, что указ появился в самом конце 101 г., и уже в 100-м император приступил к подготовке к войне, а начал он ее летом 99 г. до н.э. (ШЦ, гл. 110, с. 2917; ХШ, гл. 6, с. 103).

У-ди, надо полагать, опасаясь за безопасность послов, отправляемых в Давань и в царства к западу от нее, постарался, чтобы они уехали до начала войны. Ведь даже в мирное время Сюнну, как сказано в описании Шаньшань/Лоулань в «Хань шу», после возвращения ханьских войск из похода на Давань стала посылать отряды своей конницы, чтобы поджидать и захватывать ханьских послов на запад (ХШ, гл. 96/1, с. 3877).

Так что впервые после ханьско-даваньской войны ханьские послы в Давань и в царства к западу от нее и, значит, в Большое Юэчжи и Дася, вышли из Хань в самом начале лета 99 г. до н.э. до начала войны с Сюнну.

Но У-ди, готовясь к войне с Сюнну, начал одновременно, согласно сведениям Сыма Цяня, возводить укрепления от Дуньхуана до р. Яньшуй (р. Черчен), т.е. на начальном отрезке прикуньлуньского пути на запад, с очевидной целью – защитить от нападений сюннов своих послов в западные царства и создать там военно-земледельческое поселение для обеспечения их продовольствием. Все это свидетельствует о том, что он в 100 – начале 99 г. до н.э., готовясь к войне с Сюнну, в то же время строил планы развития, как и до войны с Давань, долговременных связей с царствами к западу от Давань.

На основании этого можно сделать два вывода. Во-первых, У-ди, понимавший, что даже богатая Хань не сможет одновременно сколько-нибудь долго и вести войну с Сюнну, и поддерживать дорогостоящие, как ясно из сведений Сыма Цяня за предыдущий период, посольские связи с царствами того региона. Следовательно, он рассчитывал на быстрое и успешное завершение войны. Во-вторых, то, что император в 100–99 гг. до н.э. рассчитывал на продолжение и развитие посольских связей с Давань и царствами к западу от нее, доказывает, что у него еще в то время не было никаких сведений об изменении политической ситуации в том регионе. И значит, прибывший в начале 99 г. сын нового правителя Давань не сообщил ему об изменении ситуации к западу от нее просто потому, что до его выхода из Давань осенью 100 г. до н.э. там еще ничего не произошло.

Следовательно, сведения об изменившейся политической ситуации к западу от Давань могли поступить в Хань не ранее возвращения послов, отправленных туда У-ди в начале лета 99 г. до н.э. С учетом времени на дорогу, послы Хань, пройдя через Давань, вышли к западу от нее в царства Большое Юэчжи и Дася примерно к началу 98 г., а могли вернуться в Хань к рубежу 98–97 гг. до н.э.

Сведения, сообщенные послами, были, видимо, столь важны и неблагоприятны, что У-ди, поняв крушение своих геополитических планов подчинения влиянию Хань того региона, вообще отказался от посольских связей с царствами к западу от Давань и в 97 г. до н.э. снова продолжил войну с Сюнну. Этого курса придерживались и все последующие императоры Хань, о чем свидетельствует почти полное отсутствие в «Хань шу» других сообщений за I в. до н.э. о направлении ханьских послов в царства к западу от Давань и о прибытии в Хань послов из них*.

С Давань Хань имела контакты и в I в. до н.э., но очень редкие. В «Хань шу» удалось найти лишь три кратких упоминания о биографиях сановников: в приведенном сообщении из биографии Фу Цзецзы примерно за 77 г. до н.э. (ХШ, гл. 70, с. 3001), в биографии Фэн Фэнши примерно за 66–65 гг. (ХШ, 1933, гл. 79, с. 0558/2) и в биографии Чэнь Тана за 36 г. (ХШ, гл. 70, с. 3011). Но в Давань ханьцы не могли получить те детальные сведения о Большом Юэчжи и Аньси, которые есть в описаниях этих царств в «Хань шу».

---

* Есть одно упоминание о после из Аньси. В биографии сановника Фу Цзецзы приведен указ императора Чжао-ди (86–75) от 77 г. до н.э. о награждении Фу Цзецзы за убийство правителя царства Лоулань по имени Аньгуй, виновного в убийстве трех ханьских послов, в их числе Ван Чжуна, и ограблении послов из Давань и Аньси (ХШ, гл. 70, с. 3002). О награждении Фу Цзецзы за убийство Аньгуя сказано и в хронике Чжао-ди (ХШ, гл. 6, с. 230).

В описании же царства Шаньшань, так с 77 г. в Хань стали называть Лоулань, где события изложены подробно, сказано, что Фу Цзецзы убил ее правителя Чангуя, а не Аньгуя, вообще за преступления против Хань, а Чангуй вступил на трон всего за несколько лет до этого (ХШ, гл. 96/1, с. 3878).

Получается, что Ван Чжун и два других ханьских посла были убиты, а послы из Давань и Аньси ограблены по приказу правителя Лоулань – не то Аньгуя, не то Чангуя – на рубеже 80–70-х годов.

Но в «Повествовании о Сюнну» говорится, что вступившему на трон в 85 г. Хуяньти-шаньюю в 82 г. посоветовали ради сохранения мира с Хань вернуть задерживаемых в Сюнну ее послов Су У, Ма Хуна и других, не пожелавших перейти к шаньюю на службу. Ма Хун, сказано здесь, был «помощником посла в западные царства» Ван Чжуна, который был убит сюннами (ХШ, гл. 94/1, с. 3782), т.е. того самого, в убийстве которого Хань обвинила правителя Лоулань Аньгуя (или Чангуя) в начале 70-х годов.

Однако Су У находился в плену с 100 по 82 г. (ХШ, гл. 54, с. 2459–2460). А послов в западные царства посылал только У-ди и только в 99 г. Значит, Ван Чжун, «посол в западные царства», был в их числе и убит, скорее всего, сюннами при возвращении домой, а не позднейшим правителем Лоулань Чангуем. И тогда же были ограблены послы Давань и Аньси, шедшие в Хань вместе с возвращавшимися ханьскими послами. Правителем Лоулань в то время был, по-видимому, Аньгуй. Позже сановники Чжао-ди, изыскивая предлог для «наказания» Лоулань, обвинили за эти «преступления» и казнили его потомка Чангуя. Видимо, этим и объясняется путаница с именем его в разных главах.

Итак, согласно рассмотренным сведениям, получается, что при дворе Хань могли получить новые сведения о царствах к западу от Давань только от своих послов, отправленных туда У-ди в 99 г. до н.э. Следовательно, отмеченные ими изменения в положении Большого Юэчжи и Дася произошли после отправления в Хань сына нового правителя Давань осенью 100 г., который о них еще не знал, но до прибытия в них ханьских послов, примерно в начале 98 г., т.е. на рубеже 100–99 гг. до н.э.

Выяснив эти даты, исследуем так поразившие У-ди факты и события, о которых сообщили послы и говорится в описаниях этих царств в «Хань шу».

Начнем с рассмотрения сведений в описании Давань, ставшей для ханьцев во II в. до н.э. воротами в царства к западу от нее. И после ханьско-даваньской войны из нее первой пришел в 99 г. до н.э. посол в Хань и в том же году в ней первой побывали послы У-ди.

Описание ее, как и других царств в «Повествовании о западном крае», Бань Гу составил почти по схеме Сыма Цяня: в первой части его изложил новые общие сведения о Давань, а во второй кратко пересказал сведения о событиях в ней во II в. до н.э. из «Повествования о Давань» в «Ши цзи». Поскольку сведения из «Ши цзи» уже рассмотрены в первой главе, то здесь проанализируем только новые общие сведения в первой части описания Давань в «Хань шу».

В ней сказано: «Царство Давань. Ставка (*чжи*) г. Гуйшань отстоит от Чанъани на 12 250 ли. [В ней] 60 тыс. дворов, 300 тыс. ртов и 60 тыс. отборных войск. Один *фу-ван* (помощник правителя) и один *фу-гован* (помощник по управлению владениями [знати]). На восток до ставки (*чжи*) духу 4310 ли, на север до Битянь, [столицы] Канцзюй, 1510 ли, на юго-запад до [столицы] Большого Юэчжи 690 ли. Соседствует на севере с Канцзюй, на юге с Большим Юэчжи. Почва, климат, виды изделий, народные обычаи такие же, как в Большом Юэчжи и Аньси» (ХШ, гл. 96/1, с. 3894).

В этом описании обращает на себя внимание уже первое сообщение о том, что столицей Давань является г. Гуйшань (Город у высокочтимой горы), тогда как во II в. до н.э., по «Ши цзи», ее столицей был г. Эрши (Коканд), который в 101 г. до н.э. осаждало ханьское войско, но оно, прорвавшись через внешнюю стену, так и не смогло взять цитадель. Чем это объяснить: столица Давань была перенесена в другой город или просто переименована?

Ответить на этот вопрос можно, лишь определив местонахождение г. Гуйшань. Для этого проведем небольшое специальное исследование.

В приведенном описании Давань расстояние от Чанъани до нее, т.е. до ее столицы г. Гуйшань, определено в 12 250 ли. Вычтем из него расстояние от Чанъани до Шулэ (Кашгара) и узнаем, что от Шулэ до г. Гуйшань было 2900 ли (1160 км). А в первой главе мы выяснили по данным историй VII в. н.э., что от Шулэ до столицы царства Восточное Цао, где во II в. до н.э. находился г. Эрши (Коканд), было 738 км. Даже приняв во внимание, что во II–I вв. до н.э. путь от Шулэ до Эрши был в среднем на 10% длиннее, чем в VII в., и составлял около 800 км, получается, что г. Гуйшань находился значительно дальше от Шулэ, чем г. Эрши, и западнее, т.е. ближе к границе Давань с Большим Юэчжи.

Но в «Хань шу» есть сведения о расстоянии до Давань в описаниях других царств, лежавших по пути в нее. Так, в описании Цзюаньду (Улугчат), находившегося, судя по разнице расстояний от Чанъани, в 510 ли западнее Шулэ, сказано о 1030 ли от него до Давань (ХШ, гл. 96/1, с. 3897). В таком случае от Шулэ через него до Давань было (510+1030) 1540 ли (616 км), т.е. меньше, чем от Шулэ до Эрши. Следовательно, г. Гуйшань, согласно этим данным, лежал восточнее Эрши, т.е. ближе к Шулэ и дальше от границы с Большим Юэчжи.

И в описании царства Сюсюнь (Сары-Таш), лежавшего в 860 ли западнее Шулэ, сказано, что от него до Давань 920 ли (ХШ, гл. 96/1, с. 3896–3897). Соответственно от Шулэ до Гуйшань получается 1780 ли (712 км). Следовательно, и по этим данным г. Гуйшань находился, хотя и ненамного, восточнее Эрши.

Локализовать г. Гуйшань по этим весьма разнящимся данным невозможно. И в этом случае опять оказываются полезными сведения более поздних династийных историй.

В «Вэй шу», где изложены события за 386–535 гг., в описании царства Полона сказано, что его столица – г. Гуйшань (ВШ, гл. 102, с. 2270). Так что этот город оставался столицей почти до середины VI в. В «Синь Тан шу», содержащей сведения за 617–906 гг., в описании царства Нинъюань говорится, что это и есть царство Бохань, которое в империи Вэй называлось Полоной (СТШ, гл. 221/2, с. 6250). А в «Бэй ши», в которой изложены сведения до 617 г., в описании Бохань прямо сказано, что от Шулэ до него на северо-запад 1000 ли (526 км) (БШ, гл. 97, с. 3236). Название его столицы не приведено. Но если почти до середины VI в. ею был Гуйшань, то он, можно думать, оставался столицей и позже, даже если название его, как и самого царства, менялось.

Итак, в VI–VIII вв. столица царства Бохань, преемника древней Давань, предположительно г. Гуйшань, находилась в 1000 ли (526

км) к северо-западу от Шулэ (Кашгара). Сейчас примерно 520 км от г. Кашгар до г. Ош. Получается, что расстояние между ними после VI в. почти не сокращалось. Очевидно, что проложенный с I в. до н.э. по VI в. н.э. путь между ними, проходящий по гористой местности через два перевала, оказался оптимальным.

За вероятность нахождения г. Гуйшань на месте нынешнего г. Ош говорит и следующее. Город Гуйшань по-китайски дословно означает «Город у высокочтимой горы». А г. Ош находится у горы, известной с мусульманского времени под названием Тахт-и-Сулейман, «Трон Сулеймана», на которой якобы жил и творил чудеса Сулейман ибн-Дауд. Гора почиталась священным местом мусульманского мира (По Средней Азии, 1973, с. 204). По-видимому, древняя «высокочтимая гора» превратилась в «Трон Сулеймана».

Вывод из исследования данных более поздних – VI–VIII веков – династийных историй о локализации Гуйшань на месте нынешнего г. Ош согласуется с выводом из анализа данных в описаниях царств Цзюаньду и Сюсюнь в «Хань шу», что позволяет считать его верным.

Чем же был вызван перенос столицы Давань в начале I в. до н.э. из Эрши (Коканда) на восток в Гуйшань (Ош)?

Первое объяснение, которое напрашивается, состоит в том, что г. Эрши был сильно разрушен во время осады ханьскими войсками в 101 г. до н.э. Но вряд ли эта причина была определяющей, ведь цитадель его, где находились дворцы правителя и знати, не была тогда взята и разрушена. По-видимому, появилась еще более веская причина для столь трудного и дорогостоящего акта, как перенос столицы. И анализ других сведений в описании Давань в «Хань шу» доказывает, что она существовала.

Сообщения о том, что к юго-западу от Давань находится Большое Юэчжи и что обычаи в Давань такие же, как в Большом Юэчжи и Аньси, просто поразительны. Ведь по сведениям Чжан Цяня, во II в. до н.э. к юго-западу от Давань находилась Дася, а по сведениям I в. до н.э. в описании Давань в «Хань шу», на ее месте оказалось Большое Юэчжи; Дася исчезла. Более того, даже обычаи в Большом Юэчжи, которое было во II в. до н.э., по словам Чжан Цяня, кочевым царством, теперь оказались одинаковыми с обычаями земледельческих стран Давань и Аньси.

По этим сведениям из описания Давань в «Хань шу», выясняется, что Дася, юго-западный сосед Давань во II в. до н.э., в I в. до н.э. исчезла с политической карты региона и на ее месте оказалось ранее занимавшее земли к северу от Дася и р. Гуйшуй Большое Юэчжи, превратившееся из кочевого царства в земле-

дельческое. Все это позволяет заключить, что Большое Юэчжи завладело Дася.

Именно это событие и стало, скорее всего, главной причиной того, что Давань, отношения которой с Большим Юэчжи оставались, судя по сведениям в «Ши цзи», враждебными со времени переселения сюда юэчжей, перенесла свою столицу из Эрши (Коканда) на восток в Гуйшань (Ош), т.е. значительно дальше от границы со своим недругом Большим Юэчжи, ставшим после овладения Дася могущественным царством.

В описании Давань нет ни дат, ни иного показателя времени, который позволил бы определить, когда произошло это событие к западу от нее и когда она перенесла свою столицу. Очевидно, что если бы с начала I в. до н.э. на протяжении сколько-нибудь длительного времени столицей Давань оставался г. Эрши, а юго-западным соседом ее – Дася, то ханьские послы, отправленные У-ди в 99 г. до н.э. в Давань и в царства к западу от нее, так или иначе отметили бы это, особенно существование Дася, связи с которой У-ди очень ценил. Поэтому есть основание предположить, что Большое Юэчжи завладело Дася, а Давань перенесла свою столицу в Гуйшань до того, как послы У-ди в конце того же 99 г. до н.э. прибыли в Давань и отправились далее в царства к западу от нее, в том числе в Большое Юэчжи.

Однако необходимо выяснить, согласуются ли эти сведения о Большом Юэчжи в описании Давань и наши выводы из них со сведениями в описании самого Большого Юэчжи:

«Царство Большое Юэчжи. Ставка (*чжи*) [правителя] г. Цзяньши* отстоит от Чанъани на 11 600 ли. Не подчиняется духу. [В нем] 100 тысяч дворов, 400 тысяч ртов и 100 тысяч человек отборных войск. На восток до ставки духу 4740 ли, на запад до Аньси 49 дней пути. На юге смежно с Цзибинь. Почва, климат, виды изделий, народные обычаи и монеты такие же, как в Аньси. Выращивают одногорбых верблюдов.

Изначально же Большое Юэчжи было кочевым царством, [народ которого] переселялся, следуя за скотом, одинаковым по обычаям с Сюнну. [Тогда оно имело] 100 тысяч натягивающих лук и по причине [своего] могущества пренебрежительно относилось к сюннам. Изначально [оно] находилось между Дуньхуаном и Цилянь. Когда же Маодунь-шаньюй напал и разгромил Юэч-

* Здесь столица Большого Юэчжи явно ошибочно названа Цзяньши, тогда как в «Хоу Хань шу» она названа, как и столица Дася в «Ши цзи», Ланьши. Видимо, переписчики «Хань шу» пропустили в иероглифе *лань* (синий) один элемент, и он превратился в иероглиф *цзянь* (надзирать). Поэтому далее при рассмотрении материалов «Хань шу» называем столицу Большого Юэчжи г. Ланьши.

жи, а [затем] Лаошан-шаньюй убил [правителя] Юэчжи и из головы его сделал чашу для питья, юэчжи ушли далеко. Прошли от Давань к западу и нанесли удар по Дася, но подчинились ей. Поселились к северу от р. Гуйшуй, [где и] основали ставку кочевого правителя (*тин*). Немногочисленные остатки их народа, что не смогли уйти, закрепились в южных горах, и цяны назвали [их владение] Малым Юэчжи.

Дася же изначально не имела верховного главы, а города и земли ставили обычно малых глав. Народ был слаб и боялся войны. Поэтому юэчжи переселились сюда, и все [мелкие владения Дася] подчинились и покорились им.

Есть [в нем] пять *сихоу*, снабжавших ханьских послов продовольствием:

1) Сюми-сихоу со ставкой (*чжи*) в г. Хэмо, отстоящим от [ставки] духу на 2841 ли, от Янгуань на 7802 ли;

2) Шуанми-сихоу со ставкой в г. Шуанми, отстоящим от [ставки] духу на 3741 ли, от Янгуань на 7782 ли;

3) Гуйшуан-сихоу со ставкой в г. Хуцзао, отстоящим от [ставки] духу на 5940 ли, от Янгуань на 7982 ли;

4) Сидунь-сихоу со ставкой в г. Бомао, отстоящим от [ставки] духу на 5962 ли, от Янгуань на 8202 ли;

5) Гаофу-сихоу со ставкой в г. Гаофу, отстоящим от [ставки] духу на 6041 ли, от Янгуань на 9283 ли.

Все пять *сихоу* подчиняются [правителю] Большого Юэчжи» (ХШ, гл. 96/1, с. 3890–3891).

Первый абзац (в нашем переводе) этого описания составлен, несомненно, по новым материалам, полученным в Хань в I в. до н.э., так как сведения в нем о Большом Юэчжи полностью отличны от содержащихся в его описании в «Ши цзи».

Во втором же абзаце повторена вторая часть описания Большого Юэчжи из «Повествования о Давань» в «Ши цзи», в которой лишь некоторые предложения поменялись местами.

Третий абзац состоит всего из трех фраз о Дася, отдельного описания которой в «Хань шу» нет. Первые две из них взяты из пространного описания Дася в «Ши цзи», но в них добавлено одно и заменены два слова:

«Дася же изначально (этого слова в «Ши цзи» нет. — *Л.Б.*) не имела верховного главы, а города и земли обычно ставили малых глав. Народ (в «Ши цзи» — их войска. — *Л.Б.*) был слаб и боялся войн».

Третья же фраза очень отличается от соответствующей фразы в «Ши цзи» и представляется написанной по новым данным. На ней остановимся ниже.

В четвертом и последнем абзаце, составленном, по сути, в форме таблицы, приведены звания пяти *сихоу*, названия их городов-ста-

вок с указанием очень точных данных о расстоянии до них от ханьской пограничной заставы Янгуань, находившейся поблизости от Дуньхуана. Это также новые сведения, поскольку в описании Большого Юэчжи в «Ши цзи» нет даже упоминания о *сихоу*.

Столь конкретные и точные данные о пяти сихоу и расстоянии до их городов-ставок можно было получить только в самом Большом Юэчжи. А в I в. до н.э. ханьские послы побывали в нем, как выяснилось выше, только один раз, когда У-ди в 99 г. до н.э. отправил более десяти посольств в царства к западу от Давань и, следовательно, в Большое Юэчжи в том числе. Миновав Давань, они вышли в земли Большого Юэчжи примерно на рубеже 99–98 гг. до н.э. и находились там в 98 г., когда и получили новые сведения об этом царстве.

А теперь перейдем к анализу новых сведений о Большом Юэчжи, содержащихся в его описании.

Первая же фраза о том, что столицей его является г. Ланьши, бывший, по «Ши цзи», столицей Дася во II в. до н.э., согласуется с сообщением в рассмотренном уже описании Давань о местонахождении Большого Юэчжи к юго-западу от этого царства и не оставляет сомнения в том, что в I в. до н.э. Большое Юэчжи завладело Дася и сделало ее столицу своей. Вместо ставки кочевого правителя (*тин*) во II в. до н.э. столицей его стал город (*чэн*) Ланьши.

С этим согласуются и другие сведения.

Так, в описании Большого Юэчжи к югу от него указано царство Цзибинь. Но в описании самой Цзибинь, составленном по сведениям побывавших в ней, как будет показано ниже, ханьских послов, она указана к юго-востоку от него (ХШ, гл. 96/1, с. 3884). Следовательно, в I в. до н.э. царство Цзибинь было создано на месте Шэньду или северной части ее, лежавшей, по «Ши цзи», в нескольких тысячах ли к юго-востоку от Дася. Так что и по этим сведениям Большое Юэчжи оказывается на месте Дася.

Подтверждает это и сообщение в описании Большого Юэчжи о том, что в нем почва, климат, виды изделий и народные обычаи такие же, как в Аньси, совпадающее с сообщением в описании Давань о том, что все это в ней такое же, как в Большом Юэчжи и Аньси. Следовательно, Большое Юэчжи в I в. до н.э. стало, как Давань и Аньси, земледельческим царством, тогда как во II в. до н.э. оно было кочевым царством, одинаковым по обычаям с Сюнну и Канцзюй. Таким превращением в кратчайшее время Большое Юэчжи обязано, несомненно, тому, что оно завладело большой земледельческой страной Дася.

В связи с этим становится очевидным, что в его описании в «Хань шу» численность населения (400 тысяч) и войска (100 тысяч) определены неверно. Ведь согласно описанию Большого Юэчжи в «Ши цзи», столько же воинов и, видимо, населения было только в нем, находившемся к северу от Дася, да в Дася, по ее описанию, насчитывалось более миллиона человек. Значит, в I в. до н.э. в Большом Юэчжи, включившем в свои владения Дася, население составляло около 1,5 миллионов. Эта ошибка в «Хань шу» свидетельствует, скорее всего, о том, что эти данные о населении ханьские послы получили от юэчжей сразу же после того, как те овладели Дася, и, не зная еще численности населения ее, сообщили численность только собственного народа и войска.

Итак, на основании рассмотренных сведений из описаний Давань, Большого Юэчжи и Цзибинь в «Хань шу», сопоставленных со сведениями из «Ши цзи», можно констатировать, что в I в. до н.э. Дася как независимая страна перестала существовать, став частью владений Большого Юэчжи. Оно же после этого превратилось в самое могущественное царство к западу от Давань.

Исчезновение Дася с политической карты региона подтверждает и полное отсутствие сведений о ней в материалах «Хань шу» за I в. до н.э., за исключением приведенных трех фраз в описании Большого Юэчжи. Теперь рассмотрим их в контексте проанализированных сведений о Большом Юэчжи.

Две первые фразы почти дословно совпадают, как показано выше, с фразами из описания Дася в «Ши цзи». В них говорится о том, что Дася была раздроблена на мелкие владения и что народ ее боялся войны. Третья фраза начинается со слов: «Поэтому юэчжи переселились сюда». Она очень отличается от соответствующей фразы в описании Дася в «Ши цзи», и потому сопоставим их.

Фраза из «Хань шу»:

«Поэтому (*гу*) юэчжи переселились (*ту*) сюда (*лай*), и все (*цзи*) подчинились (*чэнь*) и покорились (*сюй*) им (*чжи*)».

Фраза из «Ши цзи»:

«Когда (*цзи*) большие юэчжи переселились на запад (*си ту*), напали (*гун*), потерпели поражение (*бай*) от нее (*чжи*), и все (*цзи*) подчинились и покорились Дася».

Как видим, в фразе из «Ши цзи», наш перевод которой обоснован в первой главе данной работы, говорится ясно о времени переселения юэчжей на запад (разрядка моя. – *Л.Б.*), об их нападении на Дася, поражении от нее и о подчинении их именно Дася. Во фразе же из «Хань шу» не упоминается о переселении юэчжей именно на запад, об их нападении на Дася, поражении от

нее и подчинении ей. Сообщается лишь, что юэчжи «переселились сюда», т.е. в Дася, о которой сказано в двух предыдущих фразах – что она раздроблена на мелкие владения, что ее народ слаб и боится войны. И что «все», несомненно, мелкие владения Дася, подчинились «им», т.е. юэчжам. Речь здесь идет, несомненно, о другом переселении юэчжей в Дася, во-первых, потому что их давнее «переселение на запад» из Ганьсуского коридора закончилось «нанесением удара» по Дася (Греко-Бактрийскому царству), а во-вторых, потому, что в данном случае говорится о п е р е с е л е н и и (разрядка моя. – *Л.Б.*), явно мирном, поскольку о нападении юэчжей на Дася не сказано.

Такой перевод и понимание данной фразы тем более обоснованы, что сообщение о переселении юэчжей на запад и их нападении на Дася уже приведено в этом же описании Большого Юэчжи раньше (второй абзац нашего перевода), где повторяется текст из его описания в «Ши цзи», относящийся к ранней истории этого народа. Так что не мог Бань Гу при общей крайней лаконичности изложения материалов написать дважды об одном и том же событии в одном и том же описании царства.

В данной фразе, с нашей точки зрения, кратко сказано о мирном переселении юэчжей «сюда», т.е. в земли Дася, когда она на рубеже 100–99 гг. до н.э. и стала частью владений Большого Юэчжи.

На основании изложенного, считаем неточным вольный перевод этой фразы из «Хань шу» Н.Я. Бичуриным: «Народ слаб и боится войны, почему и покорен нашедшими юэчжысцами» (Бичурин, 1950, т. 2, с.184) – так же, как и перевод Е. Цюрхера: «Народ слаб и боится войны, поэтому, когда юэчжи пришли, переселяясь [на запад], они полностью подчинили и покорили их» (Цюрхер, 1968, с. 365).

О том, что Большое Юэчжи мирно заняло Дася, свидетельствует не только эта фраза, но, по нашему мнению, и отсутствие в его описании и описаниях его соседей даже намека на какие-то военные действия в этом регионе. А ведь ханьские послы побывали в нем всего год-два спустя после исчезновения Дася.

Почему же Большому Юэчжи удалось в то время мирно и в короткий срок овладеть огромной Дася?

Этому, несомненно, способствовало то обстоятельство, что давний недруг его Давань, только что потерпевшая поражение в 101 г. до н.э. от Хань, не могла помешать ему; не мог создать ему препятствия и союзник Давань Канцзюй, напуганный вторжени-

ем во время этой войны в его земли ханьских войск, которые преследовали бежавших сюда даваньцев.

Но почему мелкие владения Дася мирно покорились Большому Юэчжи? Они, сказано, боялись войны. Можно, конечно, предположить, что они, хорошо зная о могуществе войска Большого Юэчжи, отмеченного еще Чжан Цянем, боялись его вторжения и предпочли мирно покориться ему. Но Дася и Большое Юэчжи уже более полувека мирно соседствовали. И это дает основание полагать, что они мирно подчинились Большому Юэчжи не потому, что устрашились силы его войск, а потому, что захотели в то время оказаться под их защитой ввиду другой угрозы. Ведь как раз тогда в Парфии, т.е. в Аньси, соседствовавшей с Дася, правил Митридат II (123–88). При нем Аньси (Парфия) стала огромной и могущественной державой. Он реорганизовал войско, сделав конницу его основой, отбил на севере натиск скифов, в битвах с которыми погибли два его предшественника, продвинул свои владения далеко на запад, в Месопотамию. Так что вполне вероятно, что именно угроза нападения с его стороны и заставила глав мелких владений Дася предпочесть власть и защиту дружественных им юэчжей с их сильным войском.

В свете вышеизложенного становится, с нашей точки зрения, по-настоящему понятным, что и почему именно Страбон (64/63 до н.э. – 23/24 н.э.) первым из античных авторов написал о тохарах, идентифицируемых теперь с юэчжами: «Наиболее известны из кочевников те, которые отняли у эллинов Бактриану, а именно асии, пасианы, тохары и сакаравлы, вышедшие с того берега Яксарта, что после саков, согдианов и занят саками» (Страбон. – ВДИ, 1947, №4, с. 222).

Обратим внимание: по словам Страбона, тохары вместе с тремя другими племенами «отняли» у эллинов Бактриану, а не завоевали ее, они «вышли», а не напали с «того берега Яксарта», т.е. с северного берега Сырдарьи. Нетрудно заметить, что описанное им по сути мирное овладение тохарами Бактрией к югу от Сырдарьи сходно с отмеченным в «Хань шу» «переселением сюда», т.е. в Дася, находившуюся к югу от р. Гуйшуй, юэчжей, живших к северу от нее. Но оно совсем не похоже на описанное в «Ши цзи» переселение юэчжей, когда они, не переходя никакой реки, нанесли удар по Дася, но подчинились ей и поселились к северу от р. Гуйшуй к западу от Давань. Дася же продолжала существовать к югу от них и этой реки.

Так что в сообщении Страбона говорится о мирном переселении тохаров-юэчжей к югу от Яксарта (Сырдарьи), когда они зав-

ладели Бактрией, т.е. явно о событии, случившемся на рубеже 100–99 гг. до н.э., а не об очень давнем переселении юэчжей из Ганьсуского коридора и их войне с Дася (Греко-Бактрийским царством) на рубеже 163–162 гг. до н.э. Очевидно, что сообщение Страбона тоже подтверждает идентификацию р. Гуйшуй с Яксартом, т.е. с Сырдарьей, и доказывает, что Дася (Бактрия) лежала именно к югу от Яксарта и, значит, к северу от Окса*.

Важно обратить внимание еще на то, что, согласно этому сообщению Страбона, четыре племени, включая тохаров, вышли с северного берега Яксарта, после согдийцев и саков, и сами, следовательно, к ним не принадлежали, заняли они только Бактрию, но не Согдиану.

Поскольку в сочинениях предшественников Страбона упоминаний о тохарах не обнаружено, – получается, что эти сведения о них он впервые получил сам. Когда и от кого?

Страбон, живший с 64/63 г. до н.э. по 23/24 г. н.э., родился в г. Амасия (г. Амасья в Турции?). В то время Рим стал граничить с Парфией, захватившей к 64 г. до н.э. всю Месопотамию. Вскоре между ними начались войны (экспедиция Красса 54–53 гг. до н.э., походы Антония в 37 и 34 гг. до н.э., неудачные для Рима) (Машкин, 1950, с. 336–337, 371). Но военные победы императора

* Рассмотренное сообщение Страбона, с нашей точки зрения, точно согласуется с другими его сведениями о том, что Окс (Амударья), текущий с юга на север, является восточной границей Согдианы с Бактрианой (Страбон, 1964. II, I, 15; XI, 8, 8; II, 2). Согласно им, Бактрия находилась к востоку от Согдианы и к востоку от среднего течения Амударьи (без Пянджа), имеющего направление с юга на север. Следовательно, она простиралась к северу от верхнего течения Амударьи (без Пянджа), имеющей направление с востока на запад и затем уже поворачивающей с юга на север. Достоверность сведений Страбона подтверждают еще более точные, с нашей точки зрения, сведения Птолемея (ок. 90–160 гг.) о течении Окса. Согласно им, Окс, являющийся восточной границей Согдианы с Бактрией, течет сначала с юга на север, а потом с востока на запад (Птолемей, VI, II, I; 12, I). Но именно указание на нижнее течение Окса с востока на запад, предполагающее его впадение в Каспийское море, считалось особенно убедительным доказательством недостоверности этих сведений Птолемея. Между тем в России еще в XIX в. появились и все больше накапливались в XX в. сведения о сухих руслах рек в долине Узбой, протянувшейся от Сарыкамышской впадины до Каспийского моря, позволявшие видеть в них древнее сухое русло Амударьи. Но одни ученые, в основном историки, считали, что это русло существовало только в доисторическое время (см.: Бартольд, 1902). Другие, в основном географы, используя наблюдения географов и сведения источников разных эпох, считали, что протекавшая по Узбою Амударья впадала в Каспийское море даже в первые века нашей эры (см.: Глуховской, 1893; Мурзаев, 1948). А недавно появились первые археологические материалы, свидетельствующие о том, что Амударья текла по Узбою в кушанское время (см.: Юсупов, 1972), т.е. когда и жил Птолемей (90–160).

Августа (27 г. до н.э. – 14 г. н.э.) и междоусобица в Парфии при Фраате IV (38–3) способствовали успеху дипломатии Августа. В 20 г. до н.э. Парфия вернула Риму захваченные знамена Красса и Антония, уступила Армению и даже прислала заложников (Светоний, 1990, с. 46, 245). Мирные отношения способствовали развитию торговли, дважды побывали в Риме посольства из Индии (Светоний, 1990, с. 46; Машкин, 1950, с. 416–417), а в 13 г. н.э. в Рим прибыло посольство из Бактрии (Массон М., 1951, с. 40). Вероятнее всего, именно в этот период и дошли впервые до Страбона сведения о том, что Бактрия, о которой он знал по работам своих предшественников, оказалась под властью четырех племен кочевников, в том числе тохаров, пришедших с северного берега Яксарта (Сырдарьи).

И это понятно. Сначала, пока юэчжи-тохары, изнуренные предшествующими войнами и переселениями, создав в 162 г. до н.э. царство Большое Юэчжи, тихо жили к северу от реки Гуйшуй-Яксарта-Сырдарьи, к югу от которой лежала огромная страна Дася (Бактрия), молва о них не доходила до античных авторов. А потом, когда юэчжи на рубеже II–I вв. до н.э. перешли эту реку и завладели Дася–Бактрией, известия об этом не доходили до них из-за соперничества Рима с Парфией. И только после установления мира между Римом и Парфией и развития связей между ними и с другими восточными странами весть об этом событии дошла до Страбона.

Итак, проанализированные сведения за I в. до н.э. из описаний царств Давань и Большое Юэчжи не оставляют сомнения в том, что Большое Юэчжи завладело лежавшей к югу от него и р. Гуйшуй (Сырдарьи) Дася (Бактрией) на рубеже 100–99 гг. до н.э. и сделало ее столицу г. Ланьши своей.

Однако необходимо еще рассмотреть приведенные в «Хань шу» в названных выше описаниях данные о расстояниях до Большого Юэчжи от Чанъани и от столицы Давань. Вдруг они опровергают сделанный нами в первой главе по данным «Ши цзи» вывод о локализации Дася к югу от Сырдарья и ее столицы Ланьши на месте огромного древнего городища у г. Шахринау западнее Душанбе?

В описании Большого Юэчжи расстояние до него от Чанъани определено в 11 600 ли. А по нашим приведенным выше расчетам, сделанным на основании данных из описаний царств Цзюаньду (Чигучак) и Сюсюнь (Сары-Таш) в «Хань шу», от Чанъани до столицы Давань г. Гуйшань (Ош) было либо 10 890, либо 11 130 ли. Сопоставив эти расстояния, выясняем, что между столицами царств Давань и Большого Юэчжи в I в. до н.э. было либо 710 ли

(284 км), либо 470 ли (188 км). С вычисленным нами расстоянием в 710 ли почти точно совпадает расстояние между ними, указанное в описании Давань, – 690 ли. Более того, и по описанию Сюсюнь, от него 920 ли до Давань и 1610 ли до Большого Юэчжи, т.е. между Давань и Большим Юэчжи оказываются те же 690 ли. Все это как будто говорит о достоверности указанных в описаниях этих царств в «Хань шу» расстояний до Большого Юэчжи от Чанъани и от столицы Давань.

Однако столицей Давань во II в. до н.э. был г. Эрши (Коканд), который находился западнее г. Гуйшань – по данным VII в., в 210 км или в 525 ханьских ли, а в I в. до н.э. это расстояние было, несомненно, больше. Но даже без учета последнего обстоятельства получается, что город Ланьши, бывший столицей Дася (Бактрии) во II в. до н.э. и столицей Большого Юэчжи в I в. до н.э., отстоял от столицы Давань I в. до н.э. г. Гуйшань на 690 ли (276 км), т.е. находился лишь в 66 км (276–210) западнее даваньского г. Эрши, чего априорно быть не могло, ибо в этом случае г. Ланьши точно оказывался лежавшим к северу от Сырдарьи. А по сведениям Чжан Цяня, прошедшего путь от Ланьши до Эрши, между ними было 2000 с лишним ли (800 км).

Следовательно, указанные в описаниях Давань и Большого Юэчжи в «Хань шу» расстояния до Большого Юэчжи от Чанъани и от Давань ошибочны, что подтверждает и указанное в «Хань шу» расстояние от Чанъани до столицы Аньси – Парфии тоже 11 600 ли. А это означает, что ханьские послы, сообщившие эти данные, сами в столицу Большого Юэчжи не ходили. Выяснить, почему не ходили, позволит, как увидим ниже, определение местонахождения городов-ставок пяти юэчжийских сихоу.

О времени учреждения и местонахождении городов-ставок пяти юэчжийских сихоу

Ответ на эти два вопроса имеет важнейшее значение не только для выяснения местонахождения Большого Юэчжи и понимания его истории в I в. до н.э., но и для определения времени и места создания Кушанского царства. Так как в китайских историях время учреждения ставок этих сихоу не определено, этот вопрос представлялся неразрешимым и специально не исследовался. Ученые занимались определением местоположения владений пяти сихоу, высказав разные точки зрения (см.: Мандельштам, 1957, с 60–64, 97–98), и выяснением характера их отношений с Большим Юэч-

жи. Но в основном они, исходя из убеждения о распаде Бактрии под властью юэчжей на отдельные владения-княжества этих сихоу, локализовали одни из них на Памире, другие – в Северном Афганистане и даже в Северной Индии (Ставиский, 1977, с. 110–112, 121).

Полагаем, что назрела необходимость подробно и комплексно исследовать сведения о пяти сихоу и их городах-ставках, содержащиеся в описании Большого Юэчжи в «Хань шу» в контексте других данных этого источника и последующих историй, касающихся разбираемого вопроса.

Но прежде мы вынуждены остановиться на высказанном в 1960 г. утверждении известного синолога проф. Э. Пуллиблэнка о том, что данные о пяти сихоу в конце описания Большого Юэчжи в «Хань шу» были получены не при Ранней Хань в I в. до н.э., а при Поздней Хань в I в. н.э. и отражают ситуацию этого времени (Пуллиблэнк, 1968, с. 250–254). Это заявление опровергает общепринятую точку зрения. Если оно верно, то эти сведения не относятся к истории Большого Юэчжи I в. до н.э.

Э. Пуллиблэнк обосновывает свою точку зрения так: «Имеется, я считаю, ясный показатель того, что пассаж о пяти сихоу добавлен в описание Большого Юэчжи после того, как глава о западном крае, частью которой оно является, была уже составлена. Показателем является способ, которым определены расстояния до пяти сихоу. Вместо обычного для остальной части главы определения их от Чанъани, столицы Ранней Хань, и от ставки генерал-протектора (т.е. духу. – *Л.Б.*) они даны от Янгуань (одной из застав к западу от Дуньхуана) и от ставки генерал-протектора. Такая особенность обнаруживается и в двух других местах главы: а) в перечне пяти малых царей, подвластных Канцзюй, б) в абзаце о Висячем переходе. В обоих случаях есть достаточные основания для мнения, что пассажи, о которых идет речь, также являются добавленными и датированными второй половиной I в. н.э.» (Пуллиблэнк, 1968, с. 250).

Далее, сославшись на суждение Г. Халуна в его работе 1937 г. о том, что глава о западном крае в «Хань шу» была составлена Бань Бяо, умершим в 54 г. н.э., отцом Бань Гу, Э. Пуллиблэнк заявляет: «Это мое убеждение, что три пассажа, в которых расстояния даны описанным мною способом, были добавлены Бань Гу позднее в уже составленную главу. Более того, есть важное косвенное свидетельство для мнения о том, что они основаны на информации, полученной из доклада брата Бань Гу Бань Чао, датированного примерно 74–75 гг.» (Пуллиблэнк, 1966, с. 250–251).

В качестве этого «важного косвенного свидетельства» он приводит следующие сведения. В 74 г. Поздняя Хань впервые попыталась восстановить китайское присутствие в Западном крае (Восточном Туркестане) после его утраты при Ван Мане (9–23 гг.). Был назначен генерал-протектор (духу) Чэнь Му, которого убили в следующем году. Новым генерал-протектором стал в 91 г. Бань Чао. «Таким образом, – заключает Э. Пуллиблэнк, – точно только в течение 74–75 и 91–92 гг. здесь был генерал-протектор и можно было точно определить расстояние до его штаб-квартиры» (Пуллиблэнк, 1968, с. 251).

Кроме того, считает он, «есть веская причина связать пассаж о Висячем переходе именно со временем, когда Бань Чао впервые вступил в Западный край в 74 г. как подчиненный офицер Чэнь Му». Признав, что нет точного упоминания о том, что Бань Чао посетил Висячий переход, Э. Пуллиблэнк ссылается на хвалебные слова в указе императора по случаю награждения Бань Чао о том, что он пересек Луковый хребет и дошел до Висячего перехода, и заключает:

«Я не вижу причины сомневаться в том, что Бань Чао во время пребывания в Хотане провел рекогносцировку до Висячего перехода. Его доклад, в котором, естественно, не могли быть указаны расстояния до столицы прежней Хань, стал, по всей видимости, источником для пассажей, добавленных Бань Гу в главу о западном крае» (Пуллиблэнк, 1968, с. 251–252).

А то, что пассаж о пяти канцзюйских зависимых владениях добавлен, очевидно, считает Э. Пуллиблэнк, поскольку он приведен не в конце описания Канцзюй, а после краткого описания царства Яньцай, независимого от Канцзюй, т.е. добавлен к готовому тексту «простейшим из возможных способом без подчистки и переписывания, просто включением новой дощечки» (Пуллиблэнк, 1968, с. 252).

Рассмотрим, насколько точны и убедительны обоснования убежденности Э. Пуллиблэнка в том, что три названных им пассажа написаны Бань Гу на основании доклада 74–75 гг. его брата Бань Чао и добавлены им к готовому тексту главы о западном крае, написанной его отцом.

Как видим, главный аргумент, убеждающий Э. Пуллиблэнка в том, что три пассажа добавлены Бань Гу, – это то, что в них расстояния определяются не как обычно в «Повествовании о западном крае» в «Хоу Хань шу» – от Чанъани и от ставки духу (у него – генерал-протектора), а от пограничной заставы Янгуань и ставки духу.

Исходя из его логики, можно подумать, что при Поздней Хань, в отличие от Ранней, определение расстояний до царств западного края от Янгуань было нормой, почему и в докладе Бань Чао, на основании которого Бань Гу якобы написал эти три пассажа, оно указано было от Янгуань.

На самом же деле в «Повествовании о западном крае» в «Хоу Хань шу», истории Поздней Хань, все расстояния до царств этого края определены от столицы Лояна и от ставки чжанши, а не духу. В конкретных материалах этой истории застава Янгуань вообще не упомянута. Лишь Фань Е, составивший эту историю в V в., в своем введении к этой главе дважды упомянул о ней (ХХШ, гл. 88, с. 2911, 2914).

В «Хань шу» же расстояние от Янгуань определено, вопреки мнению Э. Пуллиблэнка, не только в трех названных им пассажах, но и до ближайшего к Хань царства Шаньшань-Лоулань (ХШ, гл. 96/1, с. 3875), от нее же указано начало пути в очень дальнее царство Уишаньли через Цзибинь (Северную Индию) (ХШ, гл. 96/1, с. 3889). О заставах Янгуань и Юймэньгуань сказано в описании Дуньхуан-цзюня в главе «Ди ли чжи» (ХШ, гл. 28/2, с. 1614). Так что при Ранней Хань, в отличие от Поздней, пограничная застава Янгуань была, можно сказать, на слуху, расстояния до нее и от нее были известны.

И это естественно, поскольку Ранняя Хань в конце II – начале I в. до н.э. неоднократно отправляла своих послов в Давань и в царства к западу от нее, после 60 г. до н.э. ее послы ходили в Цзибинь и Уишаньли, а в последней трети века – и в Канцзюй. Неудивительно, что ханьские послы в ряде случаев измеряли расстояние до западных царств от Янгуань, последнего китайского поселения на пути в земли иноземцев. Поздняя же Хань, как увидим далее, никогда не посылала своих послов ни в ближние, ни в дальние западные царства, и Янгуань потеряла свое значение.

Что же касается доклада Бань Чао 74–75 гг., на основании которого Бань Гу, по мнению Э. Пуллиблэнка, написал три названных пассажа, то о нем он не привел, к сожалению, никаких сведений из «Хоу Хань шу», которые бы доказывали существование его и объясняли, когда, от кого и как Бань Чао получил столь конкретные и точные данные об очень далеких от Поздней Хань владениях юэчжийских сихоу, канцзюйских зависимых царьков и о Висячем переходе.

Единственный аргумент Э. Пуллиблэнка – его убеждение, что Бань Чао, находясь в Хотане в 74 г., провел рекогносцировку до Висячего перехода и написал этот доклад. Но оно, как покажем,

не согласуется с данными «Хоу Хань шу». Деятельность Бань Чао в Западном крае (Восточном Туркестане), описанная в его биографии, подробно рассмотрена в четвертой главе данной работы. Поэтому здесь лишь кратко скажем о фактах, имеющих отношение к этому суждению Э. Пуллиблэнка.

В первой половине 73 г. Бань Чао, получив должность цзясыма, военного чиновника среднего, пятого, ранга, а не маршала, как квалифицирует ее Э. Пуллиблэнк (с. 251), участвовал в походе против северных сюннов армии Доу Гу, отличился и был послан Доу Гу явно во второй половине того же года в Западный край (ХХШ, гл. 47, с. 1572), а не в 74 г. и не в качестве подчиненного офицера Чэнь Му, как считает Э. Пуллиблэнк, поскольку Чэнь Му был назначен на должность духу на рубеже 74–75 гг. Сначала Бань Чао подчинил себе правителя ближнего к Хань царства Шаньшань, затем правителя Юйтянь (Хотана) и в начале 74 г. прибыл в Шулэ (Кашгар). Там он изгнал правителя, ставленника Гуйцы (Кучи), возвел на трон другого – собственного и остался здесь до 102 г. – конца своего пребывания в Западном крае. Только в 78 г., разгромив один город царства Гумо (Аксу), подвластного Гуйцы, он написал первый доклад императору, в котором изложил план разгрома Гуйцы и просил прислать войска для этого (ХХШ, гл. 47, с. 1573–1576).

Так что Бань Чао находился в Юйтянь около месяца в конце 73, а не в 74 г. Не мог он за столь короткий срок с отрядом всего в 30 человек провести рекогносцировочный поход до Висячего перехода (Сяньду), до которого, по данным «Хань шу», было от Янгуань 5888 ли (ХШ, гл. 96/1, с. 3882), а от Юйтянь, по нашим расчетам, около 2000 ли (800 км). Иначе в его биографии такой «подвиг» был бы «расписан», как и другие, гораздо более мелкие, подробно и красочно. Более того, в «Хоу Хань шу» только в описании царства Дэжо кратко сказано о пути из Пишань (Гума) через Висячий переход в царства Цзибинь и далее в Уишаньли (ХХШ, гл. 88, с. 2917). А так как царства под названиями Цзибинь и Уишаньли при Поздней Хань уже не существовали, то очевидно, что Фань Е взял это сообщение из «Хань шу». Но даже если бы Бань Чао и совершал поход до Висячего перехода, то все равно он не мог получить на этом труднейшем пути в Индию точные сведения о находившихся отсюда в тысячах километров, притом в разных регионах, владениях юэчжийских сихоу и канцзюйских зависимых царьков.

И наконец, остановимся на мнении Э. Пуллиблэнка о том, что приведенные в трех пассажах данные о расстояниях от ставки

генерал-протектора (духу) были определены либо в 74–75 гг., когда на эту должность, впервые учрежденную в Поздней Хань, был назначен Чэнь Му, либо в 91–92 гг., когда она была вновь учреждена и пожалована Бань Чао.

Должность духу впервые была учреждена на рубеже 74–75 гг., а уже через полгода, т.е. в середине 75 г., занявший ее Чэнь Му был убит войсками Яньци (Карашара) и Гуйцы (Куча) (ХХШ, гл. 2, с. 122, 123). Очевидно, что за эти шесть месяцев пребывания его в этой должности не могли быть измерены расстояния от его ставки духу в Чеши ближнем (Турфане) до находившихся за две-три тысячи километров владений пяти юэчжийских сихоу и пяти канцзюйских зависимых царьков. Не были они измерены и в 91–92 гг., когда Бань Чао получил должность духу, находясь в Шулэ, так как расстояния эти явно измерены от местонахождения ставки духу при Ранней Хань в царстве Улэй (Бугуре) на притяньшаньской дороге, неподвластной Поздней Хань. Но даже если бы они и были измерены при Бань Чао, они все равно не могли попасть в «Хань шу», так как Бань Гу закончил написание ее в 82 г., а в 91 г. оказался в опале и в 92 г. был брошен в тюрьму, где и умер (Синицын, 1975, с. 35–36). Кроме того, если бы расстояния в эти годы измерялись от ставки духу Чэнь Му в Чеши ближнем либо от ставки Бань Чао в Шулэ (Кашгаре), то в первую очередь были бы определены расстояния до ближних к ним царств. Но в «Повествовании о западном крае» в «Хоу Хань шу» расстояния до всех царств, в том числе и до Большого Юэчжи, указаны не от ставки духу, а от ставки чжанши. А эту должность, как увидим далее, занимал в 123–127 гг. Бань Юн, сын Бань Чао.

А тот факт, что пассажи о пяти юэчжийских сихоу и пяти малых канцзюйских царьках приведены в «Хань шу» в конце описаний Большого Юэчжи и Канцзюй, объясняются, скорее всего, тем, что они составлены в виде своеобразной таблицы, очень отличной по форме от основного описания, и даны как бы приложением.

В заключение заметим, что представляется странной сама постановка вопроса о том, что Бань Гу мог под видом материалов по истории Ранней Хань включить в «Хань шу» материалы периода Поздней Хань. Ведь он, основоположник жанра династийной истории, которая писалась после падения данной династии, заложил и традицию, согласно которой составитель мог включить в текст материалы из работ своих предшественников за время, предшествующее воцарению этой династии, но не за время после ее падения. Он мог лишь изредка в своем введении или заключении

к той или иной главе, четко отделявшихся от основного текста, в самом общем виде упомянуть отдельный факт или тенденцию последующего периода.

Полагаем, что изложенное выше не оставляет сомнения в том, что данные о пяти юэчжийских сихоу в конце описания Большого Юэчжи в «Хань шу» относятся именно к I в. до н.э. Поэтому обратимся к детальному исследованию их.

Прежде всего уточним значение термина *сихоу*, который в этом отрывке написан как *линхоу*. В комментарии к нему Янь Шигу (581–645) без всякого обоснования написал: «*Лин* и есть *си*» (ХШ, гл. 96/1, с. 3891, прим. 2), а Н. Я. Бичурин пояснил: «Китайский титул княжеского достоинства. Это удельные князья юечжыского вана» (Бичурин, 1950, т. 2, с. 184, прим. 1). Несомненно, что общей основой для этих комментариев послужили сведения в «Ши цзи» о сюннуском малом ване Чжао Сине, который в 131 г. до н.э. сдался Хань и получил в ней титул *сихоу* (ХШ, 1933, гл. 17, с. 0345/2), а в 128 г. вновь сдался сюннам и стал ближайшим советником шаньюя (ШЦ, гл. 110, с. 2908; гл. 111, с. 2944). Явно по причине того, что Сыма Цянь написал всюду титул Чжао Синя как *сихоу*, Янь Шигу идентифицировал иероглифы *лин* и *си* в его написании. А Н. Я. Бичурин, поскольку Чжао Синь получил титул *сихоу* в Хань, счел его китайским титулом княжеского достоинства.

Но в Хань титула *сихоу* не было. Как явствует из «Таблицы заслуженных сановников» в «Хань шу», Хань жаловала сдавшимся ей титулованным иноземцам свой титул второго достоинства – *хоу*. И только сдавшемуся в 147 г. до н.э. Ханьданю и в 131 г. Чжао Синю был пожалован титул *сихоу*. Как будет показано ниже, это был высший титул знатности у юэчжей и усуней. Вероятно, Ханьдань и Чжао Синь были знатными юэчжийцами, оставшимися на родине под властью сюннов, бежали в Хань и попросили императора пожаловать им титул, принятый у их народа. В те годы в Хань еще почти ничего не знали о юэчжах и усунях, о достоинстве этого их титула, и император согласился. Но позже, когда стало известно, что это – высший титул знатности, равный ханьскому высшему титулу *ван* (князь), Хань никогда более не жаловала его сдававшимся ей юэчжам.

В «Повествовании о западном крае» в «Хань шу» этот титул в написании *линхоу* встречается не только в описании Большого Юэчжи, но и в описании Усунь наряду с названием *сихоу*. Если учесть, что связи Хань с Усунь в первой половине I в. до н.э. были очень тесными, что в 61–60 гг. до н.э. Хань, собираясь отправить свою очередную принцессу в жены куньми, обучала ее

усуньскому языку (ХШ, гл. 96/2, с. 3905), то станет ясно, что здесь хорошо знали название усуньского высшего титула знатности. А в «Повествовании о Сюнну» в «Хань шу» этот титул трижды встречается в написании *сихоу*, при этом в двух случаях излагались те же события, что и в описании Усунь, где он написан *линхоу*. Поэтому складывается впечатление, что *сихоу* – это китайская транскрипция, а *линхоу* – усуньская и юэчжийская. Так как в литературе уже принято его написание как *сихоу*, следуем этому обычаю и всюду вместо *линхоу* пишем *сихоу* (далее – без курсива).

Что же касается сути этого термина, то она хорошо видна из следующих сведений по истории усуней. Хронологически впервые он упоминается в «Хань шу» в версии рассказа Чжан Цяня о ранней истории усуней, когда они жили вместе с юэчжами в Ганьсуском коридоре. Здесь воспитателем новорожденного наследника куньми, а им назначался один из самых знатных людей, назван Буцзю-сихоу. В описании царства Усунь в долине Или сихоу упоминаются неоднократно. Так, куньми* Вэньгуйми (ок. 94–61 гг. до н.э.) выдал замуж свою младшую дочь за Жоху-сихоу (ХШ, гл. 96/2, с. 3904). Во время войны с Сюнну в 71 г. до н.э. «куньми [Вэньгуйми] во главе сихоу и [прочей знати] ниже их» вторгся в ее земли с большим войском, а спустя ряд лет после смерти Вэньгуйми его сын Уцзюту в ходе борьбы за трон «со всеми сихоу бежал в горы», где потом и был провозглашен куньми (ХШ, гл. 96/2, с. 3905, 3907). Подробнее история Усунь исследована ранее (Боровкова, 2001, гл. 10, 11).

Все эти факты не оставляют сомнения в том, что в Усунь сихоу были знатными людьми, а все остальные ниже их по статусу. От поддержки сихоу зависела судьба куньми. Так что усуньский титул сихоу сопоставим с ханьским высшим титулом знатности *ван* (князь). Многие ученые идентифицируют его с тюркским титулом *ябгу* и в переводах заменяют им (см., например: Цюрхер, 1968, с. 365), тем самым как бы предрешая вопрос о тюркском происхождении юэчжей. Но это вряд ли правомочно, так как вопрос об этническом происхождении юэчжей и кушан остается спорным (Пури, 1974, с. 182–189).

Кроме того, согласно приведенным сведениям из описания Усунь, в ней было не три-пять сихоу (князей), а значительно больше.

---

* Титул правителя Усунь был назван Чжан Цянем, впервые побывавшем в этом царстве, *куньмо*. А после того как в I в. до н.э. связи Хань с Усунь стали очень тесными, название это было уточнено – *куньми*.

Итак, у усуней и юэчжей, издревле живших в тесном соседстве в Ганьсуском коридоре, название высшего титула знатности было одинаковым – сихоу. К тому же названия двух юэчжийских сихоу, Сюми-сихоу и Шуанми-сихоу (вероятно, по названиям их родовых групп), заканчиваются слогом *ми*, как и имена 10 из 16 усуньских куньми (см.: Боровкова, 2001, с. 316, прилож. 3). Все это позволяет предположить сходство их языков и этническое родство.

Теперь сведения в «Хань шу» о пяти юэчжийских сихоу оказываются более информативными. Скорее всего, в Большом Юэчжи, как и в Усунь, сихоу (князей) было не пять, а значительно больше, а пять из них упомянуты в его описании только потому, что именно они были обязаны снабжать продовольствием и всем необходимым ханьских послов, проходивших через их владения. Следовательно, владения пяти сихоу не охватывали всю территорию царства, что и подтвердит следующее ниже выяснение расстояний между этими владениями и их местонахождения.

Сопоставление названий титулов пяти сихоу – Сюми, Шуанми, Гуйшуан, Сидунь и Гаофу – и их городов-ставок показывает, что они в двух случаях идентичны (Шуанми-сихоу и г. Шуанми, Гаофу-сихоу и г. Гаофу), а в трех – разнятся. По-видимому, два сихоу основали новые города для своих ставок, названные по их титулам, трое же других основали свои ставки в уже существовавших городах, сохранив их прежние названия.

Перед нами поразительный факт – у юэчжей-кочевников в самом начале I в. до н.э. вдруг появились города, и они даже стали строить новые, тогда как Чжан Цянь, побывавший в 129 г. до н.э. при дворе правителя Большого Юэчжи, даже его столицу назвал не городом (*чэн*), а ставкой кочевого правителя (*тин*). Очевидно, что объяснить это можно только тем, что юэчжи в I в. до н.э. завладели новыми землями, население которых уже имело города и умело их строить. И это полностью согласуется с тем доказанным выше фактом, что Большое Юэчжи овладело на рубеже 100–99 гг. до н.э. лежавшей к югу от него и р. Гуйшуй Дася, страной земледельцев, ремесленников и торговцев, имевшей «тысячу городов», и что ее столица г. Ланьши стала столицей юэчжийского правителя.

Однако подтвердить это умозаключение можно, лишь доказав, что города-ставки пяти сихоу находились именно в бывших землях Дася к югу от р. Гуйшуй (Сырдарьи).

Вопрос о местонахождении их рассматривался нами ранее, сначала в работе «Запад Центральной Азии во II в. до н.э. -–VII

в. н.э.» в контексте комплексного исследования проблем локализации и взаиморасположения практически всех известных китайцам в те века царств Восточного Туркестана и Средней Азии, потом в работе «Царства «западного края»». Историко-географический анализ на современном научном уровне данных династийных историй почти за тысячелетие в их строго хронологической последовательности как о местонахождении владений пяти юэчжийских сихоу, так и царств, их преемников в последующие века, всех их соседей и соседей соседей показал, что города-ставки первых четырех сихоу лежали на Великом караванном пути из Китая на запад, проходившем через Шулэ (Кашгар), Давань (Фергану) и далее, а пятого сихоу – в начале отходящего от него на юг в районе ставки Сидунь-сихоу, нынешнего г. Хаваста, караванного пути, нынешнего Душанбинского тракта.

Однако в данной работе, специально посвященной истории юэчжей и кушан, подробное исследование вопроса о местонахождении городов-ставок пяти юэчжийских сихоу приобретает особое значение, поскольку оно, как увидим ниже, позволяет точно определить время их основания и тем самым ответить на вопрос о времени создания Кушанского царства.

В описании Большого Юэчжи в «Хань шу» сказано, что пять сихоу были обязаны снабжать продовольствием ханьских послов, но, видимо, не только ханьских. Поэтому очевидно, что их города-ставки находились на каком-то торном караванном пути. Ведь послы Хань, да и других стран, возившие ценные дары правителям иноземных царств, опасаясь грабежей, ходили со своими богатыми тяжелыми караванами и охраной по наиболее удобным и оживленным караванным путям, хотя и на них нередко подвергались грабежам и насилию (ШЦ, гл. 123, с. 3166, 3171, 3174; ХШ, гл. 96/1, с. 3886).

Регион, по которому проходил караванный путь с лежавшими на нем городами-ставками пяти сихоу, определен в «Ши цзи» в сообщении об отправлении У-ди в 99 г. до н.э. послов в царства к западу от Давань (Ферганы), через которую послы Хань ходили в Большое Юэчжи и Дася и во II в. до н.э. Поэтому нельзя усомниться в том, что послы У-ди именно через Давань вышли в земли Большого Юэчжи по Великому караванному пути и побывали во владениях его пяти сихоу.

Далее необходимо выяснить, о чем говорят указанные в описании расстояния от Янгуань до городов-ставок пяти сихоу. Для наглядности представим их в виде таблицы, дополнив ее для удобства анализа вычисленными нами расстояниями до них от

Шулэ (Кашгара) и расстояниями между ними как в ханьских ли, так и в пересчете на километры (2,5 ханьских ли = 1 км):

№	Имя сихоу	Расстояние от Янгуань до их ставок, *ли*	Расстояние между ставками, *ли/км*	Расстояние от Шулэ до ставок, *ли/км*
1	Сюми	Хэмо 7802	90/36	2952/1180
2	Шуанми	Шуанми 7792 ? расчет 7892	90/36	3042/1216
3	Гуйшуан	Хуцзао 7982	220/88	3132/1252
4	Сидунь	Бомао 3202	1081/432	3352/1340
5	Гаофу	Гаофу 9283		4433/1773

Как видим, пять сихоу перечислены в последовательности возрастания расстояния до их городов-ставок от Янгуань, из чего следует, что их владения лежали друг за другом по одному или по пересекавшимся караванным путям. А то, что в нарушение этого порядка перечисления расстояние от Янгуань до города-ставки второго сихоу (7792 ли) оказалось всего на 10 ли, т.е. на 4 км меньше, чем до ставки первого сихоу (7802 ли), говорит об ошибочности этой цифры. Не могли ставки двух сихоу, снабжавших послов продовольствием, быть в четырех километрах друг от друга. Судя по тому, что от ставки первого сихоу до ставки третьего было 180 ли (72 км), можно предполагать, что ставка второго сихоу находилась между ними посередине. В таком случае до нее от Янгуань было 7892, а не 7792 ли, как явно по ошибке написали позднейшие переписчики «Хань шу», а от нее до ставок первого и третьего сихоу — по 90 ли (36 км). Расстояние же между ставками третьего и четвертого сихоу было больше, 220 ли (88 км).

Таким образом, выясняется, что города-ставки первых четырех сихоу располагались недалеко друг от друга, в двух-трех днях пути тяжелого каравана, на коротком, в 160 км, отрезке караванного пути. Это доказывает, что владения их были маленькими и все четыре занимали лишь небольшую часть земель Большого Юэчжи, завладевшего всей Дася. А точные названия титулов сихоу и их городов-ставок, а также взаимосогласующиеся данные о расстоянии до них от Янгуань доказывают, что сообщившие их ханьские послы лично побывали в этих городах-став-

ках сихоу и по пути туда и обратно точно измерили расстояния до них в ханьских ли.

А вот город-ставка пятого сихоу указан удаленным от ставки четвертого сихоу на большое расстояние – 432 км. Но малые расстояния между ставками первых четырех сихоу позволяют усомниться в достоверности данного сообщения и в том, что ханьские послы побывали в ставке пятого сихоу.

В целом все вышеизложенное дает основание считать достоверным общее утверждение ханьских послов, зафиксированное в последнем сообщении о пяти сихоу: «Все пять сихоу подчинялись [правителю] Большого Юэчжи».

Рассмотренные данные о пяти сихоу в описании Большого Юэчжи I в. до н.э. в «Хань шу» свидетельствуют о том, что их города-ставки находились на Великом караванном пути из Китая на запад, к западу от Давань (Ферганы), что по размерам их владения были маленькими и подвластными правителю этого царства. Больше этого они сами по себе ничего нам сказать не могут. Поэтому, чтобы они «заговорили», обратимся к сведениям о пяти сихоу в последующих историях.

В описании Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу», содержащей материалы за 25–220 гг. н.э., сказано, что спустя сто с лишним лет после выделения в Большом Юэчжи владений пяти сихоу один из них – Гуйшуан-сихоу разгромил четырех других и стал правителем всего царства Большое Юэчжи, получившего название Гуйшуанского (ХХШ, гл. 88, с. 2921), т.е. Кушанского царства.

Эти сведения приводим здесь потому, что они объясняют причину сохранения на многие века памяти о местонахождении города-ставки Гуйшуан-сихоу, ставшего основателем знаменитого Кушанского царства.

Так что появление в «Вэй шу», содержащей материалы по истории империи Северная Вэй (386–535), описаний пяти царств, идентифицированных с владениями пяти юэчжийских сихоу I в. до н.э., не вызывает недоверия. После падения империи Поздняя Хань в 220 г. и до середины V в. лишь отдельные царства Средней Азии имели единичные контакты с Китаем, переживавшим в тот период этап политической раздробленности. В середине V в. Северная Вэй восстановила связи с царствами этого региона. И послы из многих и потому, безусловно, мелких царств Средней Азии стали прибывать к ее двору (см.: ЦФЮГ, гл. 969, с. 11387–11393). Несомненно, от них были получены те очень краткие сведения, что изложены в описаниях этих царств в «Повествовании о западном крае» в «Вэй шу».

Согласно им, в V в. была жива память о владениях еще всех пяти юэчжийских сихоу. Пять царств Средней Азии – Цзябэй, Чжэсемосунь, Цяньдунь, Фудиша и Яньфоцзе – последовательно идентифицированы с владениями пяти сихоу. Первое из них, Цзябэй, идентифицированное с владением первого сихоу – Сюми, указано лежащим к западу от Шаче (Яркенда) (ВШ, гл. 102, с. 2274), описания которого в этой истории нет. Три следующих царства, идентифицированных соответственно с владениями второго, третьего и четвертого сихоу, указаны лежащими далее Цзябэй, каждое к западу от предыдущего. И только пятое царство, идентифицированное с владением пятого сихоу, Гаофу, указано находившимся к югу от четвертого царства, Фудиша, идентифицированного с владением четвертого сихоу – Сидунь. В той же последовательности возрастало и расстояние до пяти царств от Дай, столицы Северной Вэй: 13 000, 13 500, 13 560, 13 660, 13 760 ли (ВШ, гл. 102, с. 2274–2275).

Сообщение о местонахождении царства Цзябэй/Сюми к западу от Шаче (Яркенда) послужило основанием для предшествующих исследователей искать эти пять царств и идентифицированные с ними владения пяти юэчжийских сихоу по какому-то пути, якобы шедшему от Яркенда прямо на запад до Памира и через него – в долину Амударьи, где они локализовали Большое Юэчжи. Но ни в одной династийной истории нет описания такого пути. Нет его и до сих пор, потому что, как отмечал еще Н.А. Аристов в начале XX в., кратчайший путь прямо от Хотана к Памиру вдоль Яркенддарьи непроходим, так как эта река течет в узком и скалистом ущелье, не дающем места для дороги (Аристов, 1901, с. 16).

Нами же выше, по данным «Ши цзи», точно установлено, что в последней трети II в. до н.э. ханьские послы ходили в царства к западу от Давань (Ферганы), в том числе в Большое Юэчжи и Дася, именно через Давань, т.е. по Великому караванному пути из Китая на запад. И отправленные У-ди в 99 г. до н.э. послы в царства к западу от Давань вышли из нее в Большое Юэчжи именно по этому пути и прошли через лежавшие на нем города-ставки пяти сихоу, которых правитель Большого Юэчжи обязал снабжать послов продовольствием. Значит, и пять царств V в., идентифицированных с владениями сихоу, должны были располагаться на этом пути. Чтобы удостовериться в этом, необходимо выяснить, согласуются ли расстояния до ставок пяти сихоу в «Хань шу» и до царств, идентифицированных с ними, в «Вэй шу».

Поскольку расстояние до царств определено от Дай, тогда как в «Хань шу» – до ставок сихоу от Янгуань, вычтем часть его от

Дай до Шулэ в 11 250 ли (ВШ, гл. 102, с. 2268) и узнаем расстояние до царств от Шулэ. А так как в «Вэй шу» расстояния исчислены в вэйско-танских ли (1,9 ли = 1 км), пересчитаем их в километры и, сведя в таблицу, сопоставим с выше определенными по данным «Хань шу» расстояниями от Шулэ до ставок сихоу в ли/км.

Прежде всего обратим внимание на то, что в «Вэй шу» расстояние от Шулэ до второго царства Чжэсемосунь, идентифицированного с владением второго сихоу, Шуанми, больше, чем до первого царства Цзябэй, идентифицированного с владением первого сихоу Сюми. Это подтверждает наше изложенное выше предположение о наличии ошибки в «Хань шу», где расстояние до города-ставки второго сихоу оказалось меньше (7792 ли), чем до города-ставки первого сихоу (7802). А тот факт, что расстояние между Чжэсемосунь и третьим царством, Цяньдунь, идентифицированным с владением третьего сихоу, Гуйшуан, равно 32 км, подтверждает наше предположение о местонахождении ставки второго сихоу, Шуанми-сихоу, посередине пути между ставками первого и третьего сихоу и о расстоянии до него в 7892 ли, а не 7792.

	Название царства/ владения сихоу	Расст. от Шулэ по ВШ, *ли/км*	Расст. от Шулэ по ХШ, *ли/км*	Сокращ. расст.от Шулэ к V в., *км*	Расст. между царствами и владениями сихоу по ХШ–ВШ, *км*
1	Цзябэй/Сюми	1750/921	2852/1180	259	36–263
2	Чжэсемосунь/ Шуанми	2260/1184	3042/1216	32	36–32
3	Цяньдунь/ Гуйшуан	2310/1215	3132/1252	37	88–53
4	Фудиша/ Сидунь	2410/1268	3352/1340	72	432–53
5	Яньфоцзе/ Гаофу	2510/1321	4433/1773	452	

В целом же из таблицы ясно, что расстояние от Шулэ до первого и пятого царств V в. намного меньше (на 259 и 452 км), чем до идентифицированных с ними владений первого Сюми- и пятого Гаофу-сихоу I в. до н.э., а до второго, третьего и четвертого царств лишь чуть-чуть меньше (на 32, 37 и 72 км), чем до соот-

ветствующих владений сихоу. Столь большое сокращение расстояния от Шулэ до первого и пятого царства (Цзябэй и Яньфоцзе) не может быть объяснено спрямлением пути до них за шесть истекших веков. А вот незначительное сокращение расстояния до трех других царств явно объясняется этим.

Таким образом, выясняется, что столицы трех из пяти царств (напомним, расстояния определялись между их столицами) V в. практически точно локализуются на месте городов-ставок юэчжийских сихоу I в. до н.э. и в числе их столица царства Цяньдунь, идентифицированного с владением третьего сихоу Гуйшуан, дальний потомок которого основал знаменитое Кушанское царство.

В свете выявленного совпадения расстояний от Шулэ до второго, третьего и четвертого царств V в. и до идентифицированных с ними владений второго, третьего и четвертого сихоу I в. до н.э. представляется заслуживающим доверия и сообщение о местонахождении пятого царства Яньфоцзе, идентифицированного с владением пятого сихоу Гаофу, всего в 53 км от четвертого царства – Фудиша, идентифицированного с владением четвертого сихоу Сидунь. Оно подтверждает высказанное нами выше предположение о недостоверности установленного по данным «Хань шу» расстояния между городами-ставками четвертого и пятого сихоу в 432 км, поскольку оно не согласуется с небольшими расстояниями между городами-ставками первого, второго, третьего и четвертого сихоу в 36, 36 и 88 км. Расстояние же в 53 км, установленное по данным «Вэй шу», соответствует им.

Кроме того, сообщение в «Вэй шу» о местонахождении пятого царства Яньфоцзе (Гаофу) к югу от четвертого царства Фудиша (Сидунь) доказывает, что первые четыре царства и идентифицированные с ними владения юэчжийских сихоу располагались друг за другом с востока на запад по одному и тому же Великому караванному пути из Китая на запад, тогда как пятое царство, идентифицированное с владением Гаофу-сихоу, находилось на караванном пути, отходившем от него на юг у четвертого царства, идентифицируемого с владением четвертого сихоу, Сидунь-сихоу. Но известны два таких пути: один, нынешний Душанбинский тракт, отходит на юг у г. Хаваст, другой, нынешний Узбекский тракт, отходит на юг от Самарканда. Остается выяснить, на котором из них располагались ставка Гаофу-сихоу в I в. до н.э. и столица царства Яньфоцзе в V в. н.э.

Материалы следующих после «Вэй шу» династийных историй позволяют, как увидим ниже, доказательно ответить на этот вопрос.

К VII–VIII вв. сохранилась память о местонахождении только владения знаменитого основателя Кушанского царства Гуйшуан-сихоу, закрепившаяся в названии находившегося на его месте царства Гуйшуанни. Это выясняется из следующих сведений. В «Синь Тан шу», в описании царства Хэ, сказано: «Хэ называется еще Цюйшуанницзя или Гуйшуанни» (СТШ, гл. 221/2, с. 6247). Хэ – явно китайское название царства, а Цюйшуанницзя и Гуйшуанни – безусловно, китайская транскрипция его местных названий, восходящих к названию владения Гуйшуан-сихоу.

Но в «Синь Тан шу» нет данных о расстоянии до этого владения. Зато они есть в династийных историях предшествующего периода – «Бэй ши» и «Суй шу». В их материалах по истории империи Суй (581–618) впервые зафиксировано прибытие к ее двору посольств из Хэ и других царств среднеазиатского региона (сводку сведений о них см.: ЦФЮГ, гл. 970, с. 11396). И, судя по всему, по сведениям, полученным от них, в этих двух историях появились идентичные описания царств. Согласно описанию в них, царство Хэ (его столица) находилось в нескольких ли к югу от р. Нами, в 150 ли к западу от царства Цао, в 300 ли к востоку от царства Малое Ань и в 6750 ли к западу от Гуачжоу (БШ, гл. 97, с. 3237; СШ, 1933, с. 2535/4–2536/1).

Река Нами, по данным этих историй, однозначно всеми идентифицируется с Сырдарьей. В них к югу от нее, кроме Хэ, указаны еще два царства. Эти сведения не оставляют сомнения в том, что царство Хэ/Гуйшуанни находилось на южном берегу Сырдарьи по Великому караванному пути из Китая на запад.

А еще в этих двух историях, в описаниях царств периода Суй в «Повествовании о западном крае», есть сведения о взаиморасположении их по странам света с соседями, о расстояниях между ними и в ряде случаев о расстоянии до них от Гуачжоу, как тогда назывался Дуньхуан. По этим данным оказалось возможным определить точную последовательность расположения царств по Великому караванному пути от Шулэ на запад и место царства Хэ/Гуйшуанни среди них. Сумма расстояний между соседними царствами в их последовательности расположения на данном пути до Хэ точно совпала с указанным в его описании расстоянием до него от Гуачжоу – 6750 ли.

Так как тогда от Гуачжоу до Шулэ было 4600 ли (БШ, гл. 102, с. 3219), то оказывается, что от Шулэ до Хэ/Гуйшуанни было 2150 ли (1131 км).

Теперь сопоставим определенные нами расстояния от Шулэ: по «Хань шу» до владения Гуйшуан-сихоу I в. до н.э. было 1252 км;

по «Вэй шу» до идентифицированного с ним царства V в. Цяньдунь – 1215 км, по «Бэй ши», до царства Хэ/Гуйшуанни VII–VIII вв. – 1131 км.

Как видим, расстояние от Шулэ до царства Хэ/Гуйшуанни VII в. меньше расстояния от Шулэ до владения Гуйшуан-сихоу I в. до н.э. всего на 121 км. Это вполне объясняется тем, что путь более чем в тысячу километров за семь-восемь веков сократился на 10%. Поэтому вряд ли можно усомниться в том, что столица царства Хэ/Гуйшуанни находилась практически на том же месте, где и город-ставка Гуйшуан-сихоу.

В целом же анализ данных «Бэй ши» и «Синь Тан шу» о царстве Хэ/Гуйшуанни показал, что оно, точнее – столица его, находилась на южном берегу р. Нами (Сырдарьи) на Великом караванном пути из Китая на запад, там же, где в I в. до н.э. был город-ставка Гуйшуан-сихоу.

В результате проведенного исследования выяснилось по согласующимся данным «Хань шу» и «Вэй шу», что владения первых четырех юэчжийских сихоу и идентифицированные с ними царства V в. лежали друг за другом к западу от Давань (Ферганы) по одному и тому же караванному пути, а по данным «Бэй ши» и «Синь Тан шу», царство Хэ/Гуйшуанни находилось на южном берегу Сырдарьи, т.е. точно на Великом караванном пути из Китая на запад, и там же, где в I в. до н.э. был город-ставка Гуйшуан-сихоу и идентифицированное с ним царство Цяньдунь V в. Все это дает основание считать, что города-ставки близлежавших владений трех других сихоу находились на этом же пути. А город-ставка пятого сихоу Гаофу, согласно точным данным «Вэй шу» о царстве Яньфоцзе, идентифицированном с владением Гаофу, располагался на караванном пути, отходящем от него на юг у ставки четвертого сихоу.

Теперь, чтобы до конца решить вопрос о локализации владений и городов-ставок пяти юэчжийских сихоу, необходимо хотя бы примерно определить, в районе каких современных городов находились на Великом караванном пути ставки первых четырех сихоу и на каком из двух отходящих от него на юг караванных путей лежала ставка пятого сихоу.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют сделать это только следующим образом. Сначала выясним, на сколько примерно процентов в среднем сократилось расстояние по Великому караванному пути за две тысячи лет, с I в. до н.э. по настоящее время, когда по нему проложена автотрасса. Затем уменьшим указанные в «Хань шу» расстояния до городов-ставок

на этот процент и по вычисленным таким образом расстояниям установим, в районе каких примерно современных городов на данном пути могли находиться города-ставки древних сихоу.

Определить же в среднем процент сокращения расстояний в результате постепенного спрямления путей можно, лишь сопоставив расстояние между двумя далеко отстоявшими друг от друга древними пунктами, которые точно идентифицированы с современными. По данным «Хань шу», на Великом караванном пути из Китая на запад только Шулэ точно идентифицируется с Кашгаром. Проведенное выше сопоставление расстояния I в. до н.э. от Шулэ до ставки Гуйшуан-сихоу у Бекабада с расстоянием VII в. н.э. от Шулэ до царства Хэ/Гуйшуанни показало, что оно сократилось к началу VII в. примерно на 10%.

Но необходимо выяснить, насколько сократилось расстояние между ними с VII в. по настоящее время.

По данным «Бэй ши», из всех царств VII в., лежавших на Великом караванном пути, оказалось возможным идентифицировать, кроме Шулэ с Кашгаром, еще только царство Му с Чарджоу. Царство Му, последнее из описанных в ней по этому пути к западу от Шулэ, указано находившимся на р. Уху к юго-западу от царства Ань. Река Уху однозначно идентифицируется с Амударьей. Идентификация царства Му на р. Уху с г. Чарджоу, расположенном по этому пути у переправы через Амударью, обоснована в нашей прежней работе, в которой исследованы вопросы локализации всех царств, лежавших на данном пути от Шулэ до Му, по данным не только «Бэй ши» и «Синь Тан шу», но и «Записок о западном крае [периода] Великой Тан» Сюань-цзана, и отражена на представленных в книге схемах 5–7 (Боровкова, 1989, с. 125–127, 130–131).

По данным «Бэй ши», расстояние от Шулэ до Му составляло 3350 ли (1763 км). Но, как уже показано выше, расстояние от Шулэ (Кашгара) до столицы Давань г. Гуйшань (Ошa) сократилось к VII в., когда бывшая Давань уже называлась Бохань, до 526 км и с тех пор до настоящего времени почти не изменилось. Поэтому исключим этот участок пути и определим соотношение расстояний между царствами VII в. Бохань (Ош) и Му (Чарджоу), равное 1236 км, и между нынешними городами Ош и Чарджоу по современной автотрассе, равное 989 км. Как видим, оно сократилось на 247 км или в среднем почти на 20%.

Теперь, зная, что расстояние от Шулэ до царства Хэ/Гуйшуанни сократилось с I в. до н.э. до начала VII в. в среднем на 10%, а с начала VII в. и до настоящего времени по этому пути еще почти

на 20%, выясняем, что оно в целом по современной автотрассе меньше, чем по дорогам I в. до н.э., в среднем почти на 30%. Сократим на 30% расстояния I в. до н.э. от Шулэ до ставок первых четырех юэчжийских сихоу, пересчитав их в километры, и выясним, на каком примерно расстоянии и в каких примерно районах они находились бы по современной автотрассе от Кашгара.

	Названия сихоу	Расст. до их ставок от Шулэ, км	30%, км	Современ. расст. до их ставок, км	Современ. города	Расст. до них от Кашгара, км
1	Сюми	1180	354	826	Худжанд	829
2	Шуанми	1216	365	851	Бекабад	879
3	Гуйшуан	1252	375	877	Хаваст	925
4	Сидунь	1340	402	938	Джизак	1000

Как видим, ставка первого сихоу Сюми оказалась всего в трех км восточнее нынешнего г. Худжанд, а ставка третьего, Гуйшуан, лишь в двух км восточнее нынешнего г. Бекабад. Ставка же второго сихоу Шуанми, для которой он явно построил новый город, названный по его титулу – Шуанми, была между ними. Ставка четвертого сихоу Сидунь оказалась в 13 км западнее г. Хаваст и в 62 км восточнее г. Джизак.

Так что локализация нами в предшествующей работе ставок Гуйшуан-сихоу в районе Бекабада и Сидунь-сихоу в районе Хаваста с учетом приблизительности наших расчетов (Боровкова, 1989, с. 59, 140–141) подтвердилась и при более подробном исследовании этого вопроса.

Обоснованность данной локализации подтверждает и следующее совпадение. По данным «Вэй шу», рассмотренным выше, от царства Фудиша, идентифицированного с владения четвертого сихоу Сидунь, шел путь на юг, по которому в 53 км по дорогам V в. находилось царство Яньфоцзе, идентифицированное с владением пятого сихоу Гаофу. А только что мы установили, что ставка Сидунь-сихоу находилась в районе Хаваста. И именно от Хаваста идет путь на юг – Душанбинский тракт. По нему в 42 км по автотрассе от Хаваста лежит г. Ура-Тюбе (Атлас автодорог, 1984, л. 138). С учетом спрямления пути и сокращения расстояния с V в. до настоящего времени примерно на 20% есть основание полагать, что в его районе или даже на его месте находилась столи-

ца царства Яньфоцзе, идентифицированного с владением Гаофу-сихоу, и здесь же находилась ставка этого сихоу в I в. до н.э., т.е. на пути в столицу Большого Юэчжи г. Ланьши (Шахринау).

В итоге можно констатировать, что города-ставки Гуйшуан-сихоу и Гаофу-сихоу точно находились к югу от Сырдарьи, с которой мы идентифицировали р. Гуйшуй ханьского времени.

О местонахождении же к югу от нее городов-ставок первого и второго сихоу, Сюми-сихоу и Шуанми-сихоу, прямых свидетельств нет. Но есть косвенные.

Как выяснено выше, ставка Сюми-сихоу была в 3 км восточнее Худжанда. А в районе или на месте нынешнего Худжанда находилась, как показало ранее наше исследование (Боровкова, 1989, с. 138–141), столица известного китайцам с VI в. могущественного царства Кан или Самоцзянь, которому тогда подчинялись девять более мелких царств, в том числе и Хэ/Гуйшуанни (ВШ, гл. 102, с. 2281). В «Синь Тан шу» сказано, что его столица лежит к югу от р. Нами (Сырдарьи) (СТШ, гл. 221/2, с. 6243). Значит, можно уверенно полагать, что и ставка Сюми-сихоу находилась к югу от Сырдарьи, как и ставка второго Шуанми-сихоу, указанная к востоку от ставки Гуйшуан-сихоу, тоже лежавшей к югу от этой реки.

Вообще важно отметить, что в историях этого периода ни одно царство в этом регионе не указано лежащим к северу от р. Нами. И это не случайно, а связано с географией района: к западу от Коканда и к северу от Сырдарьи простиралась Кайраккумская степь, орошенная лишь в советское время после строительства Большого Ферганского канала и Кайраккумского водохранилища, а к западу от Сырдарьи после ее поворота на север у Бекабада лежала Голодная степь, безводная и безжизненная до строительства опять же в советский период Голодностепского канала.

Потому-то издревле караванный путь проходил здесь к югу от Сырдарьи по хорошо орошаемой ее притоками плодородной Ферганской долине, где было развито земледелие и существовало немало городов.

Главный вывод из проведенного исследования вопроса о местонахождении городов-ставок пяти юэчжийских сихоу I в. до н.э. состоит в том, что все они находились к югу от Сырдарьи. Ставки первых трех сихоу лежали на участке Великого караванного пути к западу от Коканда до Бекабада, где река поворачивает на север, а ставка четвертого сихоу Сидунь на нем же, но уже западнее Бекабада в районе Хаваста, и оттуда на юг отходил караванный путь, однозначно идентифицируемый с нынешним Душанбинс-

ким трактом. Он вел в столицу царства Ланьши, находившуюся, как показало исследование в первой главе, у нынешнего г. Шахринау к западу от Душанбе. В начале пути, в районе или на месте нынешнего г. Ура-Тюбе, и была основана ставка пятого сихоу Гаофу.

А это подтверждает высказанное выше предположение о том, что появление в I в. до н.э. городов у юэчжей-кочевников, у которых в последней трети II в. до н.э., по свидетельству очевидца Чжан Цяня, даже столица была не городом, а стоянкой кочевого правителя, связано с тем, что они на рубеже 100–99 гг. до н.э. завладели Дася, большой земледельческой страной с множеством городов, и ее столицу г. Ланьши сделали столицей своего царства.

Кроме того, поскольку во II в. до н.э. границей между кочевым царством Большое Юэчжи и земледельческой Дася была р. Гуйшуй, а учрежденные в самом начале I в. до н.э. города-ставки пяти юэчжийских сихоу находились к югу от Сырдарьи, то это подтверждает и нашу идентификацию Гуйшуй с Сырдарьей.

Местонахождение ставок пяти юэчжийских сихоу на севере бывших владений Дася объясняет и появление в описании Большого Юэчжи в «Хань шу» отмеченных нами выше ошибок в определениях как расстояний до его столицы и ставки пятого сихоу, так и общей численности его населения после покорения Дася. Само появление этих ошибок доказывает, что ханьские послы, отправленные У-ди в 99 г. до н.э. и побывавшие в Большом Юэчжи в 98 г., ни в столицу царства г. Ланьши, ни в лежавшую по пути в нее ставку пятого сихоу не ходили. Они прошли только через города-ставки первых четырех сихоу, лежавшие на Великом караванном пути, расстояния до которых от Янгуань и определили точно. Дальше на юг сихоу их явно не пустили, что доказывает, несомненно, намеренное завышение ими почти в десять раз расстояния от ставки четвертого до ставки пятого сихоу, лежавшей именно на пути в столицу, и ошибочное определение расстояния до столицы.

Так что ханьские послы получили сведения о Большом Юэчжи, зафиксированные в его описании в «Хань шу», именно от четырех северных сихоу, явно намеренно не сообщивших им верного расстояния до ставки пятого сихоу и до столицы, и, скорее всего, в силу незнания, ошибочно определивших общую численность населения его сразу после овладения Дася.

Проведенное исследование не оставляет, с нашей точки зрения, сомнения в том, что города-ставки пяти юэчжийских сихоу как центры выделенных им владений были учреждены правите-

лем Большого Юэчжи в 99 г. до н.э. в бывших землях Дася к югу от р. Гуйшуй (Сырдарьи).

О пределах владений Большого Юэчжи в I в. до н.э.

Определение местонахождения городов-ставок пяти юэчжийских сихоу в бывших землях Дася к югу от р. Гуйшуй (Сырдарьи) доказывает, что пределы Дася во II в. до н.э. и завладевшего ею Большого Юэчжи в I в. до н.э. простирались на север по меньшей мере до этой реки. Но вряд ли юэчжи, завладев Дася, покинули свои земли к северу от нее, где они жили 60 лет во II в. до н.э., соседствуя на севере с царством Канцзюй. Ведь они стали для них второй родиной. Такое предположение подтверждают, считаем, следующие косвенные данные. Большое Юэчжи во II в. до н.э. находилось, по «Ши цзи», к северу от р. Гуйшуй и к западу от Давань, а к северу от Большого Юэчжи и Давань лежало царство Канцзюй, с которым оба имели дружественные отношения. Естественным рубежом, отделявшим владения Давань и Большого Юэчжи на севере от владений Канцзюй, был, видимо, Кураминский хребет. И в «Хань шу» Канцзюй указан к северу от Давань и, как увидим ниже, от царства Аньси, западного соседа Большого Юэчжи во II–I вв. до н.э. Так что Большое Юэчжи, несомненно, сохранило и в I в. до н.э. свои земли к северу от р. Гуйшуй и по-прежнему соседствовало на севере с дружественным ему царством Канцзюй.

А что касается границы Большого Юэчжи с Давань в I в. до н.э., то она стала проходить где-то к востоку от ставки первого сихоу, лежавшей примерно в 3 км к востоку от Худжанда. По современной автотрассе от него до Коканда, где во II в. до н.э. находилась столица Давань г. Эрши, 148 км. Так близко подступили к ней владения Большого Юэчжи в I в. до н.э. Естественно, что усиление его после овладения Дася и приближение к ее столице испугали Давань, так как отношения их оставались враждебными со времени переселения юэчжей. Несомненно, поэтому Давань поспешно переносит свою столицу из Эрши (Коканд) дальше на восток в г. Гуйшань (Ош) и устанавливает дружественные отношения с победившей ее Хань, добровольно обязуется ежегодно поставлять ей двух своих лучших лошадей (из-за таких лошадей в 104 г. до н.э. Хань и начала против нее войну) (ХШ, гл. 96/1, с. 3895). Далекая, но могущественная Хань теперь, скорее всего, представлялась даваньцам единственным гарантом от вторжения Большого Юэчжи.

К западу от Большого Юэчжи в 49 днях пути, как сказано в его описании, находилась Аньси (Парфия). Поскольку тогда расстояния между царствами определялись по отстоянию столиц, то естественно было бы полагать, что 49 дней пути было от столицы Большого Юэчжи Ланьши до столицы Аньси, названной в ее описании Паньду (ХШ, гл. 96/1, с. 3889). Однако исследованные выше данные позволили заключить, что ханьские послы в 98 г. до н.э. в Ланьши не ходили. Откуда же в таком случае определено расстояние до столицы Аньси в 49 дней пути?

По данным «Хань шу», в то время день конной езды на дальнее расстояние в среднем равнялся 28 км (см. об этом: Боровкова, 1989, с. 47). Следовательно, расстояние в 49 дней пути соответствовало примерно 1370 км. А сейчас от Хаваста, в районе которого локализована нами ставка четвертого юэчжийского сихоу, до Ашхабада, в окрестностях которого в Нисе раскопана резиденция парфянских царей, по автотрассе – 1176 км (Атлас автодорог, 1984, л. 142–143). Это примерно на 20% меньше вычисленного нами расстояния в 49 дней пути до столицы Аньси. Но расхождение древнего и современного расстояний по Великому караванному пути от Давань (Ошa) до Му (Чарджоу) выше определено нами в среднем в 30%. А здесь 20%. Однако ранее отмечалась и неравномерность сокращения его на разных участках пути.

Поэтому надо учесть, во-первых, давность существования караванного пути от Согдианы (Самарканд–Бухара–Чарджоу) через крупнейший на рубеже эр торговый г. Мерв (в районе г. Мары и г. Байрам-Али) до столицы парфянских царей (Ниса в районе Ашхабада), а во-вторых, по свидетельству Чжан Цяня, уже тогда, во II в. до н.э., в Аньси (Парфии) «народ и торговцы использовали повозки для поездок в соседние страны за несколько тысяч ли» (ШЦ, гл. 123, с. 3162) как доказательство хорошего развития дорог в Аньси. Значит, сокращение расстояния на этом участке пути на 20, а не на 30% представляется вполне объяснимым.

Так что расстояние в 49 дней пути от Большого Юэчжи на запад до Аньси определено, получается, ханьскими послами в 98–97 гг. до н.э. от ставки четвертого юэчжийского сихоу (район Хаваста) – самой западной по Великому караванному пути – до столицы Аньси г. Паньду, локализация которой таким образом в I в. до н.э. в Нисе у Ашхабада подтверждается.

Но расстояние до столицы Аньси определено еще и в ее описании в «Хань шу», где сказано: «Царство Аньси. Ставка правителя в г. Паньду отстоит от Чанъани на 11 600 ли. Не зависит от

духу. Соседствует на севере с Канцзюй, на востоке – с Уишаньли, на западе – с Тяочжи. ... К востоку от Аньси – Большое Юэчжи» (ХШ, гл. 96/1, с. 3889, 3890).

Отсутствие такого рода сведений в описании Аньси в «Повествовании о Давань» в «Ши цзи» доказывает, что эти новые данные были получены при дворе Хань от ее же послов, побывавших в Аньси в 98–97 гг. до н.э.

Указанное здесь расстояние между столицами Хань и Аньси в 11 600 ли явно ошибочно уже потому, что столько же ли указано и от Чанъани до столицы Большого Юэчжи. Кроме того, только до ставки четвертого юэчжийского сихоу Сидунь, из которой ханьский посол, без сомнения, и пошел в Аньси, было по Великому караванному пути от Янгуань 8200 ли, да еще 4500 ли от Чанъани до Янгуань, а всего 12 700 ли, т.е. больше указанного расстояния в 11 600 ли от Чанъани до столицы Аньси. Поэтому возникло предположение, что ханьские послы, определившие расстояние до ставок сихоу от Янгуань, от нее же рассчитали и расстояние до столицы Аньси г. Паньду. Расчеты подтвердили его. Если от Янгуань до Паньду было 11 600 ли, а до ставки четвертого сихоу 8200 ли, то от ставки этого сихоу до столицы Аньси было, получается, 3400 ли (1360 км). Но ведь почти точно столько же, получается, было между ними по вычисленному нами расстоянию в 49 дней пути – 1370 ли.

Такое совпадение расстояний, вычисленных по двум разным данным, доказывает, полагаем, что в описании Аньси в «Хань шу» первоначально расстояние до нее было указано от Янгуань, а позже какой-то переписчик, поскольку в этой истории расстояния до всех других царств указаны от Чанъани, скорее всего машинально и написал Чанъань вместо Янгуань. Кроме того, это совпадение расстояний подтверждает, что ханьское посольство прошло тогда в Аньси через ставки четырех юэчжийских сихоу и что столица Аньси Паньду находилась в Нисе у Ашхабада.

А еще один вывод состоит в том, что западная граница Большого Юэчжи с Аньси на северо-западе пересекала Великий караванный путь с севера, где Аньси граничила с Канцзюй, на юг где-то между нынешним Хавастом, к западу от которого и лежала ставка четвертого сихоу, и Джизаком.

С ним согласуются следующие сведения в «Хань шу». В описании Аньси сказано, что к северу от нее находится Канцзюй. В описании же царства Канцзюй в числе пяти его зависимых владетелей назван Юйцзянь-ван, ставка которого г. Юйцзянь, судя по разнице расстояний от Янгуань, указанных до него и до Битянь, находился далеко к западу от столицы Канцзюй Битянь. Прове-

денное по данным «Хань шу» исследование позволило локализовать Битянь в районе нынешнего Джамбула, а город-ставку Юйцзянь-вана – в районе Ташкента, к югу от которого и находятся Хаваст и Джизак (Боровкова, 1989, с. 65–66). Где-то здесь к западу от Большого Юэчжи и начинались владения Аньси (Парфии), простиравшиеся далеко к югу.

Заметим, что по сведениям ханьских послов, рассмотренным выше, о соседстве Аньси с Большим Юэчжи между Хавастом и Джизаком и с Канцзюй севернее их, выясняется, что в то время, т.е. в самом начале I в. до н.э., Согдиана была подвластна Аньси. Это согласуется с сообщением Страбона о том, что четыре племени кочевников, тохары в их числе, жившие рядом с согдианами и саками, пришли с северного берега Яксарта (Сырдарьи) и завладели Бактрией, но не Согдианой.

Однако этим сведениям как будто противоречит сообщение в описании Аньси в «Ши цзи» (ШЦ, гл. 123, с. 3162), повторенное в «Хань шу» (ХШ, гл. 96/1, с. 3889–3890), о том, что она прилежит к р. Гуйшуй, поскольку оно позволяет относить к ее владениям не только Согдиану, но и западную часть Дася (Бактрии), лежавшую к югу от этой реки. Дело в том, что ханьцы в конце II–I вв. до н.э. явно принимали протекавшую с востока на запад в Аньси р. Зеравшан за продолжение р. Гуйшуй (Сырдарьи). Такое ошибочное представление о низовье Зеравшана как продолжении Сырдарьи было у китайцев даже и в VII–VIII вв. н.э. Хотя тогда они уже знали Сырдарью под названием Нами и Амударью под названием Уху, но о Зеравшане, однако, не имели представления. Так, в «Бэй ши», составленной в начале VII в., в описании царства Ань, идентифицированного с Аньси ханьского времени, оно указано к югу от р. Нами (БШ, гл. 97, с. 3234), т.е. Сырдарьи. В «Синь Тан шу», составленной в XI в., сказано, что царство Ань прилежит на западе к р. Уху (СТШ, гл. 221/2, с. 6244), т.е. к Амударье, но царство Восточное или Малое Ань, находившееся в 400 ли (210 км) к северо-востоку от Ань и в 200 ли (105 км) к западу от Хэ/Гуйшуанни (Бекабада) опять-таки указано лежащим к югу от р. Нами (СТШ, гл. 221/2, с. 6245).

Итак, мы выяснили, что Большое Юэчжи в самом начале I в. до н.э. стало граничить с Давань на северо-востоке между нынешними Кокандом и Худжандом, с Канцзюй – на севере, по-видимому, по нынешнему Кураминскому хребту, на северо-западе между нынешними Хавастом и Джизаком и на западе – с Аньси (Парфией), владения которой на севере начинались южнее нынешнего Ташкента, но севернее Хаваста и Джизака.

Далее попытаемся определить, с какими царствами соседствовало Большое Юэчжи на юге.

В описании Большого Юэчжи к югу от него указано царство Цзибинь. Согласно же описанию Цзибинь в «Хань шу», она находилась к юго-востоку от Большого Юэчжи. Какое из этих двух сообщений достоверно?

Описание Большого Юэчжи, как показало проведенное выше исследование, составлено по сведениям ханьских послов, отправленных У-ди в середине 99 г. до н.э. в царства к западу от Давань. А они получили эти сведения от четырех юэчжийских сихоу, владения которых были созданы на севере Большого Юэчжи, но их ставки были учреждены именно к югу от Гуйшуй (Сырдарьи). В первые годы после того как Большое Юэчжи овладело Дася, вряд ли эти сихоу, жившие на севере, что-то знали о новых далеких южных соседях их царства.

Теперь надо выяснить, когда и от кого получили при дворе Хань сведения о Цзибинь, зафиксированные в ее описании.

В описании Цзибинь говорится, что связи Хань с нею впервые были установлены при У-ди (140–88) (ХШ, гл. 96/1, с. 3885). Но в «Ши цзи» есть сведения о том, что при У-ди были отправлены послы, в частности, в Шэньду, находившуюся, по сведениям Чжан Цяня, в нескольких тысячах ли к юго-востоку от Дася, а не в Цзибинь. Последнее сообщение об отправлении послов, в частности, в Шэньду относится к 108–104 гг. до н.э., так как приведено после фразы о строительстве укрепленной линии от Линцзюй до Цзюцюаня, начатого после разгрома Чаосянь в 109 г. до н.э. (ШЦ, гл. 110, с. 2913; гл. 123, с. 3170). Это дает основание полагать, что царство Шэньду существовало до самого конца II в. до н.э. Но так как в «Ши цзи» никаких других сведений об этой стране, кроме тех, что Чжан Цянь узнал в Дася в 128 г. до н.э., нет, то очевидно, что во II в. до н.э. ханьские послы в Шэньду не доходили.

Далее в описании Цзибинь изложены сведения о посольских связях Хань с нею при ее правителе Утоулао, его сыне и при свергнувшем его узурпаторе Иньмофу. При этом отмечается, что нередко ханьских послов в этом царстве грабили и убивали. Иньмофу, расправившись с очередным ханьским посольством, отправил в Хань своего посла с извинениями. Но император Юань-ди (48–33) повелел выпроводить его за Сяньду (Висячий переход, т.е. пер. Хунджераб) и прекратил связи с Цзибинь (ХШ, гл. 96/1, с. 3885–3886).

Очевидно, что Иньмофу захватил трон в Цзибинь в период правления императора Юань-ди (48–32), а послов к Утоулао и

его сыну посылал еще его предшественник император Сюань-ди (73–49), скорее всего, после 60 г. до н.э., когда Хань стала контролировать весь Западный край (Восточный Туркестан) и все пути через него стали безопасными для ханьских послов.

Следовательно, в 60-е годы до н.э. царство Цзибинь точно существовало.

Последний контакт Цзибинь с Хань состоялся при императоре Чэн-ди (33–6), когда преемник Иньмофу вновь прислал посла с извинениями. Но по совету главы правительства Ван Фэна посла препроводили до царства Пишань (Гума), где от прикуньлуньского пути начинался юго-западный путь в Цзибинь (ХШ, гл. 96/1, с. 3886–3887). Так как Ван Фэн умер в 22 г. до н.э. (ХШ, гл. 10, с. 314), то очевидно, что последний посол Цзибинь побывал в Хань до этого времени.

Приведенные сведения не оставляют сомнения в том, что подробное описание Цзибинь в «Хань шу» составлено по донесениям ханьских послов, посетивших ее при Сюань-ди и Юань-ди, и рассказам послов из Цзибинь, последний из которых побывал при дворе Хань в 20-х годах до н.э. Поэтому приведенные в нем данные и, в частности, сообщение о том, что Большое Юэчжи расположено к северо-западу от Цзибинь, представляются достоверными.

Итак, согласно достоверному сообщению в описании Цзибинь, она находилась именно к юго-востоку от Большого Юэчжи. Общепринято идентифицировать ее с Кашмиром. Но так как в описании Большого Юэчжи именно и только Цзибинь показана к югу от него, складывается впечатление, что владения ее простирались и к югу, и к юго-востоку от Большого Юэчжи. Поэтому полагаем необходимым обратить внимание на имеющиеся в «Хань шу» основные данные, касающиеся местонахождения Цзибинь. Это тем более необходимо, что позже, как увидим, созданное юэчжами Кушанское царство завоюет ее.

В описании царства Пишань, лежавшего по прикуньлуньскому пути между царствами Юйтянь (Хотан) и Шаче (Яркендом) в районе нынешнего пос. Гума, сказано, что «от него на юго-запад идет дорога в Цзибинь и Уишаньли» (ХШ, гл. 96/1, с. 3881). В «Повествовании о западном крае» в «Хань шу» есть описания не только Цзибинь и Уишаньли, но и еще шести мелких царств, лежавших по пути от Пишань до Цзибинь: Сие, Пули, Инай, Улэй, Уча и Наньду. По вопросам прохождения этого пути, названного гибиньским, и локализации названных царств были высказаны разные точки зрения, но так или иначе связывавшие эти царства

с путями в долину Амударьи через Памир (подробный обзор их см.: Мандельштам, 1957, с. 48–65).

Согласно же нашему историко-географическому исследованию (Боровкова, 1989, с. 66–77, схема 2, с. 28–29), дорога из Пишань в Цзибинь совпадала с тем караванным путем, который до перекрытия границ в XX в. проходил от Хотана и Гума на юг до пос. Шахидулла, далее на запад по долине реки Раскемдарья до пос. Базар-Дара, оттуда на северо-запад до перевала Хунджераб (4890 м) через Каракорумский хребет в долины рек Хунза и Гилгит. Указанный в описании царства Уча к западу от него по пути в царство Наньду Сяньду (Висячий переход) (ХШ, гл. 96/1, с. 3882), о необычайной трудности перехода через который подробно рассказано в описании Цзибинь (ХШ, гл. 96/1, с. 3887), идентифицирован нами с этим перевалом. О том, что путь в Индию через пер. Хунджераб был самым удобным, свидетельствует тот факт, что недавно построенное Каракорумское шоссе из КНР в Индию и Пакистан проходит именно через этот перевал.

В описании царства Наньду, лежавшего сразу к западу от Сяньду, сказано, что в нем выращивали пять злаковых культур, виноград, разные фрукты и что оно подчинялось Цзибинь (ХШ, гл. 96/1, с. 3884). Судя по этим сведениям, земледельческое царство Наньду, лежавшее сразу к западу от пер. Хунджераб, занимало земли в бассейнах рек Хунза, Гилгит и частично Инда в районе впадения в него р. Гилгит. А так как оно подчинялось Цзибинь, указанной к юго-западу от него, то очевидно, что фактически владения Цзибинь начинались сразу к западу от этого участка Каракорумского хребта.

Но сведения о расстояниях от Уча до Наньду и от нее до Цзибинь очень разноречивы и, по нашим расчетам, представляются недостоверными. В отличие от них сообщение в описании Цзибинь о расстоянии до нее от Уча в 2250 ли (900 км) подтверждается разностью расстояний до них от Чанъани. Это расстояние и указание о местонахождении Цзибинь к юго-западу от Наньду позволяет локализовать столицу Цзибинь в районе нынешнего г. Равалпинди. Здесь, как известно, у г. Таксила находилась столица древней Гандхары. А она, как предполагают, была в I в. до н.э. ядром индо-сакской державы Мауэса (Массон, Ромодин, 1964, с. 141).

И действительно, в описании Цзибинь прямо сказано, что *сэ* (саки) завоевали ее: «В прошлом Сюнну разгромила Большое Юэчжи. Большое Юэчжи завладело Дася, а правитель *сэ* (саков) на юге завладел Цзибинь. Народ *сэ* (*сэ-чжун*) разделился (*фань*) и рассеялся (*сань*), по пути следования создал несколько царств.

[Так] подданные [царств] Сюсюнь и Цзюаньду, находящихся к северо-западу от Шулэ, все из бывшего народа *сэ*» (ХШ, гл. 96/1, с. 3884).

Однако в литературе существуют разные точки зрения на то, когда и откуда пришли саки в Северную Индию и основали свое царство (Нарайн, 1957, с. 138–145; Массон, Ромодин, 1964, с. 141–145). Но хотя авторы их использовали разные источники, исходными все-таки оказывались те или иные сведения из «Хань шу», но по-разному трактуемые. Поэтому рассмотрим сведения в этой истории о сэ в контексте ранней истории юэчжей, столкновение с которыми и стало причиной появления их в Северной Индии.

В первой главе данной работы анализ сведений в «Ши цзи» об отношениях сюннов и юэчжей и особенно сведений в рассказе Чжан Цяня, изложенного в двух версиях, одна – в «Ши цзи», другая – в биографии Чжан Цяня в «Хань шу», о ранней истории усуней и юэчжей, позволил выяснить следующее. В середине 167 г. до н.э. сюннуский Лаошан-шаньюй (174–162) разгромил и изгнал юэчжей, царство которых находилось в Ганьсуском коридоре, и они переселились в долину р. Или, разгромив и изгнав живших там *сэ* (саков) на рубеже 166–165 гг. до н.э. И «правитель [царства] Сэ [с народом] ушел на юг, переселился в далекие [страны]» (ХШ, гл. 61, с. 2692). Каким путем пошли саки на юг и в какую страну переселились, в биографии Чжан Цяня не сказано.

В описании Усунь в «Хань шу» говорится, что разгромленные юэчжами саки «на юге перешли через Сяньду (Висячий переход)» (ХШ, гл. 96/2, с. 3901), но где они поселились, опять-таки не сказано.

Отсутствие названия страны, в которой поселились саки, доказывает, что сведения о саках, зафиксированные в биографии Чжан Цяня и в описании Усунь, были получены ханьцами от усуней, создавших в 160 г. до н.э. свое царство в бывших землях саков, потому хорошо осведомленных о начале и направлении их переселения, но не о конце.

И только в описании Цзибинь, посольские связи с которой Хань имела в правление Сюань-ди (73–49) и Юань-ди (48–33), сказано, что саки завладели ею, и сообщено, что по пути в нее они разделились и создали царства Сюсюнь (Сары-Таш) и Цзюаньду (Улугчат) к северо-западу от Шулэ (Кашгара).

Итак, согласно нашему анализу сведений «Ши цзи» и «Хань шу», саки, разгромленные юэчжами в 167 г., начали переселение из долины р. Или в южном направлении. Часть их осталась по этому пути в землях к северо-западу от Шулэ, создав здесь два

маленьких царства Сюсюнь и Цзюаньду. Большая же часть саков во главе с правителем двинулась дальше на юг, судя по всему, между Памиром и Кашгарским хребтом, и примерно на рубеже 164–163 гг. до н.э., перейдя через Сяньду (пер. Хунджераб), вышла в земли Северной Индии.

По данным «Ши цзи», рассмотренным в первой главе, к юго-востоку от Дася находилось царство Шэньду, упоминаемое до конца II в. до н.э. А согласно сведениям Чжан Цяня, полученным им в Дася (Бактрии), в Шэньду обычаи оседлого образа жизни, одинаковые с обычаями в Дася (ШЦ, гл. 123, с. 3166). Кроме того, выяснено, что до конца II в. до н.э. в Гандхаре монеты выпускали греко-индийские правители, на основании чего и высказано предположение о подчинении переселившихся сюда саков местному правителю (Массон, Ромодин, 1964, с. 142; Бонгард-Левин, 1969, с. 477). С нашей точки зрения, сведения в «Ши цзи» о Шэньду и эти данные о монетах согласуются и подтверждают такое предположение.

И действительно, трудно представить, что саки, разгромленные юэчжами и совершившие примерно в течение года дальнее переселение из долины Или в Северную Индию, во время которого лишились еще части своих людей, были в состоянии нанести поражение и подчинить себе местного правителя. Вероятнее всего, они, как и юэчжи при столкновении с Дася, подчинились местному правителю, позволившему им поселиться на окраинных землях, пригодных для их кочевого образа жизни.

Так как, согласно «Ши цзи», царство Шэньду существовало до конца II в. до н.э., а существование царства Цзибинь под властью саков прослеживается, по данным «Хань шу», по крайней мере с 60-х годов до н.э., – можно предположить, что оно было создано саками на месте Шэньду или на ее части ранее 60-х годов, когда они за истекшие после переселения сюда несколько десятилетий остались и окрепли на новых землях.

К первой половине I в. до н.э. относят создание индо-сакской державы Мауэса на основании нумизматических данных (Массон, Ромодин, 1964, с. 143; Нарайн, 1957, с. 142, 145).

Итак, по данным «Ши цзи» и «Хань шу», выясняется, что индо-сакское царство Цзибинь было создано в I в. до н.э., ранее 60-х годов, и находилось к юго-востоку от Большого Юэчжи. Его владения начинались сразу к востоку от Каракорумского хребта у пер. Хунджераб. Но неизвестно, как далеко на запад они простирались и какое царство лежало к югу от Большого Юэчжи.

Для выяснения этих вопросов обратимся к описанию царства Уишаньли, указанному в описании Цзибинь к юго-западу от нее:

«Царство Уишаньли. [Ставка] правителя отстоит от Чанъани на 12 200 ли. Не подчиняется духу. [По числу] дворов, ртов и войска это большое царство. ... Соседствует на востоке с Цзибинь, на севере с Бутао, на западе с Лигань и Тяочжи. ... В Уи[шаньли] жарко, земли травянистые и равнинные. Травы, деревья, скот, пять злаковых, фрукты, овощи, еда и питье, дома и рынки, монеты и оружие, металлы и драгоценности такие же, как в Цзибинь. ... На его монетах изображена голова [какого-то] человека, а на оборотной стороне – всадник. Золотом и серебром украшают ручное оружие. [Из-за его] отдаленности ханьские послы приходили редко. Из Янгуань и Юймэнь выходят на южную дорогу и, [повернув у Пишань] на юг, идут в Уишаньли. Здесь южная дорога кончается. Повернув [из столицы Уишаньли] на север, а потом на восток, достигаешь Аньси» (ХШ, гл. 96/1, с. 3888–3889).

Сообщение о том, что ханьские послы редко бывали в Уишаньли, все же дает основание полагать, что сведения о нем при дворе Хань были получены именно от этих редких послов и в целом заслуживают доверия. Сообщение же о том, что послы в Уишаньли шли от Янгуань по южному, прикуньлуньскому пути и затем на юг, согласуется с сообщением в описании царства Пишань, лежавшем на южном пути, о дороге из него на юго-запад в Цзибинь и Уишаньли и доказывает, что ханьские послы ходили в Уишаньли через Цзибинь и, видимо, в один и тот же период, что и в нее, т.е. при Сюань-ди (73–49) и Юань-ди (48–33).

Поэтому сообщение в описании Уишаньли о местонахождении его к западу от Цзибинь, полученное от послов, лично побывавших в нем, в его столице, представляется более достоверным, чем сообщение в описании Цзибинь о том, что Уишаньли расположено к юго-западу от нее.

Поскольку Цзибинь лежала к юго-востоку от Большого Юэчжи и к востоку от Уишаньли, получается, что Уишаньли находилось к югу от Большого Юэчжи. Однако в описании Уишаньли к северу от него указано царство Бутао, которое, следовательно, лежало между ним и Большим Юэчжи на севере. Описания Бутао в «Хань шу» нет, как и других упоминаний о нем. Это позволяет предположить, что Бутао было маленьким царством, подвластным, возможно, Уишаньли, где о нем и услышали ханьские послы.

Западными соседями Уишаньли в его описании названы Лигань (Рим) и Тяочжи, подвластная Аньси (Парфии). О соседстве же его с Аньси сказано так: «Повернув [от столицы Уишаньли] на север, а потом на восток, достигаешь Аньси». Согласно этому

сообщению получается, что Аньси находилась к северо-востоку от Уишаньли. Но этому противоречит сообщение в описании Аньси о том, что она расположена к западу от Уишаньли и Большого Юэчжи и к востоку от Тяочжи (ХШ, гл. 96/1, с. 3889, 3890). Очевидно, что в описании Уишаньли вместо иероглифа *си* – «запад» – ошибочно написан иероглиф *дун* – восток.

Сопоставление этих и рассмотренных выше сведений о взаиморасположении Аньси, Уишаньли, Большого Юэчжи и Канцзюй доказывает, что владения Аньси в I в. до н.э. простирались от царства Канцзюй на севере до Уишаньли на юго-востоке и соседствовали с Большим Юэчжи на всем протяжении его западной границы и что южным соседом Большого Юэчжи было большое царство Уишаньли.

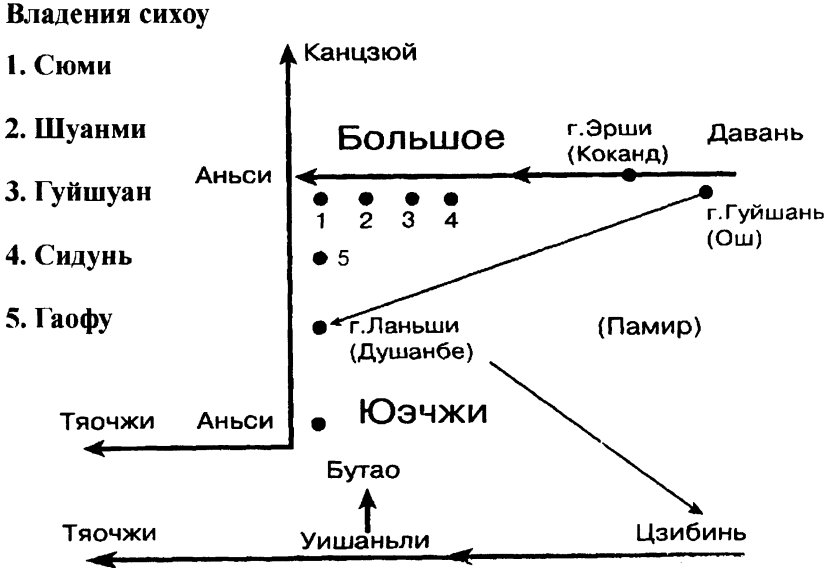
Точнее определять местоположение Уишаньли помогает маленькая фраза в его описании о том, что в нем «земли травянистые и равнинные», а также данные, характеризующие его как земледельческую страну. Но к западу от Цзибинь, находившейся в Северной Индии, и к юго-востоку от Аньси с ее столицей у Ашхабада равнинный рельеф наблюдается только в Северном Афганистане между Амударьей и предгорьями Гиндукуша, т.е. в Южной, левобережной, Бактрии.

Однако ханьские послы, побывавшие в Уишаньли, вообще не упомянули, судя по описанию, о какой-либо протекавшей здесь реке. С нашей точки зрения, это объясняется, видимо, тем, что столица царства находилась на значительном удалении от Амударьи, а ханьские послы далее его столицы никуда не ходили, ведь «здесь южная дорога кончалась». А любознательностью, как Чжан Цянь, они явно не отличались, что доказывает полное отсутствие сведений о Бутао, северном соседе Уишаньли, и даже упоминания о южном соседе.

Изложенное, полагаем, свидетельствует о том, что Большое Юэчжи на рубеже 100–99 гг. до н.э. завладело только Северной Бактрией до Амударьи. Южная же Бактрия к югу от этой реки, возможно, даже еще раньше стала частью большого царства Уишаньли, тяготевшего к Цзибинь, с которой у него и деньги были одинаковыми.

Итог нашего исследования, по данным «Хань шу», вопроса о протяженности владений Большого Юэчжи в I в. до н.э. представлен для наглядности в виде схемы его взаиморасположения с соседями.

Определив местонахождение Большого Юэчжи в I в. до н.э. и установив, в окружении каких царств оно оказалось, можно, ис-

ходя из характера их взаимоотношений, определившегося в конце II в. до н.э., и некоторых известных фактов их истории I в. до н.э., представить в общих чертах его внешнеполитическое положение в этом веке.

У-ди, узнав по возвращении своих послов, отправленных в середине 99 г. до н.э. в царства, расположенные к западу от Давань, и, значит, в Большое Юэчжи, о том, что оно завладело Дася и стало огромным царством, понял, что его геополитический план подчинения царств этого региона влиянию Хань рухнул, и прекратил с ними дорогостоящие посольские отношения, которые Хань так и не возобновила до конца своего существования (25 г. н.э.), хотя после 60 г. до н.э. весь Западный край (Восточный Туркестан) и все пути через него в царства к западу от Давань оказались под ее полным контролем, а в 53 г. до н.э. окончательно распалась держава Сюнну, ближний и главный враг ее.

И судя по тому, что ханьские послы, три-четыре раза в течение этого века побывавшие в Давань, ничего нового о ней и ее западном соседе Большом Юэчжи не сообщили, что вряд ли было бы возможно, случись там чрезвычайные события, можно заключить о стабильности ситуации в I в. до н.э. в Большом Юэчжи и вокруг него.

И это понятно. В стабильности было заинтересовано прежде всего само Большое Юэчжи. Как только это централизованное

кочевое царство завладело многонаселенной земледельческой страной Дася и большая часть юэчжей переселилась туда, перед правителем его, надо полагать, сразу же встали сложнейшие неотложные задачи: обеспечить мирное вживание юэчжей-кочевников в среду бактрийцев-земледельцев и организовать централизованное управление бывшей Дася, долго пребывавшей в состоянии политической раздробленности.

А для этого нужен был длительный и прочный мир на внешних рубежах, что и заставляло, полагаем, не одно поколение правителей Большого Юэчжи избегать осложнения отношений с соседями.

Завладев на рубеже 100–99 гг. до н.э. богатой Дася, Большое Юэчжи могло, казалось бы, легко покорить издавна враждебную ему сравнительно небольшую Давань, ослабленную к тому же поражением в войне с Хань 104–101 гг. до н.э. Но вставал вопрос о реакции на это со стороны Хань, ставшей как бы покровителем побежденной Давань. Два похода ханьских войск в Давань, дошедших в 101 г. до ее столицы г. Эрши, оказавшегося теперь недалеко от границы Большого Юэчжи, убедительно говорили о реальной возможности вторжения этой империи. Потому-то Большое Юэчжи, овладев Дася, сразу же поспешило продемонстрировать свое миролюбие по отношению и к Хань, и к Давань, повелев пяти своим северным сихоу принимать и обеспечивать продовольствием следовавших через Давань ханьских послов.

Кроме того, нападение на Давань непременно осложнило бы отношения с северным соседом – Канцзюй, выступившим союзником ее в войне с Хань. И Большое Юэчжи предпочитало сохранять и впредь давние дружественные связи с этим царством кочевников, имевшим сильное войско. Это очевидно из того, что Канцзюй, несомненно, благодаря дружбе с Большим Юэчжи, делавшей его южные рубежи безопасными, значительно расширил в I в. до н.э. свои владения (Боровкова, 1989, с. 63–66), о чем свидетельствует и увеличение численности его войска, а значит и населения, по сравнению с концом II в. до н.э. на треть, с 80–90 тыс. до 120 тыс. человек (о Канцзюй I в. до н.э. см.: Боровкова, 2000, гл. 12, с. 381–409).

Стабильности внешнеполитического положения Большого Юэчжи в I в. до н.э. способствовала и ситуация у его могущественного западного соседа – Аньси (Парфянского царства). В начале века оно продолжало на западе борьбу против селевкидов, в 80–60-е годы до н.э. отражало натиск переживавшего тогда пик своего могущества Армянского царства, возглавляемого Тигра-

ном II Великим (95–56). Когда же в 64 г. до н.э. Рим уничтожил последних потомков селевкидов в Сирии, ставшей его провинцией, Парфия, завладевшая к тому времени всей Месопотамией до Евфрата, стала граничить с ним. И до того непростые отношения с Римом теперь резко обострились. Дважды пришлось парфянам отражать вторжение римских войск, возглавляемых Крассом в 53–51 гг. и Антонием в 37–35 гг. до н.э. Так что Парфия изолировала Большое Юэчжи от античного мира, и там ничего не знали об этом царстве. Только после того как император Август (27 г. до н.э. – 4 г. н.э.) установил в 20 г. мир с Парфией и между ними стали развиваться политические и торговые связи, ситуация изменилась. В Рим прибыли посольства из Индии (Светоний, 1990, с. 46) и в 13 г. н.э. посольство из Бактрии (Массон М., 1950, с. 40), от которых и дошли до Страбона сведения о том, что тохары и три других племени кочевников, пришедшие с северного берега Яксарта (Сырдарьи), завладели Бактрией, т.е. о том, что юэчжи, жившие к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи), завладели лежавшей к югу от нее Дася (Бактрией).

Нет сомнения в том, что в течение I в. до н.э. Большое Юэчжи не имело контактов на государственном уровне с Цзибинь, так как ее возглавляли саки, разгромленные и изгнанные с их родины во II в. до н.э. именно юэчжами и уже потому враждебные им.

Такая внешнеполитическая изолированность Большого Юэчжи в I в. до н.э. и объясняет отсутствие сведений о нем в китайских, античных и индийских письменных источниках того времени, за исключением рассмотренных данных в «Хань шу» за самые первые годы этого века. И потому единственными источниками по его истории большей части этого века оказались археологические и нумизматические материалы.

Но сведения о Большом Юэчжи в «Хань шу» за первые годы I в. до н.э. позволяют предположить по каким основным направлениям пошло его развитие в последующее время и правильно понять и датировать свидетельства археологических и нумизматических материалов.

Поэтому в заключение кратко напомним, что удалось выяснить о Большом Юэчжи I в. до н.э. в результате проведенного в данной главе исследования сведений «Хань шу» и других древнекитайских историй.

Большое Юэчжи, бывшее, по «Ши цзи», до конца II в. до н.э. кочевым царством и лежавшее к западу от Давань (Ферганы) и к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи), оказалось в I в. до н.э., по данным «Хань шу», расположенным к юго-западу от Давань на месте

Дася (Бактрии), большой земледельческой страны с множеством городов, лежавшей во II в. до н.э. к югу от него и этой реки. Но на рубеже II–I вв. до н.э. оно превратилось в земледельческое царство. Вместо ставки кочевого правителя столицей Большого Юэчжи стал город, бывшая столица Дася Ланьши, находившаяся, как выяснено в первой главе, на месте обнаруженного археологами огромного древнего городища у нынешнего г. Шахринау к западу от Душанбе.

Следовательно, население Большого Юэчжи, завладевшего Дася (Бактрией), стало состоять из 400 тысяч юэчжей-кочевников и более 1 миллиона бактрийцев-земледельцев.

Сведения об этом кардинальном изменении политической ситуации в регионе к западу от Давань могли быть получены при дворе Хань только по возвращении послов, отправленных У-ди в середине 99 г. до н.э. в Давань и в царства к западу от нее. Ведь после этого Хань никогда более не посылала посольства в царства данного региона.

А начались эти изменения после ханьско-даваньской войны 104–101 гг. до н.э., когда впервые новый правитель Давань осенью 100 г. отправил своего сына ко двору Хань, куда тот и прибыл не позднее самого начала 99 г. Так как вскоре, в середине 99 г., У-ди отправил более десяти посольств в Давань и царства к западу от нее и начал строить укрепления вдоль начального участка южного, прикуньлуньского, пути явно из расчета на возобновление тесных посольских связей с ними, то очевидно, что сын даваньского правителя не сообщил ему о каких-либо изменениях в Давань и вокруг нее, поскольку эти изменения до его отправления из Давань осенью 100 г. еще не произошли. Когда же посольства У-ди примерно на рубеже 99–98 гг. до н.э., пройдя через Давань, вышли по караванному пути к западу от нее, то обнаружили Большое Юэчжи на месте Дася и ставки принимавших их юэчжийских сихоу. Следовательно, Большое Юэчжи завладело Дася (Бактрией) после ухода из Давань осенью 100 г. сына ее правителя, но до прихода в нее в конце 99 г. ханьских посольств, т.е. на рубеже 100–99 гг. до н.э.

Установление даты этого события открыло возможность найти ответ на вопрос, когда в Большом Юэчжи были созданы владения пяти сихоу с их городами-ставками: если они находились к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи), то, скорее всего, были выделены во II в. до н.э., когда Большое Юэчжи занимало только эти земли; если же к югу от этой реки, где начинались земли Дася, то,

несомненно, были созданы после того, как оно на рубеже 100–99 гг. до н.э. овладело ею.

Уже тот факт, что в «Хань шу» ставки пяти сихоу названы городами, позволяет предположить, что они были учреждены в городах Дася, так как до овладения ею юэчжи-кочевники городов не имели. Но требовалось обосновать это логическое умозаключение конкретными данными, для чего и было проведено историко-географическое исследование вопроса об их локализации.

Так как во II в. до н.э., по данным «Ши цзи», ханьские послы ходили в Большое Юэчжи и Дася через Давань (Фергану) и У-ди в 99 г. до н.э. отправил более десяти посольств именно в царства к западу от Давань, то очевидно, что они шли туда по Великому караванному пути из Китая на запад через Шулэ (Кашгар) и Давань. Значит, искать города-ставки пяти юэчжийских сихоу, принимавших послов У-ди, надо именно по этому караванному пути к западу от Давань, а не где-то на Памире или в долине Амударьи.

По сведениям в «Хань шу» о расстояниях от Янгуань до городов-ставок пяти сихоу, четыре из них находились на небольшом, в 160 км, участке караванного пути друг за другом, и потому 432 км от ставки четвертого до ставки пятого сихоу вызывают сомнение. Следовательно, владения пяти сихоу были маленькими, а не охватывали, как принято считать, всю территорию Большого Юэчжи I в. до н.э., и их выделение не может служить доказательством распада его на эти пять отдельных княжеств, его децентрализации.

Сообщение в «Хоу Хань шу» о том, что, спустя сто с лишним лет после выделения владений пяти сихоу, Гуйшуан-сихоу разгромил четырех других и стал правителем царства Гуйшуанского (Кушанского), получившего название по его титулу, обосновывает долгую память о местонахождении первоначального владения этого знаменитого сихоу, о чем свидетельствуют сведения V в. в «Вэй шу» и VII–VIII вв. в «Бэй ши» и «Синь Тан шу».

В V в. помнили еще о владениях всех пяти сихоу. И сопоставление расстояний, рассчитанных по данным «Хань шу», от Шулэ до городов-ставок пяти сихоу с расстояниями, рассчитанными по данным «Вэй шу», от Шулэ до пяти царств, идентифицированных с владениями пяти сихоу, показало почти точное (с учетом небольшого сокращения пути за шесть веков) совпадение их до ставок второго, третьего и четвертого сихоу и позволило уточнить местонахождение ставки пятого – она находилась не в 432 км от ставки четвертого сихоу, а в 53 км и к югу от нее, несомненно, на

караванном пути, отходившим здесь на юг от Великого караванного пути.

К VII–VIII вв., по сведениям «Бэй ши» и «Синь Тан шу», сохранилась память только о местонахождении владения знаменитого основателя Кушанского царства Гуйшуан-сихоу. Она закрепилась в названии царства «Гуйшуанни», получившего в империях Суй и Тан китайское название «Хэ». Рассчитанное по данным этих историй расстояние до него от Шулэ очень точно (с учетом дальнейшего небольшого спрямления пути) согласуется с рассчитанными ранее расстояниями от Шулэ до ставки Гуйшуан-сихоу I в. до н.э. и до идентифицированного с ней царства Цяньдунь V в. н.э. А так как царство Хэ/Гуйшуанни указано лежащим по Великому караванному пути из Китая на запад на южном берегу р. Нами, точно идентифицируемой с Сырдарьей, то очевидно, что и город-ставка Гуйшуан-сихоу в I в. до н.э. находился по тому же пути на южном берегу этой реки, называвшейся тогда Гуйшуй, в землях бывшей Дася.

Сопоставление данных о расстоянии по этому пути к западу от Шулэ (Кашгара) в I в. до н.э., V–VII вв. н.э. с современными (по автотрассе) показало, что в результате спрямления и улучшения дорог в течение двух тысяч лет расстояние сократилось примерно на 30%. Уменьшив рассчитанное по данным «Хань шу» расстояние от Шулэ до городов-ставок пяти сихоу на 30%, определили приблизительно их местонахождение по современной автотрассе: первого сихоу – в 3 км к востоку, а второго – в 22 км к западу от г. Худжанд, третьего, Гуйшуан-сихоу, – в 2 км восточнее г. Бекабад, четвертого, Сидунь-сихоу – в 13 км западнее г. Хаваст, к югу от которого идет Душанбинский тракт. А так как именно от владения Сидунь-сихоу к югу в 100 ли (53 км) находилось, по «Вэй шу», владение пятого, Гаофу-сихоу, то очевидно, что последнее было создано в районе нынешнего г. Ура-Тюбе на караванном пути, однозначно идентифицируемом с Душанбинским трактом, в столицу Большого Юэчжи г. Ланьши (Шахринау).

Так как города-ставки пяти юэчжийских сихоу были учреждены к югу от р. Гуйшуй (Сырдарьи) в северных землях Дася (Бактрии), после того как Большое Юэчжи заняло Дася (а это произошло на рубеже 100–99 гг. до н.э.) – ***именно от этой даты, рубежа 100–99 гг., и были отсчитаны сто с лишним лет до создания Кушанского царства, о чем сказано в «Хоу Хань шу»***.

Исследование взаиморасположения Большого Юэчжи с его соседями в I в. до н.э. показало, что его владения, включавшие в этом веке кроме принадлежавших ему во II в. до н.э. земель к

северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи) еще и землю бывшей Дася (Бактрии) к югу от этой реки, простирались на север до царства Канцзюй, на юг до царства Уишаньли, на запад до царства Аньси (Парфии). Поскольку выяснилось, что царство Уишаньли занимало равнинные земли между царством Цзибинь (Северной Индией) на востоке и царством Аньси (Парфией) со столицей в районе Ашхабада на западе, т.е. явно земли Южной Бактрии к югу от Амударьи, то очевидно, что Большое Юэчжи, завладев Дася на рубеже 100–99 гг. до н.э., заняло земли к югу от Сырдарьи и к северу от Амударьи, т.е. только Северную Бактрию. Следовательно, Дася – это Северная Бактрия. А соседство Аньси на севере с Канцзюй (к югу от Ташкента) и на северо-востоке с Большим Юэчжи (между Хавастом и Джизаком) означает, что в I в. до н.э. Согдиана была частью владений парфянских царей.

Внутренние проблемы, вставшие перед правителями Большого Юэчжи после овладения на рубеже 100–99 гг. до н.э. большой политически давно раздробленной Дася, характер сложившихся во II в. до н.э. его взаимоотношений с Хань, Давань, Канцзюй и саками, создавшими в I в. до н.э. царство Цзибинь, ситуация в этом веке в Парфии, определявшаяся борьбой с Римом – все это дало мне основание предположить внешнеполитическую изолированность Большого Юэчжи в I в. до н.э. Об этом же свидетельствует и почти полное отсутствие сведений о нем за этот век в античных, китайских и индийских письменных источниках.

Тем большее значение для прояснения истории Большого Юэчжи I в. до н.э., этого «темного» века, имеют археологические и нумизматические источники.

Глава III

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ БАКТРИИ О ЮЭЧЖАХ II–I вв. до н.э.

В данной главе попытаемся рассмотреть объективные данные о кочевниках (юэчжах), выявленные исследователями по археологическим и нумизматическим источникам, и выяснить, согласуются ли они с материалами древнекитайских историй «Ши цзи» и «Хань шу».

Задача эта оказалась крайне сложной в основном потому, что археологи и нумизматы часто расходятся как в толковании своих конкретных материалов, так и в выводах из них, которые они делают, исходя из общепринятых специалистами по Бактрии точек зрения на основополагающие вопросы истории юэчжей (локализация, хронология) II–I вв. до н.э. Между тем, как выяснилось в результате нашего исследования, эти точки зрения были высказаны нередко давно и на основании доступного в то время ограниченного круга сведений письменных источников и монет, в силу чего они, как теперь выясняется, оказались во многих случаях противоречивыми и даже ошибочными.

Поэтому приступаем к рассмотрению, какими точками зрения на историю юэчжей руководствовались исследователи археологических и нумизматических источников.

Одни из них придерживаются мнения о том, что древняя Бактрия простиралась по обоим берегам Амударьи от Гиссарского хребта до Гиндукуша, что была правобережная Северная Бактрия и левобережная Южная. Другие исходят из признания Бактрией только земель к югу от Амударьи до Гиндукуша, но таковых становится все меньше.

Однако и те и другие согласны в том, что, во-первых, юэчжи переселились из долины Или в Бактрию, разгромили и завоевали

ее в 140–130 гг. до н.э. и что, во-вторых, они сначала поселились к северу от реки Гуйшуй, которую они идентифицируют с Амударьей. Получается, что юэчжи сразу поселились в Северной Бактрии, и лишь позже завоевали земли к югу от этой реки, что только после их завоевания пало Греко-Бактрийское царство и Бактрия распалась на ряд владений юэчжийских князей.

С учетом этих исходных точек зрения специалистов по истории Бактрии посмотрим, насколько исследованные археологические и нумизматические материалы с территории Бактрии за II–I вв. до н.э. согласуются с ними и подтверждают их, или они, точнее, согласуются с итогами нашего исследования свидетельств древнекитайских историй.

Для нашей цели мы воспользовались, естественно, главным образом обобщающими работами известных, преимущественно советских, специалистов по истории, археологии и нумизматике Бактрии.

Как и когда кочевники юэчжи завладели Бактрией

Поскольку во взглядах разных специалистов по истории Бактрии ключевым является признание ими завоевания юэчжами Дася в 140–130 гг. до н.э. и создания после этого своего царства к северу от р. Гуйшуй (принимаемой ими за Амударью), т.е. в Северной Бактрии, начнем с выяснения вопроса о том, каковы же были хозяйство и образ жизни населения Северной Бактрии во второй половине II в. до н.э. и позже по археологическим данным.

Особенно ценной для ответа на эти вопросы оказалась работа Б.Я. Ставиского «Кушанская Бактрия». Во второй главе ее автор, основываясь на собственных исследованиях и многочисленных работах других ученых, изложил сведения и дал карту-схему размещения основных археологических памятников кушанской Бактрии по обоим берегам Амударьи, а также семь подробных карт-схем размещения их по пяти долинам основных рек Северной Бактрии. Эти памятники были, по его определению, оседлыми земледельческими поселениями разных типов – от сельских поселений до крупных городов, причем значительная часть их существовала здесь с докушанского времени, ахеменидского и греко-бактрийского (Ставиский, 1977, с. 42–83). Отметив зависимость числа городских поселений в речных долинах Бактрии «от размеров поливных площадей этих долин, от сельскохозяйственного потенциала того или иного района» в кушанский и доку-

шанский периоды истории, Б.Я. Ставиский выделил как издревле наиболее развитые долины рек Балхаба, Сурхандарьи и Кундуза (Ставиский, 1977, с. 84–85). С этим согласуется и тот факт, что на составленных им картах-схемах количество поселений в долинах основных рек правобережья Амударьи уменьшалось в последовательности их расположения с запада на восток, что, несомненно, определялось все менее благоприятными в них естественно-географическими условиями для занятия земледелием.

Так что археологические данные, получается, доказывают, что Северная Бактрия, как и Южная, не только в кушанский, но и в докушанский период была земледельческой страной.

И это их свидетельство не дает основания ни предполагать, что начиная со 140–130 гг. до н.э. в этой земледельческой стране, лежавшей к северу от Амударьи, существовало кочевое царство Большое Юэчжи, народ которого переселялся, следуя за скотом, ни идентифицировать с Амударьей древнюю р. Гуйшуй, к северу от которой и указано в «Ши цзи» кочевое царство Большое Юэчжи. И согласно нашему исследованию, р. Гуйшуй была, несомненно, Сырдарьей, к северу от которой в горно-степных землях жили кочевники юэчжи, а к югу находилась земледельческая страна Дася, т.е. Северная Бактрия. И потому, когда Большое Юэчжи на рубеже 100–99 гг. до н.э. завладело Дася, оно стало, по данным «Хань шу», земледельческим царством.

Это подтверждают и другие археологические материалы, выявленные и исследованные А.М. Мандельштамом в Северной Бактрии. Он здесь открыл-таки памятники кочевого населения, а точнее – курганные могильники кочевников – целый ряд мелких и четыре больших (Мандельштам, 1966а; он же, 1974; он же, 1975).

Три больших могильника – Тулхарский, Аруктауский и Коккульский – расположены на юге Таджикистана в полупустынной Бишкентской долине, смыкающейся с Нижнекафирниганской, между низовьями рек Сурхандарьи и Кафирнигана. Четвертый могильник, Бабашевский, находится на юго-востоке Туркмении, на северном берегу Амударьи в пустынной местности между станциями Ташрабат и Мукры. Таким образом, «все большие курганные могильники, – заключает А.М. Мандельштам, – находились далеко от оазисов, тогда как малые курганные группы – всегда на землях, непригодных для земледелия, расположенных вне, но вблизи оазисов» (Мандельштам, 1974, с. 197), т.е. вне земледельческих районов и поселений.

Но он определил, что эти могильники существовали с конца II – начала I в. до н.э. до начала I в. н.э., основываясь главным

образом на найденных в Тулхарском могильнике монетах, подражаниях чекану Евкратида и монете Герая (Мандельштам, 1974, с. 191–192; он же, 1966, с. 85–91). А начало выпуска подражаний чекану Евкратида он датировал, исходя из общепринятой даты завоевания кочевниками Бактрии, – 140–130 гг. до н.э.

Проведенное же нами исследование сведений древнекитайских историй, показавшее, что кочевое царство Большое Юэчжи завладело Дася, т.е. Северной Бактрией, на рубеже 100–99 гг. до н.э., позволяет уточнить эти датировки. Правитель Большого Юэчжи мог выпускать здесь подражания монетам Евкратида именно с начала I в. до н.э., и с этого же времени только и могли появиться в Северной Бактрии кочевнические курганные могильники.

Исследовав эти могильники, А.М. Мандельштам пришел, в частности, к следующим выводам, очень важным для понимания истории Бактрии и юэчжей I в. до н.э.: «Наличие больших могильников, так же как и многочисленных небольших курганных групп, свидетельствует о том, что падение Греко-Бактрийского царства повлекло за собой не только политические изменения. В Северной Бактрии (а также в Согде) обосновались большие группы кочевников, сохранявших на новой территории свой традиционный вид хозяйства и образ жизни. Таким образом, имело место вполне реальное завоевание. Последствием этого, учитывая ограниченность пригодных для возделывания и содержания скота земель, можно было бы предполагать упадок земледелия, почти целиком зависящего от искусственного орошения. Однако археологические данные не подтверждают этого. Кроме того, наблюдения над особенностью расположения кочевнических могильников показывают, что все они находятся либо в полупустынях, удаленных от оазисов местах, либо на дальних окраинах последних. В этом можно видеть свидетельство того, что завоеватели стремились сохранить хозяйственную основу своих новых подданных – естественно, с целью извлечения из этого максимальных выгод для себя». И еще: «Специфика взаимоотношений кочевников с коренным населением Бактрии, вырисовывающаяся по археологическим данным, указывает на то, что завоевание не преследовало цели простого захвата земель для освоения их под скотоводство» (Мандельштам, 1974, с. 195–196).

Как видим, А.М. Мандельштам установил по археологическим данным не только то, что кочевники в I в. до н.э. действительно жили в Северной Бактрии, но и то, что они ни во время завоевания, ни позже не разрушали хозяйство местного земледельческо-

го населения, что кочевники, завоевывая Бактрию, не преследовали цель просто захвата ее земель под скотоводство.

Эти его выводы опровергают, с нашей точки зрения, его же определение появления кочевников в Бактрии как «реальное завоевание». Завоевание, т.е. насильственный захват территории другого, сопротивляющегося народа, неизбежно сопровождается значительными разрушениями. Поэтому отмеченное А.М. Мандельштамом отсутствие разрушений и сбережение кочевниками в последующее время хозяйства местных земледельцев согласуется с определением в «Хань шу» процесса овладения юэчжами Дася как «переселения», в ходе которого все мелкие владения Дася «подчинились и покорились им» явно мирно.

Открытие А.М. Мандельштама дает, с нашей точки зрения, основание судить еще об одном аспекте политики кочевников в ставшей в I в. до н.э. подвластной им Северной Бактрии.

Благодаря его открытию выяснился факт существования большой группы кочевников юэчжей, своего рода анклава их, в полупустынных смыкающихся Бишкентской и Нижнекафирниганской долинах, где они вели свой традиционный кочевой образ жизни и, значит, содержали крупный отряд конницы.

Очевидно, что засушливая долина р. Кафирниган отделяла находившуюся к западу от нее густозаселенную тогда земледельцами долину Сурхандарьи от лежавших к востоку от нее обширных, но слабоосвоенных долин рек Вахша и Кызылсу. Кроме того, скорее всего, по Нижнекафирниганской долине проходил тогда караванный путь с юга от городища Айвадж, расположенного на правом берегу Амударьи у переправы через нее на юг, в Гиссарскую долину на севере, куда сходились и сходятся сейчас все другие основные караванные пути Северной Бактрии. А на западе, где Гиссарская долина плавно переходит в верхнюю часть долины Сурхандарьи, находилась, как показало наше исследование, столица царства Большое Юэчжи г. Ланьши (Шахринау).

Сопоставление этих фактов позволяет заключить, что правители Большого Юэчжи, завладев Дася, намеренно создали анклав кочевников почти в центре ее, в Бишкентской и Нижнекафирниганской долинах. Тем самым они как бы разделили Дася на три части: западную, восточную и северную. Это позволяло им, используя содержавшуюся в этом анклаве конницу юэчжей, контролировать ситуацию в каждой из трех частей.

Предполагая это, мы исходим из свидетельства Чжан Цяня о том, что Большое Юэчжи было во II в. до н.э. централизованным царством с наследственным правителем во главе, – свидетель-

ства, дающего основание считать, что это царство осталось таким же и после овладения им Дася на рубеже 100–99 гг. до н.э. Ведь теперь сильная центральная власть была необходима юэчжам еще больше, поскольку предстояло наладить управление большой страной Дася, до этого долго находившейся в состоянии политической раздробленности, а также обеспечить мирное вживание переселившихся кочевников юэчжей (скорее всего, менее 400 тыс. чел.) в среду превосходивших их по численности почти втрое (более 1 млн. чел.) бактрийцев-земледельцев.

Что же касается Южной Бактрии, то пока нет сведений об открытии в Северном Афганистане к югу от Амударьи кочевнических курганных могильников – неопровержимого доказательства обитания масс кочевников. И потому пока нет основания говорить об овладении кочевниками-юэчжами в то же время и Южной Бактрией.

Но специалисты по истории Бактрии исходят из убеждения, что кочевники-юэчжи завоевали всю Бактрию к северу и к югу от Амударьи в 140–130 гг. до н.э., т.е. накануне прибытия в Дася Чжан Цяня в 129 г. до н.э. И основываясь на свидетельстве последнего о политической раздробленности Дася в то время, а также на сообщении в «Хань шу» о существовании в I в. до н.э. владений пяти юэчжийских князей (сихоу) в Большом Юэчжи, овладевшем Дася, считают, что Бактрия распалась на мелкие владения именно после завоевания ее кочевниками. И с этих позиций они анализируют и датируют нумизматические материалы.

Сначала остановимся на суждениях специалистов по истории Бактрии периода, предшествовавшего завоеванию ее кочевниками, основанных также в значительной мере на нумизматических материалах.

В общем плане они как будто признают, что после смерти Евкратида в 155 г. до н.э. Греко-Бактрийское царство распалось на мелкие владения. В.М. Массон и В.А. Ромодин изложили эту точку зрения так: «Период расцвета греко-бактрийского царства пришел к концу, начался его политический упадок. Письменные источники почти ничего не сообщают относительно истории греко-бактрийского царства после смерти Евкратида. Нумизматический материал для этого времени, напротив, очень обилен. Можно насчитать по крайней мере двадцать правителей и правительниц, которые, судя по легендам монет, царствовали в Греко-Бактрии или (что для большинства из них будет более справедливо) в греко-индийских сатрапиях. По-видимому, среди этих лиц были прямые потомки Евтидема и Евкратида, добивавшиеся царской

власти "по праву рождения". Но вряд ли приходится сомневаться, что многие из правителей были просто удачливыми военачальниками или политическими авантюристами. Исследователи положили немало труда, пытаясь разобраться в этом нумизматическом калейдоскопе имен царей и цариц, но результаты этих попыток невелики. Ни одна из предложенных схем родословных связей, хронологий правления местных царьков и границ их владений не может быть признана достаточно обоснованной» (Массон, Ромодин, 1964, с. 115–116).

Практически то же самое пишет Б.Я. Ставиский: «О преемниках Евкратида письменные источники ничего не сообщают, а между тем нумизматы насчитывают (за исключением Диодота, Евтидема, Деметрия, Евкратида и Менандра) двадцать пять имен выпускавших свои монеты греческих правителей Бактрии и Индии; значительная часть этих царей и царьков правила, вероятно, после Евкратида». И добавляет: «Насколько позволяют судить известные сейчас находки греко-бактрийских монет, и особенно знаменитый Кундузский клад, включавший 627 монет, с Бактрией можно связывать лишь трех таких правителей» – Антимаха Теоса (Антимаха I), Гелиокла и Платона (Ставиский, 1977, с. 97–98).

Упомянутый Кундузский клад найден в 1946 г. к югу от Амударьи в землях Южной Бактрии (о нем см.: Кюрье, Фуссман, 1965; Зеймаль, 1967; Мандельштам, 1971). Он содержал 627 серебряных греко-бактрийских монет, т.е. имеющих легенду только на греческом языке и чеканенных по аттической весовой системе. Большую их часть составляли монеты Евкратида (277 экз.) и Гелиокла (221), монет Антимаха I и Платона оказалось по двенадцати, а монет семи других царей (Антиалкида, Архебия, Лисия, Теофила, Филоксена, Аминты и Гермея) – по одной-пяти. Но с этими семью царями связаны также индо-греческие монеты, с греческой легендой на лицевой стороне и с индийской на оборотной, чеканенные по индийской весовой системе. Этих царей принято считать индо-греческими царями.

Из трех же царей, названных греко-бактрийскими, Антимах I, как выяснилось, правил ранее Евкратида (Нарайн, 1957, с. 46–50, 181, табл.). Так что позже Евкратида правили только Платон и Гелиокл.

Монет Платона известно мало. Кроме двенадцати в Кундузском кладе, к югу от Амударьи найдено еще четыре или пять его монет. Тем не менее отмечены четыре разновидности их (Нарайн, 1957, с. 71). В.М. Массон и В.А. Ромодин, отметив портретное

сходство Платона с Евкратидом, кратко определили его как «одного из эфемерных правителей» (Массон, Ромодин, 1964, с. 117).

Подробнее о Платоне написал А.К. Нарайн. На основании отмеченного сходства черт лица Платона и Евкратида, а также типа лица Платона и Гелиокла в результате сопоставления их портретных изображений на монетах он заключил, что Платон был старшим сыном Евкратида. Отправляясь в поход, Евкратид сделал его своим соправителем. Именно Платон, полагает А.К. Нарайн, был тем сыном, который, по сообщению Юстина, убил возвращавшегося из похода Евкратида, проехав на квадриге через его труп. Но вскоре отцеубийца Платон стал непопулярен и был убит Гелиоклом, принявшим титул «Справедливый». Редкость известных монет Платона и свидетельствует о кратковременности его правления, которое А.К. Нарайн датирует 155 г. до н.э. (Нарайн, 1957, с. 71–72, 181, табл.).

Но многие специалисты по истории Бактрии, и в их числе большинство советских, полагают, что убийцей Евкратида был Гелиокл.

Несмотря на эти расхождения, почти все признают Гелиокла последним царем Греко-Бактрии, правившим до завоевания ее в 140–130 гг. до н.э. кочевниками, начавшими чеканить подражания его монетам. Но, соглашаясь в этом, ученые расходятся в определении подвластных ему земель. До изложения их точек зрения остановимся сначала на том, что же известно о монетах Гелиокла.

А известно о них мало, разрозненные сведения разбросаны по литературе, обобщающего исследования нет. Нет сведений о том, сколько их всего известно к настоящему времени. Обычно говорится только о его многочисленных (221 экз.) греко-бактрийских серебряных монетах из Кундузского клада, найденного к югу от Амударьи, упоминается о находке одной монеты в Термезе (Ставиский, 1977, с. 50, прим. 16) и одной – в Кызыл-тепе (Шурчинский оазис в долине Сурхандарьи) (Ставиский, 1977, с. 160). И отмечается еще, что к югу от Гиндукуша найдены медные индогреческие монеты Гелиокла: 9 монет в сокровищнице Мир-Заках, 7 – в Таксиле и более многочисленные в Гандхаре (Нарайн, 1957, с. 109).

На обоих типах монет одинаковы легенда – «Царя Гелиокла Справедливого» и изображение на оборотной стороне стоящего Зевса с лучистым нимбом вокруг головы. Но отмечено различие в портретах правителя на лицевой стороне – на индо-греческих монетах он выглядит весьма пожилым (Нарайн, 1957, с. 107; Массон, Ромодин, 1964, с. 129, прим. 86). На основании существова-

ния двух групп монет Гелиокла одни исследователи заключили, что существовал один царь по имени Гелиокл, правивший всей Бактрией и землями к югу от Гиндукуша, другие же считают, что было два Гелиокла, Гелиокл I и Гелиокл II, правившие в разные периоды и в разных регионах.

Первую точку зрения В.М. Массон и В.А. Ромодин сформулировали так: «Вероятно, его власть распространялась лишь на собственно Бактрию, а районы к югу от Гиндукуша уже тяготели к индо-греческой державе Менандра» и «монеты Гелиокла с двуязычной надписью относятся к тому периоду, когда он был вытеснен из Бактрии кочевниками» (Массон, Ромодин, 1964, с. 128, 129, прим. 86). Тем самым они, получается, признают, что Гелиокл умер значительно позже завоевания Бактрии кочевниками, относимого ими к 140–130 гг. до н.э., и отвергают предположение других исследователей о смерти Гелиокла в 140 г. до н.э. (см. напр.: Нарайн, 1957, с. 106). Кроме того, они не поясняют, каким образом Гелиокл, разгромленный и изгнанный кочевниками из Бактрии, смог завоевать земли к югу от Гиндукуша, где, несомненно, был свой правитель, и создать там царство.

Б.Я. Ставиский, сославшись именно на процитированное суждение В.М. Массона и В.А. Ромодина, высказал, однако, прямо противоположное мнение: «Гелиокл накануне падения своей власти владел еще и какими-то землями к югу от Гиндукуша (предполагать, что он захватил эти земли после того, как был изгнан из Бактрии, нет никаких оснований)» (Ставиский, 1977, с. 99). Иначе говоря, он считает, что Гелиокл владел землями к югу от Гиндукуша еще до завоевания Бактрии кочевниками. Но это противоречит мнению и доказательствам других исследователей о существовании в землях к югу от Гиндукуша после смерти Евкратида могущественной державы Менандра (Нарайн, 1957, с. 100–127; Массон, Ромодин, 1964, с. 117–119).

Другую точку зрения – о существовании двух Гелиоклов – наиболее подробно изложил и логически обосновал А.К. Нарайн.

По его мнению, Гелиокл I стал царем после того, как был убит его старший брат Платон. Он завладел собственно Бактрией, под которой А.К. Нарайн понимал только земли к югу от Окса (Амударьи) (Нарайн, 1957, с. 12), т.е. Южную Бактрию. А регион к югу от Гиндукуша перешел к Менандру. Но царство Гелиокла I включало еще провинции Бадахшан на востоке и Согдиана на севере, т.е. районы к северу от Окса в Северной Бактрии. Поэтому, заключает А.К. Нарайн, Гелиокл I был, вероятно, последним индо-греческим царем, правившим районами к северу от Окса

(Амударьи). Но он не был последним царем собственно Бактрии (т.е. Южной Бактрии), так как в Кундузском кладе найдены аттические тетрадрахмы более поздних царей, явно владевших землями к югу от Окса и к северу от Гиндукуша, что подтверждают-де данные китайских историй, согласно которым юэчжи завладели землями к югу от Окса только в 100 г. до н.э. (Нарайн, 1957, с. 106, 140).

Здесь надо отметить, что А.К. Нарайн оказался единственным, насколько нам удалось выяснить, специалистом по истории Бактрии, который специально рассмотрел по переводам сведения из «Ши цзи» и «Хань шу», сопоставил их и точно определил дату, 100–99 гг. до н.э., овладения юэчжами Дася, лежавшей к югу от р. Гуйшуй, которую он, к сожалению, считает, как общепринято, Оксом (Амударьей) (Нарайн, 1957, с. 138–140). На самом деле, как показало наше исследование, это была Сырдарья, и юэчжи в 100–99 гг. до н.э. завладели не Южной, а Северной Бактрией.

Гелиокл II, полагает А.К. Нарайн, был сыном Гелиокла I, отсюда их портретное сходство на монетах. Он правил частью земель к югу от Гиндукуша в 120–115 гг. до н.э., т.е. после смерти Менандра в 130 г. до н.э. и последовавшего развала его державы (Нарайн, 1957, с. 104, 107, 181, табл.). Возможно, в данном случае исследователь прав.

Как видим, суждения специалистов по истории Бактрии второй половины II в. до н.э., основанные на нумизматических материалах, рассматриваемых ими, исходя из общепринятых идентификации р. Гуйшуй с Амударьей и даты завоевания юэчжами Бактрии в 140–130 гг. до н.э., весьма разноречивы.

А теперь посмотрим, согласуются ли нумизматические материалы по истории Бактрии второй половины II в. до н.э. с выводами из нашего исследования истории кочевников юэчжей II–I вв. до н.э. по сведениям древнекитайских историй «Ши цзи» и «Хань шу». Напомним основные из них: Гуйшуй – это Сырдарья, а лежавшая к югу от нее Дася – это Северная Бактрия. А к югу от Большого Юэчжи, завладевшего Дася на рубеже 100–99 гг. до н.э., в землях Южной Бактрии, находилось царство Уишаньли, во всяком случае с 60-х годов до н.э.

Нумизматические материалы свидетельствуют: юэчжи, завладев Дася (Северной Бактрией), стали выпускать монеты (что было, заметим, монополией царя), а именно – подражания чеканам и Евкратида, убитого в 155 г. до н.э., и Гелиокла. Это действительно дает основание заключить, что Гелиокл правил Бактрией после Евкратида и до завоевания ее кочевниками-юэчжами. А так

как проведенное А.К. Нарайном и нами исследование материалов «Ши цзи» и «Хань шу» доказало, что Большое Юэчжи завладело Дася не в 140–130 гг. до н.э., а на рубеже 100–99 гг. до н.э., то Гелиокл, получается, правил ею до этого времени.

Но поскольку Дася, по материалам «Ши цзи», до завоевания не имела верховного правителя и была раздроблена на множество мелких владений, то Гелиокл мог быть правителем только одного из них. Поэтому предположение, что он был тем сыном Евкратида, который убил его и стал *единым* (курсив наш. – *Л.Б.*) правителем всей Греко-Бактрии, оказывается необоснованным, поскольку оно не оставляет времени и места правлению Платона.

Более логичным представляется суждение А.К. Нарайна, заключившего, что сначала соправителем, а потом убийцей Евкратида был его старший сын Платон, который переехал на квадриге через труп отца и повелел оставить его без погребения. Он «стал непопулярен и вскоре был убит Гелиоклом, заслуженно принявшим титул Справедливый. Редкость монет Платона может быть объяснена краткостью внезапно закончившегося его правления» (Нарайн, 1957, с. 72). Правление Платона и начало правления Гелиокла А.К. Нарайн датирует одним и тем же 155 г. до н.э. (Нарайн, 1957, с. 181, табл.). Это вряд ли верно. Ведь известны три-четыре варианта монет Платона, для подготовки штемпелей и чеканки которых потребовались, скорее всего, не три-четыре месяца, а года два. Так что Платон, полагаем, был убит примерно в 153 г. до н.э.

С нашей точки зрения, Платона убил не сам Гелиокл. Невероятная жестокость отцеубийцы Платона позволяет с большой долей уверенности предположить, что следующими жертвами его становились соратники и помощники Евкратида. Они-то, скорее всего, и убили Платона и сделали царем младшего сына Евкратида Гелиокла, возможно еще малолетнего, о чем позволяет судить необычайная длительность его правления – до 100 г. до н.э., и присвоили ему титул Справедливый. Затем сподвижники Евкратида ограничили владения малолетнего царя Гелиокла регионом вокруг столицы Ланьши и поспешили объявить себя независимыми правителями собственных владений, а за ними – и прочие знатные и богатые люди. Так что Греко-Бактрийское царство распалось, по-видимому, примерно в 153–152 гг. до н.э.

Именно такую ситуацию увидел Чжан Цянь, более года проживший в Дася в 129–128 гг. до н.э.: в ней не было верховного правителя (что уже позволяет заключить о ее неподвластности правителю Большого Юэчжи), но г. Ланьши считался столицей, а

в каждом городе и поселении был свой глава. Он не нашел здесь никаких следов присутствия юэчжей, кочевавших тогда со своим скотом к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи), в царстве которых побывал перед походом в Дася.

Чжан Цянь – высокопоставленный сановник империи Хань, официальный посол императора. По прибытии в Среднюю Азию он был принят на самом высоком уровне – правителями царств Давань, Канцзюй, Большого Юэчжи. Целью его миссии было заключение союза Хань с Большим Юэчжи против Сюнну. Но правитель Большого Юэчжи отказался от этого предложения Хань. И тогда Чжан Цянь из его столицы отправился в Дася явно с надеждой, что тамошний царь заставит правителя Большого Юэчжи заключить союз, но и там этого не добился. Эти свидетельства Чжан Цяня не оставляют сомнения в том, что он отправился именно в столицу раздробленной на мелкие владения Дася г. Ланьши не случайно, а, несомненно, потому, что по сведениям, полученным им при дворе правителя Большого Юэчжи, там правил не какой-то самопровозглашенный царек, а законный царь, наследник Евкратида, сюзерена юэчжей, считавшийся также по наследству сюзереном Большого Юэчжи. Иначе, если бы Дася была подвластна Большому Юэчжи, поход Чжан Цяня в нее не имел бы смысла. Так что правил в Ланьши, несомненно, царь Гелиокл, законный наследник Евкратида, который и продолжал считаться сюзереном Большого Юэчжи. Потому-то и Хань после возвращения Чжан Цяня стала прилагать усилия, чтобы установить посольские связи именно с Дася. Но так как Чжан Цянь лично убедился в фактической независимости Большого Юэчжи, то Хань установила посольские отношения и с ним.

Очевидно, что кочевники юэчжи, признававшие, по свидетельству очевидца Чжан Цяня, сюзеренитет Дася (Греко-Бактрии), не имели отношения к ее распаду на мелкие владения в середине II в. до н.э. после смерти Евкратида.

Однако наша гипотеза, что Гелиокл после убийства Платона и распада затем Греко-Бактрии на мелкие владения был царем всего лишь одного из них, находившегося в районе Ланьши (Шахринау), т.е. в Северной Бактрии, вроде бы противоречит следующим фактам. Во-первых, правители кочевников юэчжей, завладев Дася (Северной Бактрией), стали чеканить подражания монетам Евкратида и Гелиокла. Но Евкратид давно умер. Значит, после него из многих царьков только Гелиокл, не считая отцеубийцы и узурпатора Платона, выпускал свои монеты. Во-

вторых, монеты Гелиокла, за исключением двух экземпляров, неизвестны именно в Северной Бактрии, тогда как в Южной Бактрии они найдены в Кундузском кладе в большом числе. На основании этих фактов и принято считать его последним единым царем всей Греко-Бактрии.

С нашей точки зрения, тот факт, что после распада Греко-Бактрии только Гелиокл мог выпускать в Северной Бактрии свои серебряные монеты, объясняется главным образом двумя причинами.

Во-первых, он, сын Евкратида, а после убийства Платона и законный наследник, был провозглашен царем Греко-Бактрии.

Во-вторых, в результате последовавшего затем распада Греко-Бактрии на мелкие владения его сильно урезанное царство со столицей в Ланьши было, можно полагать, все же самым большим и богатым, ему явно досталась казна рухнувшего царства и его монетный двор в столице. Так что Гелиокл, как законный царь, имел, во-первых, право чеканить монету и, во-вторых, достаточно средств для этого. И потому именно к нему, законному царю, прибывали в Ланьши иноземные послы, как, например, Чжан Цянь и, видимо, многочисленные ханьские послы в 112–104 гг. до н.э.

А тот факт, что серебряные монеты Гелиокла, чеканенные, согласно нашей гипотезе, в Северной Бактрии, именно в ней до последнего времени были вообще неизвестны, объясняется, полагаем, следующими причинами.

Во-первых, Гелиокл, владевший богатым, но все-таки небольшим царством, не мог в течение своего долгого правления (153–100 гг. до н.э.) выпускать серебряные монеты в большом количестве. И потому они не получили широкого распространения в других мелких владениях Дася. В них, скорее всего, продолжали находиться в обращении выпущенные ранее во множестве монеты Евкратида, которые ни Платон, в силу краткости своего правления, ни Гелиокл, по причине неподвластности ему этих мелких владений, не могли собрать и переплавить. Возможно, и по этой причине монеты Евкратида теперь находят в Средней Азии чаще и в большем числе, чем монеты других греко-бактрийских царей (Массон, Ромодин, 1964, с. 114, прим. 32; Зеймаль, 1983, с. 93).

Во-вторых, кочевое царство Большое Юэчжи, завладевшее Дася, явно было небогатым, судя по тому, что его цари, обосновавшиеся в Ланьши, выпускали, как увидим ниже, только медные подражания чекану Гелиокла. Доставшиеся им не столь уж много-

численные серебряные монеты Гелиокла были, вероятнее всего, тщательно собраны, переплавлены и использованы на изготовление царской утвари и для чеканки небольшого числа серебряных подражаний монетам Евкратида.

Сообщение о том, что серебряные монеты умершего правителя переплавляются в монеты его преемника, есть в описании Аньси (Парфии) в «Хань шу»: «[Здесь] также из серебра делают монеты... После смерти [правителя] переливают монеты» (ХШ, гл. 96 1, с. 3889). Так поступали тогда, надо полагать, и в других царствах, чеканивших серебряную монету.

Что же касается многочисленных монет Гелиокла в Кундузском кладе, найденном в Южной Бактрии, наличие которых толкуется как доказательство того, что этим регионом правил и чеканил здесь свои монеты именно этот царь, то данный факт требует особого рассмотрения.

Кундузский клад состоял из 627 только серебряных монет разновременных греко-бактрийских и даже иноземных (селевкидских) правителей. Это, безусловно, было сокровище, которое собиралось в течение длительного времени, что доказывает его состав. В нем выделяются три группы монет.

Первая из них включает 100 безусловно редких монет, уже выпавших из обращения: три монеты трех селевкидских царей, два из них правили во второй половине III в., а третий – в середине II в. до н.э., и 97 монет семи греко-бактрийских царей, из которых два правили во второй половине III в., а остальные – в первой половине II в. до н.э.

Вторая группа монет Кундузского клада – самая многочисленная. Она состоит из 510 монет всего лишь трех греко-бактрийских царей: 277 монет Евкратида, 12 монет Платона и 221 монета Гелиокла – собранных, несомненно, во время их чеканки и широкого обращения.

Третья группа состоит только из 17 монет семи царей: Антиалкида, Архебия, Лисия, Теофила, Филоксена, Аминты и Гермея (Зеймаль, 1967, с. 160–161). Вопрос о месте и времени их правления остается дискуссионным, но чаще их царствования относят ко второй половине II – началу I в. до н.э. (Нарайн, 1957, с. 181, табл.; Массон, Ромодин, 1964, с. 117, 159, прим. 6).

Такой состав Кундузского клада-сокровища свидетельствует, с нашей точки зрения, о том, что основную часть его, монеты первой и второй групп, собрал какой-то очень богатый человек, живший при правлении Евкратида, Платона и Гелиокла, возможно,

при их дворе в столице Ланьши. Необычайная же малочисленность по сравнению с ними монет третьей группы говорит о каком-то катаклизме в жизни, вероятно, уже наследника собирателя сокровища, о резком сокращении его благосостояния.

А.К. Нарайн, имея в виду, что семь царей, известных по этой группе монет в Кундузском кладе, чеканили аттические тетрадрахмы, заключил, что эти цари правили какими-то районами «к северу от Гиндукуша», т.е. в Южной Бактрии. Подтверждают это и находки индо-греческих монет тех же царей, свидетельствующие о принадлежности им соседних с Южной Бактрией районов к югу от Гиндукуша (Нарайн, 1957, с. 104). А завладеть землями к югу от Гиндукуша они могли только после смерти Менандра примерно в 130 г. до н. э. и последовавшего распада его державы, существовавшей в этом регионе после смерти Евкратида.

Следовательно, Южная Бактрия в последней трети II в. до н.э., а вероятнее всего и позднее, и в начале I в. до н.э. была подвластна отнюдь не Гелиоклу или каким-то неизвестным кочевникам, а греко-бактрийским правителям, которые после смерти Менандра в 130 г. до н.э. завладели еще и землями к югу от Гиндукуша. Это подтверждает и то, что Большое Юэчжи, поглотившее на рубеже 100—99 гг. до н.э. Дася, занимало только Северную Бактрию, и согласуется со сведениями в «Хань шу» о расположении к югу от него не позднее чем с 60-х годов I в. до н.э. царства Уишаньли, занимавшего, как мы установили выше, Южную Бактрию.

А все это, в свою очередь, дает основание заключить, что владелец сокровища, скорее всего, наследник первого собирателя его, бежал от кочевников-юэчжей, занявших на рубеже 100—99 гг. до н.э. Дася, Северную Бактрию, в Южную Бактрию, где смог добавить к накопленному лишь несколько монет местных правителей.

Заложено же сокровище в качестве клада намного позже этого времени. Доказывает это наличие в нем монеты царя Гермея. Так как известны разнотипные монеты, выпущенные этим правителем совместно с Куджулой Кадфизом (Массон М., 1950, с. 43, 46), преобразовавшим царство Большое Юэчжи в Кушанское царство, то очевидно, что они правили какое-то время совместно. Подробнее об этом говорится в пятой главе данной работы. Следовательно, Кундузский клад был зарыт во время правления первого кушанского царя Куджулы Кадфиза, возможно, в тот период, когда кушанские, т.е., по сути, те же юэчжийские войска, от которых в свое время бежал из Дася предок человека, заложившего клад, вошли во владения царя Гермея. Как видим, и дати-

ровка закладки Кундузского клада тоже связана с проблемой абсолютной кушанской хронологии.

Так что факт наличия множества монет Гелиокла в Кундузском кладе, зарытом в Южной Бактрии, не может служить доказательством того, что этим регионом правил именно Гелиокл.

На основании проведенного сопоставления археологических материалов с нашими выводами из комплексного исследования конкретных данных древнекитайских историй складывается следующая непротиворечивая гипотеза о развитии политической ситуации в Бактрии во второй половине II в. до н.э.

После убийства Евкратида в 155 г. до н.э. его старшим сыном Платоном, видимо, начавшим затем расправу над сподвижниками отца, последние убили его примерно в 153 г. до н.э. Они сделали царем законного наследника, малолетнего сына Евкратида Гелиокла, но, ограничив его царство районом вокруг столицы Ланьши (Шахринау), тут же объявили себя (примерно в 152 г. до н.э.) независимыми правителями своих владений. Греко-Бактрийское царство распалось на мелкие владения. В Дася (Северной Бактрии) такую ситуацию описал Чжан Цянь. О распаде же Южной Бактрии свидетельствуют греко-бактрийские монеты ее нескольких царей из Кундузского клада. А к югу от Гиндукуша возникла держава Менандра.

Гелиокл, как законный царь, чеканил монету, но в небольшом количестве по причине малости своего царства, считался сюзереном лежавшего к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи) Большого Юэчжи, но был им лишь номинально, принимал иноземных послов, например, Чжан Цяня из Хань. По-видимому, он умер в 100 г. до н.э. Мелкие владения Дася, с их небоеспособным войском, оказались перед Парфией, резко усилившейся при Митридате II (123–88), и предпочли подчиниться имевшему сильное войско правителю Большого Юэчжи, с которым они уже более полувека мирно соседствовали. И на рубеже 100–99 гг. до н.э. юэчжи, как сказано в «Хань шу», «переселились сюда», в Дася.

Юэчжийский чекан и вопрос о раздробленности Большого Юэчжи

Далее остановимся на том, как представляется по археологическим материалам история Большого Юэчжи I в. до н.э., поскольку о нем в письменных источниках, кроме его описания в «Хань шу», содержащего сведения за самые первые годы этого

века, других данных нет. Но сначала обратим внимание на краткие сообщения о монетах царств данного региона в «Ши цзи» и «Хань шу».

В «Ши цзи» непосредственно в описаниях кочевого царства Большое Юэчжи и земледельческой страны Дася, составленных по сведениям Чжан Цяня, о деньгах ничего не говорится. Но Сыма Цянь, суммарно излагая далее те немногие сведения о царствах к западу от Давань (Фергана), которые были получены после смерти Чжан Цяня от ханьских послов, побывавших здесь в 111–104 гг. до н.э., привел, в частности, такие: «В царствах к западу от Давань до Аньси (т.е. в Большом Юэчжи и Дася. – *Л.Б.*) ... все люди любят торговать на рынках, спорят за каждый чжу (1/48 ляна, т.е. спорят за каждую копейку. – *Л.Б.*). ... В их землях нет ни шелка, ни лака, не умеют отливать деньги и утварь. Когда же [некоторые] служители из ханьских посольств бежали [к ним] и обучили их плавить и делать оружие и утварь, [то они], заполучив у ханьцев золото и серебро, всегда превращали [их] в утварь, а не в монеты» (ШЦ, гл. 123, с. 3174).

Замечание о любви к торговле явно относилось к населению Дася, поскольку об этом сообщал еще Чжан Цянь. Сообщение же о неумении, а потом и о нежелании отливать деньги из золота и серебра относилось, конечно, к кочевникам Большого Юэчжи (возможно, использовавшим монеты их сюзерена Гелиокла), поскольку в Бактрии, как теперь известно, монеты отливали и чеканили издавна.

В «Хань шу», в описании Большого Юэчжи, овладевшего Дася, за первые годы I в. до н.э., говорится уже, что деньги в нем «такие же, как в Аньси» (ХШ, гл. 96/1, с. 3990).

В описании Аньси еще в «Ши цзи» сказано: «Из серебра делают монеты с изображением лица правителя. После смерти правителя всегда заменяют [их на] монеты с изображением лица [нового] правителя» (ШЦ, гл. 123, с. 3162). А в описании Аньси в «Хань шу» уточнено: «Также из серебра делают монеты, на лицевой стороне их изображено лицо правителя, а на оборотной – лицо какого-то другого человека (фу-жэнь, см.: ЦХ, 1948, с. 367. – *Л.Б.*). После смерти правителя всегда переливают монеты» (ХШ, гл. 96/1, с. 3889).

Приведенные сведения из «Ши цзи» доказывают, что до конца II в. до н.э. в кочевом царстве Большое Юэчжи, находившемся тогда к западу от Давань (Ферганы) и к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи) под сюзеренитетом Дася, деньги не выпускались, а из золота и серебра, полученных от ханьцев, делали утварь. Согласно же

описанию Большого Юэчжи в «Хань шу», в нем, поглотившем Дася, деньги были такие же, как в Аньси (Парфии), т.е. серебряные.

Но эти деньги не могли быть выпущены правителями Большого Юэчжи, поскольку, как показало наше исследование, сведения, изложенные в его описании в «Хань шу», были получены в Хань сразу после овладения им Дася. Ханьские послы, отправленные У-ди в середине 99 г. до н.э., побывали в Большом Юэчжи в 98 г., но только в ставках четырех его сихоу, учрежденных в городах бывшей Дася и лежавших к югу от Сырдарьи по Великому караванному пути из Китая, ведшему далее в Аньси. Очевидно, что послы видели продолжавшие обращаться в первые годы в бывших северных землях Дася после перехода их под власть юэчжей серебряные монеты греко-бактрийских царей Евкратида и Гелиокла.

Очень важными для анализа археологических материалов представляются сообщения в описаниях Аньси в «Ши цзи» и «Хань шу» о том, что после смерти правителя его монеты всегда переливались в монеты нового правителя. По-видимому, это было общим правилом в те времена. А это значит, что от того, насколько новый правитель был ограничен в драгоценных металлах для чеканки своих монет, зависела степень изъятия монет из этих металлов, выпущенных при его предшественнике. А от этого, несомненно, зависит и численность нынешних находок монет того или иного царя.

Вот теперь и рассмотрим, какие монеты чеканили правители кочевников-юэчжей, овладевших Дася на рубеже 100–99 гг. до н.э., доказывают ли они и топография их находок мнение специалистов по истории Бактрии о том, что она распалась на отдельные независимые владения именно после их завоевания.

Нумизматы точно установили, что правители кочевников выпускали в Бактрии **подражания** (выделено мною. – *Л.Б.*) чеканам двух последних греко-бактрийских царей – Евкратида и Гелиокла, т.е. монеты, повторявшие тип и легенду их монет. Подражания чекану Евкратида были серебряными, а чекану Гелиокла – медными или бронзовыми.

Начало эмиссии их датируют концом II – началом I вв. до н.э., исходя из общепринятого мнения о падении власти Гелиокла и завоевании Бактрии кочевниками-юэчжами в 140–130 гг. до н.э. (Массон, 1956, с. 73–74; Зеймаль, 1983, с. 100).

Период обращения подражаний обеих серий заканчивается временем появления первых образцов кушанской государствен-

ной чеканки (Пугаченкова, 1967, с. 81; Зеймаль, 1983, с. 102, 125). А так как вопрос о дате создания Кушанского царства и его абсолютной хронологии остается спорным, то и вопрос о времени прекращения эмиссии этих подражаний решается по-разному.

Нумизматы обосновывают свои суждения вроде бы не только общеисторическими соображениями, но и эпиграфическими, метрологическими и прочими нумизматическими особенностями этих монет. Однако трактуют эти особенности так, что они подтверждают ту точку зрения на проблему кушанской абсолютной хронологии, которой каждый из них придерживается.

Ареал обращения подражаний монетам Гелиокла и Евкратида и последующих серебряных монет Герая в Северной Бактрии, определяемый, как правило, по топографии их находок, обобщенно и наглядно показан Б.Я. Стависким на карте-схеме (Ставиский, 1977, с. 116, рис. 13) и обоснован перечнем мест конкретных находок монет и их числа (с. 239–242, прилож. 1). Его данные в части, касающейся Южного Таджикистана, дополнил сведениями о находках последующих лет Е.В. Зеймаль (Зеймаль, 1983, с. 106–109, табл. VIII; с. 126–128, табл. IX; с. 158–159, табл. XI).

По их данным, наиболее многочисленны находки медных подражаний чекану Гелиокла. Всего их известно к 1982 г. около 240–250 монет (Зеймаль, 1983, с. 111; 123, прим. 43). В Северной Бактрии, по данным Б.Я. Ставиского (судя по его библиографии), были точно известны места находок 48 монет (Ставиский, 1977, с. 239–241), но уже к 1982 г. их число возросло (Зеймаль, 1983, с. 106–109).

Дорогостоящих серебряных подражаний чекану Евкратида всего известно немногим более 50 экземпляров (Зеймаль, 1983, с. 93). В Северной же Бактрии к 1975 г. были точно известны места находок лишь 9 экземпляров (Ставиский, 1977, с. 241), а к 1982 г. – уже 35 (Зеймаль, 1983, с. 106–109).

Кроме того, типологически продолжавших подражания чекану Евкратида серебряных монет Герая (подробнее о них см. ниже) к 1975 г. было найдено в Северной Бактрии 9 (Ставиский, 1977, с. 241–242), к 1983 г. - уже 26, а всего их стало известно около 80 (Зеймаль, 1983, с. 158–159, 149).

Судя по числу найденных в долинах Северной Бактрии подражаний чеканам Гелиокла и Евкратида и монет Герая, их распространенность там была, как это видно из приведенной ниже таблицы, очень неравномерной.

Долина	Подражания монетам				Монеты Герая	
	Гелиокла		Евкратида			
	1975	1982	1975	1982	1975	1982
Сурхандарьинская*	41	13	–	–	–	–
Гиссарская	3	5	5	17	–	2
Нижнекафирниганская	–	2	4	9	2	11
Вахшская	3	5	–	–	7	8
Кызылсу	1	2	–	9	–	4

* В части долины, входящей в территорию Таджикистана.

Большинство медных подражаний чекану Гелиокла (около 50 экз.) найдено в долине Сурхандарьи, тогда как в четырех других долинах их обнаружены единицы (всего 14 экз.). Поскольку медные монеты использовались в сфере розничного товарооборота на местных рынках, то очевидно, что товарно-денежные отношения были весьма развиты в богатой долине Сурхандарьи и очень слабо в других долинах Северной Бактрии.

Серебряные же подражания чекану Евкратида и серебряные монеты Герая, пригодные для оптовой торговли, в долине Сурхандарьи вообще не выявлены. Больше всего подражаний чекану Евкратида найдено в Гиссарской долине (17 экз.) и по 9 экземпляров в Нижнекафирниганской и в долине Кызылсу, и монет Герая – в Нижнекафирниганской долине.

Б.Я. Ставиский в работе 1977 г. обратил внимание на то, что в долине Сурхандарьи были широко распространены медные подражания чекану Гелиокла при полном отсутствии серебряных подражаний чекану Евкратида и монет Герая, тогда как в Нижнекафирниганской долине, наоборот, известны только эти два вида монет при полном отсутствии медных подражаний чекану Гелиокла. На основании этого он предположил существование в Бактрии под властью кочевников двух политических объединений. Одно, полагает он, находилось в западной части ее, включало долину Сурхандарьи в Северной Бактрии и район Балха в Южной Бактрии. На его территории обращались медные подражания чекану Гелиокла. Второе объединение занимало, считает он, восточную часть Бактрии, включало долины рек Кафирнигана, Вахша, Кызылсу в Северной Бактрии и долину Кундуза в Южной, где выпускались серебряные подражания чекану Евкратида и моне-

ты Герая. Здесь-де и было «первоначальное Кушанское княжество (Гуйшуан)» (Ставиский, 1977, с. 119–120).

И Э.В. Ртвеладзе, исходя из несовпадения ареалов распространения серебряных монет Герая и медных подражаний чекану Гелиокла, также предположил существование двух юэчжийских политических объединений, выпускавших свои особые монеты (Ртвеладзе, 1979, с. 78).

Итак, в Северной Бактрии, оказавшейся под властью кочевников юэчжей, выпускались многочисленные медные подражания чекану Гелиокла и малочисленные серебряные подражания чекану Евкратида. Данный факт сам по себе не доказывает, что они выпускались в разных владениях. Ведь и цари Греко-Бактрии выпускали в обращение не только серебряные, но и медные монеты.

Вполне естественно, что правители кочевого царства Большое Юэчжи, не имевшие во II в. до н.э. собственных монет и монетного двора, овладев Дася на рубеже II–I вв. до н.э., стали на ее бывшем монетном дворе чеканить подражания распространенным здесь ранее монетам своих сюзеренов – Евкратида и Гелиокла, к памяти которых они, оказывается, относились с почтением. Ведь Евкратид, как показано выше, разгромив в 162 г. до н.э. вторгшихся в его владения юэчжей, переселившихся сюда из долины Или, позволил им поселиться в землях к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи), где они, признав его сюзеренитет, и основали свое царство Большое Юэчжи. А при Гелиокле, когда Бактрия распалась на множество мелких владений, Большое Юэчжи, хотя имело сильное уже войско, продолжало признавать его своим сюзереном и мирно существовало рядом с этими мелкими владениями. По-видимому, это долгое мирное сосуществование и способствовало тому, что, скорее всего, после смерти Гелиокла юэчжи мирно переселились к югу от Гуйшуй в земли Дася.

Правители Большого Юэчжи, кочевники, завладевшие Дася, явно были не очень богаты. И потому стали выпускать в значительном количестве только медную разменную монету – подражание чекану Гелиокла. А доставшиеся им не столь уж многочисленные серебряные монеты Гелиокла, скорее всего, переплавили и использовали для чеканки немногочисленных серебряных подражаний чекану Евкратида и, возможно, изготовления утвари для себя.

Выявился странный на первый взгляд факт: в самой богатой и экономически развитой многонаселенной долине Сурхандарьи, где археологи открыли у Термеза и у Шахринау два крупнейших

(ок. 350 га) древних города и много поселений разного масштаба, была широко распространена только разменная медная монета – подражания чекану Гелиокла, и совсем отсутствовали пригодные для оптовой торговли дорогостоящие серебряные подражания чекану Евкратида. В то же время последние, хотя и в небольшом числе, были найдены в засушливой полупустынной Нижнекафирниганской долине. Это дает основание предположить, с нашей точки зрения, что немногочисленные серебряные подражания чекану Евкратида использовались не в качестве денег, средства обращения.

Об этом же говорит и то, что 27 подражаний чекану Евкратида из 35 были найдены в могильниках в Северной Бактрии, при этом по одной лишь монете в редких захоронениях. А, как пишет Е.В. Зеймаль, «пока бесспорных случаев выпуска специальных погребальных монет в нумизматике не известно» (Зеймаль, 1983, с. 103).

Но если немногочисленные дорогостоящие серебряные подражания чекану Евкратида не обращались в качестве денег и не были поминальными монетами, то зачем же правители Большого Юэчжи выпускали их?

Снова обратим внимание на топографию их находок. К 1982 г. почти половина их (17 экз.) найдена в Гиссарской долине и по 9 экземпляров в Нижнекафирниганской (вместе с Бишкентской) и в долине Кызылсу. При этом 27 монет обнаружены при раскопках могильников.

Что мы знаем о положении в этих долинах в I в. до н.э.?

А.М. Мандельштам, об археологических исследованиях которого говорилось в начале данной главы, открыл в Бишкентской долине, являющейся как бы частью Нижнекафирниганской долины, три больших кочевнических курганных могильника (Тулхарский, Аруктауский и Коккульский) и установил, что жившие здесь многочисленные кочевники вели свой традиционный образ жизни. Он предположил, что найденные в Тулхарском могильнике подражания чекану Евкратида (названные поэтому «тулхарским видом») были самыми ранними, и отнес начало их эмиссии к последней трети II в. до н.э. (Мандельштам, 1966а, с. 142).

Выше мы говорили, что правители Большого Юэчжи сразу после овладения Дася намеренно создали в этих долинах, находящихся почти в центре Северной Бактрии, анклав кочевников юэчжей с их конницей. Тем самым лежавшая к западу от него многонаселенная долина Сурхандарьи была отделена от находившихся к востоку менее освоенных, но обширных районов, что облегчало контроль над всеми ними благодаря наличию в анкла-

ве юэчжийской конницы. Она же контролировала и проходивший здесь караванный путь, который начинался на юге у города Айвадж, находившегося на северном берегу Амударьи у переправы на юг, а на севере выводил в Гиссарскую долину в районе Душанбе.

Отсутствие в местных могильниках и вообще в Нижнекафирниганской долине, районе средоточия юэчжей и их конницы, разменной медной монеты – подражаний чекану Гелиокла, свидетельствует, полагаем, о том, что жившие здесь юэчжи, скорее всего, не закупали сами продукты земледелия и ремесла у местного немногочисленного населения, а снабжались в централизованном порядке. И найденные здесь в захоронениях единичные дорогостоящие серебряные подражания чекану Евкратида, принадлежавшие, несомненно, не рядовым воинам, а знатным юэчжийским военачальникам, явно не обращались в качестве денег.

Поэтому можно предположить, что правители Большого Юэчжи чеканили их в небольшом количестве и использовали в качестве награды особо отличившимся при переселении в Дася юэчжийским военачальникам. И тот факт, что такие монеты найдены еще и даже в несколько большем числе в другом районе, где тоже были, несомненно, сосредоточены юэчжийские войска, служит, полагаем, подтверждением нашему предположению.

Этим другим районом сосредоточения юэчжийских войск была, полагаем, Гиссарская долина, где и найдена половина (17 экз.) из ныне известных в Северной Бактрии подражаний чекану Евкратида. Данное убеждение основано на следующих фактах и выводах из них.

Главным из них является важнейшее, с нашей точки зрения, для понимания истории Северной Бактрии и юэчжей II–I вв. до н.э. открытие советских археологов. М.М. Дьяконов (Дьяконов, 1950), Е.А. Давидович (Давидович, 1956, 1969), Э. Гулямова (Гулямова, 1959, 1975) и другие обнаружили у нынешнего г. Шахринау (Шахринав), лежащего в 44 км к западу от Душанбе, огромное древнее городище площадью в 350 га (Гулямова, 1975, с. 250). Кроме него, таких больших городищ во всей Бактрии обнаружено только три: еще одно в Северной Бактрии, Термезское, площадью в 350 га (Ставиский, 1977, с. 49, 254) и два в Южной Бактрии, Балхское площадью ок. 450 или даже 550 га (там же, с. 77, 244) и у Калаи-Заль площадью ок. 200 га (там же, с. 252).

К сожалению, территория Шахринауского городища оказалась в значительной части распаханной, застроенной, в советское время здесь была проложена автомагистраль Душанбе – Шахринау –

Денау – Термез, а чуть южнее ее был прорыт Гиссарский канал. Так что археологические находки малочисленны. Но собранные монеты позволили датировать время существования здесь огромного древнего города II в. до н.э. – II в. н.э., т.е. докушанским и кушанским периодами (Гулямова, 1975, с. 251).

Но ни археологи, ни историки даже не обсуждали вопрос, что же это за огромный город существовал в северной части Северной Бактрии. И это понятно, поскольку его существование здесь нельзя объяснить, исходя из общепринятого убеждения в том, что р. Гуйшуй – это Амударья, что Большое Юэчжи, царство кочевников, во II в. до н.э. находилось к северу от нее, т.е. в Северной Бактрии, а Дася (Бактрия) с ее столицей Ланьши, идентифицированной с Балхом, – к югу от нее.

Исходя же из результатов проведенного в двух первых главах данной работы исследования по материалам «Ши цзи» и «Хань шу», установленный советскими археологами факт существования огромного города в Северной Бактрии в докушанское и кушанское время подтверждается и оказывается одним из важнейших открытий по истории Бактрии, юэчжей и кушан.

Наше исследование показало следующее. Река Гуйшуй – это Сырдарья, и кочевники-юэчжи до конца II в. до н.э. обитали к северу от нее в пригодных для их кочевого образа жизни землях Кайракумской степи и поблизости от нее. Земледельческая же страна Дася со своей столицей Ланьши лежала к югу от Гуйшуй, т.е. в Северной Бактрии, и древнее расстояние от столицы Давань (Ферганы) г. Эрши (Коканда) до столицы Дася г. Ланьши, определенное Чжан Цянем, побывавшим в них в 128 г. до н.э., как раз соответствует современному расстоянию между Кокандом и Шахринау. Следовательно, г. Ланьши, бывший столицей Дася во II в. до н.э., возможно, столицей Евкратида (Евкратидией) и Гелиокла, а также столицей Большого Юэчжи в I в. до н.э., находился на месте Шахринауского городища.

Расположение Ланьши в районе, где Гиссарская долина плавно переходит в долину верхнего течения Сурхандарьи, было удобным с географической точки зрения и выгодным со стратегической. Окружающие его почти со всех сторон горы защищали не только от ветров, но и от неожиданного нападения врагов. В ближний к нему с востока район Душанбе в Гиссарской долине сходились главные караванные пути с севера, востока, юго-востока и юга. А так как они проходили по межгорным долинам, юэчжийским войскам было удобно контролировать их и, значит, всю страну. В Ланьши же с востока из района Душанбе вела только одна

дорога, да еще дорога с юго-запада из земледельческой долины Сурхандарьи. Так что со стратегической точки зрения безопасность столицы в основном обеспечивал контроль над районом Душанбе и вообще Гиссарской долиной. И потому можно с уверенностью полагать, что для охраны столицы Ланьши правители Большого Юэчжи разместили в этой долине вблизи, но вне издавна существовавших здесь поселений бактрийцев крупные отряды своих войск.

В этом районе сосредоточения юэчжийских войск, охранявших подступы к столице, найдена половина известных в Северной Бактрии подражаний чекану Евкратида. Большая часть их (13 из 17 экз.) получена при раскопках могильника Туп-хона близ г. Гиссар, лежащего примерно посередине между Душанбе и Шахринау. Это монеты позднего типа, названного «гиссарским». На основании типа керамики, найденной в захоронениях вместе с этими монетами, А.М. Мандельштам отнес их выпуск ко второй половине I в. до н.э. – началу I в. н.э. (Мандельштам, 1966а, с. 153–154). А Е.В. Зеймаль, опираясь на свою датировку подражаний монетам парфянского царя Фраата IV (38/37 – 3/2 гг. до н.э.) с ложным надчеканом, сходных, полагает он, с подражаниями чекану Евкратида, относит выпуски последних ко второй четверти I - началу II в. н.э. (Зеймаль, 1983, с. 101–102). Это согласуется с поздним вариантом кушанской абсолютной хронологии, по которому правление основателя Кушанского царства Куджулы Кадфиза приходится на конец II – начало III в. н.э. и сторонником которого Е.В. Зеймаль является.

Но могильник Туп-хона был, по определению археологов, кладбищем местного населения. Здесь нет курганных захоронений, характерных для кочевников. С нашей точки зрения, захоронение юэчжей на этом и, полагаем, на других кладбищах местного населения объясняется тем, что в этом районе юэчжи жили среди бактрийского населения, а не изолированно, как в Бишкентской и Нижнекафирниганской долинах. Чем дольше это продолжалось, тем больше юэчжи усваивали их образ жизни, язык, обычаи. Поэтому и захоронение юэчжей на местных кладбищах по местным обычаям становилось привычным.

Поздний тип найденных здесь подражаний чекану Евкратида позволяет также предположить, что награжденные ими юэчжийские военачальники были похоронены на этом кладбище в последние годы существования царства Большое Юэчжи, когда шла борьба с мятежником Гуйшуан-сихоу Цюцзюцю (Куджулой Кадфизом).

Остальные 9 подражаний чекану Евкратида найдены в долине р. Кызылсу. За исключением случайной находки одной из этих монет, восемь других были обнаружены при раскопках опять же могильников – 6 экз. в могильнике Ксиров Дангаринского района и 2 экз. в могильнике Файзабад-кала в Пянджском районе. Нетрудно заметить, что все эти пункты лежат по караванному пути, который шел от Пянджа на юге до Душанбе на северо-западе. К сожалению, тип этих подражаний не назван. Но, полагаем, что они позднего, гиссарского типа. Захоронения, в которых они были найдены, появились здесь, по-видимому, в то время, когда мятежник Куджула Кадфиз сверг царя Большого Юэчжи и верные последнему остатки войск бежали из Гиссарской долины этим дальним путем на юг.

Теперь рассмотрим вопрос о монетах Герая. За более чем вековой период их изучения высказано немало гипотез о том, кто и когда выпускал их, и обсуждение продолжается (см. библиографию: Зеймаль, 1983, с. 149, прим. 7). Чтобы понять суть разногласий, приведем сначала имеющиеся объективные данные об этих монетах.

Всего известно пока более 80 экземпляров монет Герая. Они найдены как к северу от Амударьи (в Южном Таджикистане), так и к югу от нее до Гиндукуша (в Северном Афганистане). Места находок 25 монет в Южном Таджикистане известны, тогда как в Северном Афганистане сведения о местах находок ненадежные (Зеймаль, 1983, с. 149–150).

Исследователи так описывают эти монеты. На лицевой стороне по греко-бактрийской традиции изображен портрет правителя, но на оборотной стороне – кочевнический символ – всадник, в котором опознается тот же правитель, однако за ним, опять же в соответствии с греко-бактрийской традицией, изображена парящая богиня Ника с венком и легенда на греческом языке. Первое слово в ней – титул лица, стоящего ниже царя, второе слово читается «герай», третье – «кушанца» и четвертое – «санаб». Вопрос о значениях слов «герай» и «санаб» не решен окончательно, каждое из них, полагают, может быть именем или титулом. Большинство исследователей считают слово «герай» именем правителя, изображенного на портрете, но все-таки пишут его в кавычках – «Герай». Значение же слова «санаб», мнения о котором особенно многообразны, не определено (Массон, Ромодин, 1964, с. 154, прим. 76; Ставиский, 1977, с. 118–119). Но недавно Е.В. Зеймаль без особых оснований принял высказанное ранее предположение

о том, что «герай» – это титул, а «санаб» – имя его носителя (Зеймаль, 1983, с. 154–155).

Исследователи согласны в том, что тип монет Герая сложился под влиянием греко-бактрийского монетного чекана Евкратида. Но они согласны и в том, что монеты Герая, на оборотной стороне которых изображен кочевнический символ – всадник, схожи с поздним видом подражаний чекану Гелиокла, на оборотной стороне которых изображен конь, причем изображения коня на тех и других сходно, но отлично от изображений коней Диаскура на монетах Евкратида (Массон, Ромодин, 1964, с. 154–155; Ставиский, 1977, с. 158–159).

Так как слово «кушан» или «кушанца» сомнений не вызывает, исследователи в большинстве своем полагают, что монеты Герая чеканил один из юэчжийских князей, гуйшуанский (кушанский), который был дедом, отцом либо просто предшественником основателя Кушанского царства Куджулы Кадфиза (там же; Зеймаль, 1983, с. 153, прим. 15).

Данная наиболее распространенная гипотеза, с нашей точки зрения, сомнительна уже потому, что не мог князь чеканить монеты, ибо это было прерогативой его владыки царя. Сомнение вызывает и гипотеза о том, что Герай был кушанским царем (см. об этом: Зеймаль, 1983, с. 169), поскольку не объясняет причины, почему царь в легенде своих монет называется князем.

Посмотрим теперь на монеты Герая с точки зрения результатов вышеизложенного исследования сведений «Ши цзи» и «Хань шу» по истории юэчжей во II–I вв. до н.э.

Так как в легенде их указан титул, по-гречески означающий лицо, стоящее ниже царя, то применительно к юэчжийской системе это был, несомненно, титул «сихоу», соответствующий титулу «князь». Следовательно, в легенде сказано: «сихоу (князя) Герая, кушанца». Кроме того, в результате нашего исследования выяснилось, что владения Гуйшуан-сихоу и четырех других сихоу, его соседей, были маленькими, созданными в Большом Юэчжи после овладения им Дася в ее бывших землях к югу от р. Гуйшуй (Сырдарьи). Очевидно, что несколько поколений носителей титула Гуйшуан-сихоу жили в своем маленьком владении на севере Большого Юэчжи и не играли заметной роли в этом царстве. И уж точно они не могли чеканить собственные дорогостоящие серебряные монеты.

Такая возможность появилась лишь спустя сто с лишним лет после создания владений пяти сихоу, когда, как сказано в «Хоу Хань шу», Гуйшуан-сихоу Цюцзюцю (Куджула Кадфиз) сначала

подчинил себе владения четырех своих соседей, а затем (свергнув правителя Большого Юэчжи) вступил на трон в столице Ланьши. И бывшее царство Большое Юэчжи стало называться по его титулу Гуйшуанским (Кушанским). Лишь после этого он, став царем, мог выпустить монеты кушанца Герая.

С нашей точки зрения, это были коммеморативные монеты. Скорее всего, Гуйшуан-сихоу Герай был отцом Куджулы Кадфиза, а Санаб – матерью. В честь их благодарный сын, став царем, выпустил памятные дорогостоящие серебряные монеты.

Это предположение основано и на следующем очень важном открытии советских археологов в долине Сурхандарьи. Примерно в 45–50 км к юго-западу от Шахринауского городища, где находился г. Ланьши, столица Большого Юэчжи и Кушанского царства, при раскопках в поселении Халчаян обнаружена богато украшенная стенными росписями и скульптурой парадная постройка. По заключению ее первооткрывателя и исследователя Г.А. Пугаченковой, сходство лиц основных героев росписей и скульптур с изображением Герая на монетах свидетельствует о связи этой постройки с родом Герая. Она полагает, что постройка эта была возведена в конце I в. до н.э. или в начале I в. н.э. как резиденция Герая и, став потом династийным храмом кушанских царей, продолжала развиваться до III в. н.э. (Пугаченкова, 1965; она же, 1974, с. 247–248).

А тот факт, что среди собранных в Халчаяне более 50 монет (одна Деметрия, восемь подражаний чекану Гелиокла, остальные – монеты кушанских царей) нет монет Герая, доказывает, полагаем, что они, как и серебряные подражания чекану Евкратида, тоже отсутствующие здесь, не имели хождения в качестве денег. По-видимому, Куджула Кадфиз использовал их для награждения своих особо отличившихся военачальников, следуя примеру правителей Большого Юэчжи, чеканивших для этого немногочисленные серебряные подражания чекану Евкратида. Поэтому естественно, что ареалы находок монет этих двух групп в целом совпадают – Нижнекафирниганская и Гиссарская долина и долина Кызылсу. Но они разнятся по числу найденных в них монет. Большая часть подражаний чекану Евкратида (17 экз.) обнаружена в Гиссарской долине, поскольку, полагаем, именно здесь в последние годы существования царства Большое Юэчжи происходили главные сражения его войск с войсками мятежника Гуйшуан-сихоу Цюцзюцю (Куджулы Кадфиза). Тогда в боях и погибли многие заслуженные юэчжийские военачальники. Большая же часть монет Герая (11 экз.) выявлена в Нижнекафирниганской

долине. Скорее всего, Куджула Кадфиз, став царем Кушанского царства, спустя годы сосредоточивал свои войска в этой долине перед началом завоеваний земель к югу от Амударьи, где также найдены монеты Герая.

Определить период, в течение которого выпускались серебряные монеты Герая, позволяют, полагаем, известные ныне совместные находки их с медными монетами разных групп в единых стратиграфических условиях, хотя они и очень редки. Так, при раскопках городища Дильберджин (в 47 км к северо-западу от Балха) на полу одного помещения монета Герая найдена вместе с подражанием чекану Гелиокла позднего вида (с конем) (Зеймаль, 1983, с. 150). На городище Кей-Кобад-Шах (район Кобадиана в низовье Кафирнигана) в одном помещении найдена одна монета Герая и две медные монеты «сотера мегаса», безымянного кушанского «царя царей великого спасителя»; одна монета Герая и десять медных монет Куджулы Кадфиза были найдены при раскопках ступы в Котпуре (Северная Индия) (там же, с. 156–157). Кроме того, подражание чекану Гелиокла найдено совместно с двумя монетами «сотера мегаса» при раскопках в Айртаме (городище у переправы через Амударью в 13 км к востоку от Термеза) (Пугаченкова, 1967, с. 82).

Сопоставление этих данных, единичных, но по факту неопровержимых, дает возможность определить относительную хронологию монет Герая и монет-«партнеров».

Как видим, монеты кушанца Герая найдены вместе в одном случае в едином слое с подражанием чекану Гелиокла позднего вида, а в других случаях – с монетами Куджулы Кадфиза и с монетами безымянного кушанского царя «сотера мегаса», причем монеты «сотера мегаса» найдены и вместе с подражанием чекану Гелиокла.

Очевидно, что эти четыре вида монет использовались в один и тот же период времени. Поскольку подражания чекану Гелиокла позднего вида выпускали правители царства Большое Юэчжи в последний период его существования, то очевидно, что нижней границей чеканки монет кушанца Герая было время преобразования Куджулой Кадфизом Большого Юэчжи в Кушанское царство. Но подражание чекану Гелиокла было найдено вместе с монетой Герая в Дильберджине в Южной Бактрии, входившей в Гаофу, которым Куджула Кадфиз завладел, как показало исследование в шестой главе данной работы, лишь спустя два-три десятилетия после преобразования им Большого Юэчжи в Кушанское царство. И то, что подражания чекану Гелиокла были в обра-

щении еще долго, дает основание предположить, что Куджула Кадфиз в самые первые годы своего царствования продолжал выпускать подражания чекану Гелиокла, разменную медную монету, которая поэтому долго находилась в обращении даже и после начала чеканки им собственных медных монет. Поэтому они еще долго находились в обращении наряду с его собственными монетами.

А верхней границей выпуска Куджулой Кадфизом коммеморативных серебряных монет Герая стал, надо полагать, переход к чеканке золотых монет в правление его сына Вимы Кадфиза, поскольку ни одной совместной находки серебряной монеты Герая только с монетами Вимы, ни с золотыми, ни с медными, пока не обнаружено.

Совместные же находки монет «сотера мегаса» только с монетами Герая и только с подражанием чекану Гелиокла свидетельствуют, что монеты «сотера мегаса» выпускались одновременно с этими двумя видами монет, т.е. при Куджуле Кадфизе.

Так что выпуск в Северной Бактрии при господстве юэчжей двух названных групп монет не может служить доказательством раздробленности ее в тот период, а подтверждает наше предположение о существовании в ней единого централизованного царства Большое Юэчжи.

Глава IV

ПОЗИЦИИ ПОЗДНЕЙ ХАНЬ В ЗАПАДНОМ КРАЕ И ЕЕ КОНТАКТЫ С КУШАНСКИМ ЦАРСТВОМ

Проведенное выше исследование по материалом «Ши цзи» и «Хань шу» показало, что в империи Ранняя Хань последние сведения о царстве Большое Юэчжи, поглотившем Дася на рубеже 100–99 гг. до н.э., были получены в самые первые годы I в. до н.э. Затем связи между ними прервались и не возобновлялись до падения Ранней Хань в 25 г. н.э. А рассмотренные археологические и нумизматические материалы свидетельствуют о существовании царства Большое Юэчжи в землях Дася (Северной Бактрии) до создания там Кушанского царства. Судя же по описанию Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу», именно оно было преобразовано в Кушанское царство. Однако в Поздней Хань его по-прежнему называли Большим Юэчжи. Но прежде чем пытаться выяснить, когда это преобразование произошло, необходимо максимально обоснованно определить, когда, от кого и при каких обстоятельствах получили при дворе Поздней Хань сведения, изложенные в данном описании. Только установив степень достоверности этих сведений и время поступления их в Хань, можно датировать события, о которых говорится в них.

В научной литературе бытует мнение о том, что Кушанское царство вело борьбу с Поздней Хань за влияние в Западном крае (Восточном Туркестане) и что именно в ходе этой борьбы действовавшие в Западном крае ханьские военачальники Бань Чао (73–102) и его сын Бань Юн (123–127) собрали сведения о Кушанском царстве, содержащиеся в его описании в «Хоу Хань шу». Однако такие мнения основаны лишь на отдельных и потому поразному толкуемых сообщениях этой истории и других, зачастую более поздних источников.

Между тем материалы «Хоу Хань шу» о положении в Западном крае, во многих случаях точно датированные и весьма подробные, дают возможность аргументировано ответить на поставленные вопросы, что мы и попытаемся сделать в данной главе.

В конце I в. до н.э. – начале I в. н.э. в империи Ранняя Хань назревал социальный кризис. Чтобы разрешить его, сановник Ван Ман, затем узурпировавший трон (9–23), провел жесткие внутриполитические реформы и в корне изменил внешнеполитический курс в отношении царств Западного края и сюннов, объявив их подданными своей империи. В результате внутри империи начались восстания, переросшие в народную войну, царства Западного края прервали все связи с империей, а сюнны стали активно вторгаться в ее северные земли и грабить.

Лю Сю, один из обедневших отпрысков ханьского императорского рода Лю, использовав силы повстанцев, захватил столицу и в 25 г. н.э. провозгласил себя императором Хань, названной историками последующих эпох Поздней Хань. Он вошел в историю под храмовым именем Гуан-У-ди (Сиятельный и воинственный император) (25–55).

Более десяти лет усмирял он народные восстания, подавлял сопротивление аристократии и чиновничества и «не имел времени на внешние дела» (ХХШ, гл. 89, с. 2940). Неудивительно, что в «Хоу Хань шу» о положении в Западном крае в период его правления почти не говорится. Только в описании царства Шаче (Яркенд) есть довольно подробные сведения о событиях в царствах по прикуньлуньскому пути до начала 70-х годов.

Усиление царства Шаче и его крах (25–61 гг. н.э.)

В начале описания Шаче сказано:

«Сюннуский шаньюй [во время] смуты при Ван Мане завладел Западным краем. Только Янь, правитель Шаче, как самый сильный, не захотел подчиниться. Во времена Юань-ди (48–33. – *Л.Б.*) [Янь] находился в свите императора, долго [жил] в столице, восхитился и полюбил Срединную империю, а также вникал в ее уложения и законы. [Став правителем Шаче] всегда внушал всем [своим] сыновьям почитать Дом Хань, не сметь быть неблагодарными [ему]» (ХХШ, гл. 88, с. 2923). После смерти Яня правителем Шаче стал его старший сын Кан (18–33). Он пытался поднять царства Западного края на борьбу с сюннами для поддержки Хань. После смерти Кана на трон вступил его младший брат Сянь.

Став правителем Шаче в 33 г., Сянь тут же завоевал царства Цзюйми и Сие и сделал правителями их своих племянников (ХХШ, гл. 88, с. 2923).

Но царство Цзюйми (Керия) находилось к востоку от царства Юйтянь (Хотан), а Сие, по данным «Хань шу», лежало в 80 ли (32 км) к югу от царства Пишань (Гума), от которого начинался юго-западный путь в царство Цзибинь (Северной Индии) (ХШ, гл. 96/1, с. 3881–3882). Очевидно, что Сянь мог завоевать Цзюйми и Сие, лишь завладев сначала лежавшими на пути в них из Шаче царствами Юйтянь и Пишань.

Эти успехи и побудили, скорее всего, Сяня отправить в 38 г. своего посла с дарами ко двору Поздней Хань вместе с послом из царства Шаньшань (ХХШ, гл. 88, с. 2923). Их прибытие ко двору Гуан-У-ди отмечено в хронике (ХХШ, гл. 88, с. 64). Несомненно, что именно от этого посла Сяня получили здесь приведенные сведения по истории Шаче за предшествующее время.

Итак, к 38 г. Сянь завладел лежавшими к востоку от Шаче (Яркенда) царствами Пишань, Сие, Юйтянь, Цзюйми. А сразу после сообщения об отправлении в 38 г. посла в Хань в описании Шаче сказано:

«Все царства к востоку от [хребта] Цунлин подчинились Сяню. И в 17 г. [эры Цзянь-у] (41 г. – *Л.Б.*) Сянь снова отправляет посла с дарами [императору] и с просьбой [пожаловать ему должность] духу» (ХХШ, гл. 88, с. 2923).

Поскольку со времен Ранней Хань хребтом Цунлин, через который шел путь из Шулэ (Кашгара) в Давань (Фергану), несомненно назывался Заалайский хребет, то приведенное сообщение не оставляет сомнения в том, что после возвращения из Хань в 38 г. посла царству Шаче к 41 г. подчинились все царства по прикуньлуньской дороге. Прибытие посла Сяня в этом году ко двору Хань отмечено и в хронике (ХХШ, гл. 88, с. 69).

В описании Шаче далее говорится, что император в ответ на переданную послом просьбу Сяня пожаловать ему должность духу «подарил» ему печать Сиюй-духу (военный сановник Хань, надзиравший за лояльностью правителей царств Западного края по отношению к Хань) (подробнее см.: Боровкова, 2001, с. 225–228), экипаж, золото и шелка. Но Пэй Цзунь, начальник Дуньхуан-цзюня, доложил, что нельзя давать такую власть иноземцу. Император согласился и повелел заменить печать Сиюй-духу на печать да-цзянцзюня (главнокомандующего). Посол не хотел отдавать печать, но Пэй Цзунь силой взял ее.

«По этой причине, – говорится в описании, – Сянь начал ненавидеть [Хань], самовольно назвался да-духу (главным духу) и письменно (каким

письмом? – *Л.Б.*) известил все царства. Все царства, подчинявшиеся [ему], провозгласили Сяня шаньюем». Сянь обложил их тяжелой податью, не раз нападал на Гуйцы (Куча) и другие царства. Все царства охватил страх (ХХШ, гл. 88, с. 2923–2924).

В 45 г. правители «Шаньшань, Чеши и других 16 царств послали сыновей с богатыми дарами в свиту [императора] с просьбой [назначить] духу». Император отказал и, щедро одарив сыновей, отправил домой (ХХШ, гл. 1/2, с. 73). Об этом событии говорится и в описании Шаче, но здесь, в отличие от хроники, названо больше царств, приславших сыновей своих правителей в свиту, включая Чеши ближнее (Турфан), Шаньшань (Чарклык), Яньци (Карашар) и другие еще 18 царств (так в источнике. – *Л.Б.*) (ХХШ, гл. 88, с. 2924).

Далее в описании Шаче говорится о том, что Сянь, узнав об отказе Хань прислать в Западный край своего духу, в 46 г. сначала разгромил отказавшегося подчиняться ему правителя Шаньшань, а затем полностью завладел Гуйцы (Кучей), убил ее правителя и назначил таковым своего сына. Поскольку и на новые обращения царств за помощью император ответил отказом, Чеши ближнее, Шаньшань, а затем и Гуйцы, знать которой убила ставленника Сяня, подчинились сюннам (ХХШ, гл. 88, с. 2924).

Правитель Шаче Сянь не начал новую войну против них, скорее всего, потому, что (согласно дальнейшим сведениям в описании Шаче) был занят в это время борьбой с Канцзюй за Давань. В «Хоу Хань шу» нет описаний этих царств, что само по себе свидетельствует об отсутствии связей Поздней Хань с ними. Поэтому сведения о них, бывших, по «Хань шу», соседями Большого Юэчжи, в описании Шаче особенно важны для понимания политической ситуации вокруг Большого Юэчжи в I в. н.э.

В описании Шаче говорится, что Сянь по причине уменьшения доходов с Давань сам возглавил войско из царств и напал на нее. Но правитель Давань Яньлю вышел приветствовать Сяня и покорился. Сянь возвратился в свое царство, но вместо Яньлю правителем Давань сделал правителя царства Цзюймн (Керии). Так как войска Канцзюй несколько раз нападали на этого ставленника Сяня, он спустя более года бежал из Давань. Сянь вернул ему трон в Цзюймн, а в Давань возвратил ее прежнего правителя Яньлю, повелев ему поставлять подати как обычно. Затем он заменил правителей царств Юйли (Чары) и Юйтянь (Хотана), назначив в последнее своего младшего брата. Но через год с лишним Сянь заподозрил, что правители четырех царств замыслили бунт против него, вызвал к себе правителей Цзюймн, Гумо (Аксу),

Цзыхэ и Юйтянь, т.е. и своего брата, и всех убил. Новых правителей он не назначил, а поручил управлять этими царствами своим военачальникам (ХХШ, гл. 88, с. 2925).

Из приведенных сведений выясняется, что Давань (Фергана), скорее всего, около 41 г. одновременно с царствами по южной, прикуньлуньской, дороге признала зависимость от Шаче и стала платить ему дань, но, видимо, не очень обременительную. Поэтому царство Канцзюй, имевшее со времен Ранней Хань дружественные отношения с Давань, не вмешивалось в их отношения до тех пор, пока Сянь не навязал Давань своего ставленника из Цзюйми. Тогда войска Канцзюй стали вторгаться в Давань и вынудили бежать иноземного правителя, а Сяня – возвратить этому царству его прежнего правителя Яньлю. Яньлю, поддерживаемый Канцзюй, явно опасаясь войны с Сянем, продолжал признавать зависимость от Шаче и платить, как прежде, необременительную дань. Все это происходило, по-видимому, на рубеже 40–50-х годов.

Очевидно, что в середине I в. н.э. Давань уже не была тем независимым царством, которое смогло в конце II в. до н.э. противостоять сильному ханьскому войску. Теперь она оказалась подвластной необычайно усилившемуся за короткий срок царству Шаче. Но одновременно Давань имела поддержку издавна дружественного сильного царства Канцзюй, которое как бы охраняло ее от тирании Сяня.

Кроме того, в приведенных сведениях из описания Шаче обратим внимание на сообщение об убийстве Сянем правителей сразу четырех царств – Юйтянь, Цзюйми, Гумо и Цзыхэ, заподозренных им в подготовке бунта. Нетрудно заметить, что эти царства контролировали три пути, ведшие в Шаче: из Хань – через Цзюйми и Юйтянь, из Гуйцы (Кучи) – через Гумо (Аксу) и путь с юго-запада через Цзыхэ. Потому-то, скорее всего, Сянь и послал управлять ими своих военачальников.

Но в «Хоу Хань шу» сведения о царстве Цзыхэ и о направлении проходящего через него пути отличны от сведений в «Хань шу». Поэтому рассмотрим их особо. В «Хань шу» есть описание только царства Сие, но в нем сказано, что его правитель Цзыхэ имеет ставку в долине Хуцзяньгу (ХШ, гл. 96/1, с. 3882). А в «Хоу Хань шу» есть краткие описания двух царств – Сие и Цзыхэ, причем местонахождение царства Цзыхэ указано в той же долине Хуцзяньгу (ХХШ, гл. 88, с. 2917). Сопоставление этих сведений двух историй вряд ли оставляет сомнение в том, что единое в I в. до н.э. царство Сие, возглавляемое правителем Цзыхэ, в I в. н.э. разделилось на два царства – Сие и Цзыхэ. Так что составитель

«Хоу Хань шу» Фань Е, заключивший, что в «Хань шу» ошибочно описано одно царство вместо двух, ошибся сам.

Далее. По «Хань шу», царство Сие находилось в самом начале пути, отходившего от прикуньлуньского пути у царства Пишань (Гумы) на юго-запад и шедшего далее через царства Пули, Улэй, Уча, Наньду в Цзибинь (Северную Индию) и потом на запад в царство Уишаньли. А в «Хоу Хань шу» в кратком сообщении, с которого начинается описание Шаче, сказано:

«К западу от царства Шаче [путь] через Пули и Улэй доходит до Большого Юэчжи» (ХХШ, гл. 88, с. 2923).

Поскольку здесь говорится о прохождении пути через царства Пули и Улэй, описаний которых в этой истории нет, но есть в «Хань шу», то очевидно, что это сообщение Фань Е составил на основании данных именно «Хань шу». Указание же в этом сообщении на прохождение пути через Пули и Улэй *к западу от Шаче* явно ошибочно. Скорее всего, в данном случае, как и в ряде других, переписчик пропустил один иероглиф, в результате чего и получилось, что путь через Пули и Улэй вел не на юго-запад, а на запад. А о том, что этот путь выводил при Поздней Хань уже не в Цзибинь, как при Ранней Хань, а в Большое Юэчжи, Фань Е заключил на основании изложенных им же архивных сведений в описании Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу», где сказано, что Большое Юэчжи, преобразованное в Кушанское царство, завоевало Цзибинь.

А теперь вернемся к описанию Шаче. В последней части его подробно изложена история крушения этого царства. Восстание началось в 60 г. в царстве Юйтянь, где был убит назначенный Сянем жестокий управитель-военачальник. Опуская детали этой борьбы, скажем лишь о ее итоге. Ставший правителем Юйтянь знатный человек Гуандэ сначала дважды разгромил войска Сяня, затем в 61 г. заманил его к себе, арестовал и потом убил, а его царство подчинил себе. Но сюнны, узнав, что Гуандэ уничтожил царство Шаче, направили большое войско из многих царств, которое окружило Юйтянь. Гуандэ подчинился, отправил своего великого наследника в свиту шаньюя и обязался ежегодно поставлять в Сюнну грубые шерстяные ткани и войлок. Однако сюнны захотели все-таки возвести на трон Шаче своего ставленника. Гуандэ на этот раз разгромил их войско и убил этого ставленника, после чего возвел на трон Шаче своего младшего брата. Заканчивается описание Шаче кратким сообщением о том, что в 3 г. Юань-хэ (86 г.) ханьский военачальник Бань Чао разгромил

Шаче и подчинил его Хань, о чем-де и говорится в его биографии (ХХШ, гл. 88, с. 2925–2926).

Рассмотренные сведения из описания Шаче в «Хоу Хань шу» доказывают, что послы из этого царства побывали при дворе Хань только в 38 и 41 г. От них и узнали здесь о событиях в Шаче за предшествующий период. Подробные же сведения о нем за последующие годы при дворе Хань были получены, скорее всего, после того как Бань Чао завоевал это царство, что случилось, согласно сообщению в хронике, в 87 г. (ХХШ, гл. 3, с. 158), а не в 86, как сказано в описании Шаче.

Что же касается царства Юйтянь (Хотана), то оно, судя по крайней скудости сведений до 131 г. в его описании в «Хоу Хань шу», явно не имело никаких контактов с Хань до этого года. В описании лишь очень кратко говорится о завоевании его Сянем, о восстании в нем против Шаче и разгроме последнего, после чего сказано:

«Царство стало процветать. От Цзинцзюэ на северо-запад до Шулэ тринадцать царств подчинились ему. Правитель Шаньшань тоже усилился, и [его царство] стало процветать. Таким образом, по южной дороге от Цунлина к востоку только эти два царства стали большими» (ХХШ, гл. 88, с. 2915–2916). В описании нет ни слова о зависимости Юйтянь от сюннов. Видимо, после того как Гуандэ разгромил у Шаче войско сюннов, он отказался подчиняться им. Не говорится в описании и о пребывании в Юйтянь Бань Чао.

Как видим, в описаниях Шаче и Юйтянь в «Хоу Хань шу» говорится в основном о политической ситуации в царствах прикуньлуньского района Западного края (Восточного Туркестана) с начала существования империи Поздняя Хань и примерно до начала 70-х годов I в. н.э. И хотя в этой истории есть описания еще восьми царств края (в «Хань шу», заметим, их 36), но сведений о событиях в них за этот период вообще нет.

Рассмотренные данные из описаний Шаче и Юйтянь свидетельствуют, что до начала 70-х годов созданная в 25 г. империя Поздняя Хань, решая задачи внутренней консолидации страны и отражения натиска сюннов, не проводила сколько-нибудь действенной политики в отношении царств Западного края. Но и сюнны не имели сил завоевать их. Так в первые десятилетия после создания Поздней Хань царства этого края оказались предоставленными сами себе.

Начался процесс объединения их. Шаче (Яркенд) к 41 г. завладело всеми царствами прикуньлуньского района и даже подчи-

нило Давань (Фергану). Гуйцы (Куча) поглотила ближние к ней царства притяньшанья. Но в 46 г. Шаче разгромило и Гуйцы, правитель которой был убит, и на трон возведен ставленник Шаче.

Правитель Шаче Сянь, подчиняя одно царство за другим, одних правителей убивал, других смещал, заменяя их своими ставленниками, и даже поручал управление некоторыми царствами своим военачальникам. Со всех царств Сянь взимал дань. Но жестокость Сяня вскоре стала оборачиваться против него.

Шаче потерпело первое поражение, когда знать Гуйцы убила ставленника Шаче и, не получив просимой помощи от Хань, добровольно покорилась сюннам. О своем подчинении сюннам заявили также Чеши ближнее (Турфан) и Шаньшань (Чарклык). Второе поражение Шаче потерпело в Давань, когда под натиском войск Канцзюй Сянь был вынужден вернуть ранее смещенного ее правителя. А потом, опасаясь бунта, он убил правителей четырех царств прикуньлунья.

Восстание началось в 60 г. в Юйтянь, где управителем был военачальник Сяня, отличавшийся крайней жестокостью. Успех повстанцев в отражении нападений войск Сяня ускорил созревание заговора против него в самом Шаче. Сянь оказался в плену в Юйтянь и был убит. Созданное им великое царство Шаче в 61 г. рухнуло. Возвысилось царство Юйтянь.

Царства, лежавшие по прикуньлуньской дороге от Цзюйми (Керии) на запад до Шулэ (Кашгара), признали власть Юйтянь, а к востоку от Цзюйми подчинились Шаньшань. Но власть Юйтянь была скорее номинальной, о чем свидетельствуют события 70-х годов, которые будут рассмотрены ниже.

Все это не дает ни малейшего основания говорить ни о влиянии Поздней Хань в Западном крае в этот период, ни тем более о влиянии Кушанского царства (Большого Юэчжи), которое за этот период в истории даже не упоминается. Давань после крушения созданного Сянем большого царства Шаче, скорее всего, подчинилась царству Канцзюй, и до того покровительствовавшему ей.

Попытки Поздней Хань утвердиться в Западном крае. Бань Чао (73–107)

К началу 70-х годов внутриполитическое и экономическое положение в Поздней Хань упрочилось. Однако к этому же времени усилились и северные сюнны в значительной мере, несомненно, благодаря помощи подчинившихся им царств Западного края

притяньшаньского района во главе с Гуйцы. Сюнны стали чаще и бóльшими силами нападать на северные земли Хань, особенно к северу от излучины Хуанхэ. Вследствие этого южные сюнны, признавшие в 50 г. зависимость от Хань и расселенные в ее приграничных землях на севере Ордоса (ХХШ, гл. 89, с. 2943), стали колебаться. И Мин-ди (58–75) в 73 г. начал широкомасштабную войну против северных сюннов.

Во 2-ю луну 16 г. Юн-пин (март 73 г.) четыре ханьских войска выступили против них из Пинчэна (Датуна), Гаоцзюэ (северо-западного угла излучины Хуанхэ), Цзюйянь (района оз. Гашунь-нур) и из Цзюцюаня (Ганьсуского коридора) (ХХШ, гл. 2, с. 120). Сюнны, узнав об этом, ушли к северу от пустыни (ХХШ, гл. 89, с. 2949). Поэтому три первых войска, не догнав сюннов, безуспешно вернулись назад. И только четвертое войско во главе с фэнчэ-дувэем, военным сановником высокого 3-го ранга второй степени Доу Гу, выйдя из Цзюцюаня, дошло до гор Тяньшань (хр. Баркультаг), нанесло поражение сюннускому Хуянь-вану, преследовало его до оз. Пулэйхай (Баркуль) и вернулось в империю, оставив на обратном пути отряд в поселении Иулу (Хами) (ХХШ, гл. 2, с. 120). Это был первый случай, когда войско Поздней Хань вторглось в северо-восточный район Западного края (Восточный Туркестан), но оно тут же возвратилось в империю. В походе принимал участие цзя-сыма (военачальник среднего, 5-го ранга первой степени) Бань Чао. Он отличился в сражениях при Иулу и у оз. Пулэйхай. Доу Гу оценил его способности и тут же отправил на юг Западного края (ХХШ, гл. 47, с. 1572). Деятельность Бань Чао там рассмотрим подробно ниже, а пока выясним, чем же кончилась война Поздней Хань с северными сюннами.

В описании царств Чеши ближнее и Чеши дальнее сказано, что в 16 г. Юн-пин (73 г.) их правители отправили своих сыновей в свиту императора (ХХШ, гл. 88, с. 2929), а в хронике правления Мин-ди есть сообщение о том, что во 2-ю луну 17 г. Юн-пин (март-апрель 74 г.) «все царства Западного края прислали сыновей [своих правителей] в свиту [императора]» (ХХШ, гл. 2, с. 121), т.е. признали покровительство Поздней Хань. Безосновательность этих сообщений доказывает тот факт, что, согласно хронике, в 11-ю луну того же года (декабрь 74 г.) Хань снова послала войско против сюннов, возглавили которое опять же Доу Гу и два других военачальника. Они разгромили «врагов к северу от оз. Пулэйхай и вторглись в Чеши. Впервые были учреждены [должности] Сиюй-духу и уцзи-сяовэя» (ХХШ, гл. 2, с. 122). Если бы в начале года все царства Западного края признали покровительство Хань, прислав сы-

новей правителей в свиту императора, то этот поход в конце года, когда ханьское войско вторглось в Чеши, был бы не нужен.

Однако он состоялся и очень подробно, но очень путано описан в биографиях его предводителей. В биографии Гэн Бина говорится, что он разгромил войска правителя Чеши дальнего (Цицзяоцзин), после чего правитель Чеши ближнего (Турфана), сын правителя Чеши дальнего, сдался сам (ХХШ, гл. 19, с. 717). Очевидно, что правители этих двух царств до сих пор не подчинялись Хань и не присылали своих сыновей в свиту императора ни в 73 г., ни в начале 74 г. вместе с сыновьями всех якобы других правителей царств этого края. Подтверждают это и последующие события.

Покорив два царства Чеши зимой на рубеже 74–75 гг., Поздняя Хань по примеру Ранней Хань, вероятно, в самом начале 75 г. учредила должности Сиюй-духу и уцзи-сяовэя. Напомним, что Ранняя Хань учредила должность Сиюй-духу (главноохраняющий Западный край) после того, как в 60 г. до н.э. под ее непосредственный контроль перешел весь Сиюй, т.е. Западный край (Восточный Туркестан), а должность уцзи-сяовэя, главы военно-земледельческого поселения, в 48 г. до н.э., когда она основала такое поселение в Чеши дальнем (подробнее об этом см.: Боровкова, 2000, гл. 9). Поздняя же Хань учредила эти должности, покорив всего лишь два царства Чеши на северо-востоке Западного края, да и то, как доказывают последующие сведения, ненадолго.

Чэнь Му, назначенный на должность духу, скорее всего, обосновался в Чеши ближнем (Турфане). Такое заключение следует из того, что менее чем через полгода, в 6-ю луну 18 г. (июль 75 г.), он был разгромлен и убит войсками царств Яньци (Карашара) и Гуйцы (Кучи), граничивших именно с Чеши ближним (ХХШ, гл. 2, с. 123; гл. 19, с. 721). А назначенный на должность уцзи-сяовэя Гэн Гун поселился в Чеши дальнем. Но и он менее чем через полгода был окружен войсками сюннов и попросил двор о помощи (ХХШ, гл. 19, с. 720–722).

Однако в 8-ю луну (сентябрь 75 г.) умер Мин-ди (ХХШ, гл. 2, с. 123), а новый император Чжан-ди (76–88) только в 11-ю луну (ноябрь 75 г.) отправил на помощь ему 7-тысячное войско из Дуньхуана (ХХШ, гл. 3, с. 130; гл. 19, с. 722). Сведения в хронике и в биографии Гэн Гуна о походе этого войска и даже об имени его предводителя противоречивы и путаны, как показано нами ранее (Боровкова, 1992, с. 16–22). О результате похода в хронике (в сообщении за 1-ю луну 1 г. Цзян-чу (февраль-март 76 г.) сказано, что возглавлявший его военачальник «нанес большое поражение Чеши. Упразднили должность уцзи-сяовэя» (ХХШ, гл. 3,

с. 133). Поражение Чеши говорит о победе, а упразднение должности уцзи-сяовэя – о поражении войск Поздней Хань. Что же все-таки произошло?

В биографии Гэн Гуна подробнейшее описание его подвигов, которое было составлено явно по его собственному рассказу, так как возвеличивало его личные заслуги, заканчивается сообщением о том, что вернулся он в Юймэньгуань лишь с тринадцатью воинами (ХХШ, г. 19, с. 722). Ясно, что все войско, и его собственное, и пришедшее ему на помощь, погибло, что большое поражение потерпела Хань, а не Чеши. Потому-то Поздняя Хань и упразднила должности духу и уцзи-сяовэя.

Очевидно, что предпринятая в 73–75 гг. первая попытка Поздней Хань разгромить северных сюннов и установить свой контроль над северо-восточными царствами Западного края к началу 76 г. закончилась неудачей. А в начале 77 г. Хань ликвидировала и свое поселение в Иулу, созданное Доу Гу в 73 г. (ХХШ, гл. 3, с. 135). Так что в этом районе края ханьцев не осталось совсем, а северные сюнны восстановили свои позиции.

На фоне этих событий с конца 73 г. и развивалась деятельность Бань Чао в другом районе Западного края, в царствах по южной, прикуньлуньской, дороге. До 78 г. в хронике нет ни одного упоминания о нем, из чего следует, что до этого года при дворе не имели никаких сведений о Бань Чао, а это, в свою очередь, свидетельствует о незначительности его успехов там. Иначе все это выглядит по сведениям в биографии Бань Чао, где его пребывание в названном районе изложено очень подробно. Поскольку о событиях в прикуньлуньском районе за время деятельности в нем Бань Чао есть лишь отдельные очень краткие сообщения в хронике и в описаниях Шулэ (Кашгара) и Яньци (Карашара), то оказывается, что биография Бань Чао является основным источником по истории южной, прикуньлуньской, части Западного края за период с 73 по 102 г. И именно в ней, как увидим ниже, есть важные сведения о контактах Поздней Хань и Кушанского царства. Поэтому данные его биографии заслуживают самого тщательного анализа.

Детальность описания событий, включая многочисленные диалоги Бань Чао с разными лицами, частичные расхождения с сообщениями в хронике – все это свидетельствует о том, что сведения, изложенные в биографии, записаны со слов самого Бань Чао. Но он, как ясно из биографии, находился в Западном крае почти 30 лет, с 73 по 102 г., когда старый и больной вернулся в столицу Лоян и через месяц умер. Следовательно, только в

течение этого месяца Бань Чао, ставший уже заслуженным сановником, мог рассказать подробно о своей тридцатилетней службе в Западном крае, а дворцовые историографы – записать его рассказ.

Давность событий, возраст и состояние здоровья Бань Чао, а главное, отсутствие при дворе обычая перепроверять достоверность сведений, сообщаемых сановниками (склонными преувеличивать свои заслуги, особенно в дальних краях) – все это надо иметь в виду при исследовании сведений в его биографии.

Вначале ее говорится, что Бань Чао был младшим братом Бань Гу, составителя «Хань шу». Когда Бань Гу в 62 г. получил должность в группе дворцовых историографов, Бань Чао с матерью тоже переехал в столицу и зарабатывал себе с ней на жизнь перепиской книг. Тяготясь этой трудной работой, он мечтал о славе Чжан Цяня и Фу Цзецзы, побывавших в дальних западных странах и получивших за это титул *хоу*. Все смеялись над ним. Потом благодаря Бань Гу император пожаловал Бань Чао должность низшего, девятого ранга в отделе историографов, но вскоре за некий проступок он был уволен (ХХШ, гл. 47, с. 1571).

Из всего этого следует, что Бань Чао был хорошо образованным и очень честолюбивым человеком, знавшим историю связей Ранней Хань с дальними западными странами.

В 73 г., когда Поздняя Хань начала широкомасштабную войну с северными сюннами, командовавший самым западным войском военачальник (фэнче-дувэй) Доу Гу взял Бань Чао в поход, дав ему должность цзя-сыма. Бань Чао отличился в сражениях при Иулу (Хами) и у оз. Пулэйхай (оз. Баркуль). Доу Гу, отметив его хорошие способности, отправил его в Западный край (ХХШ, гл. 47, с. 1572). Согласно «Таблице всех чиновников» в «Хоу Хань шу», в штате командующих войсками (*цзянцзюнь*) была должность *цзюнь-сыма* 4-го ранга второй степени, а *цзя-сыма* был его помощником (ХХШ, гл. 24, с. 3564). Ранг помощника обычно был на степень ниже, значит, цзя-сыма имел 5-й ранг первой степени. Это была должность, говоря современным языком, среднего командного состава, что-то вроде капитана.

Приведенные сведения доказывают, что Э.Пуллиблэнк, полагающий, что «Бань Чао впервые вступил в Западный край в 74 г. в качестве офицера, подчиненного Чэнь Му» (Пуллиблэнк, 1968, с. 251), ошибся дважды: во-первых, Бань Чао вступил в Западный край в 73 г., а не в 74 и, во-вторых, в качестве подчиненного *фэнчэ-дувэя* Доу Гу, а не *духу* Чэнь Му, поскольку должность духу была учреждена, как выяснено нами выше, в самом начале 75 г.

Далее в биографии Бань Чао подробно, с включением многих диалогов, описано пребывание его в царстве Шаньшань (Чарклык), ближнем к Хань на прикуньлуньской дороге. Правитель Шаньшань принял Бань Чао согласно ритуалу, но затем стал относиться к нему как-то небрежно. Бань Чао заподозрил присутствие в царстве сюннов. Угрозами, посулами наград он добился от местных чиновников подтверждения своих подозрений, а затем вместе с ними ночью тайно поджег со всех сторон лагерь сюннов. Выскочивших из огня троих сюннов Бань Чао убил лично, а 30 других уничтожили сопровождавшие его воины, сто сюннов сгорели. Утром Бань Чао показал головы убитых сюннов потрясенному правителю Шаньшань. Затем, успокоив его и его приближенных и взяв сына правителя с собой, Бань Чао вернулся в Хань и обо всем доложил Доу Гу. Тот обрадовался, доложил императору. Император повелел повысить Бань Чао в должность цзюнь-сыма и вновь отправить в Западный край. Доу Гу хотел увеличить сопровождавший Бань Чао отряд, но он отказался и снова выступил во главе 30 человек (ХХШ, гл. 47, с. 1572–1573).

После этого в биографии сказано: «В это время Гуандэ, правитель Юйтянь, недавно разгромивший Шаче, стал геройствовать на южной дороге. Но сюнны прислали послов надзирать за его царством». Бань Чао из Хань прибыл прямо в Юйтянь, Гуандэ исполнял церемониал приема посла очень небрежно, за него говорил его колдун, замысливший недоброе. Бань Чао тайно разузнал об этом, заманил колдуна к себе, отрубил ему голову и послал Гуандэ. Тот, зная о жестокой расправе Бань Чао с сюннускими послами в Шаньшань, испугался, сам убил сюннуских послов и сдался Бань Чао. Бань Чао одарил и успокоил Гуандэ и его приближенных» (ХХШ, гл. 47, с. 1573).

«В это время, – говорится далее, – правитель Гуйцы [по имени] Цзянь, возведенный на трон сюннами, опираясь на мощь [этих] разбойников, завладел северной дорогой. [Затем он] разгромил Шулэ, убил его правителя и возвел на трон человека из Гуйцы [по имени] Доути. Весной следующего года [Бань] Чао окольной дорогой прибыл в Шулэ, [остановился] в г. Паньто в 90 ли (30 км. – *Л.Б.*) от местонахождения Доути». Отсюда Бань Чао отправил своего посланца явно в столицу Шулэ, где тот, разжигая ненависть знати к правителю-иностранцу, смог схватить Доути и привезти к Бань Чао. Бань Чао возвел на трон Чжуна, племянника прежнего правителя Шулэ, убитого Гуйцы. С этого началась вражда Гуйцы и Шулэ (ХХШ, гл. 47, с. 1574).

Сначала остановимся на хронологизации описанных действий Бань Чао. Это необходимо сделать в связи с рассмотренным во второй главе данной работы вопросом об обоснованности убеждения Э. Пуллиблэнка в том, что подробные данные в «Хань шу» о расстоянии от Янгуань до ставок пяти юэчжийских сихоу, до ставок пяти малых канцзюйских царей и до Сяньду (Висячего перехода) Бань Гу взял из составленного в 74–75 гг. доклада его брата Бань Чао, и потому они относятся не к I в. до н.э., а к I в. н.э. При этом Э. Пуллиблэнк считает, что Бань Чао написал доклад, находясь в 74 г. в Юйтянь (Хотане), откуда и сделал рекогносцировочный поход до Сяньду. К сожалению, придется прибегнуть к сложным кропотливым расчетам для проверки этих утверждений.

Итак, во 2-ю луну 16 г. Юн-пин (26 февраля – 27 марта 73 г.) войско Доу Гу, состоявшее в основном из конницы, выступило из Цзюцюаня против северных сюннов (ХХШ, гл. 23, с. 810). В его походе и участвовал Бань Чао. Время окончания похода не указано, но известно, что войско дошло до гор Тяньшань (хр. Баркультаг), лежащих к северу от Иу (Хами). Судя по разности расстояний от Чанъани до Цзюцюаня (2250 ли) и до Иу (4416 ли), указанных в «Цзю Тан Шу» (ЦТШ, гл. 40, с. 2330/1), от Цзюцюаня до Иу было 2166 танских ли, или 1140 км. В эпоху Хань день конной езды на дальнее расстояние в том регионе равнялся в среднем 70 ли/28–30 км. Значит, конница Доу Гу дошла до гор Тяньшань к северу от Иу примерно за 38 дней, сразилась с сюннами и за столько же дней вернулась в Цзюцюань, т.е. к концу 4-й луны. А затем Доу Гу и Бань Чао отправились из Цзюцюаня в Лоян, затратив на дорогу между ними (2250 ли) еще 40 дней, и прибыли в столицу в начале 6-й луны.

Допустим, что уже через полмесяца Доу Гу отправил Бань Чао в Шаньшань. От Лояна до Шаньшань было 7050 ли, 6100 ли от Чанъани до Шаньшань (ХШ, гл. 96/1, с. 3875) и 950 ли от Лояна до Чанъань (ХХШ, гл. 29, с. 0704/2) – или 101 день конной езды (3 месяца 11 дней). Так что Бань Чао мог появиться в Шаньшань примерно в середине 10-й луны. Предположим, что он подчинил себе правителя этого царства всего за полмесяца и в начале 11-й луны отправился в Лоян доложить о своем успехе, затратив на обратную дорогу еще 3 месяца 11 дней. После его доклада Доу Гу, а того – императору Бань Чао отправился в Юйтянь (Хотан). Из Лояна в Юйтянь (9020 ли) он шел 4 месяца 9 дней. С учетом даже краткого пребывания в столице Бань Чао мог прибыть в Юйтянь не раньше чем через 8 месяцев после выхода из Шаньшань в сто-

лицу, т.е. летом уже следующего, 74 г. Но в описании Шулэ сказано, что Хань послала цзя-сыма Бань Чао в это царство зимой (10–12 луны) 16 г. Юн-пин (73 г.) (ХХШ, гл. 88, с. 2926), что согласуется с сообщением в биографии о прибытии его туда весною (1–3 луны) следующего, 17 г. Юн-пин (74 г.)

Следовательно, сообщение в биографии Бань Чао о его поездке из Шаньшань в Лоян для доклада Доу Гу ложно, что подтверждает и тот факт, что должность цзюнь-сыма, согласно последующим сведениям в биографии, он получил не в 73–74 гг., а только в 80 г.

Очевидно, что Бань Чао прибыл в Юйтянь непосредственно из Шаньшань, а между ними было, по нашим расчетам, 1970 ли или 29 дней конной езды. Если он выехал из Шаньшань в начале 11-й луны, то оказался в Юйтянь в самом начале 12-й луны. А к концу этой луны, т.е. зимой 16 г. Юн-пин (73 г.), как и сказано в описании Шулэ, Бань Чао направился в Шулэ, до которого по обходной дороге было, согласно нашим расчетам по данным «Хань шу», около 1320 ли или 18 дней конной езды. Следовательно, он прибыл в Шулэ к концу 1-й луны 17 г. Юн-пин, т.е. весной этого года, как и сказано в биографии. Как видим, наша датировка появления Бань Чао в Шулэ по расчетам затрат им времени на дорогу согласуется с примерными датами (зимой, весной), указанными в истории.

Таким образом, выясняется, что Бань Чао находился в Юйтянь не более полумесяца. От Юйтянь до Сяньду (Висячего перехода), до которого, по мнению Э. Пуллиблэнка, ссылающегося на указ императора 95 г., Бань Чао, находясь в Юйтянь, совершил поход (Пуллиблэнк, 1968, с. 251), было, согласно расчетам по данным «Хань шу», около 2000 ли или примерно месяц конной езды и в одну сторону. Так что не мог Бань Чао, находившийся в Юйтянь около полумесяца, совершить поход до Сяньду и вернуться обратно. Не случайно в описании Юйтянь сказано: «Из Юйтянь [караванный путь] через Пишань доходит до [царств] Сие, Цзыхэ и Дэжо» (ХХШ, гл. 88, с. 2916), т.е. только до ближних к нему царств, а не до далекого Сяньду. А слова в указе императора 95 г., жаловавшего Бань Чао титул *хоу*, о том, что он перешел через Цунлин (чего, как увидим ниже, тоже не было) и дошел до Сяньду, были лишь обычным преувеличением заслуг военачальника, действовавшего в дальних краях, и тем самым славы самого императора.

Далее обратим внимание на то, что, согласно приведенным сведениям из биографии Бань Чао, царства Шаньшань и Юй-

тянь, в которых Бань Чао расправился с сюннускими послами, подчинялись до его прихода туда сюннам. Действительно, в рассмотренном выше описании Шаче сказано, что после разгрома его взбунтовавшимся царством Юйтянь и возвышения последнего сюнны с подвластными им северными царствами во главе с Гуйцы напали на Юйтянь. Новый правитель Юйтянь Гуандэ подчинился им. Но вскоре сюнны попытались захватить Шаче и возвести на трон своего ставленника. Однако Гуандэ отбил нападение и правителем Шаче поставил своего младшего брата. Вряд ли после этого Юйтянь осталась подвластной сюннам. Предполагать это позволяет и сообщение в описании Юйтянь о том, что на южной дороге остались только два больших царства — Юйтянь и Шаньшань. Позже, в 73 г., подвластное сюннам царство Гуйцы (Куча) разгромило Шулэ, судя по всему, подвластное до этого Юйтянь, и сделало правителем его своего человека (ХХШ, гл. 88, с. 2926). И свидетельство о том, что Бань Чао шел в Шулэ в конце этого же года из Юйтянь окольным путем, а не по торному пути через Шаче, доказывает, скорее всего, что и Шаче уже не подчинялось Юйтянь. А сообщение в биографии Бань Чао, предпосланное событиям 80 г. и относящееся к предшествующему периоду («Прежде Шаче, рассчитав, что Хань не вышлет войска [на южную дорогу], сдалось Гуйцы»), дает основание полагать, что в 73 г. Шаче, как и Шулэ, уже подчинялось Гуйцы, подвластной сюннам.

Все эти данные говорят не о том, что Шаньшань и Юйтянь подчинялись сюннам, а о том, что они враждовали с Гуйцы, которая была подвластна сюннам и отобрала у Юйтянь царства Шаче и Шулэ. Страх перед усилившейся Гуйцы и стал, с нашей точки зрения, причиной того, что Шаньшань и Юйтянь быстро подчинились Бань Чао с его крошечным отрядом в 30 человек. А красочно описанная в биографии Бань Чао его расправа с якобы находившимися в Шаньшань и Юйтянь сюннускими послами придумана им для преувеличения своих заслуг в то время, когда Поздняя Хань вела войну с северными сюннами.

Итак, в начале 17 г. Юн-пин (74 г.) Бань Чао, изгнав ставленника царства Гуйцы, правителем Шулэ сделал Чжуна, племянника прежнего правителя, убитого Гуйцы, и обосновался здесь. В 18 г. Юн-пин (75) после того, как Гуйцы и Яньци разгромили и убили *духу* Чэнь Му, Гуйцы и подвластное ей царство Гумо (Аксу) стали нападать на Шулэ. И в биографии сказано, что Бань Чао с Чжуном, хотя у них было мало войск, более года защищались у г. Паньто. Но в 1 г. Цянь-чу только что вступивший на трон им-

ператор Чжан-ди (76–88) повелел якобы Бань Чао вернуться в Хань. В Шулэ не хотели его отпускать, но он выступил в путь и прибыл в Юйтянь. Здесь люди обхватывали руками ноги его лошади, не давая ему уехать. Поскольку это соответствовало и его желанию, он вернулся в Шулэ. За время его отсутствия два города Шулэ сдались Гуйцы и объединили войска с царством Юйтоу (Учтурфан), подвластным Гуйцы. Бань Чао схватил и казнил бунтовщиков, нанес поражение Юйтоу и успокоил Шулэ (ХХШ, гл. 47, с. 1574–1575).

Последние сведения из биографии Бань Чао представляются недостоверными. Напомним, что у него был лишь отряд в 30 человек. И здесь сказано, что у Бань Чао с Чжуном было мало войск. Поэтому невозможно представить, что они могли более года противостоять Гуйцы и двум подвластным ей царствам. По «Хань шу», только Гуйцы имела войско почти в 22 тыс. человек (ХШ, гл. 96/2, с. 3911). Не случайно, полагаем, об исходе этого противостояния в биографии не говорится, а изложена легенда об отзыве императором Бань Чао в Хань. Это, несомненно, легенда, так как император скорее всего и не помнил о нем, да и не мог столь мелкий военный чиновник ослушаться повеления монарха и не вернуться в Хань. Вымысел и то, что вернувшийся в Шулэ Бань Чао легко и просто усмирил два города Шулэ, сдавшихся Гуйцы, и нанес поражение Юйтоу, а Гуйцы, получается, никак на это не реагировала. В 75 г. Гуйцы и Юйтоу, скорее всего, вообще не нападали на Шулэ, так как их внимание было приковано к борьбе сюннов с ханьским войском в Чеши дальнем, куда на помощь окруженному Гэн Гуну пришло войско из Дуньхуана. Вероятно, все эти годы Бань Чао с тридцатью своими воинами мирно и тихо жил в Шулэ, и так продолжалось до 78 г.

В биографии Бань Чао говорится: «В 3 г. Цзянь-чу (78 г. – *Л.Б.*) Чао во главе войска в 10 тыс. человек из Шулэ, Канцзюй, Юйтянь и Цзюйми напал на г. Шичэн (Каменный город) в [царстве] Гумо и разгромил его» (ХХШ, гл. 47, с. 1575). Царство Гумо было подвластно Гуйцы. Вполне вероятно участие в нападении на этот город войск из Шулэ, Юйтянь и Цзюйми, правители которых подчинились Бань Чао. Участие же войск из царства Канцзюй, как станет ясно из последующих сведений в биографии, – всего лишь плод фантазии Бань Чао.

Нападение на г. Шичэн – первое событие после начала деятельности Бань Чао в Западном крае, которое упомянуто в хронике правления императора, где на основании, несомненно, донесения самого Бань Чао сказано:

«В Западном крае цзя-сыма Бань Чао напал на [царство] Гумо и нанес ему большое поражение» (ХХШ, гл. 3, с. 136).

Здесь, как видим, событию придан явно преувеличенный масштаб – разгром одного города превратился в большое поражение царства. И еще обратим внимание на то, что в этом сообщении должность Бань Чао названа цзя-сыма, что подтверждает наше предположение, высказанное выше, о недостоверности сообщения в начале биографии о поездке Бань Чао из Шаньшань в Лоян для доклада Доу Гу и о пожаловании ему тогда императором должности цзюнь-сыма.

Разгромив г. Шичэн, Бань Чао, говорится далее в биографии, «захотел невозможного – усмирить все царства [Западного края] и подал доклад императору, прося войска». Приведен текст его пространного доклада, в начале которого он утверждал: «Ныне Цзюйми, Шаче, Шулэ, Юэчжи, Усунь и Канцзюй опять хотят подчиниться [Хань] и желают, объединив силы, разгромить и уничтожить Гуйцы, чтобы иметь спокойную дорогу для связи с Хань. Если добьемся [разгрома] Гуйцы, то в Западном крае не будет и одного царства, которое бы не подчинилось [Хань]». Затем Бань Чао подробно обосновывал необходимость «использовать иноземцев против иноземцев» с тем, чтобы разгромить Гуйцы и подчинить все царства Западного края во славу императора и Поднебесной. Далее сказано: «Император, прочитав доклад, узнал о его успехах и о возможности добиться [указанной им] цели и решил послать [ему] войско». Вести отряд вызвался земляк и товарищ Бань Чао Сюй Гань. В 80 г. он получил должность *цзя-сыма* и во главе 1000 освобожденных от наказания преступников и добровольцев отправился к Бань Чао (ХХШ, гл. 47, с. 1575–1576).

Как видим, Бань Чао, стремясь получить войско явно не столько для разгрома Гуйцы, сколько для собственной защиты от нее, стал блефовать. Он убеждал императора в том, что подчиниться Хань и объединить силы в борьбе против Гуйцы желают не только три царства по южной дороге, причем среди них назвал Шаче, подвластное тогда Гуйцы, но и три самых больших в Средней Азии царства – Юэчжи, Усунь и Канцзюй, с которыми, как ясно из сведений за предшествующие годы, Бань Чао никаких отношений не имел. И описание событий последующих лет, как увидим ниже, доказывает, что эти могущественные царства такого желания не проявляли.

Бань Чао своего добился – получил отряд войск в тысячу человек из освобожденных от наказания преступников и добровольцев, готовых поэтому на все. По сравнению с его отрядом в 30

человек это уже была сила. Так как отправленный к нему помощником Сюй Гань получил должность цзя-сыма, то очевидно, что сам Бань Чао в этом году был повышен в должность цзюнь-сыма.

Заметим, что сформулированный им метод – использовать иноземцев против иноземцев, обычно переводимый как «использовать варваров против варваров», был воспринят в империи и применялся китайским военачальниками последующих веков.

Далее в биографии Бань Чао говорится:

«Прежде Шаче, рассчитав, что Хань не вышлет войска [на южную дорогу], сдалось Гуйцы. А [теперь] *дувэй* Шулэ Фань Чэнь также снова взбунтовался» (ХХШ, гл. 47, с. 1577). Фань Чэнь, надо полагать, тоже сдался Гуйцы. Бань Чао вместе с прибывшим Сюй Ганем разгромили Фань Чэня. Таким образом, Бань Чао, проживший семь лет в Шулэ, правителя которого, Чжуна, сам возвел на трон, использовал подошедшее с Сюй Ганем войско для подавления восстания, поднятого против Чжуна.

Это событие стало вторым, отмеченным в хронике, и, как и в первом случае, масштаб его и, следовательно, заслуги Бань Чао сильно преувеличены:

«В этом году (5 г. Цзянь-чу. – *Л.Б.*) *цзя-сыма* Бань Чао напал на Шулэ и нанес ему поражение» (ХХШ, гл. 3, с. 141). Как видим, поражение, которое Бань Чао нанес одному военачальнику, взбунтовавшемуся против царства Шулэ, представлено как поражение самого царства Шулэ. Кроме того, в этом сообщении допущена ошибка: должность Бань Чао названа *цзя-сыма* вместо *цзюнь-сыма*. Это доказывает последующее сообщение о пожаловании ему в 83 г. должности *чжанши*, а его помощнику *цзя-сыма*, Сюй Ганю – должности цзюнь-сыма.

После этого Бань Чао, желая-де напасть на Гуйцы, снова обратился с докладом к императору. Напомнив в нем о могуществе войска Усунь и о ее тесных связях с Ранней Хань через ханьских принцесс, он просил направить посла в это царство и уговорить его объединить силы. Император согласился. В 8 г. Цзянь-чу (83 г.) он возвел Бань Чао в должность *чжанши* в ведомстве *цзянцзюня* (командующего), а Сюй Ганя – в должность *цзюнь-сыма* и направил *вэйхоу* Ли И сопровождать посла в Усунь с дарами ее великому и малому куньми (ХХШ, гл. 47, с. 1577).

Ли И дошел до Юйтянь. Как раз в это время Гуйцы якобы напала на Шулэ (где, напомним, находился Бань Чао), других сведений об этом нет. Испугавшись, Ли И не осмелился идти дальше, а императору доложил о невозможности добиться успеха в Западном крае и о том, что Бань Чао в иноземном царстве бла-

годенствует, развратничает и не заботится об интересах империи. Узнав об этом, Бань Чао возмутился, но многочисленных жен своих отослал. Император, однако, веривший Бань Чао, сделал строгий выговор Ли И и повелел ему идти к Бань Чао и действовать по обстоятельствам. Обозленный Бань Чао отправил Ли И назад в столицу (ХХШ, гл. 47, с. 1578–1579).

Изложенные сведения не оставляют сомнения в том, что Бань Чао с 80 г. занимал должность *цзюнь-сыма* 4-го ранга второй степени, а с 83 г. был повышен в должность *чжанши* 4-го ранга первой степени, а его помощник Сюй Гань – в должность *цзюнь-сыма*. Поскольку ранг *чжанши* был не очень высоким, вряд ли можно переводить название этой должности как генерал-губернатор (governor-general, см.: Цюрхер, 1968, с. 367 и далее) или как старший администратор (senior admenistrator, см.: Пуллиблэнк, 1968, с. 247 и далее). Должность *вэйхоу*, которую занимал Ли И, была в Вэйвэй, ведомстве охраны внутридворцовых входов. Судя по тому, что в нем 24 человека занимали должности *вэйхоу* и *сыма* (ХШ, гл. 19/1, с. 728), их ранг вряд ли был выше пятого. Но как военачальник из другого ведомства Ли И не подчинялся Бань Чао и, видимо, потому осмелился критиковать его.

Обвинения Ли И в адрес Бань Чао были, скорее всего, справедливыми, не зря же Бань Чао поспешил отослать своих жен. По-видимому, он, обосновавшись в 74 г. в Шулэ, правителем которого был его ставленник, мирно наслаждался жизнью до 83 г. Но урок, преподанный ему Ли И, Бань Чао учел, так как материалы в его биографии за последующие годы свидетельствуют об активизации его деятельности.

Помог ему в этом император, приславший в 84 г. еще отряд войск в 800 человек во главе с четырьмя *цзя-сыма* (ХХШ, гл. 47, с. 1579). Под командованием Бань Чао оказался внушительный отряд ханьских войск – почти 2000 человек. И в том же году он, собрав еще войска из Шулэ и Юйтянь, напал на царство Шаче. Но правитель Шаче связался тайно с Чжуном, правителем Шулэ, подкупил его, и Чжун выступил против Бань Чао. Чжун закрепился в г. Уцзи на западе, явно своего царства по соседству с Давань (Ферганой). Бань Чао сделал правителем Шулэ своего начальника канцелярии (*ци фу чэн*) Чэн Да, несомненно, грамотного ханьца, и все оставшиеся верными ему войска повернул против Чжуна. Их противостояние продолжалось в течение полугода, после чего на помощь Чжуну Канцзюй прислал свои отборные войска.

«В это время, – говорится в биографии, – Юэчжи и Канцзюй только что заключили династический брак и сблизились. И Бань Чао направил посланца

с множеством парчи и шелка в дар к правителю Юэчжи, [который] приказал уведомить [об этом] правителя Канцзюй. И правитель Канцзюй прекратил войну [против Бань Чао], забрал Чжуна [из г. Уцзи] и вернул в его царство, а г. Уцзи сдал Бань Чао» (ХХШ, гл. 47, с. 1579).

Эти и ранее рассмотренные сведения доказывают, что Чжун — правитель Шулэ, возведенный на трон Бань Чао в 74 г., безропотно содержал его в течение десяти лет, пока Бань Чао наслаждался жизнью в его царстве. Но как только в 84 г. войско Бань Чао возросло до двух тысяч человек, он после напоминания ему Ли И об интересах Хань решился на войну против Шаче. Это потребовало от Шулэ больших расходов, и Чжун стал врагом Бань Чао и союзником Шаче, подвластного Гуйцы. Канцзюй, придя на помощь Чжуну и тем самым Шаче, объективно оказался на стороне Гуйцы против ханьского военачальника Бань Чао. А это подтверждает безосновательность утверждения Бань Чао в докладе императору в 78 г., что Канцзюй, Юэчжи и Усунь хотят подчиниться Хань и разгромить Гуйцы.

Обратим внимание еще и на то, что в описании этих событий говорится о прибытии войск Канцзюй на помощь Чжуну в Шулэ (Кашгар), несомненно, через Давань, которая при этом не упоминается. Тем самым, полагаем, подтверждается высказанное нами выше предположение, что после разгрома Шаче в 61 г. Давань, до того подвластная ему, но пользовавшаяся покровительством Канцзюй, стала подвластным владением последнего. Очевидно, что в то время Канцзюй было могущественным царством, что подтверждает и сообщение о заключении им династического брака с Юэчжи, т.е. с Кушанским царством. Этот случай, естественно, не дает ни малейшего основания говорить о борьбе Поздней Хань с Кушанским царством за влияние в Западном крае. Наоборот, юэчжи в данном случае выступили на стороне Хань. Очевидно и то, что посланец Бань Чао, отвозивший дары в Юэчжи, который не был ни сановником, ни официальным послом империи, не мог быть принят при дворе Кушанского царства, где только и можно было получить от квалифицированных людей общие сведения о царстве и его истории.

Далее в биографии Бань Чао говорится, что через три года Чжун, тайно сговорившись с Гуйцы, задумал устроить ловушку и расправиться с Бань Чао. Но Бань Чао разгадал его замысел, сам заманил Чжуна к себе и убил и восстановил связь (явно с Хань) по южной дороге (ХХШ, гл. 47, с. 1579–1580). И уже в следующем году Бань Чао, собрав 25-тысячное войско из Юйтянь и других царств по этой дороге, снова напал на Шаче (Яркенд). Пра-

витель Гуйцы (Кучи) отправил на помощь Шаче 50-тысячное войско из Вэньсу (Вэньсу), Гумо (Аксу) и Юйтоу (Учтурфана) во главе со своим командующим. Бань Чао, видя превосходство сил врага, прибег к хитрости – частью своих сил заманил 10-тысячную конницу врагов к западу от Шаче, а 8-тысячную конницу – к востоку от него. Сам же тайно собрал свои основные силы и на рассвете напал на Шаче, разгромил его войска и завладел им. Войска, присланные Гуйцы, отступили, «поэтому могущество [Бань Чао] повергло в страх Западный край» (ХХШ, гл. 47, с. 1580).

Согласно этим сведениям в биографии Бань Чао, он убил Чжуна и завладел Шулэ три года спустя после 84 г., т.е. получается в 87 г., а в следующем, т.е. в 88 г., завладел Шаче. Но в хронике правления Чжан-ди, где о событиях 84 г. не упоминается, сообщение о том, что «*Сиюй-чжанши* Бань Чао напал и убил правителя Шулэ», датировано 86 г. (3 г. Юань-хэ) (ХХШ, гл. 3, с. 156), а сообщение о разгроме им Шаче – 87 г. (1 г. Чжан-хэ) (ХХШ, гл. 3, с. 158). Скорее всего, именно в биографии эти события, изложенные старым Бань Чао, датированы приблизительно и неточно.

Сомнительными представляются и сведения в биографии о численности войск с обеих сторон, участвовавших в этой войне. Вряд ли Бань Чао, которому подчинялись только царства по южной дороге, исключая Шаче, мог собрать в них 23-тысячное войско в дополнение к своему двухтысячному отряду из ханьцев. Ведь по заслуживающим доверия данным «Хань шу», во второй половине I в. до н.э. общая численность войск всех царств прикуньлуньского района, исключая Шаче, составляла 13,5 тыс. человек (см.: Боровкова, 2000, табл. 5). В «Хоу Хань шу» данные о численности населения и войск приведены в описаниях Юйтянь и Шулэ: в Юйтянь было 30-тысячное войско при 80-тысячном населении и 3 тысячах дворов (ХХШ, гл. 88, с. 2915), а в Шулэ – 30-тысячное войско при 21 тысяче дворов (ХХШ, гл. 88, с. 2926). Но эти два царства поочередно владели всеми другими царствами по южной дороге, население которых, соответственно, включалось то в одно из них, то в другое. Так что, с учетом этого факта, наличие в них 30-тысячного войска – явное преувеличение.

И уж совершенно несомненно, что правитель Гуйцы не мог собрать 50-тысячное войско в трех царствах – Вэньсу, Гумо и Юйтоу. В «Хоу Хань шу» нет описаний этих трех царств. По данным же «Хань шу», общая численность войск в них составляла всего 6800 человек (см.: Боровкова, 2000, табл. 5).

Очевидно, что Бань Чао беззастенчиво преувеличивал масштаб войны против Шаче и, соответственно, свои заслуги.

И в заключение отметим, что в рассматриваемых сведениях из биографии Бань Чао после сообщения об убийстве им в 86 г. Чжуна не сказано о возведения на трон Шулэ нового правителя. Очевидно, что Бань Чао оставил правителем этого царства возведенного им на трон в 84 г. ханьца Чэн Да.

Итак, в 87 г. Бань Чао подчинил себе Шаче (Яркенд), последнее непокорное ему царство по южной дороге. В хронике правления Чжан-ди сразу после сообщения об этом сказано: «Юэчжи прислало посла, преподнесшего в дар [императору] антилоп и львов» (ХХШ, гл. 3, с. 158), а в следующем году (88 г.) прибыл посол с такими же дарами из Аньси (Парфии) (ХХШ, гл. 4, с. 168).

Как видим, дальние западные страны – Кушанское царство и Парфия быстро узнали о полной подконтрольности прикуньлуньского пути Поздней Хань и поспешили первыми установить с нею официальные посольские отношения.

Подробнее об этом посольстве из Юэчжи (Кушанского царства) и о связанных с ним последующих событиях говорится в биографии Бань Чао:

«Ранее Юэчжи однажды помогло Хань нанести удар Чеши и имело [перед ней] заслуги. В этом году [оно] преподнесло драгоценности, антилоп и львов и попросило ханьскую принцессу [в жены правителю]. [Бань] Чао отказался вернуть домой его посла. Вследствие этого [Юэчжи] затаило злобу. И во 2 г. Юн-пин (90 г. – *Л.Б.*) Юэчжи послало своего помощника правителя (*фу-ван*) Се с 70-тысячным войском напасть на [Бань] Чао. У Чао было мало людей, и все испугались. Чао примерно так сказал воинам: «Войско Юэчжи хотя и многочисленное, но [оно прошло] несколько тысяч ли, перевалило через Цунлин и не имеет транспорта [с продовольствием]. Так чего же бояться? Надо только хорошо охранять собранный урожай, и противник, страдая от голода, сам сдастся. Не пройдет и нескольких дней, как все будет решено». Се затем первым напал на [Бань] Чао, не одолел и [прибегнул] к грабежам, [но] ничего не получил. Чао рассчитал, что продовольствие у него [у Се] кончилось и что [он] непременно станет просить помощи у Гуйцы, и послал несколько сот воинов на восточную границу [Шулэ] преградить ему [путь в Гуйцы]. Се и в самом деле послал конников с золотом, серебром и драгоценностями подкупить Гуйцы. Но воины Чао ударили из засады, всех перебили и показали Се головы его посланцев. Се сильно испугался, тут же прислал посланца просить извинения и [выразить] надежду, что [юэчжи] смогут живыми вернуться домой. Чао отпустил их. [Царство] Юэчжи было этим очень потрясено и стало ежегодно преподносить дары» (ХХШ, гл. 47, с. 1580).

Этот рассказ заслуживает подробного анализа.

В первой фразе царство Чеши (Турфан?) названо позднейшими переписчиками истории, несомненно, по ошибке вместо Шаче (Яр-

кенд), так как в «Хоу Хань шу» есть только одно свидетельство о помощи Хань со стороны Юэчжи – о косвенной помощи Бань Чао в 84 г., когда тот попал в безвыходное положение под Шаче. Так что упоминание Чеши в данной фразе отнюдь не дает основания говорить о распространении к 90 г. влияния Кушанского царства в Восточном Туркестане до Турфана.

Во второй фразе речь, конечно, идет о том самом после из Юэчжи, который, согласно хронике, прибыл ко двору Хань в 87 г. Но здесь сообщение хроники дополнено: сказано, что посол привез в дар императору, кроме антилоп и львов, еще и драгоценности, а также передал просьбу отдать ханьскую принцессу в жены правителю Юэчжи. Естественно, что с такими богатыми дарами и с просьбой государственной важности в Хань был послан высокопоставленный юэчжийский сановник. Судя по материалам «Хоу Хань шу», за всю историю Поздней Хань только это посольство из Юэчжи побывало при ее дворе, а сама империя послов в западные страны вообще не направляла. Очевидно, что это был единственный случай, когда при дворе могли получить и записать сведения о Юэчжи (Кушанском царстве) и его предшествующей истории со слов хорошо осведомленного его сановника. Они-то, несомненно, и изложены в описании Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу».

В свете сказанного представляется странным сообщение в биографии Бань Чао о том, что он не позволил послу вернуться домой и что возмущенное Юэчжи в 90 г. направило против него большое войско. Почему Бань Чао, которого Юэчжи в 84 г. спасло от разгрома, в 87 г. пропустил юэчжийского посла в столицу Хань, но задержал на обратном пути? Будучи всего лишь военачальником 4-го ранга, он, несомненно, не мог так поступить без приказа императора.

Нежелание же двора Хань допустить возвращения домой юэчжийского посла было вызвано, с нашей точки зрения, именно сообщенными послом сведениями о Кушанском царстве: созданное царем-узурпатором, оно вскоре завоевало три больших царства и стало богатейшей великой державой. Могущество и агрессивность Кушанского царства и, возможно, быстрота и легкость, с которой его посол прибыл в столицу Хань, показались двору угрожающими. Ведь недавняя, предпринятая в 73–76 гг. попытка Хань разгромить даже раздробленных северных сюннов в районе Иу – Чеши (Хами – Турфана) оказалась безуспешной и показала слабость империи. Потому-то, скорее всего, и было принято решение не допустить, чтобы в воинственном и могущественном

Кушанском царстве имелись точные сведения о пути в Хань и о необходимом на дорогу количестве продовольствия. Но тайный указ задержать посла получил Бань Чао, находившийся вдали от Хань. И тот факт, что в 90 г. войско Юэчжи прибыло в Шулэ без необходимого запаса продовольствия, доказывает, полагаем, что посол в Юэчжи не вернулся, а, вероятно, был убит.

Далее обратим внимание на некоторые важные, с нашей точки зрения, детали в описании столкновения войск юэчжийского фувана Се и Бань Чао, учитывая, что все сведения об этом событии записаны со слов Бань Чао. А он, как показало рассмотрение предыдущих материалов его биографии, имел склонность к большому преувеличению масштабов преодоленных им трудностей и, соответственно, собственных заслуг.

Свидетельство Бань Чао, жившего в Шулэ, которое соседствовало с Давань, о том, что юэчжийское войско пришло издалека и перевалило через хребет Цунлин, представляется достоверным. Как уже говорилось выше, хребтом Цунлин, через который к западу от Шулэ (Кашгара) караванный путь шел в Давань (Фергану), а к востоку от Шулэ – в царства по южной, прикуньлуньской, дороге, назывался в обеих Хань нынешний Заалайский хребет. Следовательно, свидетельство Бань Чао о том, что юэчжийское войско перевалило через Цунлин, доказывает, что оно вышло в Шулэ через Давань, из Большого Юэчжи (Кушанского царства) со столицей в г. Ланьши (Шахринау), находившихся к юго-западу от Давань. И потому прямого отношения к индийским владениям и их кушанскому управителю не имело.

Однако вызывает большие сомнения достоверность сведений Бань Чао в описании этого события о том, 1) что юэчжийское войско, насчитывавшее якобы 70 тыс. человек, весьма большое по тем временам, не смогло одолеть войско Бань Чао, у которого «людей было мало»; 2) что фу-ван Се оказался настолько недальновидным, что не предусмотрел возможность засады и из своего многочисленного войска отправил с драгоценностями в Гуйцы лишь небольшой отряд конницы, который-де и уничтожили полностью несколько сот воинов Бань Чао; 3) что фу-ван Се, которому показали отсеченные головы этих его конников, так испугался, что стал через посланца просить Бань Чао отпустить юэчжей домой живыми, как если бы они оказались в плену или в плотном кольце окружения.

В рассматриваемом описании, щедро украшенном фантазией и преувеличениями Бань Чао, верно, скорее всего, лишь то, что юэчжийское войско, отнюдь не столь многочисленное, как ука-

зал Бань Чао, действительно вышло в земли Шулэ без необходимого запаса продовольствия. Поэтому юэчжи, в силу предусмотрительности Бань Чао, спрятавшего склады продовольствия, были вынуждены попытаться отобрать его у жителей Шулэ. Но их, по данным «Хань шу», всего-то было около 19 тыс. человек. Поняв невозможность получать продовольствие в нужном количестве, юэчжи решили спешно возвращаться домой. Факт ограбления юэчжами населения Шулэ подтверждает, с нашей точки зрения, сообщение в описании Шулэ за последующий период, где сказано, что люди этого царства боялись юэчжей. Данное сообщение подробно будет рассмотрено далее в главе 6.

И совсем безосновательно утверждение в биографии Бань Чао, что неудача войска фу-вана Се так потрясла Юэчжи, что оно стало ежегодно преподносить дары Хань. Поскольку в «Хоу Хань шу» за всю последующую историю Поздней Хань нет ни одного сообщения об этом и вообще о связях Кушанского царства с нею, то более вероятно, что само Кушанское царство, убедившись во враждебности Хань и ее чрезмерной удаленности, отказалось от контактов с нею.

И наконец, обратим внимание на то, что, судя по приведенному описанию, Бань Чао не встречался ни с главой юэчжийского войска фу-ваном Се, ни с его подчиненными военачальниками. Не было у Бань Чао и пленных юэчжей, иначе он непременно упомянул бы о них. Так что получить в это время от юэчжей квалифицированные сведения об их царстве и его истории он не мог. Вряд ли он узнал и точный юэчжийский титул главы их войска. Бань Чао из честолюбия мог назвать его помощником правителя (вот-де кого я победил!) так же, как он известил двор о победе над юэчжийским войском, что видно из сообщения в хронике: «Царство Юэчжи прислало войско напасть на Сиюй-чжанши Бань Чао. Чао нанес удар и победил его» (ХХШ, гл. 4, с. 170). Недостоверно, скорее всего, и сообщенное Бань Чао односложное имя этого фу-вана – Се. Ведь имена правителей Кушанского царства, юэчжей, были, как известно, двусложными, чаще трехсложными. Так что при проведении научных изысканий о том, кем был фуван в Кушанском царстве и как расшифровать его имя Се (об этом см.: Эноки, 1974, с. 265–274), нельзя, полагаем, исключить, что честолюбивый Бань Чао сам придумал и титул, и имя командующего юэчжийским войском, прибывшим в Шулэ.

Далее в биографии Бань Чао сразу после описания его якобы победы над юэчжийским войском события изложены так, как будто они произошли в результате его деятельности:

«В следующем году (91 г. – *Л.Б.*) сдались Гуйцы, Гумо и Вэньсу. И тогда [император] назначил Чао на [должность] *духу*, а Сюй Ганя – на [должность] *чжанши*, пожаловал Байба [титул] правителя Гуйцы и послал Яо Гуана сопроводить их [туда]. Чао вместе с Гуаном, угрожая Гуйцы, низложили ее правителя Юлидо и возвели на трон Байба. [Бань Чао] отправил [Яо] Гуана с Юлидо в столицу. [Затем] Чао поселился в Гуйцы, в г. Тогань, а Сюй Гань расположился в Шулэ. В Западном крае только Яньци, Вэйсюй и Юйли, ранее убившие духу, имели другие намерения, а все остальные [царства] были успокоены» (ХХШ, гл. 47, с. 1581).

Согласно этим сведениям получается, что Гуйцы, Гумо и Вэньсу сдались Бань Чао, и он возвел на трон Гуйцы ставленника Хань – Байба, за что и был назначен на высокую должность духу, а его помощник Сюй Гань – на должность чжанши. После этого Бань Чао поселился в Гуйцы, в каком-то г. Тогань, а Сюй Гань – в Шулэ.

Материалы же в других главах «Хоу Хань шу» свидетельствуют, с нашей точки зрения, что все эти события произошли по другим причинам и развивались иначе.

Летом 89 г., т.е. еще до прибытия в Шулэ в 90 г. юэчжийского войска, Поздняя Хань возобновила войну против северных сюннов. Летом ее войска, возглавляемые командующим Доу Сянем и другими военачальниками, выступили из Шофана и разгромили северных сюннов у гор Чжоешань (горы Иньшань, см.: Боровкова, 1998, с. 238–240) (ХХШ, гл. 4, с. 168; гл. 23, с. 814). За это Доу Сянь получит высшую воинскую должность – *да-цзянцзюнь* (главнокомандующий) (ХХШ, гл. 4, с. 169). Заметим, что да-цзянцзюнь приравнивался по статусу к четырем гунам, самым высшим сановникам империи, которые только и имели I ранг (ХХШ, гл. 24, с. 3563).

Летом 90 г. ханьские войска нанесли поражение сюннам в Иулу (Хами) и завладели им, после чего правители ближних к нему по караванному пути на запад царств Чеши дальнего (Цицяоцзина) и Чеши ближнего (Турфана) прислали своих сыновей в свиту императора (ХХШ, гл. 4, с. 170). Так под контроль Хань перешла небольшая северо-восточная часть Западного края.

В марте 91 г. (во 2-ю луну 3 г. Юн-юань) да-цзянцзюнь Доу Сянь послал войска во главе с Гэн Куем из Цзюйянь (район оз. Гашунь-нур) на север. Они разгромили северного шаньюя, бежавшего, по одним данным, неизвестно куда (ХХШ, гл. 4, с. 171–172; гл. 23, с. 818), по другим – в Усунь (ХХШ, гл. 75, с. 0798/1).

Итак, в результате войны 89–91 гг. Поздняя Хань разгромила северных сюннов, которые после этого лишь изредка упомина-

ются в ближайшие 2–3 десятилетия (ХХШ, гл. 4, с. 173, 177, 193, 196). Но это отнюдь не означало, что их земли перешли к Хань. Согласно «Повествованию об Ухуань и Сяньби» в «Хоу Хань шу», после разгрома северных сюннов в эру Юн-юань (89–105) сяньби завладели их землями и оставшиеся на них 100 тыс. с лишним родовых групп (*ло*) сюннов стали называться сяньби (ХХШ, гл. 90, с. 2986).

Что же касается Западного края (Восточного Туркестана), то кроме сообщения об отправлении в 90 г. правителями двух царств Чеши своих сыновей в Хань других сведений о подчинении ей иных царств этого края в результате войны 89–91 гг. в «Хоу Хань шу» нет. Если бы крупнейшее в Западном крае царство Гуйцы вместе с подвластными ей царствами Гумо и Вэньсу сдалось Бань Чао в 91 г., как сказано в его биографии, то столь великая победа была бы непременно отмечена в хронике правления императора. И тот факт, что в «Хоу Хань шу» нет ни такого сообщения в хронике, ни вообще описания Гуйцы, доказывает, что Поздняя Хань никогда не имела с этим царством официальных контактов и Гуйцы никогда не подчинялась Поздней Хань.

Тем не менее в 10-ю луну 3 г. Юн-юань (ноябрь 91 г.), т.е. спустя несколько месяцев после того, как войско да-цзянцзюня Доу Сяня разгромило северного шаньюя и правители двух царств Чеши прислали своих сыновей в свиту, император Хэ-ди (89–106) в своем указе, процитированном в хронике, заявил:

«Северные иноземцы потерпели поражение и уничтожены, [их] известные ваны сдались. Все царства Западного края представили сыновей [своих правителей] в [мою] свиту и подчинились» (ХХШ, гл. 4, с. 172).

Как видим, император связывал подчинение всех царств Западного края с разгромом северных сюннов Доу Сянем, а не с капитуляцией Гуйцы перед Бань Чао. Почему же в таком случае должность *духу*, которую, как и должность *уцзи-сяовэя*, император снова учредил вскоре после своего указа, в 12-ю луну 3 г. Юн-юань (январь 92 г.), занял не Доу Сянь, а Бань Чао? Да потому, что Доу Сянь уже занимал должность *да-цзянцзюня* самого высокого 1-го ранга, а должность *духу* была более низкого 3-го ранга первой степени. И она была пожалована Бань Чао, давно находившемуся в Западном крае и имевшему лишь должность *чжанши* 4 ранга первой степени.

Очевидно, что Бань Чао вступил в должность духу в начале 92 г. Если бы в 91 г. Гуйцы (Куча) действительно подчинилась ему, то он, став духу, мог бы для большего эффекта учредить свою ставку в ее столице или на месте ставки раннеханьских духу

в бывшем царстве Улэй, ставшем при Поздней Хань неотъемлемой частью Гуйцы (об этом см.: ХХШ, гл. 88, с. 2924). Он же основал свою ставку якобы в г. Тогань, принадлежавшем Гуйцы. Но, согласно описанию событий 106–107 гг. в биографии Лян Цзиня, посланного с войском на помощь сменившему Бань Чао духу Жэнь Шану, окруженному, обратим внимание, в Шулэ войсками царств Западного края, г. Тогань был маленьким и его невозможно было укрепить (ХХШ, гл. 47, с. 1591). Именно по этой причине не мог Бань Чао, знавший о том, что именно Гуйцы и Яньци ранее разгромили и убили духу Чэнь Му, обосноваться в маленьком городке, не приспособленном к обороне.

Все сказанное позволяет считать недостоверными сообщения в биографии Бань Чао о том, что ему в 91 г. подчинилась Гуйцы с подвластными ей царствами Гумо и Вэньсу, и об усмирении всех царств Западного края, кроме трех, а также сообщение в указе императора, приведенном в хронике, о подчинении Поздней Хань всех царств Западного края. Как видим, не только Бань Чао, но и сам император преувеличивал победы, что подтверждают сведения в «Хоу Хань шу» и за последующие годы.

До осени 94 г. никаких событий в Западном крае в этой истории не отмечено. На этом фоне большое впечатление произвела последняя крупная акция, предпринятая Бань Чао в 7-ю луну 6 г. Юн-юань (август 94 г.). В хронике правления Хэ-ди о ней сказано так: «*Сиюй-духу* Бань Чао нанес большое поражение Яньци (Карашар. – *Л.Б.*) и Юйли (Чары. – *Л.Б.*) и казнил их правителей. С этого времени Западный край покорился, более 50 царств предоставили сыновей своих правителей в свиту императора» (ХХШ, гл. 4, с. 179). Такой же фразой заканчивается и детальное описание данного события в биографии Бань Чао (ХХШ, гл. 47, с. 1582).

Обратим внимание: согласно приведенным выше сведениям, в 91 г. все царства Западного края (Восточного Туркестана) подчинились Хань и прислали сыновей своих правителей в свиту императора. После этого сведений о том, что они вышли из-под власти Хань, нет. А в 94 г. после разгрома Яньци и Юйли опять говорится о подчинении Западного края. При этом уточняется – более 50 царств прислали своих сыновей в свиту императора. Но в «Повествовании о западном крае» в «Хоу Хань шу» приведены описания всего 23 царств, 13 из них – это дальние страны, такие как Аньси (Парфия), Дацинь (Рим) и Тяньчжу (Центральная Индия), которые никогда не подчинялись ни Ранней, ни Поздней Хань. В «Повествовании о западном крае» в «Хань шу» описаны 55 царств, 36 из них находились в собственно Западном крае (Во-

сточном Туркестане). Все это позволяет с уверенностью заключить, что сообщения в «Хоу Хань шу» о «подчинении» Поздней Хань всех царств Западного края – всего лишь штамп, который использовался, чтобы возвеличить ее, показать, что она по своему могуществу не уступала Ранней Хань.

Подобного рода преувеличения находим и в указе императора Хэ-ди 95 г., в котором он, перечисляя заслуги Бань Чао, заявил:

«Послали цзюнь-сыма Бань Чао успокоить и собрать [под покровительство Хань царства] к западу от Юйтянь. Чао затем перешел через Цунлин, дошел до Сяньду» (ХХШ, гл. 47, с. 1582).

Рассмотренное выше подробное описание деятельности Бань Чао в его биографии не содержит даже намека на то, что он, находясь в Шулэ (Кашгаре), переходил или хотя бы намеревался перейти через Цунлин (Заалайский хребет) по пути в Давань (Фергану) или совершал поход из Юйтянь (Хотана) до Сяньду (пер. Хунджераб).

Этим указом император жаловал Бань Чао титул *Динъюань-хоу* и 1000 дворов в кормление. Юношеская мечта Бань Чао получить титул, как Чжан Цянь и Фу Цзецзы, за заслуги в западных странах сбылась. Но и после этого он продолжал жить в Западном крае, несомненно, в Шулэ. Только в 100 г. он, старый и больной, обратился к императору с письмом, прося позволения вернуться на родину, чтобы не умереть на чужбине (ХХШ, гл. 47, с. 1583). И получил его. В 8-ю луну 14 г. Юн-юань (октябрь 102 г.) Бань Чао прибыл в Лоян, но в 9-ю луну заболел и умер на 71 году от рождения (ХХШ, гл. 47, с. 1586). Только в течение этого последнего месяца жизни Бань Чао могли дворцовые историографы записать его рассказ о деятельности в Западном крае, который изложен в его биографии в «Хоу Хань шу».

У Бань Чао было три сына. Старший, Сюн, наследовал титул, служил сяовэем, но вскоре был убит; средний сын, Ши, служил тетке императора и в 131 г. был казнен за убийство. В историю вошел младший сын, Бань Юн (ХХШ, гл. 47, с. 1586).

С 95 по 102 г. в биографии Бань Чао никаких событий в Западном крае не отмечено. Однако в описании Аньси (Парфии) в «Повествовании о западном крае» говорится:

«В 9 г. Юн-юань (97 г. – *Л.Б.*) духу Бань Чао отправил Гань Ина посланцем в Да Цинь (Рим. – *Л.Б.*). [Он] дошел до Тяочжи (Малой Азии. – *Л.Б.*), прилежащей к большому морю, и хотел переправиться [через него]. Но корабелы на западной границе Аньси рассказали Ину» о дальности и необычайной трудности перехода через море, и он остановился. А в 13 г. (101 г.) правитель Аньси послал императору дары (ХХШ, гл. 88, с. 2918; гл. 4, с. 188).

Из данного сообщения очевидно, что Гань Ин дошел только до западной границы Аньси с Тяочжи и в последней не побывал. О его походе при дворе Хань узнали, несомненно, не от него лично. Дело в том, что официальный статус Гань Ина как посланца духу Бань Чао, имевшего третий ранг, был еще ниже. Не будучи ни сановником Поздней Хань, ни ее официальным послом, он, естественно, не имел доступа ни ко дворам правителей царств Средней Азии, где только и мог бы получить квалифицированные сведения об этих царствах и их соседях, ни ко двору Поздней Хань, где его сведения могли бы записать дворцовые историографы. Следовательно, о его походе в Аньси в Хань могли узнать только от посла из Аньси, прибывшего к ее двору в 101 г.

В самом конце биографии Бань Чао приведено сообщение о том, что накануне возвращения его в Хань на замену ему в качестве *духу* прибыл Жэнь Шан. В ответ на просьбу Жэнь Шана дать ему совет Бань Чао сказал:

«[Я] по старости утратил мудрость. [А ты], господин Жэнь, неоднократно занимал высокие посты. Но разве [ты] достигнешь [здесь того, что] смог Бань Чао? Определенно, не сможешь. Хочу изложить [свое] глупое мнение. Чиновники и воины вне укрепленной линии (т.е. вне пределов империи. – *Л.Б.*) – это не почтительные сыновья и послушные внуки, а сосланные за преступления в приграничные районы [люди]. А у иноземцев сердце птицы, а желания зверя. [Их] трудно накормить, [но] легко разбить. Ныне [ты], господин, по характеру строг и нетерпелив. В чистой же воде нет крупной рыбы. Политикой расследований нельзя [здесь] достичь согласия, а следует, оставив все дела, предаваться удовольствиям, смотреть [на все] легко, быть снисходительным к мелким проступкам, выполняя общую программу. Вот и все». После отъезда Чао [Жэнь] Шан в частной беседе с близкими сказал: «Я считаю, что благородный муж Чао проводил странную политику, ныне называемую "умиротворение миром"». [Прошло] несколько лет, как Шан прибыл, и Западный край взбунтовался. За преступление [Шан] был отозван, как и предупреждал [Бань] Чао» (ХХШ, гл. 47, с. 1586).

Это своеобразное кредо Бань Чао согласуется с рассмотренными выше сведениями о его деяниях и помогает лучше понять, как и чего добился он в Западном крае и почему так долго продержался в нем. Используя противоречия между царствами региона, он с помощью даров и подкупа, хитрости и обмана добивался подчинения одних правителей, а с помощью приданных ему воинов из бывших преступников убивал других, непокорных, заменяя своими ставленниками. После этого он, судя по его кредо и доносу Ли И, не вмешивался во внутренние дала царств и, живя в Шулэ, предавался развлечениям. Никаких доходов в пользу Хань он не

взимал, что очень устраивало эти царства. Так что фактически Бань Чао добился подчинения правителей царств прикуньлуньского района лично себе, а не Хань. Но империю устраивала даже такая форма покорности их, лишь бы они не кормили сюннов.

Когда же сменивший Бань Чао на посту *духу* «строгий» Жэнь Шан попытался, видимо, перевести эти, по сути, личные отношения в межгосударственные, царства взбунтовались против него. В хронике правления только что вступившего на трон осенью 106 г. императора Ань-ди (107–125) сказано: «Все царства Западного края взбунтовались и напали на духу Жэнь Шана. Послали *фусяовэя* Лян Цзиня на помощь Шану напасть на них и разгромить» (ХХШ, гл. 5, с. 205).

В биографии Лян Цзиня говорится, что взбунтовавшиеся царства «напали на *духу* Жэнь Шана в Шулэ» (ХХШ, гл. 47, с. 1591). Это, полагаем, подтверждает наше высказанное ранее предположение о том, что и ставка духу Бань Чао, на смену которого Жэнь Шан прибыл, тоже находилась в Шулэ, а не в г. Тогань в Гуйцы. Жэнь Шан еще до подхода отряда Лян Цзиня смог бежать в Хань. А Лян Цзинь и прибывшие новый *духу* Дуань Си и *ци-дувэй* Чжан Бо были окружены войсками царств и отрезаны от Хань.

«Спустя более года, – говорится далее в биографии Лян Цзиня, – двор забеспокоился о них. Гуны и цины, посовещавшись, решили, что Западный край отделен и отдален [от империи], неоднократно бунтовал. Расходы на [отправляемых в него] чиновников и военнопоселенцев не сосчитать. И в 1 г. Юн-чу (107 г. – *Л.Б.*) упразднили [должность] *духу* и послали *ци-дувэя* Ван Хуна с войском из Гуаньчжуна встретить Цзиня, Си и Бо, а также военнопоселенцев из Иулу и Лючжуна. Весной 2 г. (108 г. – *Л.Б.*) [все они] вернулись в Дуньхуан» (ХХШ, гл. 47, с. 1591–1592).

Эти сведения подтверждаются другими. Согласно хронике правления Ань-ди, должность духу была упразднена в 6-ю луну 1 г. Юн-чу (июль 107 г.) (ХХШ, гл. 5, с. 207). И в биографии Бань Юна, младшего сына Бань Чао, сказано:

«В 1 г. Юн-чу Западный край взбунтовался. [Бань] Юн был назначен [на должность] *цзюнь-сыма* и вместе со старшим братом выступил из Дуньхуана встретить *духу* и воинов из Западного края и вернулся [с ними]. Вследствие этого упразднили [должность] *духу*. После этого Западный край отделился и более десяти лет [в нем] не было ханьских чиновников» (ХХШ, гл. 47, с. 1587).

Итак, в 107 г. Поздняя Хань была вынуждена вывести последние отряды своих войск из тех немногих районов Западного края, где еще они находились, и полностью прервать связи с ним.

Проведенное исследование материалов «Хоу Хань шу» за период с 73 по 107 г. об отношениях Поздней Хань с царствами Западного края (Восточный Туркестан) и о деятельности Бань Чао доказывает, что две попытки Хань разгромить северных сюннов и вытеснить их из подвластных им царств на северо-востоке этого края (нынешний район Хами-Турфан) оказались безрезультатными – сюнны были разгромлены, но подчинить себе царства этого района на сколько-нибудь значительный срок Хань не смогла. Однако вторжения ханьских войск сюда сковали силы сюннов и подвластных им царств всего притяньшаньского района, что, несомненно, и стало главной причиной успехов Бань Чао в прикуньлуньском районе. С 73 по 87 г. он подчинил себе все царства по южной дороге и контролировал их до своей отставки в 102 г. При этом он трижды, в 84, 87 и 90 году, вступал в контакт с юэчжами. Рассмотренные материалы об этих контактах свидетельствуют о могуществе Юэчжи (Кушанского царства), но не дают ни малейшего основания говорить о борьбе этого царства с Поздней Хань в данный период за влияние в Западном крае и о распространении влияния Кушанского царства в нем. И только в одном случае, а именно в 87 г., когда кушанский посол прибыл в Хань, могли при ее дворе получить, а дворцовые историографы записать с его слов достоверные сведения об этом царстве и его истории. Бань Чао же ни по своему статусу чиновника 4-го ранга, ни по обстоятельствам, при которых состоялись его контакты с юэчжами, получить такие сведения не мог.

Бань Юн в Западном крае (123–127)

Однако в литературе высказано и другое мнение об источнике сведений, изложенных в описаниях царств в «Повествовании о западном крае» в «Хоу Хань шу» и, значит, в описании Большого Юэчжи. Э. Пуллиблэнк приводит следующее замечание составителя «Хоу Хань шу» (V в.) Фань Е из его введения к данной главе:

«Бань Гу оставил описание природных условий и обычаев разных стран и все это изложил в Ранней истории. Теперь я собрал такие данные с Цзянь-у и далее (т.е. с основания Поздней Хань в 27 г. – *Л.Б.*), которые отличаются от более ранней ситуации, и составил главу о Западном крае. Это все, что записал Бань Юн в конце правления Ань-ди» (107–125). На основании этого заявления Э. Пуллиблэнк заключил: «По-видимому, нет реальных причин сомневаться, что остов главы и материалы не позднее 125 г.

исходят прямо от Бань Юна» (Пуллиблэнк, 1968, с. 248–249). Более того, далее он пишет о том, что история Поздней Хань основана на докладе Бань Юна 125 г. (там же, с. 253).

Е. Цюрхер также считает: «"Повествование о Западном крае" основано главным образом на докладе, представленном императору генералом Бань Юном в 125 г. или незадолго до этого» (Цюрхер, 1968, с. 367).

Предложенный перевод и толкование данного замечания Фань Е представляются нам неточными. Приводим дословный перевод его с транскрипцией:

«Бань Гу описал всех (*цзи*) царств (*чжу-го*) климат (*фэн*), почвы (*ту*) и людей обычаи (*жэнь су*). Все (*цзи*) подробно изложил (*сянь бэй*) в Истории Ранней [Хань]. Теперь (*цзинь*) [я] выбрал (*сюань*) [начиная с эры] Цзянь-у и позже (*Цзянь-у и хоу*) такие (*ци*) данные (*ши*), отличные от (*и юй*) прежних (*сянь-чжэ*), [и] использовал при составлении (*вэй*) Повествования о западном крае. [Это] все (*цзи*) в конце [правления] Ань-ди (*Ань-ди мо*) Бань Юном было записано (*Бань Юн со цзи*)» (ХХШ, гл. 88, с. 2912–2913).

Как видим, Фань Е имел в виду только данные о климате, почвах («природных условиях» по переводу Э. Пуллиблэнка) и обычаях народов, а не вообще все сведения об этих царствах. Не упоминает он и о «докладе Бань Юна» 125 г. Кроме того, предположение Э. Пуллиблэнка о том, что остов главы «Повествование о западном крае» и материалы в ней до 125 г. исходят от Бань Юна, требует ответа на вопросы: когда, от кого и при каких обстоятельствах мог Бань Юн получить многочисленные сведения о 23 царствах, описанных в этой главе, в том числе и о ряде отдаленных, лежавших за пределами собственно Западного края (Восточного Туркестана).

Но такие вопросы даже не ставились, скорее всего, потому, что сложилось убеждение, не обоснованное, к сожалению, специальным исследованием, в том, что Бань Юн завладел всем Западным краем. Так, Э. Пуллиблэнк утверждает: «После умиротворения Бань Юном Западного края китайская оккупация продолжалась в течение некоторого времени» (Пуллиблэнк, 1968, с. 255), а Е. Цюрхер пишет о «великой кампании Бань Юна, в течение которой (согласно 88 гл., ХХШ) он разгромил Кашгар, подчинял Кучу, Хотан, Яркенд и четырнадцать других царств» (Цюрхер, 1968, с. 355).

Такое убеждение сложилось, по-видимому, на основании мнения опять же Фань Е, высказанного им во введении к «Повествованию о западном крае» после сообщения о разгроме Бань Юном Чеши и Яньци: «После этого Гуйцы, Шулэ, Юйтянь, Шаче и дру-

гие 17 царств – все подчинились, но Усунь и [царства] к западу от Цунлин затем отделились [совсем]» (ХХШ, гл. 88, с. 2912).

Поскольку вопрос об источнике сведений, изложенных в описании Большого Юэчжи (Кушанского царства) в главе «Повествование о западном крае», и, следовательно, вопрос об их достоверности имеет решающее значение для изучения истории этого царства, необходимо подробнее исследовать материалы «Хоу Хань шу» о деятельности Бань Юна в Западном крае (Восточном Туркестане). Следует выяснить, действительно ли он подчинил весь этот край и мог ли там по своему статусу и по обстоятельствам собрать сведения о всех его царствах и даже о дальних странах, лежавших за его пределами, в том числе и о Большом Юэчжи.

Выше мы выяснили, что в 107 г. Поздняя Хань вывела всех своих людей из Западного края и в последующие 12 лет не имела с ним отношений. Сведения о новой попытке ее проникнуть в этот край оказались именно в биографии Бань Юна, где сказано: «В 6 г. Юань-чу (119 г. – *Л.Б.*) *Дуньхуан-тайшоу* Цао Цзун послал [своего] *чжанши* Со Баня с 1 тысячей с лишним человек основать поселение в Иу (Хами. – *Л.Б.*). Правители Чеши ближнего и Шаньшань прибыли [в Иу] и подчинились [Со] Баню. [Но] через несколько месяцев северный шаньюй и [правитель] племен (*бу*) Чеши дальнего сообща напали и убили [Со] Баня. Продвинувшись далее [на запад], они нанесли удар правителю [Чеши] ближнего и заняли северную дорогу. Правитель Шаньшань заволновался и попросил помощи у Цао Цзуня. Поэтому Цзун попросил [двор] выставить 5-тысячное войско, нанести удар по сюннам, отомстить за позор [Со] Баня и снова завладеть Западным краем. Вдовствующая императрица Дэн-*тайхоу* пригласила [Бань] Юна ко двору на совещание. До этого *гуны* и *цины* в большинстве своем считали, что следует [вообще] закрыть заставу Юймэньгуан и отказаться от Западного края» (ХХШ, гл. 47, с. 1587).

В хронике правления императора сообщения о походе и гибели Со Баня нет. И это понятно, ведь он занимал лишь должность чжанши 5-го ранга первой степени в приграничном административном районе (ХШ, гл. 19/1, с. 742). Но есть сообщение за 3-ю луну 1 г. Юн-нин (апрель-май 120 г.) о бунте правителя Чеши дальнего (ХХШ, гл. 5, с. 231). Об этом сказано и в описании Чеши:

«В 1 г. Юн-нин правитель [Чеши] дальнего Цзюньцзю и его мать Шама взбунтовались, убили *хоубу-сыма* и *Дуньхуан-синшэна*» (ХХШ, гл. 88, с. 2930). Эти сообщения подтверждают достоверность сведений в биографии Бань Юна о том, что Чеши дальнее

участвовало в разгроме Со Баня в Иу вместе с сюннами, и о том, что сюнны после этого завладели северной дорогой, т.е. притяньшаньской. Эти события датируются началом 120 г. Совещание же сановников двора (т.е. лиц, имевших высшие ранги – с 1-го по 3-й), созванное императрицей после этих событий, состоялось, по-видимому, в том же 120 г., так как в 3-ю луну 1 г. Цзяньчу, т.е. в апреле-мае 121 г., императрица умерла (ХХШ, гл. 5, с. 232). Заметим, что Бань Юн, занимавший в то время всего лишь должность *цзюнь-сыма* 4-го ранга второй степени, оказался на этом совещании при дворе только благодаря специальному приглашению императрицы.

Далее в биографии Бань Юна подробно описана дискуссия сановников, в которой принял участие и он. Ссылаясь на историю отношений Ранней и Поздней Хань с сюннами, он доказывал необходимость увеличения численности войск в Дуньхуане и отправления войск в Шаньшань. В противном случае, утверждал он, сюнны усилятся за счет доходов с Западного края и будут нападать и грабить вместе с ними в районах не только к западу от Реки (Ганьсуский коридор), но и к северу. И это обойдется империи много дороже, чем расходы на предлагаемые меры. Часть сановников поддержала его. Но принято было только решение об отправлении отряда в 300 воинов в Дуньхуан и об учреждении там должности *сиюй-фу-сяовэя*. После этого сказано:

«Хотя [Хань] возобновила тесные связи с Западным краем, однако не могла выдвинуть [туда войска] на поселение. После этого сюнны в самом деле неоднократно вторгались и грабили, нанося большой вред [районам] к западу от Реки. И летом 2 г. Ян-гуань (123 г. – *Л.Б.*) еще назначили [Бань] Юна [на должность] *Сиюй-чжанши* [и он] во главе [отряда] войск в 500 человек выступил [в Западный край] и поселился в Лючжуне» (ХХШ, гл. 47, с. 1587–1589).

Эти сведения дают возможность выяснить ситуацию в притяньшаньском районе Западного края. Согласно им после совещания при дворе в конце 120 г. и до выступления Бань Юна в 123 г. сюнны нападали на ханьские земли «к западу от Реки» (Ганьсуский коридор), где находились три административных района (*цзюня*) – Чжанъе-цзюнь, Цзюцюань-цзюнь и Дуньхуан-цзюнь. Это доказывает, что в то время сюнны занимали земли к северу от них, и тем самым подтверждает приведенное выше сообщение о том, что сюнны завладели северной, притяньшаньской, дорогой. Следовательно, лежавшие по этой дороге царства подчинялись им.

О ситуации же по южной, прикуньлуньской, дороге можно судить по следующим косвенным данным. В биографии Бань Юна говорится о том, что после разгрома сюннами и Чеши Со Баня в

Иу правитель ближнего к Хань по южной дороге царства Шаньшань обратился за помощью к ханьскому начальнику Дуньхуанцзюня, но не получил ее. Это доказывает, что Шаньшань тогда не подчинялась ни сюннам, ни Хань, хотя и тяготела к последней. А вот сообщение в описании Шулэ, относящееся к периоду до 127 г.:

«Шаче восстало против Юйтянь и подчинилось Шулэ. Шулэ вследствие этого усилилось и потому смогло стать равным [по могуществу] Гуйцы и Юйтянь» (ХХШ, гл. 88, с. 2927), – доказывает, что в то время к западу от Шаньшань по южной дороге существовало еще только два крупных царства, Юйтянь (Хотан) и Шулэ (Кашгар), которые, как и Шаньшань, не подчинялись ни сюннам, ни Хань.

А теперь обратим внимание на то, что Бань Юн получил в 123 г. должность *Сиюй-чжанши* (чжанши Западного края), находясь в пределах Хань, которая тогда не контролировала ни одного района Западного края.

Должность *чжанши*, согласно «Таблице всех чиновников» в «Хань шу» и в «Хоу Хань шу», была в штате четырех самых высших ведомств империи и, в частности, в ведомстве *цзянцзюней*, командующих войсками во время войны. Главы этих ведомств имели 2-й ранг, высший для служивых сановников (ХШ, гл. 19/1, с. 733), а должность *чжанши* в них была 4-го ранга первой степени. До 123 г. Бань Юн имел должность *цзюнь-сыма* 4-го ранга второй степени в ведомстве *цзянцзюня*. Значит, в этом году он получил очередное повышение на одну степень в должности чжанши 4-го ранга первой степени. Для сравнения: *духу* и *уцзи-сяовэй*, а также *тайшоу*, начальник административного района (*цзюня*), имели высокий 3-й ранг первой степени, т.е. уже были сановниками. Так что в должностной иерархии *чжанши* стоял ниже главы местной администрации в *цзюне*. И уже поэтому Бань Юн в должности *чжанши* не мог считаться правителем Западного края.

Но возможно, что Бань Юн фактически стал правителем этого края, завоевав его позже и подчинив своей власти. Поэтому надо рассмотреть вопрос о его деятельности там подробно.

В биографии Бань Юна после сообщения о его прибытии в 123 г. в Лючжун сказано: «В 1-ю луну следующего года (февраль 124 г. – *Л.Б.*) Юн прибыл в Лоулань, и [правитель] Шаньшань подчинился [ему]. [Бань Юн] пожаловал ему третий шнур. Но правитель Гуйцы Байин все еще сомневался и не покорялся. Юн написал [ему] милостивое письмо, и тогда Байин во главе [правителей] Гумо и Вэньсу, связав себя, явились к Юну сдаться. Вследствие этого Юн двинул их войска, пешие и конные, более 10 тыс.

человек, к ставке правителя Чеши ближнего, атаковал сюннуского Или-вана в долине Ихэгу и захватил более пяти тысяч человек ближнего племени [Чеши]. После этого ближнее племя начало снова устанавливать связь [с Хань]. [Бань Юн] возвратился в поселение Лючжун» (ХХШ, гл. 47, с. 1589).

Данные о местонахождении поселения Лючжун в «Хоу Хань шу» противоречивы: согласно одним оно находилось в 80 ли (32 км) от столицы Чеши ближнего (Турфана), согласно другим – к северу от Иу (Хами). Исследование этого вопроса, проведенное нами ранее, показало, что Лючжун находился немного севернее Иу (Боровкова, 1992, с. 17–30), т.е. в землях к северу от Дуньхуана, подконтрольных сюннам. Но Бань Юн обосновался там, не встретив сопротивления с их стороны.

Согласно приведенным сведениям, выходит, что Бань Юн в феврале 124 г. прибыл из Лючжуна в Шаньшань и пожаловал подчинившемуся его правителю **третий шнур**. То, что правитель Шаньшань, и ранее искавший покровительства Хань, покорился Бань Юну, вполне вероятно. Ведь никаких конкретных обязательств это на него пока не налагало, а он получил третий шнур как доказательство покровительства Хань. Что такое третий шнур? В обеих империях Хань сановники высшего 1-го ранга получали золотую печать с фиолетовым шнуром (ХШ, гл. 19/1, с. 724–726), сановники 2-го и 3-го рангов – серебряную печать с голубым шнуром (с. 743). Сановники же средних 4-го и 5-го рангов получали уже медную печать с черным шнуром, а низших 6–8-го рангов – медную печать, но с желтым шнуром (ХШ, гл. 19/1, с. 743). Следовательно, Бань Юн вручил правителю Шаньшань медную печать с третьим, т.е. с черным шнуром, что приравнивало его к чиновнику среднего ранга.

Однако есть объективное обстоятельство, которое вместе с последующими сведениями позволяет усомниться в том, что Бань Юн побывал в Шаньшань. Объективное обстоятельство – это расстояние от Лючжун (район Хами) до Шаньшань (Чарклык), равное тысяче с лишним километров: более 400 от Лючжуна до Дуньхуана и около 640 от Дуньхуана до Шаньшань. И совсем недостоверным представляется сообщение о том, что Бань Юн после покорения Шаньшань написал «милостивое письмо» правителю Гуйцы, крупнейшего, напомним, царства Западного края с 20-тысячным войском, и тот, связав себя, что считалось позором, вместе с правителями подвластных ему царств Гумо и Вэньсу, явился сдаться Бань Юну, имевшему всего лишь отряд в 500 человек. Более того, правитель Гуйцы вообще не мог явиться к

Бань Юну, где бы тот ни находился, в Лючжун или в Шаньшань. Ведь путь из Гуйцы в Лючжун проходил через владения царств Яньци, Чеши ближнего и Чеши дальнего, а в Шаньшань – через Яньци и подвластные ему Вэйсюй и Юйли, ни одно из которых тогда не подчинялось ни Гуйцы, ни Бань Чао.

Столь же недостоверно и сообщение о том, что Бань Юн в том же 124 г. повел 10-тысячное войско этих трех царств (Гуйцы, Гумо и Вэньсу) и напал на Чеши ближнее (Турфан), покорил его и вернулся в Лючжун. Во-первых, поход войск этих царств на Чеши ближнее был невозможен, так как им надо было бы пройти через неподвластное ни Бань Юну, ни Гуйцы царство Яньци. Во-вторых, не мог Бань Юн из Чеши ближнего вернуться в Лючжун, так как между ними лежало царство Чеши дальнее (Цицзяоцзин), которое, как увидим далее, он завоевал только в 125 г. Отметим также, что сообщение о возвращении Бань Юна из Чеши ближнего в Лючжун неопровержимо доказывает, что поселение Лючжун, где он основал свою ставку в 123 г., не могло находиться в 80 ли (т.е. рядом) от столицы Чеши ближнего, так как последнее было, согласно последующему сообщению, завоевано им только в 124 г.

Так что из всех событий, описанных в рассмотренном отрывке из биографии Бань Юна, реально возможным было, скорее всего, только столкновение вблизи Лючжуна его отряда в 500 человек с каким-то сюннуским Или-ваном, явно малосильным, поскольку в истории он более не упоминается.

То, что пребывание Бань Юна в Западном крае в 123–124 гг. было малозначительным фактом, подтверждает полное отсутствие упоминаний о нем в материалах хроники «Хоу Хань шу» за эти годы. Если бы Бань Юн в самом деле подчинил Шаньшань, могущественную Гуйцы с Гумо и Вэньсу и Чеши ближнее, то столь великие победы его, возвышающие славу империи, непременно были бы зафиксированы дворцовыми историографами в хронике правления императора. Ведь даже куда как менее значимая победа Бань Юна в 125 г. над Чеши дальним отмечена в ряде глав «Хоу Хань шу».

Это событие отмечено в хронике за 4 г. Янь-гуан (125 г.):

«Осенью в 7-ю луну *Сиюй-чжанши* Бань Юн нанес удар по правителю Чеши дальнего и обезглавил его» (ХХШ, гл. 5, с. 242).

В описании Чеши о нем и последующих деяниях Юна сказано подробнее: «В 4 г. Янь-гуан правления Ань-ди Бань Юн нанес удар [правителю Чеши дальнего] Цзюньцзю, разгромил и обезглавил его. В 1 г. Юн-цзянь правления Шунь-ди (126 г. – *Л.Б.*)

Юн вместе с Цзятэну, сыном предыдущего правителя Нунци, с Бахуа и другими [знатными людьми этого царства] повел отборные войска и нанес удар по северным разбойникам Хуянь-вана и разгромил [их]. Юн после этого сделал Цзятэну правителем [Чеши дальнего]» (ХХШ, гл. 88, с. 2930).

В биографии Бань Юна его деятельность в Западном крае описана еще подробнее:

«Осенью 4 г. Юн двинул 6-тысячную конницу из Дуньхуана, Чжанъе и Цзюцюаня, а также войска Шаньшань, Шулэ, племен Чеши ближнего атаковать Цзюньцзю, правителя племен [Чеши] дальнего, нанес ему тяжелое поражение и [отсек] головы более восьми тысячам врагов, [захватил] более 50 тыс. голов лошадей и скота. Схватив Цзюньцзю и сюннуских послов с бунчуками, доставил их на место гибели Со Баня и казнил, чтобы отомстить за его позор, а головы переслал в столицу. В 1 г. Юн-цзянь [Бань Юн] сделал правителем племени [Чеши] дальнего Цзятэну, сына предыдущего правителя. А еще Юн послал специально *сяовэя* казнить правителя Восточного Цеми и также вместо [него] сделать правителем человека из его народа. С этого времени и Чеши, и шесть царств – все были умиротворены. Той же зимой Юн двинул войска всех царств атаковать сюннуского Хуянь-вана. Хуянь-ван бежал, более 20 тыс. человек из его народа сдались. Был схвачен сводный старший брат шаньюя. Юн послал Цзятэну собственноручно казнить его, чтобы посеять вражду между Чеши и сюннами. Северный шаньюй сам во главе более чем 10-тысячной конницы вторгся в [Чеши] дальнее и достиг долины Цзиньцегу. Юн послал *цзя-сыма* Цао Цзюня скакать на помощь ему. Шаньюй отступил. Цзюнь, преследуя, убил его знатного человека [с титулом] *гудухоу*. Поэтому Хуянь-ван переселился жить в верховья р. Куухэ. После этого в Чеши не осталось и следов врагов. Все [царства] с внутренними и внешними стенами были умиротворены, и только правитель Яньци Юаньмэн не покорился» (ХХШ, гл. 47, с. 1589–1590).

Итак, в хронике правления императора только в 125 г. появляется первое сообщение о Сиюй-чжанши Бань Юне в связи с тем, что он разгромил правителя Чеши дальнего. Очевидно, что до этого времени он со своим отрядом в 500 человек сколько-нибудь значительных успехов в Западном крае, о которых бы узнали при дворе, не добивался. Разгромить же в 125 г. Чеши дальнее и ближних к нему сюннов Хуянь-вана Бань Юн смог, как явствует из его биографии, после того, как получил под свое командование 6-тысячную конницу из ближних к Лючжуну райо-

нов империи в Ганьсуском коридоре и якобы собрал войска из Чеши ближнего, Шаньшань и Шулэ.

Поскольку об этом его походе, судя по сообщению в хронике, при дворе знали, то свидетельство об участии в нем 6-тысячной ханьской конницы представляется достоверным. Участие же войск из царств Чеши ближнее, Шаньшань и Шулэ было вообще невозможным. Как показал анализ предыдущих сведений из биографии Бань Юна, ни Чеши ближнее (Турфан), лежавшее по северной дороге западнее Чеши дальнего (Цицзяоцзина), ни Шаньшань (Чарклык), находившаяся далеко, более чем в тысяче километров от Лючжуна по южной дороге, Бань Юну не подчинялись. Тем более не мог он со своим отрядом в 500 человек подчинить себе Шулэ (Кашгар), лежавшее в 3250 ли (1300 км) западнее Шаньшань по южной дороге. Так что Бань Юн в 125 г. разгромил Чеши дальнее, а в 126 г. – сюннов Хуянь-вана именно с помощью специально присланной ему 6-тысячной ханьской конницы.

Завершает описание их разгрома сообщение о том, что после этого «все [царства] с внутренними и внешними стенами (т.е. все царства Западного края. – *Л.Б.*) были умиротворены, и только правитель Яньци Юаньмэн не покорился».

Такое же сообщение есть и в описании Яньци (Карашара):

«В эру Ян-гуан (122–125 гг. – *Л.Б.*) сын [Бань] Чао [Бань] Юн стал *Сиюй-чжанши*, снова пошел войной и усмирил все царства. [Только правитель Яньци] Юаньмэн [и правители] Юйли и Вэйсюй не сдались» (ХХШ, гл. 88, с. 2928). Но, как мы уже отмечали выше, дворцовые историографы Поздней Хань, возвеличивая мощь ее, часто использовали выражение-штамп – все царства были умиротворены – не задумываясь, как и в данном случае, над тем, согласуется ли оно с ранее изложенными сведениями. Ведь если все царства Западного края покорились Бань Юну после разгрома им Чеши дальнего, то в походе против этого царства не могли принимать участие войска из Чеши ближнего, Шулэ и Шаньшань, так как они еще не подчинялись Бань Юну.

В заключительных сообщениях о деятельности Бань Юна в Западном крае как раз и говорится о разгроме названных якобы последних неподвластных ему трех царств. Поход на них точно датирован в хронике правления императора Шунь-ди (126–144), где в сообщении за 6-ю луну 2 г. Юн-цзянь (июль 127 г.) сказано:

«*Сиюй-чжанши* Бань Юн и *Дуньхуан-тайшоу* Чжан Лян пошли войной на три царства – Яньци, Юйли, Вэйсюй – и разгромили их. Все они прислали сыновей [правителей] в свиту [императора] и дары» (ХХШ, гл. 6, с. 0663/2).

Почти так же сказано об этом походе в описании Яньци (ХХШ, гл. 88, с. 2928).

В биографии же Бань Юна поход на Яньци описан значительно подробнее:

«Во 2 г. Юн попросил у императора [позволения] напасть на [правителя Яньци] Юаньмэна. Поэтому был послан *Дуньхуан-тайшоу* Чжан Лян во главе трехтысячного войска из четырех *цзюней* к западу от Реки (из Ганьсуского коридора. – *Л.Б.*) для поддержки Юна, выступавшего с более чем 40-тысячным войском из всех царств. Разделили [и послали] конницу для нанесения удара по нему (Яньци. – *Л.Б.*) по двум дорогам. Юн [должен был] следовать по южной дороге, а Лян – по северной. Договорились о сроке совместного прибытия к Яньци. Но [Чжан] Лян, ранее совершивший преступление, захотел дерзким успехом откупиться [от наказания]. И потому досрочно прибыл к заставе Цзюэлигуань и послал сыма с войском раньше [срока начать] сражение. [И тот порубил] более двух тысяч врагов. Юаньмэн, страшась наказания, отправил навстречу посла умолять [Чжан Ляна принять] капитуляцию. Чжан Лян короткой дорогой вступил в Яньци, принял капитуляцию и вернулся [в Хань]. Юаньмэн в конце концов не согласился лично [предстать перед императором] связанным, а послал лишь сына ко двору с дарами. [Чжан] Лян, согласно своему желанию, добился освобождения от наказания, а [Бань] Юн за опоздание [к месту сражения] был отозван [из Западного края] и заключен в тюрьму. [Потом] он был освобожден и впоследствии умер дома» (ХХШ, гл. 47, с. 1590).

В этом описании говорится, как видим, только о действиях Чжан Ляна, возглавлявшего трехтысячную ханьскую конницу. О действиях же Бань Юна с его якобы 40-тысячным войском из всех царств нет ни слова, из чего следует, что он так и не прибыл в Яньци. Очевидно, что изложенные сведения о походе были записаны дворцовыми историографами со слов именно Чжан Ляна. Согласно им правитель Яньци, узнав о наступлении ханьских войск и желая избежать разгрома и разграбления царства, поспешил после первого же неудачного сражения его войск с авангардом Чжан Ляна на границе царства заявить о подчинении Хань. Но это как раз и соответствовало чаяниям Чжан Ляна, торопившегося до предполагаемого прихода войска Бань Юна оказаться единственным победителем в этой войне. Быстро приняв капитуляцию и взяв с собой сыновей правителей Яньци и подвластных ему царств Юйли (Чара) и Вэйсюй (Курля) с дарами, он вернулся в столицу. Теперь он мог говорить о «разгроме» трех царств, которого не было, и о своей победе. В награду, как он и рассчитывал, был освобожден от наказания за ранее совершенное преступление.

Почему же Бань Юн, инициатор похода, не только опоздал, но и вообще не прибыл в Яньци?

Скорее всего, его подвело стремление преувеличивать свои победы в Западном крае, где ему к тому времени будто бы подчинились уже все царства, кроме трех. Обратившись к императору за разрешением на поход против Яньци, он обещал выставить 40-тысячное войско из всех якобы уже подвластных ему царств, хотя подчинилось ему только Чеши дальнее. Конечно, он не мог собрать столь большое войско из неподвластных ему царств. По-видимому, Бань Юн рассчитывал получить для похода на Яньци ханьское войско под свое командование, как это было во время войны против Чеши дальнего, и с его помощью разгромить Яньци. Но двор на этот раз повелел возглавить ханьское войско Чжан Ляну. Явиться на встречу с ним к месту сражения без обещанного 40-тысячного войска Бань Юн не мог, тогда раскрылась бы его позорная ложь. И он предпочел такому позору наказание за «опоздание» к месту сражения, надеясь, что его потом помилуют, как это обычно бывало, за предыдущие заслуги. Так и произошло. Он был отозван из Западного края, осужден, заключен в тюрьму, но затем помилован.

Поскольку с лета 123 г. до лета 127 г. Бань Юн все время находился в Западном крае, то он мог рассказать подробно о своей деятельности там, а дворцовые историографы записать, скорее всего, во время обсуждения при дворе вопроса о его помиловании. Так как после его отзыва из этого края Поздняя Хань не посылала туда ни войска, ни нового *Сиюй-чжаньши*, который мог бы выяснить реальную ситуацию, Бань Юн спокойно преувеличивал свои победы там.

Итак, проведенное исследование материалов «Хоу Хань шу» показало, что Бань Юн находился в Западном крае (Восточный Туркестан) всего четыре года, с лета 123 г. до лета 127 г. В 123 г. с отрядом войск всего в 500 человек он занял без сопротивления сюннов район Иу (Хами), на севере которого в поселении Лючжун основал свою ставку. В 125 г. с помощью присланной ему шеститысячной ханьской конницы разгромил и подчинил царство Чеши дальнее (Цицзяоцзин). Этим исчерпываются победы Бань Юна в этом крае. В 127 г. по его инициативе, но без его непосредственного участия трехтысячная ханьская конница во главе с Чжан Ляном напала на Яньци, правитель которой тут же заявил о подчинении Хань. Других конкретных сведений о покорении Бань Юном каких-то царств этого края в «Хоу Хань шу» нет. И потому голословные утверждения в этой истории о подчи-

нении ему всего Западного края совершенно не заслуживают доверия, как и, несомненно, основанное на них приведенное выше суждение Фань Е (см. с. 48) о подчинении Бань Юну Гуйцы, Шулэ, Юйтянь, Шаче и других 17 царств. Безосновательны, следовательно, и заявление Э. Пуллиблэнка о том, что «после умиротворения Бань Юном Западного края китайская оккупация продолжалась в течение некоторого времени» (Пуллиблэнк, 1968, с. 255), и заявление Е. Цюрхера о «великой кампании Бань Юна, в течение которой (согласно 88 гл. ХХШ) он разгромил Кашгар, подчинил Кучу, Хотан, Яркенд и четырнадцать других царств» (Цюрхер, 1968, с. 355).

Однако в описаниях 10 царств из 23, приведенных в «Повествовании о западном крае» в «Хоу Хань шу», есть еще одна категория данных, которые воспринимаются некоторыми учеными как доказательство того, что Бань Юн правил всем Западным краем. Речь идет о расстояниях до этих царств от столицы Поздней Хань Лояна и от ставки *чжанши* в Лючжун.

Но в материалах «Хоу Хань шу» за период после отзыва из Западного края Бань Юна в 127 г. и до конца существования Поздней Хань военачальники в должности Сиюй-чжанши упоминаются еще только в описаниях трех безуспешных попыток Хань вмешаться в дела царств по южной дороге: в 151 г. – Юйтянь, в 170 г. – Шулэ и в 175 г. – Цзюйми (ХХШ, гл. 88, с. 2916, 2927, 2915), причем об их ставках вообще не говорится. Очевидно, что расстояния до 10 царств определены от ставки *чжанши* Бань Юна в Лючжун. И определил их, как и расстояния от Лояна до них, сам Бань Юн. Однако расстояния до царств Западного края были просто рассчитаны им, как увидим ниже, по данным «Хань шу», которая не так давно была составлена его дядей Бань Гу и потому была известна ему и доступна.

Так, указанные в «Хоу Хань шу» расстояния от Лояна до царств Западного края либо точно равны сумме расстояний от Чанъани до них, указанных в «Хань шу», и расстояния от Лояна до Чанъани, либо немного меньше ее, как до Чеши дальнего и Яньци, либо немного больше ее, как до Чеши ближнего, Восточного Цеми, Юйтянь. Расстояния же до Пулэй и Цзюйми превосходят эту сумму на 1180 и 790 ли. Столь же произвольно, как и в последнем случае, определены расстояния от Лояна до царств, лежавших вне пределов собственно Западного края (Восточного Туркестана) – Сие, Дэжо, Аньси и Большого Юэчжи.

Кроме того, расстояния от Лояна до пяти царств по северной дороге, только и описанных в «Хоу Хань шу», определены в той

же последовательности расположения этих царств по северному караванному пути, что и в «Хань шу»: от Юймэньгуань на запад до царства Юйли (Чара), из него на север в Яньци (Карашар) и оттуда в Чеши ближнее (Турфан), а потом на восток в Чеши дальнее (Цицзяоцзин) (об этом см.: Боровкова, 1989, с. 43–54). А между тем, согласно сообщению в «Хань шу» (гл. 96/2, с. 3924), в 1–5 гг. н.э. был открыт «новый путь» в Чеши дальнее, значительно более короткий и удобный – из Юймэньгуань на север в Иу (Хами) и оттуда на запад прямо в Чеши дальнее и затем в Чеши ближнее. Быстро он стал основным путем в Западный край. По нему наступали из Иу на Чеши дальнее ханьские войска в 73–75 гг. и сам Бань Юн в 125 г., а не по прежнему круговому пути через Яньци, в те годы неподвластное Хань.

Данные же о расстояниях до царств от ставки чжанши сомнительны уже потому, что поселение Лючжун, в котором он основал ставку в 123 г., локализовано в двух местах. В одном случае оно указано в 80 ли от столицы Чеши ближнего, но по сведениям в биографии Бань Юна, он якобы завоевал это царство только в 124 г. Следовательно, не мог он в 123 г. основать в нем свою ставку. В другом случае Бань Юн верно указал 500 ли от своей ставки до Чеши дальнего, которое он завоевал в 125 г., а от этого царства до Чеши ближнего было, судя по разнице указанных им расстояний до них от Лояна, тоже 500 ли (ХХШ, гл. 88, с. 2928), тогда как по точным данным «Хань шу» между ними было 800 ли (ХШ, гл. 96/2, с. 3621). Это доказывает, что Бань Юн сам в Чеши ближнее (Турфан) не ходил. Несомненно, учтя эти явные несуразности, Фань Е в своем введении к этой главе локализовал Лючжун и, значит, ставку чжанши не в Чеши ближнем, а к северу от Иу (Хами). Поэтому неясно, от какого из этих двух мест нахождения ставки чжанши, реального или выдуманного, рассчитывал Бань Юн расстояния до царств Западного края.

Не удивительно, что анализ данных об этих расстояниях доказывает их полную произвольность. Не считая возможным рассматривать здесь все эти данные по причине большого объема сложных расчетов и пояснений, покажем это на наиболее простых и ясных примерах. Так, от ставки чжанши до Шулэ (Кашгар) расстояние определено в 5000 ли, а до Юйтянь (Хотан) – в 5300 ли. Согласно этим данным, между двумя царствами было всего 300 ли. Судя же по разнице расстояний до них от Лояна, явно рассчитанных Бань Юном по достоверным данным «Хань шу», между ними было 1400 ли, по «Хань шу» – 1320 ли (об этом см.: Боровкова, 1989, с. 41–42). Расстояние от ставки чжанши до

Юйтянь определено в 5300 ли, а до лежавшего к юго-западу от него и, значит, дальше царства Дэжо – меньше, в 3500 ли, хотя, согласно приведенным тут же расстояниям от Лояна, от него до Юйтянь было 11 700 ли, а до Дэжо – дальше, 12 150 ли. Недостоверно и расстояние от ставки чжанши до Большого Юэчжи (Кушанское царство), что показало специальное рассмотрение его в следующей главе.

Сведения о расстояниях от Лояна и от ставки чжанши до царств Западного края Бань Юн не мог рассчитать, записать и сообщить дворцовым историографам, пока он с лета 123 г. до лета 127 г. непрерывно находился в Западном крае. А в докладах императору, даже если бы он их писал, но сведений о которых в истории нет, просто сообщать такого рода данные не полагалось. Сделал он это, скорее всего, после того, как был оправдан и выпущен из тюрьмы.

Проведенное исследование сведений «Хоу Хань шу» о деятельности Сиюй-чжанши Бань Юна в Западном крае и о расстояниях от Лояна и от ставки чжанши до царств этого региона не дает, с нашей точки зрения, ни малейшего основания считать, что он завоевал весь Западный край, стал его правителем и что при нем и некоторое время после его отзыва Поздняя Хань оккупировала этот край и содержала в нем свои гарнизоны.

В целом же исследование по материалам «Хоу Хань шу» политической ситуации в Западном крае (Восточный Туркестан) с начала существования Поздней Хань в 25 г. до конца первой трети II в. н.э. показало следующее.

На северо-востоке Западного края Поздняя Хань три раза, в 73–76 гг., в 89–91 гг. и в 123–127 гг., использовала войска с целью разгромить северных сюннов и закрепиться в районе к западу от Иу (Хами) до Чеши ближнего (Турфан). Но каждый раз после небольшого и кратковременного успеха ее войска покидали этот район. При этом все другие царства, лежавшие по северной, притяньшаньской, дороге во главе с крупнейшим царством Гуйцы (Куча), оставались подвластными сюннам.

На юге Западного края ханьский военачальник среднего ранга Бань Чао с 73 по 87 г. подчинил все царства по южной, прикуньлуньской, дороге и контролировал их до 102 г. Благодаря этому в 87 г. ко двору Поздней Хань первый и последний раз за все время ее существования прибыл посол из Большого Юэчжи (Кушанского царства). Но когда он возвращался домой, Бань Чао, находившийся в Шулэ, несомненно, по приказу императора «задержал» его, а скорее всего убил. Поэтому в 90 г. войско Кушанского

царства пришло в Шулэ «покарать» Бань Чао, но, не имея запасов продовольствия, быстро покинуло Шулэ и вернулось домой. Эти два факта отнюдь не свидетельствуют о распространении влияния Кушанского царства в Западном крае и о его борьбе с Поздней Хань за контроль над ним.

Что же касается сведений о Кушанском царстве и его истории, записанных ханьскими дворцовыми историографами, то сообщить их мог только посол этого царства, явно высокопоставленный сановник, судя по тому, что он прибыл с важным государственным поручением – просить в жены своему царю ханьскую принцессу, и потому принятый при дворе.

Глава V

СОЗДАНИЕ КУШАНСКОГО ЦАРСТВА И ПРАВЛЕНИЕ ДВУХ ПЕРВЫХ ЕГО ЦАРЕЙ

Проведенное в начале работы исследование материалов «Ши цзи» и «Хань шу» позволило выявить и хронологизировать основные события и этапы в истории народа юэчжи в период существования империи Ранняя Хань с конца III до начала I в. н.э. Изначально царство Юэчжи находилось в Ганьсуском коридоре. Когда же в 167 г. до н.э. оно было разгромлено сюннами, изгнанные отсюда юэчжи ушли на запад в долину р. Или. В начале 163 г. до н.э., потерпев здесь поражение от усуньского куньмо, они ушли в земли Дася. Потерпев поражение от Дася, т.е. от Греко-Бактрийского царства Евкратида, они примерно в начале 162 г. до н.э. подчинились ему и создали царство Большое Юэчжи в самых северных землях Дася к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи). На рубеже 100–99 гг. до н.э. Большое Юэчжи завладело лежавшей к югу от р. Гуйшуй Дася (Северной Бактрией), ранее распавшейся после смерти Евкратида в 155 г. до н.э. на мелкие владения. Анализ археологических и нумизматических данных показал, что царство юэчжей просуществовало на землях бывшей Дася до того времени, как оно было преобразовано в Кушанское царство.

Исследование материалов «Хоу Хань шу» о политической ситуации в Западном крае (Восточном Туркестане) дало возможность выяснить обстоятельства и время – 87 г. н.э., – когда при дворе империи Поздняя Хань получили достоверные сведения о преобразовании Большого Юэчжи в Кушанское царство и о правлении его двух первых царей. Сведения эти изложены в описании Большого Юэчжи (Кушанского царства) в главе «Повествование о западном крае» «Хоу Хань шу». Это единственный письменный источник, в котором в хронологической последовательности опи-

сан, хотя и кратко, первый этап истории Кушанского царства. Поэтому необходимо самое тщательное исследование его, исходя из установленных выше дат и событий предшествующей истории юэчжей.

Мятеж Гуйшуан-сихоу Куджулы Кадфиза и превращение Большого Юэчжи в Кушанское царство (ок. 20 г. н.э.)

В описании Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу» сказано: «Царство Большое Юэчжи. [Правитель] пребывает в г. Ланьши. На западе [оно] смежно с Аньси, [до которой] 49 дней пути. На восток до ставки *чжанши* 6537 ли, а [до столицы Поздней Хань] Лояна 16 370 ли. [В нем] 100 тыс. дворов, 400 тыс. ртов и более 100 тыс. отборных войск.

Первоначальное [царство] Юэчжи было уничтожено [державой] Сюнну, и [народ его] затем переселился в Дася. [Правитель] выделил в своем царстве пять [владений] подвластным [ему] *сихоу*: Сюми, Шуанми, Гуйшуан, Сидунь и Думи. Спустя сто с лишним лет Гуйшуан-сихоу [по имени] Цюцзюцю напал и уничтожил [владения] четырех [других] *сихоу*, сам вступил на трон и стал правителем. Царство стало называться Гуйшуанским (Кушанским. – *Л.Б.*). [Он] вторгся в Аньси и заполучил Гаофу, а еще уничтожил Пуда и Цзибинь и полностью завладел этими царствами. Цюцзюцю умер в 80 с лишним лет. Сын Яньгаочжэнь вместо него стал правителем. [Он] уничтожил еще Тяньчжу и назначил одного военачальника надзирать и управлять ею. С этого времени Юэчжи стало чрезвычайно богатым и процветающим. Все царства называли его (Яньгаочжэня. – *Л.Б.*) Гуйшуанским царем. В Хань же, основываясь на своем прежнем названии [его царства], говорили о Большом Юэчжи» (ХХШ, гл. 88, с. 2920–2921).

Как видим, Фань Е, составивший «Хоу Хань шу» в V в., построил описание по образцу, созданному Сыма Цянем и Бань Гу: первая часть содержит общие сведения о царстве, а вторая – повествование о его истории.

В первой части описания почти все данные о Кушанском царстве совпадают с данными о царстве Большое Юэчжи в его описании в «Хань шу»: о столице в г. Ланьши, о 49 днях пути на запад до Аньси, о численности дворов, ртов и войск в нем. Отличаются только указанные в «Хань шу» данные о расстояниях до столицы Ланьши от столицы Ранней Хань Чанъани и от ставки

духу, существовавшей в 59 г. до н.э. – 15 г. н.э., а в «Хоу Хань шу» – от столицы Поздней Хань Лояна и от ставки *чжанши*, т.е., как мы выяснили в четвертой главе, ставки Бань Юна, существовавшей только в 123–127 гг.

Естественно поэтому заключить, что совпадающие данные Фань Е взял из «Хань шу», следуя примеру Бань Гу, повторявшего не только отдельные сведения о событиях II в. до н.э., но и целые главы из «Ши цзи» Сыма Цяня. Наиболее убедительно подтверждают это заимствование из «Хань шу» данные о 100 тыс. дворов, 400 тыс. ртов и более чем стотысячном войске. Во второй главе настоящей работы выяснено, что эти данные ханьские послы получили от четырех северных юэчжийских *сихоу* в первые года два после того, как Большое Юэчжи на рубеже 100–99 гг. до н.э. заняло Дася с ее более чем миллионным населением. Очевидно, что эти сихоу еще не знали о численности населения Дася и сообщили послам только численность населения собственно Большого Юэчжи.

Однако есть основание полагать, что г. Ланьши, бывший столицей Дася во II в. до н.э. и Большого Юэчжи в I в. до н.э., действительно оставался и столицей Кушанского царства по крайней мере при первых двух его царях. Об этом свидетельствует как сообщение о заключении незадолго до 84 г. династического брака между правителями Кушанского царства и его ближайшего северного соседа царства Канцзюй, контролировавшего к тому времени, как показано в четвертой главе данной работы, царство Давань (Фергана), так и согласующееся с ним сообщение о том, что в 90 г. кушанское войско, посланное покарать Бань Чао, прибыло в Шулэ (Кашгар), перевалив через Цунлин, как тогда назывался Заалайский хребет, через который со времен Ранней Хань шел путь из Шулэ в Давань и Большое Юэчжи с его столицей Ланьши.

По этому пути определены, конечно, и указанные в описании расстояния от Лояна до Кушанского царства, т.е. до его столицы Ланьши, в 16 370 ли и от ставки чжанши в 6537 ли. Однако, как доказывают следующие расчеты, они определены произвольно. От Лояна до Шулэ было, по данным «Хоу Хань шу», 10 300 ли (ХХШ, гл. 88, с. 2926), что точно соответствует сумме расстояний от Лояна до Чанъани в 950 ли (ХХШ, гл. 29, с. 0704/2) и от Чанъани до Шулэ в 9350 ли (ХШ, гл. 96/1, с. 3898). Судя по разности расстояний от Лояна до Ланьши в 16 370 ли и до Шулэ в 10 300 ли, между Шулэ и Ланьши было 6070 ли. Но от ставки *чжанши* до Шулэ указано в «Хоу Хань шу» 5000 ли (ХХШ, гл. 88, с. 2926), а

до Ланьши – 6537. В этом случае расстояние от Шулэ до Ланьши оказывается равным всего 1537 ли, т.е. почти в три раза меньшим, чем по разности расстояний до них от Лояна. А проведенный в первой главе данной работы расчет по сведениям Чжан Цяня и точным данным «Бэй ши» и «Синь Тан шу» (с. 26–27) показал, что расстояние от Шулэ до г. Ланьши составляло 4000 ханьских ли. Это на треть с лишним больше, чем указанное в «Хоу Хань шу» расстояние до него от ставки чжанши, и всего на треть меньше, чем расстояние до него от Лояна.

Произвольность этих данных о расстояниях в «Хоу Хань шу» объясняется тем, что, как мы выяснили в четвертой главе, они рассчитаны Бань Юном. А он не мог ни по своему статусу военачальника среднего ранга, ни по ограниченности времени и места своего пребывания в Западном крае (в районе Хами-Турфана) получить данные, тем более точные, о расстояниях до неподвластных ему царств края и за его пределами, ни другие сведения о них.

Так что из общих данных о Кушанском царстве, приведенных в первой части его описания в «Хоу Хань шу», заслуживает доверия лишь сообщение, явно кушанского посла, о местонахождении его столицы в г. Ланьши, бывшей столицей Дася во II в. до н.э. и царства Большое Юэчжи в I в. до н.э. А проведенное в первой главе исследование позволило определить, что г. Ланьши находился на месте очень большого древнего городища, открытого советскими археологами у г. Шахринау в 44 км западнее Душанбе. Из всего этого очевидно, что ядром Кушанского царства была Северная Бактрия.

Во второй части описания Большого Юэчжи (Кушанского царства) в «Хоу Хань шу» изложена история преобразования царства Большое Юэчжи в Кушанское и завоеваний, предпринятых первыми двумя кушанскими царями.

В первой фразе этой части сказано о двух очень давних, как мы выяснили, событиях в истории юэчжей – о разгроме державой Сюнну их царства Юэчжи в Ганьсуском коридоре и о последовавшем за этим их переселении в земли Дася. Исследование, проведенное ранее (Боровкова, 1991, с. 84–92; она же, 2001, гл. 3) и в первой главе данной работы, позволило выяснить, что первое из этих событий произошло в 167 г. до н.э., а второе – переселение в земли Дася – в 162 г., т.е. в период правления Греко-Бактрийским царством Евкратида (170–155).

Во второй фразе второй части описания говорится о событии, датировка которого имеет решающее значение для определения

времени создания Кушанского царства и начала правления его первого царя. Вот ее дословный перевод с транскрипцией: «[Правитель] выделил (*фэнь*) в своем царстве (*ци го*) [владения] пяти (*у*) подвластным (*бу*) *сихоу*: Сюми, Шуанми, Гуйшуан, Сидунь и Думи».

Другие синологи, связав эту фразу с первой, перевели ее иначе. Н.Я. Бичурин: «Когда Дом Юэчжи был уничтожен хуннами, то он переселился в Дахя, разделился на пять княжеских домов: ...» (т. 2, с. 227). Е. Цюрхер: «Прежде, когда юэчжи были разгромлены сюннами, они двинулись в Дася и разделили свою страну на пять *сихоу* (*ябгу*): ...» (Цюрхер, 1968, с. 367). Э. Пуллиблэнк: «Первоначально Большие Юэчжи, будучи разгромлены сюннами, переселились в Дася (Бактрию). Они разделили страну между пятью *сихоу* (*ябгу*):...» (Пуллиблэнк, 1968, с. 247). Согласно этим переводам юэчжи разделили свою страну на пять владений сихоу сразу после того, как они обосновались в Дася. И специалисты по истории Бактрии видят в этой фразе доказательство распада Бактрии после завоевания ее юэчжами, относимого ими к 140–130 гг. до н.э.

С нашей точки зрения представленные переводы рассматриваемой фразы не совсем точны. Во-первых, иероглиф *фэнь* означает не только «делить» на, но и «выделять» часть из целого; во-вторых, делить страну на части или выделять в ней отдельные владения мог в те времена отнюдь не народ, а правитель; в-третьих, нельзя делить страну на *сихоу* (князей), а можно лишь делить ее или выделять в ней **владения** *сихоу*, т.е. князей; в-четвертых, не переведен иероглиф *бу*, стоящий перед *сихоу*, имеющий, кроме прочих, значение «подвластный», т.е. определяющий пять сихоу как подвластных явно правителю Большого Юэчжи, каковыми они названы и в «Хань шу». К тому же в рассматриваемых фразах нет и намека на то, что выделение владений пяти сихоу произошло сразу после переселения юэчжей в земли Дася к северу от р. Гуйшуй.

Проведенное исследование ранней истории юэчжей по материалам «Ши цзи» и «Хань шу» в двух первых главах данной работы показало, что между этими двумя событиями прошло более полувека.

Юэчжи, разгромленные в 167 г. до н.э. Лаошан-шаньюем и изгнанные со своей родины в Ганьсуском коридоре, бежали и переселились в долину Или. Но в начале 163 г. сюннуские войска, возглавляемые усуньским куньмо, разгромили их и изгнали отсюда. Юэчжи были вынуждены снова переселяться. Примерно в начале 162 г. они вышли к западу от Давань (Ферганы) в земли

Дася, т.е. Греко-Бактрийского царства, которым тогда правил Евкратид (170—155). Несомненно, что юэчжи, изнуренные предшествующими войнами и дальними переселениями, столкнувшись с его войсками, потерпели поражение и подчинились ему, а не он им. Евкратид позволил им поселиться в пригодных для кочевников землях к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи), где они и создали свое царство Большое Юэчжи. А к югу от него и этой реки продолжало существовать Греко-Бактрийское царство. Но после гибели в 155 г. до н.э. Евкратида, названного античными авторами правителем тысячи городов, его царство распалось на мелкие владения.

Как раз такую политическую ситуацию застал побывавший в этом регионе в 129—128 гг. до н.э. посол Хань Чжан Цянь. Он нашел Большое Юэчжи, лежавшее к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи), кочевым централизованным царством с наследственным правителем во главе. Столица его представляла собой ставку кочевого правителя (*тин*), а не город (*чэн*), поскольку городов у кочевников юэчжей не было. Дася же, лежавшая к югу от Большого Юэчжи и Гуйшуй, оказалась многонаселенной земледельческой страной с множеством городов, но политически раздробленной на мелкие владения. Город Ланьши, явно по традиции, считался столицей ее и находился, как показало исследование, в Северной Бактрии на месте открытого советскими археологами огромного древнего городища у г. Шахринау в 44 км западнее Душанбе.

До конца II в. до н.э. сведения об изменении положения в Дася и в Большом Юэчжи не поступали в Хань, хотя именно в последние полтора десятка лет этого века посольские связи ее с царствами к западу от Давань и, значит, с Дася и Большим Юэчжи, развивались необычайно интенсивно.

Только в «Хань шу», в описаниях Большого Юэчжи и его соседей, появились новые данные, исследование которых позволило установить, что они были получены в Хань от ее послов, отправленных У-ди в середине 99 г. до н.э., первый и последний раз в I в. до н.э., в царства к западу от Давань и, следовательно, побывавших в Большом Юэчжи в 98 г. Эти данные неопровержимо доказывают, что Большое Юэчжи, бывшее во II в. до н.э. кочевым царством, на рубеже 100—99 гг. до н.э. завладело Дася и потому сразу превратилось в земледельческое царство. И столицей его вместо ставки кочевого правителя стала бывшая столица Дася город Ланьши.

Более того, согласно впервые приведенным в «Хань шу» сведениям о пяти юэчжийских сихоу, их ставки тоже были города-

ми. Уже это дает основание заключить, что ставки юэчжийских сихоу были учреждены в городах бывшей Дася, так как до поглощения Дася на рубеже 100–99 гг. до н.э. юэчжи-кочевники городов не имели. И действительно, исследование вопроса о местонахождении городов-ставок этих пяти сихоу показало, что они лежали к югу от р. Гуйшуй (Сырдарьи), т.е. действительно в северных землях бывшей Дася. Города-ставки первых четырех из них (Сюми-сихоу, Шуанми-сихоу, Гуйшуан-сихоу и Сидунь-сихоу) располагались друг за другом на небольшом отрезке (в 160 км) древнего Великого караванного пути из Хань (Китай) в Аньси (Парфию), между нынешними городами Худжанд и Хаваст, город же, бывший ставкой пятого, Гаофу-сихоу – к югу от ставки четвертого сихоу, в районе нынешнего Хаваста, в 53 км по караванному пути, нынешнему Душанбинскому тракту, в районе нынешнего Ура-Тюбе. Очевидно, что владения названных пяти сихоу занимали лишь малую часть Большого Юэчжи, овладевшего Дася, а не всю его огромную территорию.

А тот факт, что в «Хоу Хань шу» пятым назван Думи-сихоу вместо Гаофу-сихоу в «Хань шу», во-первых, доказывает, что сообщение в ней о пяти юэчжийских сихоу не является повторением текста из «Хань шу» и, во-вторых, подтверждает множественность сихоу в Большом Юэчжи – владение Гаофу-сихоу по какой-то причине (прервался род, глава осужден и т.п.) передано другому, Думи-сихоу. И когда составитель «Хоу Хань шу» Фань Е в описании царства Гаофу утверждает, что Гаофу-сихоу упомянут в «Хань шу» по ошибке, он неправ, и это станет очевидно ниже, после рассмотрения сведений об этом царстве.

Но почему же в обеих историях говорится только об этих пяти сихоу? В «Хань шу» о них сказано, несомненно, потому, что лишь они, чьи владения и ставки лежали по Великому караванному пути из Хань на запад, были обязаны снабжать ханьских и, вероятно, иных иноземных послов продовольствием, а в «Хоу Хань шу» – потому, что один из них, Гуйшуан-сихоу, разгромил сначала четырех других сихоу, своих соседей, а затем захватил власть над всем Большим Юэчжи, преобразовав его в Кушанское царство.

Выяснив, о чем говорится в первых двух фразах описания Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу», перейдем к подробному анализу следующих за ними сведений о преобразовании Большого Юэчжи в Кушанское царство:

«Спустя сто с лишним лет Гуйшуан-сихоу [по имени] Цюцзюцю напал и уничтожил [владения] четырех [других] *сихоу*, сам

вступил на трон и стал правителем. Царство стало называться Гуйшуанским (Кушанским. – *Л.Б.*)» (ХХШ, гл. 88, с. 2921).

Очевидны как сущностная связь между выделением владений пяти сихоу и государственным переворотом, совершенным более ста лет спустя одним из этих пяти сихоу, так и хронологическая последовательность их. Поэтому нет сомнения в том, что сто с лишним лет до переворота отсчитаны именно от даты выделения владений пяти сихоу. Следовательно, определение этой даты является главным условием для выяснения времени создания Кушанского царства.

Представленное детальное комплексное историческое, источниковедческое и историко-географическое исследование материалов «Ши цзи» и «Хань шу» о ранней истории юэчжей и созданного ими царства Большое Юэчжи в их строго хронологической последовательности позволило установить, что владения названных пяти сихоу были выделены в Большом Юэчжи сразу после того, как это царство на рубеже 100–99 гг. до н.э. завладело Дася (Северной Бактрией). Так что государственный переворот, совершенный Гуйшуан-сихоу сто с лишним лет спустя, произошел, несомненно, в начале I в. н.э., скорее всего во втором его десятилетии.

Уточнить дату переворота позволяет, полагаем, сообщение о прибытии морем в 13 г. н.э. к императору Августу посла из Бактрии (Массон М., 1951, с. 40). Если и не от этого посла исходили сведения, дошедшие до Страбона (63 г. до н.э. – 28 г. н.э.), о занятии Бактрии четырьмя племенами кочевников, то он, во всяком случае, их не опроверг и не дополнил. В сообщении Страбона: «Наиболее известны те из кочевников, которые отняли у эллинов Бактриану, а именно асии, пасианы, тохары и сакаравалы, вышедшие с того берега Яксарта, что подле саков и согдианов и занят саками» (цит. по: Массон, Ромодин, 1964, с. 132), – речь идет, несомненно, о событии рубежа 100–99 гг. до н.э., когда юэчжи мирно переправились с северного берега р. Гуйшуй (Яксарта, Сырдарьи) и завладели лежавшей к югу от нее Дася (Северной Бактрией). Ведь в сообщении Страбона ничто не напоминает более ранние события (переселение юэчжей и их войну с Дася во II в. до н.э.) и более поздние (государственный переворот и создание Кушанского царства в I в. н.э.). Следовательно, можно предполагать, что до 13 г. н.э. Кушанское царство еще не существовало.

Создание его было, несомненно, не одномоментным актом, а заняло у Гуйшуан-сихоу Цюцзюцю, идентифицированного с Куд-

жулой Кадфизом монетных легенд, значительный период времени. Ведь ему надо было сначала разгромить четырех сихоу, чьи владения соседствовали с его владением на востоке, западе и юге, затем пробиться к столице Ланьши (Шахринау) по караванному пути, нынешнему Душанбинскому тракту, проходящему через три высоких горных хребта, разгромить правительственные войска и завладеть ею. Так что Гуйшуан-сихоу Куджула Кадфиз сверг правителя Большого Юэчжи и сам стал царем Гуйшуанского (Кушанского) царства, по-видимому, около 20 г. н.э. Как видим, основанное им царство получило название по наименованию его титула — Гуйшуан. Следовательно, название «кушаны» было не этническим, а политическим. Обратим внимание на то, что дворцовые историографы Поздней Хань умолчали о свержении Куджулой Кадфизом законного правителя Большого Юэчжи и по-прежнему называли Кушанское царство Большим Юэчжи, отражая, вероятно, нежелание императора признавать узурпаторов царской власти.

Но почему же именно один из пяти сихоу, владения которых, как выяснилось выше, были маленькими и находились на крайнем севере огромного царства Большое Юэчжи, восстал, сумел разгромить и свергнуть своего, казалось бы, могущественного правителя?

Выше мы высказали предположение, что юэчжи, завладев Дася в 100—99 гг. до н.э., не все покинули свои земли к северу от р. Гуйшуй (Сырдарьи) и к югу от Канцзюй, ставшие для них за истекшие 60 лет после переселения сюда второй родиной. Та часть их, что осталась здесь, продолжала, несомненно, сохранять привычный кочевой образ жизни и подчиняться непосредственно пяти сихоу, основавшим ставки в городах бывшей Дася на караванном пути, проходившем к югу от этой реки. И вряд ли можно усомниться в том, что пять сихоу, имея конницу из соплеменников-кочевников и постепенно обогащаясь за счет части доходов с контролируемого ими главного торгового пути региона, все более усиливались. А так как связь со столицей царства г. Ланьши (Шахринау) из-за дальности и сложности пути была затруднена, они становились все независимее от центральной власти.

В то же время правители Большого Юэчжи, жившие из поколения в поколение в г. Ланьши среди бактрийской знати, без опоры на которую они не могли бы управлять более чем миллионом бактрийцев-земледельцев и горожан, постепенно ассимилировались, утрачивая свою этническую особость. Все это не могло не вызывать недовольство той части юэчжийской знати, которая сохраняла свой кочевой образ жизни в северных землях и в Биш-

кентской долине, но все менее и менее привлекалась к участию в управлении царством. Неудивительно поэтому, что один из пяти северных сихоу, имевших конницу и разбогатевших, дерзкий, талантливый и, как увидим далее, молодой, восстал и, используя это недовольство, сумел победить.

Но борьба Гуйшуан-сихоу Куджулы Кадфиза с царем Большого Юэчжи носила, по-видимому, и межплеменной характер. Предполагать это позволяют, с нашей точки зрения, следующие факты. Страбон сообщил, что асии, пасианы, тохары и сакаравалы – четыре племени, вышедшие с северного берега Яксарта (Сырдарьи), отняли у эллинов Бактриану. А Помпей Трог в дошедшем до нас названии главы его утраченного труда писал уже об «асианах, царях тохаров, уничтожении сарауков» (Нарайн, 1957, с. 129, прим. 6). Несмотря на некоторые отличия в написании названий части племен, вряд ли можно усомниться в том, что в этих сообщениях двух античных авторов речь идет об одних и тех же племенах и что Помпей Трог говорил о более позднем событии в их истории, о котором Страбон не успел узнать до своей смерти в 23 г. н.э. Поэтому нам представляется верной точка зрения В.М. Массона и В.А. Ромодина на суть события, отмеченного Трогом: «Совершенно ясно, что в этом тексте идет речь о каких-то междоусобицах среди племен, опрокинувших греко-бактрийское царство, причем одно из этих племен покорило соседей. Скорее всего, данный текст представляет собой западную параллель рассказу китайской хроники о возвышении владения Гуйшуань» (Массон, Ромодин, 1964, с. 155, прим. 78)*.

Свидетельство Помпея Трога позволяет заключить, что Гуйшуан-сихоу Куджула Кадфиз был главой племени асиев или асианов, а свергнутый им правитель Большого Юэчжи – главой племени тохаров, несомненно, самого многочисленного среди юэчжей, поскольку после гибели позднего Кушанского царства в V в. бывшая Бактрия стала называться Тохаристаном.

О межплеменном характере борьбы Куджулы Кадфиза свидетельствует, с нашей точки зрения, и установленный исследователями следующий факт: в собственно кушанских памятниках название «тохары» не встречается, тогда как в античных, индийс-

* Сообщение Помпея Трога об асианах, ставших царями тохаров, о чем не знал умерший в 23 г. н.э. Страбон, дает основание полагать, что он жил в I в. н.э., но позже Страбона, а предположения о том, что Помпей Трог жил в I в. до н.э. – I в. н.э. и свой труд написал в 19–2 гг. до н.э. (Ставиский, 1977, с. 32) или что он умер в 14 г. н.э. (Нарайн, 1957, с. 67, прим. 3), т.е. раньше Страбона, считать ошибочными.

ких, тибетских и китайских источниках упоминаются именно «тохары», а не «кушаны» (Бонгард-Левин, 1969, с. 481).

В этом случае тем более трудной и длительной представляется борьба Куджулы Кадфиза, главы племени асиев (асианов), провозглашенного царем в столице Ланьши около 20 г., за подчинение всего обширного царства Большое Юэчжи, подавляющую часть населения которого составляли бактрийцы и тохары. Вполне вероятно, что другие юэчжийские сихоу и знатные бактрийцы, владения которых находились в других районах Большого Юэчжи, не желая подчиняться узурпатору, тоже стали провозглашать себя царями. Для приведения их к покорности потребовался, видимо, не один год. Можно предположить, что Куджула Кадфиз объединил все земли бывшего царства Большое Юэчжи к 25 г. н.э. На закрепление же его власти над примерно полутора миллионами бактрийцев и тохаров политико-административными и экономическими мерами ушло, возможно, не одно десятилетие. Лишь после этого он мог решиться на внешние завоевания.

В ряду экономических мер одной из важнейших должен был стать выпуск Куджулой Кадфизом своих монет, без чего добиться экономической стабилизации в созданном им царстве вряд ли было бы возможно. Но, как ни странно, в Северной Бактрии, на землях которой вместо Большого Юэчжи и появилось Кушанское царство, монет, чеканенных от имени первого кушанского царя Куджулы Кадфиза, не найдено. Однако здесь часто и в очень большом числе встречаются монеты безымянного царя с титулом «царь царей великий спаситель», кратко называемого исследователями по двум последним греческим словам этого титула – «сотера мегаса». Ученые расходятся во мнении – кто же был этим безымянным царем – Куджула Кадфиз или кто-то другой. Остановимся на данном вопросе после рассмотрения сведений о завоеваниях Куджулы и его сына Вимы Кадфиза, чтобы понять, почему именно на территориях завоеванных ими царств найдено немало монет, чеканенных от имени первого из них, но таких находок нет в коренных землях кушан.

Экспансия Кушанского царства при Куджуле Кадфизе. Покорение царств Гаофу, Пуду и Цзибинь

В описании Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу» после сведений о превращении его в Кушанское царство очень кратко сказано, что Куджула Кадфиз «вторгся в Аньси и завладел Гаофу» (ХХШ,

гл. 88, с. 2921). Но затем более детальные сообщения, изложенные в этой истории в описании царства Гаофу после описания Большого Юэчжи, дают возможность составить более полное представление о начальной стадии экспансии Кушанского царства. В этом описании сказано:

«Царство Гаофу находится к юго-западу от Большого Юэчжи. Это также большое царство. Его обычаи подобны [обычаям] Тяньчжу, но [оно] слабее [ее] и легко подчиняется. [Народ его] искушен в торговле, скрывает богатство в деньгах. [Гаофу] находилось в зависимости не всегда. Три царства: Тяньчжу, Цзибинь и Аньси – усиливаясь, завладевали им, слабея, теряли его. Но [оно] никогда не подчинялось Большому Юэчжи, и в «Хань шу» перечислено в ряду [его] пяти сихоу ошибочно. Наконец оно подчинилось Аньси. [И только] когда Большое Юэчжи нанесло поражение Аньси, [оно] впервые завладело Гаофу» (ХХШ, гл. 88, с. 2921).

Согласно этому описанию, Куджула Кадфиз не только вторгся в Аньси, но и нанес ей поражение, причем столь тяжелое, что затем смог завладеть подвластным ей до этого большим царством Гаофу. Так как Аньси находилась к западу от Кушанского царства, а Гаофу – к юго-западу, то есть основание предположить, что он вторгся в Аньси на стыке их владений из юго-западного района своего царства, возможно, из того, где теперь на юго-востоке Туркмении археологи открыли Бабашевский кочевнический курганный могильник.

Но Гаофу названо большим царством. Составить общее представление о том, где простирались его владения, позволяют сведения в описании Тяньчжу в «Хоу Хань шу»:

«Тяньчжу еще называется Шэньду. Находится в нескольких тысячах ли к юго-востоку от Юэчжи. ... К юго-западу от подчиненного (*цун*) Юэчжи царства Гаофу до западного моря и на восток [от него] до царства Паньци – все это земли Шэньду. В Шэньду несколько сот отдельных городов, учреждавших [своих] глав, и несколько десятков царств, учреждавших [своих] правителей. Хотя каждое [из них] немного и отличается от других, но все они называются Шэньду. В это время все подчиняются Юэчжи. Юэчжи убило их правителей и назначило [своих] военачальников управлять их людьми» (ХХШ, гл. 88, с. 2921).

Поскольку в приведенном отрывке говорится о том времени, когда Гаофу и Тяньчжу находились уже под властью Юэчжи, т.е. Кушанского царства, и далее в описании сказано о послах из Тяньчжу, побывавших в Поздней Хань в 159 и 161 годах, то очевидно,

что изложенные сведения были получены именно от этих послов и потому заслуживают доверия.

Итак, Тяньчжу еще называлась Шэньду и находилась в нескольких тысячах ли (1000 ли равнялась 400 км) к юго-востоку от Кушанского царства. Так как из последующего описания Большого Юэчжи (Кушанского царства) следует, что царство Цзибинь (Северная Индия) было завоевано Кушанским царством ранее Тяньчжу, то очевидно, что название «Тяньчжу» относилось к Центральной Индии.

Но далее в описании Тяньчжу говорится уже не о собственно Тяньчжу, а о Шэньду, Индии вообще, состоявшей из нескольких сот отдельных городов и нескольких десятков царств и простиравшейся от находившегося к юго-западу от Гаофу западного моря на восток до царства Паньци, тоже относившегося к ней. Так как царство Гаофу указано в его описании к юго-западу от Большого Юэчжи, соседствовавшего на западе с Аньси (Парфией), то находившееся еще далее к юго-западу от Гаофу западное море было, скорее всего, Персидским заливом. От него на восток явно вдоль побережья Аравийского моря и простирались земли Шэньду (Индии).

Согласно этим и ранее приведенным сведениям, царство Гаофу лежало между Аньси на западе и Тяньчжу на востоке, Большим Юэчжи на севере и Шэньду на юге. А так как Гаофу, Тяньчжу и все владения Шэньду подчинялись Кушанскому царству, то очевидно, что в середине II в. н.э. Кушанское царство было огромным – его владения простирались от царства Канцзюй на севере до Шэньду, включая ее, на юге, от Аньси на западе до Тяньчжу, включая ее, на востоке.

Сообщение о том, что Шэньду, т.е. Индией, называлась не только Тяньчжу, но и многочисленные царства, лежавшие от западного моря (Персидского залива) на восток до нее, заслуживает особого внимания при рассмотрении связей Рима и Парфии с Индией. Скорее всего, послы и торговцы прибывали в них чаще не из собственно Индии, а из этих более близких к ним царств Шэньду.

А теперь вернемся к сведениям о царстве Гаофу. Выясненное местонахождение его в основном совпадает с определенным нами во второй главе по материалам «Хань шу» расположением царства Уишаньли, существовавшего в I в. до н.э. между Аньси на западе и Цзибинь на востоке и к югу от Большого Юэчжи. О его южных пределах сведений не оказалось. Вряд ли можно усомниться в том, что царство Уишаньли в I в. н.э. было преобразовано в царство Гаофу. Так как ни Уишаньли по сведениям I в. до

н.э., ни созданное на его месте царство Гаофу до овладения им Куджулой Кадфизом не подчинялись Большому Юэчжи, то сообщение об этом в описании Гаофу представляется достоверным. Но неверно утверждение в описании Гаофу в «Хоу Хань шу» об ошибочности перечисления в «Хань шу» владения Гаофу-сихоу в ряду владений пяти других юэчжийских сихоу и о его отождествлении с царством Гаофу. Во второй главе нами выяснено местонахождение владения Гаофу-сихоу в районе нынешнего г. Ура-Тюбе к югу от Сырдарьи, тогда как царство Гаофу ясно локализуется к югу от Амударьи. Фань Е, составляя в V в. «Хоу Хань шу», не имел, конечно, представления об их местонахождении и идентифицировал их по тождеству названий. А это, в свою очередь, свидетельствует, что он не обратил еще внимания на то, что в древнем Китае, как, заметим, и до сего дня, разные географические объекты, расположенные в разных регионах, могли иметь одинаковые названия, как, например, Дася—Бактрия и уезд Дася, существовавший в административном районе Лунси-цзюнь при обеих империях Хань (ХШ, гл. 28/2, с. 1610; ХХШ, гл. 23, с. 3616).

Итак, по материалам «Хоу Хань шу» мы выяснили местонахождение царства Гаофу, но определить по ним время, когда Куджула Кадфиз нанес поражение Аньси и завладел потом этим царством, невозможно. Датировать эти два события, хотя и предположительно, позволяют, как нам представляется, некоторые сведения по истории Парфии. Так, известно, что примерно в 10 г. н.э. в Парфии была разгромлена проримская группировка и царем стал основатель младшей ветви Аршакидов Артабан III (ок. 10—40 гг.), при котором положение в стране более или менее стабилизировалось. Однако после его смерти между его племянниками Готарзом и Варданом разгорелась в 40-е годы борьба за трон (Массон, Ромодин, 1964, с. 148). В 47 г., по сообщению Тацита, во время их междоусобицы Вардан перенес лагерь на «поля Бактрии», с чем В. М. Массон и В. А. Ромодин связывают нападение Куджулы Кадфиза на Аньси (Массон, Ромодин, 1964, с. 159, прим. 7). Скорее всего, это событие действительно стало удобным поводом для Куджулы, чтобы, воспользовавшись ослаблением Парфии в результате внутренней смуты, вторгнуться в земли Аньси и, нанеся ей поражение, расширить свои владения на юге. Если это так, то он вторгся в Аньси, скорее всего, в 47 г., после чего и приступил к овладению подвластным ей Гаофу.

Все это согласуется, с нашей точки зрения, с предположением В. М. Массона и В. А. Ромодина о том, что Гаофу было царством Гондофара (Массон, Ромодин, 1964, с. 147, прим. 51). Они и мно-

гие другие ученые в общем согласны в том, что он правил в первой половине I в. н.э. долго, до 50 г. или даже позже (Массон, Ромодин, 1964, с. 147, 149; Бонгард-Левин, 1969, с. 478; Мак Дауэл, 1974, с. 246). Известны его монеты как индо-греческого типа, так и аршакидского, обнаруженные на обширной территории — от Гандхары (Цзибинь) на востоке до Сакастены к юго-востоку от Парфии (Массон, Ромодин, 1964, с. 147). Но особенно много его монет найдено в Беграме (к северу от Кабула) (Мак Дауэл, 1974, с. 249).

Эти данные о монетах Гондофара с учетом сообщения в описании Гаофу в «Хоу Хань шу» о том, что оно подчинялось то Тяньчжу, то Цзибинь, то Аньси и что накануне завоевания Кушанским царством им владела Аньси, позволяют предположить, что Гондофар был одним из индо-греческих правителей и чеканил индо-греческие монеты, а затем, скорее всего, в результате усиления Парфии при Артабане III подчинился ей и стал чеканить монеты аршакидского типа. Возможно, при нем царство Уишаньли стали называть царством Гондофара, а Гаофу — это китайская транскрипция его имени.

После смерти Гондофара, наступившей, по-видимому, примерно в то же время, когда скончался и Артабан III, его царство распалось и, как и Парфия, вступило в полосу междоусобиц наследников. Из них, по нумизматическим данным, известны: царь Пакора, возможно, сын Гондофара, чеканивший монеты по типу парфянских, которые найдены на западе Арахосии и в Сакастене (Массон, Ромодин, 1964, с. 149, прим. 60), т.е. на юго-западе царства Гаофу; царь Абдагас, названный на монетах, чеканенных по типу гандхарских, племянником Гондофара (Массон, Ромодин, 1964, с. 149, прим. 59). Эти данные позволяют предположить, что Пакора, правивший, как полагают, в начале второй половины I в. н.э. (Массон М., 1950, с. 35), продолжал опираться на Парфию, тогда как Абдагас, правление которого относят к 60—65 гг. н.э. (Массон М., 1950, с. 29, прим. 1), стал, по-видимому, ориентироваться на Цзибинь.

Выяснить хотя бы предположительно, что же стало с центральной частью царства Гондофара и почему, несмотря на его распад на отдельные царства, Куджула Кадфиз завладел единым царством Гаофу, позволяют, считаем, следующие материалы.

Известны многочисленные монеты царя Гермея, правителя Паропамисада (Гиндукуша) (Тарн, 1938, с. 343; Нарайн, 1957, с. 161; Массон, Ромодин, 1964, с. 151). Обнаруженная в Кундузском кладе одна серебряная монета Гермея греко-бактрийского образца

позволила предположить, что ему хотя бы временно подчинялась какая-то часть греко-бактрийских земель к северу от Гиндукуша (Нарайн, 1957, с. 161; Зеймаль, 1967, с. 163). Но все остальные монеты Гермея – индо-греческие с двуязычной легендой, и большинство их найдено в Верхней Арахосии, смежной с долиной Кабула (Нарайн, 1957, с. 161) и с Гандхарой. Очевидно, что царство Гермея занимало как раз центральную часть царства Гаофу.

На лицевой стороне монет Гермея – его портрет с греческой легендой: «царя Гермея, спасителя», но есть и с вариантом ее: «царя Гермея, освободителя» (Массон, Ромодин, 1964, с. 158, прим. 5). Кроме того, В. М. Массон и В. А. Ромодин упомянули еще его монеты, где он назван «царем царей» и с пикой на реверсе, что, считают они, «можно рассматривать как свидетельство экспансии Гермея в сторону индо-парфянских владений» (Массон, Ромодин, 1964, с. 159, прим. 6).

Но есть и другая группа монет. На лицевой стороне одних – портрет Гермея и греческая легенда: «царя Гермея, освободителя», а на оборотной – стоящий Геракл и легенда на индийском языке кхароштхи: «Куджулы Кадфиза, ябгу Кушан, стойкого в вере» (Массон, Ромодин, 1964, с. 158; Массон М., 1950, с. 43). На лицевой стороне других монет, сохранявших тип чекана Гермея – несколько отличный профиль человека, сходный, как полагают, с изображением императора Августа, и греческая легенда: «ябгу кушанов, Кузуло Кадфиза», а на оборотной – сидящий царь или божество и индийская легенда на кхароштхи, почти такая же, как на предшествующем типе, т.е. с именем кушанского ябгу Куджулы Кадфиза (Массон М., 1950, с. 42). Известны еще и монеты, на лицевой стороне которых – стоящий бык зебу и нечитаемая греческая легенда, а на оборотной – двугорбый верблюд и легенда на кхароштхи с именем Куджулы Кадфиза, но уже без титула ябгу (Массон М., 1950, с. 42). И наконец, отмечаются монеты, чеканенные от имени Куджулы Кадфиза, называемого в легенде «царем царей» (Пугаченкова, 1966, с. 21).

Ареал находок многочисленных монет Гермея позволил определить местонахождение его царства в Паропамисадах и севернее, а также продолжительность правления. Признано, что он царствовал довольно долго, около двадцати лет, но одни авторы относят его правление к середине I в. до н.э. (Нарайн, 1957, с. 162–164, 181), другие – к первой или второй половине I в. н.э. (Массон, Ромодин, 1964, с. 158–160).

Однако наибольшее внимание исследователей привлекли совместные монеты, выпущенные от имени Гермея и Куджулы Кад-

физа, которые, с точки зрения большинства, свидетельствуют о хронологическом совпадении правлений царя Гермея и кушанского ябгу (т.е. Гуйшуан-сихоу) Куджулы Кадфиза и отражают последовательные этапы завоевательной деятельности последнего. Сначала, полагают, он в силу каких-то обстоятельств подчинился правителю Паропамисад Гермею, а затем, по мере расширения своих завоеваний, полностью завладел его царством (Массон М., 1950, с. 43; Массон, Ромодин, 1964, с. 159; Зеймаль, 1983, с. 167). Другие же отрицают синхронность правления Гермея и Куджулы, считают, что Гермей правил Паропамисадом значительно раньше времени правления Куджулы, в середине или даже во второй четверти I в. до н.э. (Тарн, 1938, с. 337; Нарайн, 1937, с. 157, 162, 181), что сначала его царством завладела Парфия, как сказано в китайской истории, а позже, когда Куджула нанес поражение Парфии, он завладел Паропамисадом и выпустил подражания ранее распространенным здесь монетам Гермея (Нарайн, 1957, с. 159–160).

Авторы такого рода суждений как-то не заметили несоответствие между сообщением в «Хоу Хань шу» о том, что Куджула Кадфиз нанес поражение Аньси (Парфии) и впервые завладел иноземным царством Гаофу, уже будучи кушанским *царем*, и нумизматическими данными, согласно которым Куджула, названный в легендах монет кушанским *князем*, подчинялся якобы царю Гермею, владение которого как раз и находилось в землях Гаофу. Поэтому попытаемся сопоставить те и другие сведения и установить логическую связь между ними, исходя из проведенного выше исследования предыстории и истории создания Кушанского царства.

Мы установили, что владения пяти юэчжийских сихоу (князей) были созданы сразу после того, как Большое Юэчжи на рубеже 100–99 гг. до н.э. завладело лежавшей к югу от него и р. Гуйшуй (Сырдарьи) Дася (Северной Бактрией), на бывших ее землях к югу от Сырдарьи. Сто с лишним лет спустя после этого, т.е. в первом-втором десятилетии I в. н.э., один из этих пяти сихоу, Гуйшуан-сихоу, Цюцзюцю (Куджула Кадфиз), бывший главой небольшого племени асианов, сначала разгромил своих ближних соседей, четырех других сихоу, потом, несомненно, прорвался с войском по караванному пути на юг по Душанбинскому тракту к столице Ланьши (Шахринау), разгромил и сверг правителя Большого Юэчжи из племени тохаров, и сам стал царем примерно в 20 г. н.э. Царство стало называться по его титулу Гуйшуанским (Кушанским).

И совершенно невероятно, чтобы Гуйшуан-сихоу (Кушанский князь) Куджула Кадфиз, чей город-ставка находился, как показало исследование, в районе нынешнего г. Бекабада, мог еще до создания Кушанского царства подчиниться царю Гермею, правившему далеко к югу Паропамисадом (Гиндукуш).

Последующее наше исследование позволило предположить, что только в 47 г. кушанский царь Куджула Кадфиз, упрочив свою власть в землях юэчжей, воспользовался ослаблением Парфии в результате междоусобной борьбы за ее трон и вторжением одного из претендентов в земли царства (Бактрию), нанес поражение Аньси (Парфии) и затем «завладел (*цюй*)» подвластным ей до этого большим царством Гаофу. Позже он «уничтожил (*ме*) царства Пуду и Цзибинь». Обратим внимание на разницу в определении характера действий Куджулы по отношению к этим царствам – «завладел» Гаофу, «уничтожил» Пуду и Цзибинь, позволяющую заключить, что он завладел Гаофу не в результате войны, тогда как Пуду и Цзибинь уничтожил, несомненно, завоевав их силой оружия.

Итак, мы имеем не вызывающее сомнений в его достоверности свидетельство в описании Кушанского царства в «Хоу Хань шу» о том, что Куджула Кадфиз «завладел» царством Гаофу явно без войны с ним и данные о разных видах совместных монет Гермея и его. Они позволяют, логически рассуждая, представить процесс перехода Гаофу под власть Кушанского царства примерно следующим.

Нанеся поражение Парфии на стыке владений ее и подвластного ей царства Гаофу примерно в 47 г., кушанский царь Куджула решил завоевать последнее. Но при первых же попытках кушанских войск вторгнуться в Гаофу они встретили, по-видимому, столь упорное сопротивление войск и населения, что стало ясно – завладеть этим большим царством силой оружия будет нелегко. Но здесь Куджула узнал о царе Гермее, стремившемся воссоединить царство Гаофу, разделенное между наследниками Гондофара, свергнуть власть Парфии, и потому принявший титул «царь-спаситель», зафиксированный в легенде его монет. И Куджула Кадфиз пошел на дипломатическую хитрость – предложил Гермею свою помощь в деле объединения царства Гаофу и освобождения от власти Парфии. Гермей, несомненно, знал о том, что кушанские войска нанесли поражение Парфии, и согласился на союз против общего врага. Войска Гермея и Куджулы совместными силами восстановили единство царства Гаофу и свергли власть Парфии. В ознаменование этой победы и были, скорее

всего, выпущены монеты Гермея, на лицевой стороне которых в легенде он назван уже «царем царей». Приняв этот титул, он тем самым приравнял себя к равным «царям царей» Парфии, т.е. объявил о своей неподвластности им. А в знак уважения к кушанскому союзнику были выпущены монеты Гермея, на лицевой стороне которых в греческой легенде он назван «царем-освободителем» (конечно, от власти Парфии), а на обратной стороне в легенде на кхароштхи назван «кушанский князь Куджула Кадфиз».

Почему же Куджула Кадфиз, уже много лет до этого бывший кушанским царем, вдруг назван кушанским князем?

В. М. Массон и В. А. Ромодин по этому поводу писали: «Сам факт наличия монет совместного чекана не представляет ничего необычного и хорошо известен по практике индо-сакских правителей или правителей Арахосии. Поскольку имя Кадфиза помещено на оборотной стороне монет, ясно, что он занимал подчиненное положение, о чем свидетельствует и его титул ябгу ... Вероятно, эти монеты отражают определенный этап в истории гуйшуанского владения, когда его правители в силу каких-то обстоятельств были вынуждены (или считали возможным) признавать верховный авторитет правителя Паропамисад» (Массон, Ромодин, 1964, с. 158–159).

Действительно, в цитируемой работе упоминаются монеты совместного чекана царя и его сатрапа (с. 146), царя и его соправителя, но не монеты совместного чекана правителей двух независимых царств. Естественно, что и Гермей, и Куджула, заботясь каждый о своем авторитете, не могли пойти на упоминание кушанского царя в легенде на реверсе монет. Но Куджула, стремясь завоевать авторитет у населения Гаофу, не мог не использовать самое эффективное в те времена средство пропаганды – монеты с их легендами. И так как монеты совместного чекана Гермея и его предназначались для обращения только в царстве Гаофу, а не в Кушанском царстве, что доказывает отсутствие находок их в землях к северу от Амударьи, то Куджула и счел возможным, как и предположили В.М. Массон и В. А. Ромодин, согласиться на упоминание его имени с титулом кушанского князя на реверсе этих монет.

Далее события в Гаофу развивались, скорее всего, так. Кушанские войска, участвуя в объединении Гаофу и освобождении его из-под власти Парфии, оказались на территории этого царства и остались здесь, помогая Гермею защищаться от притязаний Парфии. Куджула Кадфиз в это время всячески поддерживал Гермея и тем самым, используя авторитет его у населения царства, по-

степенно укреплял и свое влияние здесь. Этот этап их сотрудничества отражают, полагаем, монеты совместного чекана, на лицевой стороне которых изображен портрет Гермея. И в греческой легенде назван, но без всякого титула, Куджула Кадфиз. Однако на оборотной стороне в легенде на кхароштхи Куджула опять же назван кушанским князем.

После смерти Гермея Куджула, вероятнее всего, не допустил возведения на трон Гаофу нового царя. Став фактическим правителем его, он хотя и стал чеканить монеты от своего имени, но в легенде на реверсе сначала продолжал называться кушанским князем. Явно позже Куджула выпустил монеты, на лицевой стороне которых изображен уже не портрет правителя, а стоящий бык зебу и греческая легенда, которая на известных сегодня экземплярах, к сожалению, не читается. Но на оборотной стороне, где изображен двугорбый верблюд, в легенде на кхароштхи Куджула Кадфиз уже назван без титула «князь». И, несомненно, еще позже, добившись полновластия кушан в Гаофу, он стал чеканить монеты от своего имени уже с титулом «царь царей».

Очевидно, что двуязычные монеты, выпускавшиеся сначала от имени царя Гермея и кушанского князя Куджулы Кадфиза, а затем — от имени только последнего, чеканились на монетном дворе Гермея и предназначались для обращения в его царстве. Естественно поэтому, что множество таких монет найдено в Кабулистане и Западном Пенджабе, но их нет в землях к северу от Амударьи, где находилось созданное Куджулой Кушанское царство. И потому, полагаем, нет основания рассматривать эти монеты как начало собственного чекана Куджулы Кадфиза и говорить о подражательном характере его монетных типов, приноравливающихся-де к рынкам новозавоеванных территорий (Зеймаль, 1983, с. 167). А тот факт, что много монет, чеканенных от имени Куджулы Кадфиза, найдено в Таксиле и Сиркапе (Зеймаль, 1983, с. 166), несомненно, связан с последующим завоеванием им царства Цзибинь.

В описании Большого Юэчжи (Кушанского царства) в «Хоу Хань шу» после сообщения о том, что Куджула «завладел Гаофу», сразу же сказано, что он «еще уничтожил Пуда и Цзибинь и полностью завладел этими царствами». Вряд ли можно усомниться в том, что он приступил к завоеванию их лишь после того, как власть Кушанского царства над бывшим Гаофу стала незыблемой. Ведь наступать на Цзибинь кушанские войска могли только из Гаофу, к востоку от которого она и находилась. Цзибинь же, по сведениям в ее описании в «Хань шу», рассмотренным во вто-

рой главе данной работы, была большим царством, владения которого начинались на востоке сразу к западу от Каракорумского хребта. А приведенные выше данные о Гаофу, т.е. о царстве Гондофара и его преемников, позволяют заключить о соседстве Цзибинь с ним в районе Гандхары, т.е. у восточной границы нынешнего Афганистана. Так что Куджула, надо полагать, готовился к завоеванию большого царства Цзибинь основательно и долго. Процесс полного подчинения царства Гаофу был длительным, а включение его во владения Кушанского царства начался в 47 г. или сразу после него. И к завоеванию Цзибинь Куджула, по-видимому, приступил не ранее чем на рубеже 50–60-х годов.

Только после завоевания Цзибинь могли появиться в ее землях, в Таксиле и Сиркапе, в большом числе двуязычные монеты Куджулы Кадфиза. Сначала их, несомненно, завезли сюда из ближнего Гаофу, где они чеканились на монетном дворе бывшего царя Гермея, а затем, скорее всего, стали чеканить на монетном дворе бывших правителей Цзибинь, чем, полагаем, и объясняется многочисленность находок в Таксиле и Сиркапе этих монет и их нумизматические особенности.

Упрочение могущества царства при Виме Кадфизе (ок. 80-103 гг.). Завоевание Тяньчжу

В описании Кушанского царства в «Хоу Хань шу» после сообщения о том, что Куджула Кадфиз уничтожил Цзибинь и завладел ею, сказано, что он умер в возрасте восьмидесяти с лишним лет и царем стал его сын Яньгаочжэнь, известный по легендам монет как Вима Кадфиз, что он уничтожил еще Тяньчжу, назначил одного своего военачальника управлять ею, и «с этого времени Юэчжи стало чрезвычайно богатым и процветающим» (ХХШ, гл. 88, с. 2921).

Прежде всего, обратим внимание на то, что этими сведениями заканчивается описание Большого Юэчжи, Кушанского царства, в «Хоу Хань шу». Это неопровержимо доказывает, что изложенные в нем данные были получены при дворе Поздней Хань именно в годы правления Вимы Кадфиза.

Поскольку в описании сказано, кто, когда и где создал Кушанское царство, приведены имена его основателя и сына-преемника, а также названия царств в последовательности их завоевания каждым из названных правителей, – это неопровержимо доказывает, что данные сведения были получены от юэчжийских

сановников, хорошо знавших историю своего царства. Поскольку сведения были зафиксированы ханьскими дворцовыми историографами, а при дворе принимали только высших сановников, своих и иноземных, то очевидно, что сообщить их могли либо ханьские послы из сановников, побывавшие при дворе Кушанского царства, либо кушанские, приезжавшие ко двору Поздней Хань. Однако в «Хоу Хань шу» нет ни одного сообщения об отправлении послов империи в Кушанское царство или к его соседям, а есть в хронике правления императора Чжан-ди единственное в этой истории сообщение о прибытии ко двору посла из Юэчжи (Кушанского царства) в 1 г. эры Чжан-хэ, т.е. в 87 г. н.э. О нем говорится и в биографии Бань Чао, материалы которой исследованы в четвертой главе данной работы.

Нет сомнения в том, что именно со слов этого кушанского посла, безусловно, высокопоставленного сановника, так как он прибыл с важным государственного значения поручением просить в жены правителю ханьскую принцессу, и были записаны дворцовыми историографами Поздней Хань первые и, как оказалось, последние сведения о Кушанском царстве, включенные потом в его описание в «Хоу Хань шу». Посол, естественно, не мог, рассказав о двух первых правителях царства и назвав их поименно, не упомянуть имени своего настоящего правителя, если бы им был уже не Вима Кадфиз. Следовательно, мы можем с полной уверенностью заключить, что в 87 г. именно Вима Кадфиз был кушанским царем, завоевавшим к этому времени Тяньчжу (Центральную Индию), лежавшую к югу от ранее завоеванной Куджулой Цзибинь (Северной Индии).

Итак, в 87 г. Тяньчжу была уже завоевана Кушанским царством, ставшим после этого чрезвычайно богатым и процветающим. Но подготовка к войне с Тяньчжу, богатой и большой страной, и сама война заняли, надо полагать, не один год. Значит, есть основание предположить, что долгожитель Куджула Кадфиз умер и его сын Вима стал царем примерно в 80 или в 81 г. Эту дату называет и А. К. Нарайн (Нарайн, 1968, с. 223). Она, скорее всего, верна, поскольку, согласно ей, получается, что Куджула, проживший 80 с лишним лет, родился за два-три года до начала новой эры. А во время провозглашения его царем — примерно в 20 г. н.э., как мы предположили в результате исследования, ему было более 20 лет. В таком возрасте Александр Македонский разгромил Персию.

Если Вима Кадфиз стал кушанским царем около 80 г., то очевидно, что именно при нем незадолго до 84 г. был заключен ди-

настический брак с Канцзюй, а в 84 г. он принял богатые дары, присланные Бань Чао, оказавшимся на грани разгрома, и уговорил правителя Канцзюй прекратить войну против последнего. Так как, согласно описанию Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу», столицей Кушанского царства оставался г. Ланьши (Шахринау), то вполне вероятно, что Вима Кадфиз в 84 г. пошел на заключение династического брака с Канцзюй, северным соседом, с целью, в частности, обезопасить северные пределы своего царства накануне задуманного им завоевания Тяньчжу. А после покорения Тяньчжу, в результате чего Кушанское царство «стало чрезвычайно богатым и процветающим», Вима в 87 г. отправил посла в Позднюю Хань с предложением заключить династический брак. И он же послал в 90 г. войско в Шулэ (Кашгар) покарать Бань Чао за убийство этого посла.

Установленный по данным «Хоу Хань шу» факт правления Вимы Кадфиза в 87 г. соотносится с упоминанием правления «махараджи Увима Кавтиса», т.е. Вимы Кадфиза, в 187 (184) г. «неизвестной эры» в надписи из Калатсе (Нарайн, 1968, с. 221; Зеймаль, 1968, с. 15, 21). Это позволяет, с нашей точки зрения, предположить, что после превращения царства Большое Юэчжи в Кушанское первые два его царя, Куджула Кадфиз и Вима Кадфиз, продолжали вести летоисчисление, принятое в Большом Юэчжи от даты поглощения им Дася (Северной Бактрии) на рубеже 100–99 гг. до н.э. В таком случае в двух надписях, в которых говорится о правившем в 122 и 136 годах «неизвестной эры» кушанском царе, имя которого в них, к сожалению, не читается, назван именно Куджула Кадфиз. Дата в первой из них – 23 г. н.э. – согласуется с нашим заключением о вступлении его на трон около 20 г. н.э.

Естественно, что правитель Большого Юэчжи, завладев номинально считавшейся его сувереном Дася и став совершенно независимым, отказался от принятого до этого в Дася летоисчисления по годам правления греко-бактрийских царей и начал отсчет лет своего правления с года, когда произошло это великое событие в жизни юэчжей, т.е. с 100 или с 99 г. до н.э. И его преемники следовали этой системе. Когда спустя сто с лишним лет Куджула Кадфиз, один из сихоу (князей) этого царства, узурпировал трон, он сохранил привычное принятое в нем летоисчисление. Так что в данном случае «неизвестную эру» можно назвать эрой Юэчжи. Существование в царствах региона в рассматриваемый период других эр, по которым бы летоисчисление продолжалось на протяжении двухсот лет, как и заимствование одним большим неза-

висимым царством системы летоисчисления другого, историческими свидетельствами пока не доказано.

Теперь можно вернуться к рассмотрению отмеченного выше странного факта – монеты, чеканенные от имени Куджулы Кадфиза, найдены не к северу от Амударьи, где он основал около 20 г. Кушанское царство на землях Большого Юэчжи, а лишь на территории завоеванных им много позднее царств Гаофу и Цзибинь. Но на коренных землях Кушанского царства – к северу от Амударьи, как и по всей территории завоеванных им царств, найдено множество медных монет безымянного царя, в легенде которых назван только его титул – «царь царей, великий спаситель» («сотера мегаса»).

Вопрос о том, кто был безымянным царем, выпускавшим монеты «сотера мегаса», встал давно, около середины XIX века. Нумизматы и коллекционеры высказали с тех пор немало разных предположений и гипотез. Но только в 1950 г. крупный советский нумизмат и историк М. Е. Массон опубликовал посвященное этому вопросу специальное исследование «Происхождение безымянного «царя царей – великого спасителя» (Массон М., 1950, с. 11–49). Детально проанализировав нумизматические особенности медных монет «сотера мегаса», он классифицировал их на пять групп, выделив в шестую крайне редкие серебряные монеты, существование которых подвергалось (и теперь подвергается) сомнению. М. Е. Массон подробно исследовал эпиграфику легенд, титулатуру, тамговидные знаки, ареал распространения монет в сопоставлении с известными историческими сведениями. Все это привело его к заключению – безымянным «царем царей, великим спасителем» был основатель Кушанского царства Куджула Кадфиз.

Но и после выхода работы М. Е. Массона дискуссия о том, какой кушанский царь выпускал монеты «сотера мегаса», продолжилась (Пугаченкова, 1966, с. 15–22; Мак Дауэлл, 1974, с. 246–264; Зеймаль, 1960, с. 118–123; он же, 1983, с. 160–177). Одни участники ее высказывались в поддержку выводов М. Е. Массона, другие пытались опровергнуть их. Однако специальных комплексных исследований по типу его работы не появилось.

К настоящему времени наиболее распространенными стали гипотезы о тождестве «безымянного царя, великого спасителя» («сотера мегаса»), либо с Куджулой Кадфизом, либо с неким кушанским царем, правившим между ним и Вимой Кадфизом, а также гипотеза о том, что монеты «сотера мегаса» начал выпускать Куджула Кадфиз, а закончил Вима Кадфиз (Зеймаль, 1965, с. 7).

Приступая к рассмотрению этого вопроса, надо, полагаем, прежде всего обратить внимание на несомненно достоверное сообщение в описании Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу» о том, что после Цюцзюцю (Куджулы Кадфиза), умершего в 80 с лишним лет, царем стал его сын Яньгаочжэнь (Вима Кадфиз). Оно не дает ни малейшего основания предполагать, что между ними правил какой-то неизвестный царь, принявший громкий титул «великого спасителя», обилие и широта распространения монет которого говорит к тому же, по общему признанию, о длительности его правления.

По славе и длительности правления на роль «сотера мегаса» подходит именно Куджула Кадфиз, который был и знаменит, и, судя по проведенному выше исследованию, правил около 60 лет. Его сын Вима, вступивший на трон после смерти очень старого отца, был, скорее всего, уже пожилым человеком и вряд ли мог править долго. И уже это позволяет усомниться в том, что он мог выпустить монеты «сотера мегаса» в том изобилии, в каком они разошлись по всей территории огромного Кушанского царства. О том же говорят, с нашей точки зрения, и следующие факты.

Известны довольно многочисленные двуязычные медные и золотые монеты с легендой «царь царей великий спаситель Вима Кадфиз», т.е. монеты, выпущенные Вимой Кадфизом от своего имени, но их оказалось значительно меньше, чем монет «сотера мегаса». В Южном Таджикистане, например, найдено медных монет Вимы 104 и более 500 монет «сотера мегаса». Чекан золотых монет, изменение и унификация иконографии на них и на медных монетах, появление на реверсе изображения индуистского бога Шивы и в легенде дополнительного эпитета — «поклоняющийся Шиве» — к титулу «царь царей великий спаситель» и другие нумизматические отличия — все это дало нумизматам основание заключить, что Вима Кадфиз провел денежную реформу, переведя монетную систему Кушанского царства на золотую основу. При этом медные монеты его стали крупнее и полновеснее монет «сотера мегаса», что ясно из сопоставления их размера и веса, указанных в таблицах, составленных Е. В. Зеймалем (Зеймаль, 1983, с. 171–177 и 187–189).

Осуществить такую, несомненно, дорогостоящую реформу Вима смог, очевидно, только после того, как он завоевал Тяньчжу, и Кушанское царство стало необычайно богатым. Потому-то он, как бы воздавая должное богатой и большой Тяньчжу, стал выпускать все свои монеты, золотые и медные, двуязычными, с легендой и на греческом, и на кхароштхи, в которой к титулу безы-

мянного царя – «царь царей великий спаситель» – добавил эпитет – «поклоняющийся Шиве». Кроме того, на реверсе был изображен индуистский бог Шива.

Вима Кадфиз завоевал Тяньчжу до 87 г., когда его посол прибыл в Позднюю Хань и сообщил об этом, а денежную реформу провел, по-видимому, года три-четыре спустя после завоевания, т.е. около 90 г. Так что массовая эмиссия его собственных монет, ставших общегосударственным средством обращения во всем Кушанском царстве, началась, вероятно, около 90 г.

Следовательно, если допустить что Вима Кадфиз, ставший царем примерно в 80–81 г., был тем безымянным царем, который начал выпускать монеты «сотера мегаса», то он мог делать это до проведения денежной реформы около 90 г., т.е. в течение всего лишь десяти лет. Сомнительно, чтобы за столь небольшой срок можно было начеканить этих монет в таком множестве, в каком они распространились, получается, за те же десять лет по всему Кушанскому царству.

Кроме того, если безымянным царем был Вима Кадфиз, то, следовательно, основатель царства, правивший им около 60 лет Куджула Кадфиз, в коренных землях Кушанского царства к северу от Амударьи, где находилась и его столица Ланьши (Шахринау), собственных денег вообще не выпускал и даже не завозил сюда монеты, чеканенные от его имени в завоеванных им царствах.

Вот теперь, полагаем, и надо рассмотреть хотя бы в общих чертах то, что известно о монетах безымянного царя «сотера мегаса» («великого спасителя»), которые во множестве найдены по всей территории Кушанского царства. Так, в XIX – начале XX в. коллекционеры и нумизматы отмечали необычайное обилие находок монет «сотера мегаса», в том числе кладами, в Средней Азии, Северном Афганистане и Северной Индии, особенно часто они попадались в Кабулистане, где их, например, в районе Беграма в середине XIX в. добывали до 30 тыс. штук ежегодно, а в начале XX в. они даже имели рыночное обращение на базарах Мазари-Шерифа в качестве разменной монеты и были обычны на руках местного населения и на рынках Равалпинди и Пешавара (Массон М., 1950, с. 16, 32–33). Очень много их хранится в музеях мира (Массон М., 1950, с. 17). И только на территории Южного Таджикистана их найдено более 500 экземпляров (Зеймаль, 1983, с. 160, прим. 27а).

Все известные ныне монеты «сотера мегаса» – медные. Принята обоснованная М. Е. Массоном классификация их на пять групп (Массон М., 1950, с. 18–20; Зеймаль, 1983, с. 160–163). На

монетах первой, второй, четвертой и пятой групп греческая легенда «царя царей – великого спасителя» – и только на монетах третьей группы – двуязычная, на греческом и на кхароштхи.

На лицевой стороне монет первой и второй групп изображен бюст молодого царя без бороды и усов, а на оборотной – всадник на лошади, но отмечены разновидности их изображений. На лицевой стороне монет третьей группы изображена фигура стоящего человека (варианты – божества, государя) с бородой, на оборотной – опять же всадник на лошади и легенда на кхароштхи. Монеты четвертой группы имеют на лицевой стороне бюст царя, а на оборотной – стоящую фигуру человека (вариант – Зевса) в широких одеждах. А на одной стороне монет пятой группы изображена стоящая фигура с жезлом в правой руке (вариант – Геракл), на другой же – стоящая женская фигура (вариант – богиня счастья и плодородия).

Но эти группы монет «сотера мегаса» различаются также по количеству выявленных к настоящему времени экземпляров и по топографии находок их. Так, монеты первой группы составляют подавляющую массу, и ареал их находок охватывает практически всю территорию Кушанского царства, почему исследователи и называют их «общегосударственным чеканом» (Займаль, 1983, с. 163). Но так как только монеты данной группы найдены во множестве на территории к северу от Амударьи, т.е. в изначальных землях Кушанского царства, то очевидно, с нашей точки зрения, что они предстают в качестве первоначального местного выпуска. Потом по мере расширения владений этого царства в результате завоеваний Куджулой и Вимой других царств эти монеты распространились по всей, ставшей огромной его территории.

Монеты же «сотера мегаса» других групп, судя по их малочисленности и ограниченному ареалу находок, были только локальными недолгими выпусками, обусловленными какими-то краткосрочными причинами. Так, редкие монеты второй и пятой групп, обнаруженные в основном к югу от Амударьи в Бегграме, Д. Мак Дауэлл отнес к чекану для Бактрии (получается – Южной), монеты третьей группы, заметим, двуязычные – к чекану для Западной Гандхары (входившей тогда, согласно нашему исследованию, в Цзибинь), а очень малочисленные монеты четвертой группы – к чекану для Матхуры и юго-восточного Пенджаба (см. об этом: Займаль, 1983, с. 164), входивших тогда, полагаем, в Тяньчжу. Чеканились они, несомненно, на местных монетных дворах бывших правителей царств Гаофу, Цзибинь, а потом и Тяньчжу, чем, видимо, и обусловлены их нумизматические особенности.

Наше предположение о том, что монеты «сотера мегаса» первой группы, только и найденные в землях к северу от Амударьи, были первоначальным выпуском созданного на этих землях Кушанского царства, подтверждается, с нашей точки зрения, следующими фактами. На лицевой стороне их изображен молодой царь без бороды и усов. А таковым мог быть только Куджула Кадфиз, создавший Кушанское царство, как показано выше, примерно в двадцатипятилетнем возрасте. Им точно не мог быть его сын Вима Кадфиз, ставший царем после смерти восьмидесятилетнего отца явно уже пожилым человеком. И Куджула правил долго, чем, надо полагать, и объясняются его изображения в более зрелом возрасте. Позже он значительно расширил владения Кушанского царства, завладев тремя другими царствами. Естественно, что монеты, находившиеся в обращении в коренных его землях, со временем распространились в новых владениях и, вытесняя местные выпуски, приобретали характер общегосударственного чекана.

Это согласуется с заключением М. Е. Массона, сделанным им на основании нумизматических данных о том, что отмеченные варианты изображения лица царя на монетах «сотера мегаса» первой группы, с одной стороны, могут указывать на резьбу штампом различными мастерами, а с другой — могут быть объяснены как возрастные, с колебаниями в несколько десятков лет, что указывает на возможную длительность пребывания у власти лица, служившего для медальеров натурой» (Массон М., 1950, с. 18).

Однако, если Куджула Кадфиз, преобразовав Большое Юэчжи в Кушанское царство, сразу или вскоре начал выпускать монеты «сотера мегаса», то встает вопрос — а на каком основании он принял отчеканенный на них громкий титул «царя царей, великого спасителя», ведь в то время он сверг, казалось бы, одного царя Большого Юэчжи? Правда, сведения в описании Кушанского царства в «Хоу Хань шу» дают основание предположить, что Куджула принял этот титул после овладения царством Гаофу, что случилось, согласно нашему исследованию, позже 47 г., и еще более позднего завоевания царств Пуду и Цзибинь. Но в таком случае получается, что он, основав Кушанское царство в землях к северу от Амударьи на месте Большого Юэчжи, в течение ряда десятилетий собственных денег не выпускал. А без этого узурпатору Куджуле было бы невозможно добиться той экономической стабилизации и упрочения своей власти, которые, несомненно, только и позволили ему позже начать и успешно завершить завоевание больших царств.

Разрешить данное противоречие дают возможность, с нашей точки зрения, сведения в «Хоу Хань шу» о создании Кушанского царства и сообщение Помпея Трога об «асианах, царях тохаров», исследованные в начале данной главы. Согласно им Цюцзюцю (Куджула Кадфиз), один из сихоу (князей) царства Большое Юэчжи, вероятно, глава немногочисленного племени асианов, владение которого, как мы выяснили выше, находилось на севере царства Большое Юэчжи, поднял мятеж. Сначала он подчинил четырех соседних сихоу, а затем, несомненно, прорвался на юг к столице царства Ланьши (Шахринау), разгромил и, видимо, убил царя Большого Юэчжи из многочисленного племени тохаров и сам стал царем Кушанского царства около 20 г. Вряд ли многие другие юэчжийские сихоу из племени тохаров и, не исключено, бактрийские князья охотно подчинились узурпатору. Скорее всего, они стали провозглашать себя царями в подвластных им районах Большого Юэчжи. Так что Куджуле Кадфизу пришлось, предполагаем, в течение нескольких лет добиваться подчинения их. Скорее всего, в это время он продолжал выпускать подражания чекану Гелиокла. Предположим, он победил примерно к 25 г. Вот тогда-то он мог обоснованно провозгласить себя «царем царей — великим спасителем», несомненно, единого ранее царства и начать чеканить монеты с этим титулом в грекоязычной легенде, но без своего имени, которое, вероятно, еще долго раздражало часть его подданных из тохаров и бактрийцев.

О том, что монеты «сотера мегаса» поступили в обращение в коренных землях Кушанского царства к северу от Амударьи позже подражаний монетам Гелиокла, выпускавшихся царями Большого Юэчжи, свидетельствует последовательность стратиграфических слоев в Шортепа (к северо-западу от Термеза), где IV мощный стратиграфический слой с пятью монетами «сотера мегаса» четко отделен от предшествующего III слоя с подражанием чекану Гелиокла, а также и от последующего V слоя с монетами Вимы Кадфиза и Канишки (Пугаченкова, 1967, с. 82, 84). Но затем подражания чекану Гелиокла еще долго находились в обращении одновременно с монетами «сотера мегаса», что доказывает совместная находка только их в одном слое и в одном и том же месте при раскопках в Айртаме (Пугаченкова, 1967, с. 82), и значительное число находок их в гораздо позднее занятых Куджулой землях к югу от Амударьи.

А тот факт, что известны перечеканки монет «сотера мегаса» в монеты Пакоры, одного из наследников Гондофара (Симонетта,

1974, с. 286; Пугаченкова, 1966, с. 21), также доказывает, что Куджула Кадфиз выпускал их еще до подчинения царства Гаофу.

Но Куджула Кадфиз, по сообщению в «Хоу Хань шу», не завоевал, а «завладел» царством Гаофу. Поэтому мы и предположили выше, что он, узнав о стремления царя Гермея воссоздать единое царство и освободиться от власти Парфии, предложил Гермею союз против общего врага. Союз принес им успех, с чем, полагаем, связан выпуск Гермеем от своего имени монет с титулом в легенде «царя царей», а также монет, в легенде на реверсе которых на кхароштхи впервые назван Куджула Кадфиз, но поскольку он был лишь союзником, то с титулом «кушанского князя». После победы войска Куджулы не покинули царство Гермея и продолжали помогать ему в защите от притязаний Парфии. А когда Гермей умер, Куджула не допустил возведения на трон нового царя и, став фактическим правителем Гаофу, стал выпускать на монетном дворе Гермея привычные для этого региона двуязычные монеты, но уже от своего имени, сначала как «кушанского князя», а потом как «царя царей».

Кроме того, на этом же монетном дворе стали, скорее всего, затем чеканить и монеты «сотера мегаса», относимые нумизматами ко второй группе. Редкие находки их в основном в Кабульской долине (Зеймаль, 1983, с. 164) говорят о том, что выпускались они недолго по причине, видимо, поступления сюда во множестве монет «сотера мегаса» первой группы, выпускавшихся в собственно Кушанском царстве, о чем свидетельствует чрезвычайное обилие находок их здесь (Массон М., 1950, с. 31–32; Пугаченкова, 1966, с. 22). По-видимому, кушаны, в большом числе оказавшиеся в землях Гаофу, предпочитали местным деньгам деньги своего царства. В результате последние стали приобретать характер общегосударственного чекана и в новоприсоединенных владениях. Соответственно, местные двуязычные монеты, в том числе чеканенные от имени Куджулы, не получили распространения в собственно кушанских землях к северу от Амударьи.

Наладив управление Гаофу как частью Кушанского царства и прочно утвердившись на этих землях, Куджула Кадфиз оттуда двинулся на восток и завоевал большое царство Цзибинь. И здесь получили хождение выпускавшиеся в Гаофу монеты, чеканенные от его имени. В те времена это был, видимо, лучший способ наиболее быстро и широко познакомить покоренные народы с именем их нового правителя. Судя по необычайной многочисленности находок в Сиркапе и Таксиле монет, чеканенных от имени Куджулы Кадфиза (Зеймаль, 1983, с. 166), их, вероятно,

не только доставляли из Гаофу, но и стали чеканить на монетном дворе бывших правителей Цзибинь. Кроме того, находки в Гандхаре (Зеймаль, 1983, с. 164) свидетельствуют о том, что в Цзибинь, как и в Гаофу, была предпринята попытка чеканить монеты «сотера мегаса», но двуязычные, относимые нумизматами к третьей группе. Однако их малочисленность и обилие находок монет «сотера мегаса» первой группы на территории Пенджаба, Таксилы, в Пешаваре и Равалпинди (Массон М., 1950, с. 31) доказывают, что здесь, как и в Гаофу, шел тот же процесс распространения кушанами последних, превращавшихся в общегосударственные деньги.

После смерти Куджулы Кадфиза примерно в 80—81 г. наследовавший трон его сын Вима Кадфиз в первые годы правления продолжал, скорее всего, выпускать монеты «сотера мегаса» общегосударственного чекана. Но завоевав затем до 87 г. Тяньчжу, он по примеру отца сразу же организовал местный выпуск монет «сотера мегаса», относимых нумизматами к четвертой группе, которые обнаружены в Матхуре и юго-восточном Пенджабе. Однако редкость находок их свидетельствует о том, что выпуск данного вида монет вскоре прекратился, как и вообще монет «сотера мегаса», так как Вима провел денежную реформу, перейдя на выпуск золотых и медных монет от своего имени, которые и стали общегосударственными деньгами.

Очевидно, что монеты «сотера мегаса» четвертой группы, выпущенные в Тяньчжу, т.е. после окончания завоевания ее кушанами, были самыми поздними среди других групп монет «сотера мегаса».

Однако Е. В. Зеймаль считает их наиболее ранними среди других групп на том основании, что иконографический тип этих монет и другие особенности обнаруживают преемственность по отношению к раннему виду подражаний чекану Гелиокла со стоящим Зевсом на оборотной стороне и по отношению к монетам, чеканенным от имени Куджулы Кадфиза, «когда кушанское монетное дело, сами принципы оформления монет, еще находились в процессе становления» (Зеймаль, 162, 163, 164). «Наиболее поздними среди монет «сотера мегаса», видимо, следует считать, — полагает он, — монеты первой группы: они отличаются наибольшей универсальностью типов, отчасти вобравшей и отразившей «опыт» остальных групп. Наиболее широкий ареал обращения (по сравнению с остальными монетами «сотера мегаса»), практически охватывающий всю территорию Кушанского царства, косвенно подтверждает такой вывод» (Зеймаль, 1983, с. 163).

Тем самым Е. В. Зеймаль фактически признает, что все монеты «сотера мегаса» выпустил Вима Кадфиз, начиная с редких ранних монет четвертой группы и кончая чрезвычайно многочисленными и очень широко распространенными по всему огромному царству монетами первой группы, причем выпустил за тот небольшой срок, что прошел от начала выпуска монет четвертой группы до проведения денежной реформы. Необычайное обилие обнаруженных монет «сотера мегаса» и исключительно обширный ареал их распространения свидетельствуют, как заключил еще М. Е. Массон, и с ним нельзя не согласиться, о продолжительности их чекана в течение нескольких десятилетий и, соответственно, о длительности правления чеканившего их государя, которым он считает долгожителя Куджулу Кадфиза (Массон М., 1950, с. 38, 45). А Е. В. Зеймаль обходит молчанием вопрос о неизбежной длительности правления царя, выпустившего великое множество монет «сотера мегаса» и, соответственно, о длительности правления Вимы Кадфиза.

Исходя явно из своих нумизматических оценок монет «сотера мегаса» четвертой группы, как самых ранних, и первой группы, как самых поздних, и факта отсутствия монет, чеканенных от имени Куджулы Кадфиза к северу от Амударьи, Е. В. Зеймаль сформулировал свою концепцию первого этапа истории Кушанского царства так: «По мере завоеваний Куджулы Кадфиза его связи с правобережьем Амударьи постепенно ослабевали: еще не существовало той государственно-административной «машины», которая была, видимо, создана уже ко времени Вимы Кадфиза (или при нем) и могла бы осуществлять управление всей территорией Кушанского царства; еще не завершился процесс завоевания и каждый новый этап его уводил Куджулу Кадфиза все дальше и дальше на юг. Все это вполне хорошо согласуется с отсутствием к северу от Амударьи монет, чеканенных от имени Куджулы Кадфиза. Только прекращение завоевательной деятельности, которая, как мы знаем из «Хоу Хань шу», завершилась уже при сыне и преемнике Куджулы Кадфиза, приносит вновь созданному царству стабилизацию положения, а кушанской правящей верхушке — «заботы» общегосударственного характера. Трудно судить, насколько серьезно и глубоко нарушились при Куджуле Кадфизе связи с территориями, лежащими за Оксом. Но, если судить по археологическим и нумизматическим данным, при Виме Кадфизе или при «сотера мегаса» (если считать, что эти монеты выпускал еще один кушанский царь, правивший между Куджулой и Вимой Кадфизами) происходит как бы повторное подчине-

ние правобережья Амударьи кушанским царям» (Зеймаль, 1988, с. 167).

Данная концепция Е. В. Зеймаля, с нашей точки зрения, логически и фактически не согласуется со сведениями о Кушанском царстве в «Хоу Хань шу». По его логике Куджула Кадфиз, основав Кушанское царство в землях к северу от Амударьи и не создав здесь государственно-административный аппарат для эффективного управления им, двинулся на юг завоевывать другие царства. Поэтому, уйдя в новые владения, он практически утратил власть над коренными землями Кушанского царства на правобережье Амударьи, чтоде и доказывает отсутствие здесь монет, чеканенных от его имени. И только его сын Вима «повторно подчинил» их.

Логика же сведений о деятельности Куджулы Кадфиза, изложенных в «Хоу Хань шу», убеждает в другом. Он смог нанести поражение Аньси (Парфии), все еще могущественной (судя хотя бы по тому, что ей было подвластно большое царство Гаофу), и затем смог завладеть Гаофу несомненно потому, что созданное им Кушанское царство к этому времени достигло уже высокой степени экономической, политической и военной мощи. А добиться этого без создания эффективно действовавшего государственно-административного аппарата и без проведения разных экономических мер, среди которых одна из первостепенных – выпуск денег, было невозможно, как невозможно было и превратить занятое Куджулой большое царство Гаофу и завоеванные им позднее маленькое царство Пуда и большое царство Цзибинь в неотъемлемые части Кушанского царства, управляемые его чиновниками. И не мог Куджула Кадфиз, отправившись на завоевания других царств, бросить коренные земли Кушанского царства к северу от Амударьи, поскольку именно в них он черпал основные людские и материальные ресурсы для своих войск и набирал чиновников для управления завоеванными царствами.

Так что не надо было его сыну Виме повторно подчинять эти земли, он ими владел изначально. Доказывают это сведения «Хоу Хань шу». Так, в описании Большого Юэчжи (Кушанского царства), где изложены данные о нем как раз только за время правления Куджулы и Вимы Кадфизов, сказано, что его столицей является г. Ланьши (Шахринау), бывший во II в. до н.э. столицей Дася (Бактрии), а в I в. до н.э. – столицей завладевшего ею Большого Юэчжи. А сведения в биографии Бань Чао, подробно исследованные нами выше в четвертой главе, не оставляют сомнения в том, что Вима Кадфиз накануне похода на Тяньчжу, заботясь о безопасности коренных земель Кушанского царства к се-

веру от Амударьи, накануне 84 г. заключил династический брак с Канцзюй, лежавшим к северу от этих земель, что после завоевания Тяньчжу он отправил в 87 г. посла в Позднюю Хань через Шулэ (Кашгар) несомненно из столицы Ланьши, а в 90 г. послал войско покарать Бань Чао, находившегося в Шулэ, явно через Давань (Фергану).

Однако, даже убедившись в том, что Вима Кадфиз изначально владел землями к северу от Амударьи, нельзя исключать вероятность того, что он, завоевав Тяньчжу и выпустив там, по заключению Е. В. Зеймаля, самые первые монеты «сотера мегаса» (четвертой группы), затем, если он правил еще долго, начеканил их в том чрезвычайном изобилии, в каком они распространились по всей огромной территории Кушанского царства, и, проведя денежную реформу, выпустил еще монеты от собственного имени и тоже в большом числе, хотя и в значительно меньшем, чем монет «сотера мегаса». Напомним для сравнения: медных монет Вимы в Южном Таджикистане зарегистрировано чуть более ста (Зеймаль, 1983, с. 187–189), а монет «сотера мегаса» найдено здесь более 500 (Зеймаль, 1983, с. 160, прим. 27а). Но в источниках свидетельств о продолжительности правления этого кушанского царя, к сожалению, нет. Лишь логически можно предположить, как мы и сделали выше, что он, наследник (а им обычно становился старший сын) отца-долгожителя Куджулы Кадфиза, вступил на трон примерно в 80–81 г. уже пожилым человеком и вряд ли правил долго. Но доказать это можно, только определив дату начала правления его преемника Канишки, что исследователи-ученые пытаются сделать уже около ста пятидесяти лет, высказав немало гипотез, ни одна из которых пока не доказана убедительно для всех.

Глава VI

О ДАТАХ ПРАВЛЕНИЯ КАНИШКИ (ок. 103–125 гг.). РАСЦВЕТ КУШАНСКОГО ЦАРСТВА ПРИ НЕМ И ПОСТЕПЕННЫЙ УПАДОК ПРИ ЕГО ПРЕЕМНИКАХ

В имеющихся письменных источниках нет прямых сведений о том, кто сменил Виму Кадфиза на троне Кушанского царства.

Но благодаря трудам многочисленных исследователей кушанской проблемы за прошедшие полтора века по нумизматическим данным точно установлено и почти общепризнано, что после него кушанским царем стал Канишка. Е. В. Зеймаль, например, так пишет об этом: «Этот факт, который может быть достаточно твердо установлен только по монетам, – наиболее ощутимый вклад нумизматики в относительную хронологию Кушанского царства. Как показал Р. Гёбль, последние золотые монеты Вимы Кадфиза и первые золотые монеты Канишки чеканились штемпелями, изображения на которых вырезались одними и теми же резчиками (Гёбль, 1957, с. 186). К этому можно добавить, что одна и та же рука прослеживается и в начертании греческой легенды (легенды кхароштхи на монетах Канишки I не было). Таким образом, должны быть сняты как несостоятельные всякие предположения об интервале или «междуцарствии», разделявшем правление Вимы Кадфиза и Канишки» (Зеймаль, 1968, с. 49).

Сопоставление данного вывода с точно установленным выше по материалам «Хоу Хань шу» фактом правления Вимы Кадфиза в 87 и, скорее всего, в 90 г. позволяет уверенно заключить, что Канишка не мог вступить на трон ранее 88 г. и позже 120 г., если допустить, что Вима Кадфиз после 88–90 гг. правил еще 30 лет. А это значит, что оказываются несостоятельными ранее высказан-

ные гипотезы о начальной дате его правления до 88 г. (57 г. до н.э.; 9 г. до н.э.; 43, 60–65 и 78 годы н.э.) и позже 120 г. (125, 128, 130, 144, ок. 200, 225–230, 248, 278 гг.) (подробный список всех гипотез и их авторов см.: Зеймаль, 1968, с. 132–133, а краткое перечисление ныне распространенных – см.: Бонгард-Левин, 1969, с. 487).

Такое заключение сужает рамки периода, к которому можно отнести начало правления Канишки с трех веков (с 57 г. до н.э. до 278 г. н.э.) до 30 лет. Еще на Международной конференции по дате Канишки в Лондоне в 1960 г. А. К. Нарайн в своем докладе, рассмотрев основные гипотезы и сведения разных источников, использованные для обоснования их, пришел к выводу, что Канишка правил со 103 по 125 г. (Нарайн, 1968, с. 221). Однако его аргументация не убедила ученое сообщество. И в 1968 г. на Международной конференции по кушанской эпохе в Душанбе согласия в этом отношении тоже не было достигнуто. Так что вопрос о начальной дате и продолжительности правления Канишки остается нерешенным. Поэтому необходимо дальнейшее максимально подробное исследование данных древнекитайских письменных источников при учете уже достигнутых результатов изучения их и других источников.

Начнем с нумизматических материалов, которые позволяют судить о некоторых важнейших аспектах внутренней политики Канишки. Согласно им Канишка, как и Вима Кадфиз, чеканил золотые и медные монеты. Золотых его монет дошло до нас около 200 (Зеймаль, 1983, с. 190), к северу от Амударьи зарегистрированы всего две (Зеймаль, 1983, с. 105, 199). Медных монет Канишки собрано в музеях предположительно несколько тысяч, из них, однако, описано всего 150–200 экземпляров (Зеймаль, 1983, с. 193), а в Южном Таджикистане – 70 (Зеймаль, 1983, с. 199–203). Здесь их найдено в полтора раза меньше, чем монет Вимы Кадфиза (104 экз.), и почти в семь раз меньше, чем монет «сотера мегаса» (около 500 экз.). Общего описания топографии находок их на территории Кушанского царства пока нет. Судя же по упоминаниям о находках в Бихаре и Ориссе (Бонгард-Левин, 1969, с. 488), т.е. на востоке Центральной Индии, а также в Восточном Туркестане, где кроме его монет обнаружена еще только одна монета его преемника Хувишки (Нарайн, 1968, с. 217, 219), и даже в Хорезме (Массон М., 1974, с. 45), они распространились и за пределами Кушанского царства.

Нумизматы установили иконографическую преемственность монет Канишки по отношению к монетам Вимы Кадфиза по ти-

пам лицевой стороны, но отметили серьезные изменения на оборотной стороне и в легенде. На оборотной стороне их, в отличие от изображения единого индуистского бога Шивы на монетах Вимы Кадфиза, появились изображения различных божеств разных религий (греческих, авестийских, индуистских, Будды), которые исповедовало население разных частей Кушанского царства (Массон, Ромодин, 1964, с. 163; Зеймаль, 1983, с. 190–196), нет на ней и легенды на кхароштхи. На обеих сторонах монет Канишки немногочисленного первого выпуска помещена легенда только на греческом, а всех остальных выпусков (и на монетах всех последующих кушанских царей) – легенда только на бактрийском языке «кушанской письменностью» (представлявшей собой особую модификацию греческого письма), а на оборотной стороне еще и имя изображенного божества (Зеймаль, 1983, с. 191). Изменился и текст легенды: вместо «царь царей великий спаситель Вима Кадфиз» – «царь царей Канишка Кушан» (Массон, Ромодин, 1964, с. 162).

Можно сказать, что Канишка провел частичную денежную реформу. Но, судя по составленным Е. В. Зеймалем таблицам монет Вимы Кадфиза и Канишки, найденным в Южном Таджикистане (Зеймаль, 1983, с. 187–189, 199–203), их монеты по весу и диаметру мало отличались. Выходит, что реформа Канишки преследовала не столько экономические, сколько политические цели. По-видимому, ко времени его правления власть собственно кушан*, родина которых находилась к северу от Амударьи, над завоеванными ими царствами стала органичной и прочной, но их возмущали непривычные двуязычные монеты Вимы Кадфиза, да еще с изображением чуждого им бога. И Канишка закрепляет политическое господство кушан, выпустив монеты с легендой на бактрийском языке, как бы сделав его тем самым общегосударственным в многоязычном Кушанском царстве. Но он, несомненно, понимал, что этот акт, возвеличивавший кушан, может вызвать недовольство других народов его огромного царства, особенно народов Индии, имевших свою письменность и привыкших к двуязычным монетам. И потому на оборотной стороне своих монет Канишка помещает изображения божеств разных религий, которые исповедовали подвластные ему народы.

Судя по тому, что последующие кушанские цари не вносили существенных изменений ни в легенду, ни в композиционные

* Так, вероятно, стало называться и все население Кушанского царства, независимо от племенной и этнической принадлежности, жившее в его коренных землях к северу от Амударьи.

схемы лицевой и оборотной сторон своих монет (Зеймаль, 1968, с. 50; он же, 1983, с. 216), такой учет Канишкой достоинства и кушан, и подвластных им народов устроил всех. Однако бактрийский язык кушанской письменностью не получил широкого распространения в Кушанском царстве. Немногие надписи на нем обнаружены только в Бактрии. Многочисленные же кушанские надписи, найденные в Индии, выполнены письмом кхароштхи или брахми.

Но Канишка не только провел денежную реформу. Он ввел и новое летоисчисление. Выше говорилось о надписи из Калатсе, датированной 187 (184?) годом неизвестной эры, в которой упоминается Вима Кадфиз, и о надписях, датированных 122 и 136 годами, в которых имя Кушанского царя не читается, но которым, судя по тому, что в 187 г. правил Вима, мог быть только Куджула Кадфиз. А так как, по данным «Хоу Хань шу», Вима Кадфиз точно правил в 87 г. н.э., можно с уверенностью предположить, что эти два первых кушанских царя продолжили летоисчисление, начатое царями Большого Юэчжи с года овладения ими Дася, после чего Большое Юэчжи стало большим царством, т.е. с 100 или 99 г. до н.э. Найденные же надписи с именем Канишки датированы уже со 2-го по 23-й год, а надписи последующих кушанских царей – с 24-го по 98-й год. Получается, что Канишка ввел новую эру летоисчисления с года своего вступления на трон, которую исследователи и назвали «эрой Канишки» (таблицы надписей, датированных по ней, см.: Зеймаль, 1968, с. 29–47; Нарайн, 1968, с. 238–239).

Согласно надписям, датированным по «эре Канишки», сам он правил 23 года (1–23), Васишка – 4 года (24–28), Хувишка – 32 года (28–60), Канишка II – 1 год (41), Васудева – 34 (64–98).

Таким образом, исследователи сложнейших эпиграфических памятников, определив по ним последовательность и продолжительность правления кушанских царей, начиная с Канишки, внесли неоценимый вклад в решение проблемы не только относительной, но и абсолютной кушанской хронологии в целом и вопроса о начальной дате правления Канишки в частности.

Уже две названные акции Канишки – денежная реформа и введение нового летоисчисления, достоверность сведений о которых абсолютна – не оставляют сомнения в могуществе и неординарности его как правителя. Подтверждают это и сохранившиеся в индийской буддийской традиции предания о других его деяниях. Но дошли они до нас в основном в изложении раннесредневековых китайских буддистов, совершивших в разные века

паломничество в Индию и оставивших свои путевые записки, а также в еще более поздних китайских и тибетских текстах.

В буддийской традиции Канишка, явление которого в мир предсказал якобы сам Будда, предстает могущественным царем, сделавшим необычайно много для распространения и укрепления буддизма. Сначала сообщение об этом предсказании и о строительстве Канишкой ступы привел в своих записках китайский буддист Фа-сянь, совершивший паломничество в Индию в 399–412 гг. (перевод именно данного сообщения см.: Цюрхер, 1968, с. 374–375). Затем сообщение о предсказании Буддой через 300 лет после своего вступления в нирвану явления в мир царя Канишки и о строительстве им ступы привел китайский буддист Сун-юнь, посетивший Индию в 518–522 гг. (перевод его см.: Цюрхер, 1968, с. 375–376).

Особенно много такого рода сведений о Канишке узнал и изложил в своих путевых записках Сюань-цзан, китайский буддист, совершивший паломничество в Индию в 629–645 гг. Он прошел через Восточный Туркестан на северо-запад до озера Иссык-куль, оттуда на юго-запад через Среднюю Азию в Северный Афганистан и далее на восток в Северную и Центральную Индию. В двенадцати главах «Записок о западном крае [эпохи] Великой Тан» он описал в последовательности расположения по основным караванным путям 138 царств, через которые прошел сам и о которых узнал по расспросам (см. ДТСЮЦ, 1969; полный перевод см.: Бил, 1908). Поэтому его труд является ценнейшим источником по исторической географии всех этих регионов VI–VII вв. Пока же он, насколько нам известно, в основном использовался в этом качестве при решении проблем локализации царств припамирья (см.: Мандельштам, 1957, с. 108–129) и Средней Азии (Боровкова, 1989).

Но большую часть «записок» Сюань-цзана составляют описания местонахождения монастырей и ступ в посещенных им царствах и изложение услышанных там буддийских преданий о деяниях Будды, архатов, буддийских ученых и царей-буддистов. Среди них оказались и предания о царе-буддисте Канишке (ДТСЮЦ, 1969, гл. 2, с. 74; гл. 3, с. 116). Предания эти носят по преимуществу религиозно-нравоучительный мифологизированный характер. И потому их сведения зачастую считаются недостоверными и легендарными.

Но современная наука доказала, что в основе сведений древних мифов и легенд лежат, как правило, реальные события и фак-

ты, как, например, в основе поэм Гомера или древнекитайских мифов о династиях Ся и Шан. К тому же Канишка жил не в столь древние времена и в Индии, где за многие века до него появилась письменность и было написано немало разных сочинений, в том числе буддийских. Учитывая все это, нельзя, полагаем, исключать вероятность письменной фиксации в монастырях факта их основания этим великим царем, как и других его деяний, связанных тем более с конкретным монастырем, а также вероятность воспроизведения записей в случае их утраты. Во всяком случае, судя по свидетельству Сюань-цзана, монахи описанного им монастыря могли и изустно передавать эти предания из поколения в поколение. А в том, что народная память о великих предках и связанных с ними событиях сохранялась на протяжении многих веков, убеждают рассмотренные выше сведения из древнекитайских историй. Так, в народе, жившем на месте существовавших в I в. до н.э. владений пяти юэчжийских сихоу (князей), память о них сохранялась до V в. н.э., а память о владении самого знаменитого из них, Гуйшуан-сихоу, основавшем Кушанское царство, закрепилась в названии царства VII–VIII вв. Гуйшуанни. И о местонахождении г. Эрши, бывшего во II в. до н.э. столицей царства Давань и отразившего нападение многочисленного войска Ранней Хань, местные жители помнили до VIII в. н.э.

Эти соображения не позволяют, с нашей точки зрения, априори считать все сведения в буддийских преданиях о Канишке и особенно о его политической деятельности легендарными, недостоверными, что не исключает, а, наоборот, предполагает самое тщательное исследование их достоверности на основании сведений других источников.

Два предания о Канишке, записанные Сюань-цзаном, давно привлекли внимание исследователей вопроса о начальной дате правления Канишки. В них говорится о событии, сходном с тем, которое изложено в описании царства Шулэ (Кашгара) в «Хоу Хань шу». В преданиях после утверждения о могуществе Канишки и о распространении его влияния на очень отдаленные края сказано о прибытии к его двору сына правителя неназванных иноземцев, живших к востоку от Цунлина и к западу от неназванной реки, о радушном приеме Канишкой этого сына и последующем возвращении его домой. А в описании Шулэ в «Хоу Хань шу» повествуется о том, что его правитель изгнал своего дядю в Юэчжи (Кушанское царство), неназванный царь которого радушно принял опального, и о возвращении изгнанника на родину после

смерти правителя Шулэ в сопровождении войска этого кушанского царя.

Сходство сюжетов сообщений в этих двух источниках дало основание одним исследователям считать, что в них речь идет об одном и том же событии, связанном с Канишкой, и, так как в китайской истории оно соотнесено с точно датированными фактами, использовать его для определения времени правления Канишки. Другие же ученые доказывают, что в этих источниках говорится о разных событиях и что сообщение в «Хоу Хань шу» не относится к Канишке.

Как видим, спор о тождестве или разности событий, изложенных в «Записках» Сюань-цзана и в описании Шулэ в «Хоу Хань шу», касается одного из важнейших вопросов кушанской абсолютной хронологии – определения времени правления Канишки. Поэтому, полагаем, необходимо, учитывая аргументы сторонников обеих точек зрения, максимально подробно исследовать эти сообщения и выяснить, исходя из установленных выше фактов взаимоотношений Кушанского царства с Поздней Хань и с царствами Западного края, что же в них достоверно. Поскольку сведения в описании Шулэ датированы, начнем наше исследование с них.

Итак, в описании Шулэ в «Хоу Хань шу» сказано:

«В середине (*чжун*) [эры] Юань-чу (114–119. – *Л.Б.*) [правления императора] Ань-ди правитель Шулэ Аньго выслал за проступок дядю по матери Чэньпаня в [царство] Юэчжи. Правитель Юэчжи приблизил и полюбил его. Позже Аньго умер, не имея сыновей. [Его] мать взяла в [свои] руки (*чи*) управление царством и совместно с вельможами (*го-жэнь*) возвела на трон правителя Шулэ Ифу, сына младшего брата-близнеца (тун-чань) Чэньпаня. Чэньпань прослышал об этом и обратился с просьбой к правителю Юэчжи [отпустить его], сказав: «У Аньго не было сыновей, а [его] сородичи малолетние. Если же возводят на трон [человека] из рода [его] матери, то я, дядя Ифу по отцу, должен стать правителем». И тогда Юэчжи послало войско сопроводить [его] домой в Шулэ. Вельможи издавна уважали и любили Чэньпаня, а еще боялись юэчжей. [И они] тут же сообща отобрали у Ифу [царскую] печать со шнуром, приветствовали Чэньпаня и возвели на трон. А Ифу сделали *хоу** г. Паньгао.

Потом Шаче (Яркенд. – *Л.Б.*) взбунтовалось против Юйтянь (Хотана. – *Л.Б.*) и подчинилось Шулэ. Вследствие этого Шулэ усилилось и потому смогло стать равным [по могуществу] с Гуйцы (Кучей. – *Л.Б.*) и Юйтянь.

---

* Так как в Хань правителей (царей) всех иноземных царств, кроме Сюнну и Усунь, называли первым ханьским титулом знатности – *ван* (князь), то их князей называли вторым ханьским титулом знатности – *хоу* (граф).

Во 2 г. Юн-цзянь [правления императора] Шунь-ди (127 г. – *Л.Б.*) Чэньпань прислал посла преподнести дары. Император пожаловал Чэньпаню ханьское [звание] *да-дувэй*, а сыну [его] Чэньсюню – [звание] *шоу-го-сыма*. В 5 г. (130 г. – *Л.Б.*) Чэньпань прислал сына в свиту (*ши-цзы*) вместе с послами Давань и Шаче, все [они] преподнесли императору дары. Во 2 г. Ян-цзя (133 г. – *Л.Б.*) Чэньпань снова преподнес [императору] в дар льва и крупного буйвола. В 1 г. Цзянь-нин [правления] Лин-ди (168 г. – *Л.Б.*) правитель Шулэ [с] ханьским [званием] *да-дувэй* был убит во время охоты младшим дядей Хэдэ. И Хэдэ сам вступил на трон» (ХХШ, гл. 88, с. 2927).

Сначала остановимся на том, насколько достоверны эти сведения, от кого и когда они были получены при дворе Поздней Хань.

Согласно исследованным в четвертой главе данной работы материалам «Хоу Хань шу», после 106 г. все царства Западного края порвали связи с Поздней Хань. Нет в них конкретных сведений и о контактах с нею Шулэ и других царств по прикуньлуньской дороге при Бань Юне, действовавшем, как выяснилось, в 123–127 гг. лишь в северо-восточном районе Западного края (район Хами-Турфан). Вот почему очевидно, что при дворе Поздней Хань могли получить сведения о событиях в Шулэ того периода только от послов из этого царства, прибытие которых в 127, 130 и 133 годах отмечено как в описании Шулэ, так и в хронике правления императора Шунь-ди (ХХШ, гл. 6, с. 0663/2, 0663/3, 0664/1). Следовательно, записанные ханьскими дворцовыми историографами и изложенные в описании Шулэ в «Хоу Хань шу» сведения за этот период сообщили послы, знатные люди Шулэ, скорее всего, непосредственные свидетели и участники событий. И потому их данные заслуживают доверия. Благодаря им оказалось в «Хоу Хань шу» следующее после 90 г. упоминание Кушанского царства.

Ханьские дворцовые историографы весьма точно определили по своему летоисчислению время, когда Чэньпань был отправлен в Кушанское царство – в середине эры Юань-чу правления Шунь-ди (114–119), т.е. на рубеже 116–117 гг. И потому суждение Е. Цюрхера о том, что в 116 г. или вскоре после него Чэньпань возвратился в Шулэ и вступил на трон (Цюрхер, 1968, с. 353), безусловно, неверно. Ошибочно и мнение А. К. Нарайна о смерти правителя Шулэ Аньго в 119 г., так как это случилось, как сказано в описании, явно «позже» эры Юань-чу, единственной даты, указанной в предшествующем тексте.

Определить время возвращения Чэньпаня в Шулэ и вступления на трон можно лишь примерно, на основании контекста событий, исходя из точной даты (127 г.) отправления им первого

посольства в Хань. В ответ на прибытие посла с дарами император Шунь-ди пожаловал Чэньпаню воинское звание *да-дувэй*, именно звание, ибо такой должности в Хань, согласно «Таблице всех чиновников» (ХХШ, гл. 24–28), не было. Это номинальное пожалование звания не связывало обе стороны какими-либо конкретными обязательствами, что подтверждается тем фактом, что Чэньпань, послав в 130 г. сына в свиту императора и в 133 г. дары, затем вообще прервал отношения с Поздней Хань. И это не вызвало какой-либо реакции с ее стороны, хотя он правил долго, до 168 г.

Все это доказывает безосновательность суждения А. К. Нарайна о том, что в результате пожалования ханьским императором Чэньпаню «звания военного начальника» он стал «вассалом» Китая (Нарайн, 1968, с. 220). Э. Пуллиблэнк тоже считает, что Чэньпань признал «сюзеренитет» Китая, но, ссылаясь на описание Шулэ, признал еще раньше, после прибытия в Шулэ Бань Юна (Пуллиблэнк, 1968, с. 255). Однако в описании Шулэ имя Бань Юна вообще не упоминается. И Е. Цюрхер полагает, что Чэньпань стал «вассалом» Китая в результате «большой кампании Бань Юна, в ходе которой (согласно ХХШ, 88) он разгромил Кашгар, Кучу, Хотан, Яркенд и 14 других царств» (Цюрхер, 1968, с. 355). Но подобная фраза есть лишь во введении к главе 88 («Повествование о западном крае»), написанном Фань Е, составлявшим «Хоу Хань шу» в середине V в. В собственно же позднеханьских материалах этой главы, изложенных им, и вообще в «Хоу Хань шу», как показало наше исследование в четвертой главе данной работы, ни единого конкретного свидетельства о разгроме Бань Юном хотя бы одного из царств по прикуньлуньскому пути нет.

Почему же тогда правитель Шулэ Чэньпань, установив посольские связи с Поздней Хань в 127 г., через семь лет навсегда разрывает их? Понять причину этого позволяют сведения о последующих событиях в этом регионе. В 129 г. правитель Юйтянь (Хотана) убил правителя царства Цзюйми (Керии) и возвел на его трон своего сына (ХХШ, гл. 88, с. 2915), а в 131 г. отправил посла с дарами ко двору Хань (ХХШ, гл. 88, с. 2916). Видимо, через этого посла Хань потребовала от правителя Юйтянь вернуть Цзюйми независимость, который, однако, этого не сделал. И в 132 г. ханьский глава административного района Дуньхуан якобы послал Чэньпаня то главе 20-тысячного войска против Юйтянь. Чэньпань нанес Юйтянь поражение и возвел на трон Цзюйми сына убитого правителя (ХХШ, гл. 88, с. 2915). Но глава Дуньхуан-цзюня не имел права без приказа императора повелеть Чэнь-

паню предпринять этот поход. Очевидно, что Чэньпань разгромил Юйтянь по собственной инициативе. И, вероятно, именно после этого поражения Юйтянь от Чэньпаня произошло то событие, о котором сказано в описании Шулэ: «Позже [царство] Шаче (Яркенд. – *Л.Б.*) взбунтовалось против Юйтянъ и подчинилось Шулэ. Шулэ вследствие этого усилилось и потому смогло стать равным [по могуществу] Гуйцы и Юйтянь» (ХХШ, гл. 88, с. 2927).

Очевидно, что именно в результате усиления Шулэ за счет покорившегося ему Шаче было достигнуто равновесие сил трех крупнейших в Западном крае (Восточном Туркестане) царств – Гуйцы, Юйтянь и Шулэ, что и позволило Чэпьпаню порвать отношения с ослабевшей Поздней Хань. А это, в свою очередь, дает основание полагать, что ранее, в 127 г., Чэньпань стал искать поддержки у Хань как раз из-за боязни нападения на Шулэ Гуйцы и Юйтянь, которые прежде не раз пытались подчинить его себе (см. об этом гл. 4 данной работы).

Но это, полагаем, вторичная причина. Первичной же была та, на которую указал А. К. Нарайн. Он предполагает, что Чэньпань стал в 127 г. искать поддержки у Хань лишь после смерти покровительствовавшего ему кушанского царя, наступившей, считает он, с учетом времени на доставку сообщения о ней из Кушанского царства в Шулэ, в 125 г. (Нарайн, 1968, с. 220). Данное умозаключение А. К. Нарайна представляется нам верным. По-видимому, отношения с новым кушанским царем у Чэньпаня не сложились. И он, потеряв опору в Кушанском царстве и опасаясь возможных теперь нападений Гуйцы и Юйтянь, ищет покровительства у казавшейся ему могущественной Хань. А вернулся Чэньпань из Кушанского царства в Шулэ, надо полагать, года за два до смерти сердечно принимавшего его кушанского царя, т.е. примерно в 123 г.

Итак, проведенный анализ сведений из описания Шулэ в «Хоу Хань шу» дает основание предполагать, что кушанский царь, принявший на рубеже 116–117 гг. прибывшего из Шулэ Чэньпаня, умер, скорее всего, в 125 г. Но имя этого царя здесь не названо.

О причине этого «умолчания» высказаны разные предположения А. К. Нарайном (Нарайн, 1968, с. 241–242), Е. Цюрхером (Цюрхер, 1969, с. 350) и Э. Пуллиблэнком (Пуллиблэнк, 1968, с. 249). Все они так или иначе исходят из признания того, что информация о Кушанском царстве в «Хоу Хань шу» получена из доклада Бань Юна 125 г., о чем якобы составитель данной истории Фань Е сообщил в своем введении к «Повествованию о западном крае».

Но проведенное нами в четвертой главе исследование материалов «Хоу Хань шу» позволяет не согласиться с таким обоснованием. Во-первых, не мог Бань Юн по своему официальному статусу военачальника среднего ранга и обстоятельствам службы на северо-востоке Западного края (района Хами-Турфан Восточного Туркестана) получать квалифицированные сведения ни о Кушанском царстве и Шулэ, ни о других дальних и ближних царствах Западного края. И не подавал он в 125 г. доклад императору с описаниями этих царств, иначе о докладе было бы непременно сказано в его биографии. Во-вторых, фраза Фань Е в написанном им введении к «Повествованию о западном крае», как показано нами ранее, неточно переведена и истолкована. Сведения же, содержащиеся в описании Шулэ, о пребывании Чэньпаня в Кушанском царстве при дворе Хань узнали, несомненно, от прибывшего в 127 г. посла из Шулэ. Но почему же в описании не названо имя кушанского царя, радушно принимавшего Чэньпаня? Причину этого умолчания попытаемся выяснить исходя из уже известных нам фактов кушано-ханьских контактов и других данных «Хоу Хань шу».

Итак, при дворе Поздней Хань впервые получили представление о Кушанском царстве в 87 г. Тогда Хань только что закончила безуспешную для нее войну против северных сюннов и подвластных им двух небольших царств Чеши на северо-востоке Западного края (нынешний район Хами-Турфан), показавшую ее слабость. А от кушанского посла при дворе узнали, что Кушанское царство, созданное узурпатором трона царства Большое Юэчжи, завоевало затем три других больших царства и стало самым богатым и процветающим в регионе. Могущество и агрессивность его, успешное прибытие в столицу Хань посла из него – все это было для Хань пугающим. К тому же кушанский царь, приславший с послом богатые подарки, просил в жены ханьскую принцессу, что предполагало установление тесных отношений, дававших возможность разузнать все о пути в Хань, о ее силе, а вернее, ее слабости.

Только страхом, обуявшим ханьский двор, который осознал слабость своей империи перед лицом могущественного Кушанского царства, можно объяснить ответную реакцию его. Решение называть Кушанское царство по-прежнему Большим Юэчжи фактически означало отказ признать узурпаторов трона. Судя по умолчанию в официальной хронике о богатых дарах, привезенных послом, и о просьбе выдать в жены кушанскому царю ханьскую принцессу, о чем сказано в биографии Бань Чао, в этой просьбе

ему было отказано. Кушанский посол, узнавший дорогу в Хань и определивший необходимое количество продовольствия для похода в нее, на обратном пути домой был задержан, а скорее всего, убит в далеком от столицы маленьком царстве Шулэ (Кашгар), находившимся там ханьским военачальником среднего ранга Бань Чао, что тот мог сделать только по тайному приказу императора. После гибели посла Кушанское царство в 90 г. отправило свое войско в поход, как сказано в «Хоу Хань шу», против Бань Чао, хотя он, возможно, замышлялся против Хань вообще. Явно в силу неосведомленности, войско вышло в Шулэ без должного запаса продовольствия и вынуждено было, ограбив жителей его, поспешно вернуться домой. После этого контакты между Поздней Хань и Кушанским царством вообще прекратились.

Вот при таком отношении Поздней Хань к Кушанскому царству узнали при ее дворе в 127 г. от посла из Шулэ историю пребывания Чэньпаня в Кушанском царстве. Посол, надо полагать, назвал имя царя, сердечно принявшего Чэньпаня и оказавшего ему помощь при возвращении домой и вступлении на трон Шулэ. Дворцовые же историографы Хань не только опустили имя этого кушанского царя, но и постарались затушевать сведения о его могуществе. Они описали отправление царевича из еще недавно подвластного Хань Шулэ в свиту кушанского царя не как обычно в таких случаях терминами *чжицзы* или *шицзы* (сын в свиту), а как ссылку Чэньпаня в Юэчжи за преступление, хотя очевидно, что двор могущественного кушанского царя – не место для ссылки преступников.

И позже Поздняя Хань испытывала такой же страх и неприязнь к Кушанскому царству и его царям, что доказывают, с нашей точки зрения, сведения в «Хоу Хань шу» о Тяньчжу. В хронике правления императора Хуан-ди (147–167) за 159 и 161 годы есть два сообщения: «Тяньчжу прислала дары» (ХХШ, гл. 7, с. 0666/3), а в описании Тяньчжу добавлено: через Жинань (Индокитай) (ХХШ, гл. 88, с. 2922), т.е. морем. О послах, доставивших эти дары, даже не упомянуто. Но Тяньчжу, согласно ее описанию, составленному, несомненно, по рассказу этих неупомянутых послов, была огромной страной, в которой имелись несколько сот отдельных городов и несколько десятков царств, возглавляемых своими правителями. И все они подчинялись Юэчжи, т.е. Кушанскому царству, назначавшему своего военачальника управлять Тяньчжу в целом (ХХШ, гл. 88, с. 2921).

Конечно, ни правители этих многочисленных городов и царств, ни кушанский военачальник, управлявший Тяньчжу, не могли

отправить послов с дарами императору далекой Хань. Их, несомненно, послал кушанский царь, частью владений которого была Тяньчжу. Но ханьские дворцовые историографы написали, что прибыли дары из Тяньчжу, а не как обычно – послы с дарами из такого-то царства. Таким образом, они отразили позицию правителей Поздней Хань, не желавших иметь связи с Кушанским царством, могущество которого и сравнительная близость к Западному краю (Восточному Туркестану) внушали им страх. В этом убеждает тот факт, что те же историографы сообщили даже имена царей очень далеких и потому не опасных царств. Так, упомянуты правитель Аньси (Парфии) Маньцюи, посол которого прибыл в Хань в 101 г. (ХХШ, гл. 88, с. 2918), и правитель Дацинь (Рима) Антоний, чей посол с дарами побывал при дворе Хань в 166 г. (ХХШ, гл. 88, с. 2920), т.е. всего пятью годами позже последнего «прибытия даров из Тяньчжу».

Полагаем, что только так по данным «Хоу Хань шу» можно объяснить умолчание в ней имени кушанского царя, принимавшего Чэньпаня из Шулэ, а также кушанского царя, отправлявшего в 159 и 161 гг. послов в Хань из подвластной ему Тяньчжу морем через Индокитай.

Считаем необходимым обратить внимание на факты прибытия в Позднюю Хань в 159 и 161 гг. послов с дарами из Тяньчжу еще и потому, что они до сих пор обычно рассматривались в плане индо-китайских отношений, хотя из описания Тяньчжу очевидно, что она была частью Кушанского царства и послов к императору Хань мог, естественно, отправить только его царь. Так что это факты и из истории кушано-ханьских отношений.

Но выяснение истинной причины умолчания имени кушанского царя в «Хоу Хань шу» непосредственно не помогает решению вопроса о начале правления Канишки. Анализ же истории Чэньпаня в описании Шулэ позволяет лишь уверенно заключить, что принимавший его кушанский царь умер около 125 г. Но неизвестно, был ли это Вима Кадфиз, правивший и после 87 г., или Канишка, наследовавший ему, согласно нумизматическим данным. Поэтому перейдем далее к подробному исследованию двух преданий о Канишке, записанных Сюань-цзаном в первой половине VII в., сюжет которых сходен с историей Чэньпаня.

В первом из них, записанном Сюань-цзаном со слов монахов одного из буддийских монастырей в царстве Цзябиши (о локализации этого царства см. ниже), говорится:

«В трех-четырех ли к востоку от большого [столичного] города у подножия северных гор есть большой монастырь с более чем 300 монахами, изучаю-

щими вероучение малой колесницы (хинаяна). [Они] слышали (*вэнь*), [что] во всех (*чжу*) давних (*сянь*) записях (*чжи*) говорилось (*юэ*): в старину власть Канишки, правителя царства Цзяньтоло, распространялась на соседние царства, а влияние [его] проникло в отдаленные страны. [Он] водил войска, расширял территорию и дошел до [земель] к востоку от Цунлина. И [правитель] иноземцев, [живших] к западу от реки (*хэ-си*), только из страха [перед его] могуществом прислал сына в свиту (*чжи*). Правитель Канишка принял сына в свиту (*чжицзы*) по особому (*тэ*) дополнительному (*цзя*) церемониалу (*ли*) и повелел менять [его] местожительство [в зависимости от] холода и жары: зимой жить [в одном из] царств Индии, летом возвращаться в царство Цзябиши, а весной и осенью оставаться в царстве Цзяньтоло. Поэтому в каждом из трех мест проживания *чжицзы* [в зависимости от] времени года был построен монастырь. Этот нынешний монастырь был построен для его проживания летом. Поэтому все стены [его] помещений в рисунках. [На них] *чжицзы* по чертам лица, одеянию и украшениям очень похож на восточных *ся* (китайцев. – *Л.Б.*). Потом он смог вернуться домой. Но в данном царстве заботливо (*синь*) сохраняли (*цунь*) [его] прежнее [место] жительства. Хотя [он] был отделен горами и долами, [в этом монастыре] не прерывали [обряд] подношений (*гунъян*). Потому и теперь множество монахов, начиная и кончая [обряд] медитации (*аньцзюй*), на общем собрании воодушевленные учением (? – *Л.Б.*) молятся и *чжицзы*, [чтобы] получить благословение на самосовершенствование. [Так] продолжалось без перерыва до сих пор» (ДТСЮЦ, гл. 1, с. 38).

Вариант этого предания о Канишке и чжицзы Сюань-цзан услышал и записал еще и в царстве Чжинапуди (о его локализации см. ниже):

«В старину была империя (*юйюй*) правителя Канишки. [Его] слава приводила в трепет соседние царства, а влияние распространялось на [народы] с иными обычаями. [Правитель] иноземцев, [живших] к западу от реки, только из страха [перед его] могуществом прислал сына в свиту (*чжи*). Правитель Канишка принял *чжицзы* и удостоил приема щедрого и любезного. [Он выделил ему] три места проживания [в зависимости от] времени года и четырех воинов для охраны. Это царство тогда и было зимним местожительством *чжицзы*. Поэтому, сказывают, по причине местожительства [в нем] *чжицзы* Чжинапуди (в Тан говорят, что Хань пожаловала (*фэнь*) [его]) и было названо царство (*Чжинапуди чжицзы соцзюй инь вэй го хао*). В пределах этого [царства] и в землях всех Индий* [изначально] не было груш и персиков. По причине того, что [они] были выращены *чжицзы*, персики назвали *чжина-ни* (в Тан говорят, что завезены при Хань), а груши – *чжина-лоду-фуданьло* (в Тан говорят, что

* О «всех Индиях» здесь сказано потому, что во времена Сюань-цзана Индия из-за многообразия ее народов подразделялась на пять Индий – четыре назывались по странам света, а пятая – центральной (СТШ, гл. 221/1, с. 6236). Об этом же написал и Сюань-цзан (ДТСЮЦ, гл. 2, с. 51).

[завезены] при Хань сыном правителя). Поэтому люди этого царства глубоко уважают [иноземцев из] восточных земель. А указывая друг на друга, [они] заявляли [мне] (*гэн сян-чжи гао юй*): «А мы и есть люди данного царства давнего правителя (*ши во сянь-ван бэнь-го жэнь е*)»» (ДТСЮЦ, гл. 4, с. 135–136).

Прежде чем приступить к анализу сведений в этих двух преданиях, обратим внимание на то, что Сюань-цзан привел, несомненно, местные названия царств и городов начала VIII в., а как они назывались в кушанское время, мы не знаем. Составить представление о местонахождении двух упоминаемых в преданиях царств позволяют данные о расположении их в ряду других царств по караванному пути в последовательности, указанной Сюань-цзаном. То, что это был караванный путь из Северного Афганистана в Северную Индию, ясно из свидетельств Сюань-цзана о том, что по пути на восток из царства Цзябиши вступаешь в Северную Индию (ДТСЮЦ, гл. 1, с. 46) и что столицей царства Цзяньтоло был г. Булушабуло (ДТСЮЦ, гл. 2, с. 73). Булушабуло, т.е. Пурушапур, принято идентифицировать с нынешним Пешаваром. Следовательно, известно местонахождение столицы царства Цзяньтоло, правителем которого в предании из Цзябиши назван Канишка. Рядом с ней, по-видимому, в монастыре и жил весной и осенью чжицзы.

Сейчас из Пешавара на северо-запад дорога идет в Кабул, до которого «не более 300 км» (Массон, Ромодин, 1964, с. 8). В начале же VII в. по этому пути из Пурушапура на северо-запад в 500 ли (265 км) находилась столица царства Нацзелохэ и далее за нею в 100 ли (53 км) на северо-запад – столица царства Ланьпо (ДТСЮЦ, гл.2, с.72, 67), т.е. до нее от Пурушапура было почти столько же, сколько и ныне от Пешавара до Кабула. Но древнее расстояние обычно значительно больше современного. Вероятно, их совпадение в данном случае объясняется двумя причинами. Во-первых, дорога между этими городами проходит по межгорным долинам, в основном по долине р. Кабул, где возможности для спрямления пути очень ограниченны. Во-вторых, это был очень древний и торный караванный путь, как явствует уже из того, что лежавший на нем Пурушапур имел, по свидетельству Сюань-цзана, более 40 ли (21 км) в окружности (ДТСЮЦ, гл. 2, с. 73). По тем временам это был огромный город, самый большой, как оказалось, среди столичных городов всех описанных им царств в Средней Азии, Северном Афганистане и Северной Индии.

Да и климат в окруженном горами Ланьпо, влажно-теплый со слабым инеем, но без снега (ДТСЮЦ, гл. 2, с. 67), вполне соотносится с климатом в Кабуле, где мягкая зима и нежаркое лето,

так как окружающие горы защищают его от холодных северных и засушливых юго-западных ветров (КГЭ, 1961, с. 176). Все это дает основание локализовать царство Ланьпо в районе Кабула.

Царство же Цзябиши, в котором Сюань-цзан записал первое предание о Канишке и чжицзы, общепринято идентифицировать явно по фонетическому созвучию его названия с древней Каписой, упоминаемой еще в Бехистунской надписи 522 г. до н.э. Но современная афганская провинция Каписа находится сразу к северу от Кабула и к югу от Гиндукуша, защищающего ее, несомненно, от холодных северных ветров, а нынешний г. Беграм, с которым принято идентифицировать древний г. Каписа, лежит всего примерно в 60 км к северу от Кабула. Судя же по сведениям Сюань-цзана, царство Цзябиши находилось не к северу, а прямо к западу от Ланьпо и не в 60 км, а в 600 ли (318 км), к тому же климат в нем отличался холодными ветрами. Тем не менее в его столицу «множество удивительных товаров собиралось с разных сторон» (ДТСЦ, гл. 1, с. 37). И, что особенно важно, при раскопках в Беграме обнаружены археологические памятники, относящиеся только ко II в. до н.э. – III в. н.э., но не к VI–V вв. до н.э.

И из Цзябиши караванный путь далее шел прямо на запад в царство Фаньяньна, расстояние до которого, явно большое, не определено, что позволяет заключить, что Сюань-цзан в нем не был. Возможно, оно находилось в районе нынешнего Герата. На современной карте (Афганистан, 1978) рядом с путем из Кабула (Ланьпо, VII в.) на Герат, примерно в 318 км от Кабула находятся развалины древнего города. Не исключено, что на его месте в VII в. находилась столица царства Цзябиши. Возможно, даже именно здесь и находился древний г. Каписа, который упоминается в Бехистунской надписи 522 г. до н.э.

Таким образом, по сведениям Сюань-цзана от столицы царства Цзяньтоло г. Пурушапур (Пешавара), где чжицзы жил весной и осенью, до столицы царства Цзябиши, куда он переезжал на лето, было 1200 ли (636 км).

Такая удаленность этих царств друг от друга дает основание усомниться в достоверности сведений в преданиях о сезонных переездах чжицзы в них. Однако о царстве Юэчжи известны сведения, доказывающие, с нашей точки зрения, возможность таких передвижений. Это – два сообщения из утраченных работ двух китайцев, живших примерно в I–III вв., дошедшие до нас в комментариях к описанию Большого Юэчжи в «Ши цзи» танского историка VIII в. Чжан Шоуцзе. В одном из них (из работы Вань Чжэня «Записки о южных регионах») говорится: «В царстве по-

стоянно [имеется] несколько сот тысяч конников с колесницами» – а в другом (из сочинения Кан Тая «Повествование об иноземных царствах»): «В иноземных царствах сказывают, что в поднебесье три множества: в Срединной империи (Чжунго) – множество людей, в Риме (Дацинь) – множество драгоценностей, а в Юэчжи – множество лошадей» (ШЦ, гл. 123, с. 3162, прим. 1). Наличие большого количества лошадей и колесниц позволяло, полагаем, быстро перевозить чжицзы и на расстояние в 636 км.

И местонахождение третьего царства, Чжинапуди, где чжицзы жил зимой, относительно царства Цзяньтоло с его столицей Пурушапуром Сюань-цзан не определил. Но он сообщил, что царство Чжинапуди, климат которого по сезонам менялся от теплого к жаркому, находилось в 500 ли (265 км) к востоку от царства Чжэцзя (ДТСЮЦ, гл. 4, с. 2135). Царство же Чжэцзя, в котором климат был жарким, на востоке занимало земли по реке Пибошэ, а на западе прилегало к р. Синьду (ДТСЮЦ, гл. 4, с. 129–130), т.е. к р. Инд. Судя по этим данным, оно лежало, вероятно, к северу от пустыни Тхал и к востоку от р. Инд, по какому-то ее притоку, т.е. к юго-востоку от царства Цзяньтоло. К востоку от Чжэцзя в 265 км и находилось царство Чжинапуди с его теплой зимой. Расстояние от Цзяньтоло до места обитания чжицзы в Чжинапуди было, видимо, примерно таким же (около 600 км), как от Цзяньтоло до его летнего места проживания в Цзябиши.

Теперь, приблизительно выяснив местонахождение и взаиморасположение царств, с которыми связано пребывание чжицзы у Канишки, рассмотрим другие сведения в преданиях, учитывая разные переводы и толкования их другими исследователями.

Оба предания начинаются с утверждения о могуществе Канишки, который владел ближними царствами и оказывал большое влияние на отдаленные страны, что согласуется с сообщением в описании Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу», относящемся, как мы выяснили, еще ко времени правления Вимы Кадфиза, о Кушанском царстве, как о самом богатом и процветающем.

Далее в первом предании (из Цзябиши) сказано, что Канишка со своим войском «доходил до [земель] к востоку от Цунлина». Обратим внимание – «доходил», но не завоевывал, не покорял. После этого идет фраза, которая дословно совпадает с той, что есть и во втором предании (из Чжинапуди): «[Правитель] иноземцев, [живших] к западу от реки, из страха [перед его] могуществом прислал сына в свиту». Выше по материалам «Хоу Хань шу» мы выяснили, что кушанские войска только дважды выходили в земли к востоку от Цунлина, в Шулэ (Кашгар), и быстро

возвращались домой. Первый раз – в 90 г., явно в правление Вимы Кадфиза, войско прибыло в Шулэ покарать Бань Чао. Второй раз войско было послано неназванным кушанским царем мирно сопроводить Чэньпаня в Шулэ предположительно в 123 г.

Других сведений в «Хоу Хань шу» о походах кушанского войска к востоку от Цунлина нет, хотя возможности для получения их в Поздней Хань были: до 133 г. связи с нею поддерживал Чэньпань, а в 170 г. ханьское войско побывало в Шулэ и по возвращении сообщило об убийстве Чэньпаня его дядей в 168 г.

В таком случае, если в преданиях сведения о походе войск Канишки и о прибытии к нему затем чжицзы изложены, как и в династийных историях, в хронологической последовательности, Чэньпань не мог быть этим чжицзы, так как второй поход кушанского войска, сопровождавшего его в Шулэ, состоялся после того, как Чэньпань уже ряд лет прожил в Кушанском царстве. Однако полное отсутствие в источниках, кроме истории Чэньпаня, сведений об отправлении правителями царств, лежавших к востоку от Цунлина, своих чжицзы к Канишке, дает основание считать, что в преданиях просто отмечены факты древней истории, реальная последовательность которых за истекшие века была забыта. В этом случае Чэньпань и был этим чжицзы. К сожалению, рассмотренная фраза не привлекла внимания исследователей, зато следующая стала одним из важных аргументов в решении вопроса о том, откуда чжицзы прибыл к Канишке.

С. Бил, опубликовавший в 1906 г. первый и единственный до сих пор полный перевод «Записок» Сюан-цзана, данную фразу из первого предания перевел и истолковал так: «Государство, данник Китая, к западу от Желтой реки (т.е. от Хуанхэ. – *Л.Б.*) из страха перед могуществом царя послал к нему [принцев в качестве] заложников» (Бил, 1906, с. 54). А точно такую же фразу во втором предании он перевел иначе: «Когда правил Канишка, страх перед его именем распространился на многие регионы, даже на дальних вассалов Китая. Одно из этих вассальных государств в страхе послало заложника ко двору Канишки» (Бил, 1906, с. 173).

Сопоставление данного перевода с нашим почти дословным показывает, что перевод С. Била – очень вольный, особенно фразы из второго предания. Иероглиф *фань*, означающий «иноземцы» (ЦХ, с. 1167), он перевел как «вассальное государство», тогда как «зависимое владение» обозначалось сочетанием *фань-го* и с другим иероглифом *фань* (ЦХ, с. 1167). При отсутствии указателя множественного числа к термину *чжицзы* С. Бил перевел его в первом предании во множественном числе, а во втором – в един-

ственном. Нет в китайском тексте слова «Китай» или его эквивалента того времени. О том, что «заложник» был послан из вассального государства Китая, С. Бил, несомненно, заключил исходя из убеждения, что выражение «к западу от реки» означает «к западу от Желтой реки», т.е. Хуанхэ. Как и другие потом переводчики, он не задавался вопросом, почему подвластное Китаю государство, лежавшее к западу от Хуанхэ, отправляло заложника в Кушанское царство добровольно.

Историк А. К. Нарайн в своем докладе в Лондоне в 1960 г. на конференции, посвященной дате Канишки, использовал эти сведения из «Записок» Сюань-цзана именно в переводе С. Била. Сопоставив их с историей Чэньпаня из описания Шулэ, единственного царства, как явствует из «Хоу Хань шу», посылавшего принца ко двору кушанского царя, пришел к выводу, что «оба источника дополняют друг друга и оба описания действительно рассказывают одну и ту же историю», что Канишка принимал именно Чэньпаня (Нарайн, 1968, с. 218). На основании же анализа датированных сведений о Чэньпане в «Хоу Хань шу» он заключил, что Канишка умер, скорее всего, в 125 г., а так как он был царем, согласно эпиграфическим источникам, 23 года, то правил со 103 по 125 г. (Нарайн, 1968, с. 220–221).

Эти выводы А. К. Нарайна, как убедимся далее, оказались верными, но его конкретная аргументация их, основанная главным образом лишь на тех сведениях китайских источников, которые имелись в переводах, к тому же в значительной мере устаревших, оказалась недостаточной, частично противоречивой, не всегда точной и потому спорной.

И выступивший на той же конференции синолог Е. Цюрхер не согласился с А. К. Нарайном. Он представил на конференцию свой перевод основных сведений о юэчжах и Кушанском царстве из разных китайских источников и, в частности, из описания Шулэ в «Хоу Хань шу» и двух преданий о Канишке и чжицзы из «Записок» Сюань-цзана. В докладе, возражая А. К. Нарайну, он, основываясь на своем переводе и толковании этих сведений, пришел к заключению, что в описании Шулэ и в двух преданиях речь идет о разных событиях и что «заложники» прибыли к Канишке из Китая. Этим сенсационным, с нашей точки зрения, выводом Е. Цюрхер опровергал не только мнение А. К. Нарайна о прибытии к Канишке «заложника» из Шулэ, но и тот установленный синологами факт, что ни один китайский император не посылал своего сына и даже родственника ко двору какого-либо иноземного государя, тем более в качестве заложника. Но поскольку та-

кая точка зрения высказана специалистом-синологом, считаем необходимым подробно проанализировать его перевод и толкование сведений из описания Шулэ и двух преданий о Канишке и чжицзы.

Сначала рассмотрим, как Е. Цюрхер оценивает историю Чэньпаня в описании Шулэ. По его мнению, в этом описании изложена «дворцовая интрига – несомненно, один из бесчисленных подобных случаев в истории этих мелких царств Центральной Азии, – которая по какой-то причине или *случаю* (курсив автора. – *Л.Б.*) упомянута китайским историком» (Цюрхер, 1968, с. 353–354). Однако Е. Цюрхер не доказал это свое суждение, так как не привел ни одного примера из бесчисленных, по его мнению, случаев отправления правителями мелких царств Центральной Азии (а таковые, заметим, были в основном в Восточном Туркестане) своих сыновей ко двору Кушанского царства. И это не случайно, потому что подобных случаев, как и вообще контактов царств Западного края с Кушанским царством, не известно, в том числе и по «Хоу Хань шу».

А первое предание о Канишке и чжицзы, записанное Сюаньцзаном в царстве Цзябиши, Е. Цюрхер перевел так: «В трех или четырех ли к востоку от большого [столичного] города есть крупный монастырь с более чем 300 монахами. Все они изучают учение Малой Колесницы. Из более ранних записок я узнал, что в древности царь Цзя-ни-сэ-цзя [Канишка] страны Цзяньтоло [Гандхара], чье величие простерлось на соседние царства, а преобразующее [влияние] проникло в отдаленные регионы, водил свои войска, чтобы расширить территорию, даже к востоку от Цунлина [Памира]. [Правители] пограничных племен в регионе «к Западу от [Желтой] Реки» (Хэ-си; см.: Цюрхер, с. 354) в страхе перед ним послали [своих сыновей в качестве] заложников к нему, и он отнесся к ним очень учтиво. Он повелел им иметь разное местожительство по жаркой и холодной погоде: зимой они жили в разных странах Индии, а летом они возвращались в Капису (Цзябиши. – *Л.Б.*), тогда как весной и осенью они оставались в стране Гандхара, и поэтому он основал монастырь в каждом месте, где заложники-сыновья оставались в течение трех сезонов. Нынешний этот монастырь и есть тот, в котором была основана их летняя резиденция. Вот почему черты лица, одежда и украшения заложников-сыновей, как они изображены на стенах разных помещений, очень похожи на [все это] у народа Китая. Позже им было позволено вернуться в их родную страну [страны?], но о них помнили в их старых жилищах и, хотя они были отделены горами

и реками, [обитатели монастыря] не забывали поклоняться им. Поэтому [даже] в настоящее время конгрегация монахов, когда бы они ни начинали или кончали период уединения, созывают крупномасштабное религиозное собрание, на котором молятся за счастье заложников-сыновей и [таким образом] насаждают добродетель. [Эта практика] продолжается без перерыва до сих пор» (Цюрхер, 1968, с. 376–377).

А второе предание, позже записанное Сюань-цзаном в далеком от Цзябиши царстве Чжинапуди, Е. Цюрхер перевел так: «В древности, когда царь Канишка правил [своим] царством, его слава заставляла трепетать в страхе соседние страны, а его величие распространилось до отдаленных народов. [Правители] приграничных племен в регионе «к Западу от Реки» (см.: Цюрхер, с. 354) из-за страха перед ним послали ему заложников. Когда Канишка получил [их] сыновей [в качестве] заложников, он обошелся с ними с щедростью. [Он повелел им] проживать в разных местах по трем сезонам, а охранять их четырем [группам] воинов. Это, значит, и есть страна, где заложники-сыновья жили в течение зимы, поэтому она называется Чжинапуди (по-китайски: «удел Хань»); поскольку это и есть место, где жили заложники-сыновья, они и сделали его названием страны. В этом регионе и по всей Индии не было груш и персиков. Они были [впервые] выращены заложниками-сыновьями и поэтому [индусы] назвали персики чжина-эр (*чжина-ни*) (по-китайски: привезены «из Хань» или «Хань»), а груши – *чжина-ло-шэ-фу-да-ло* (по-китайски: сын царя Хань). По этой причине люди этой страны глубоко чтут Восточные Земли [Китая] и, более того, они, указывая на нас, говорили друг другу: «Эти люди из первоначальной страны наших прежних царей»» (Цюрхер, 1968, с. 382–383).

В докладе Е. Цюрхер, возражая А. К. Нарайну и основываясь на сведениях этих преданий, заключил: «Абсолютно точно, что географическое название Хэ-си не может относиться к Кашгару – факт, который не был достаточно понят ранними переводчиками. Хэ-си не есть неопределенное указание на всю территорию к западу от большой излучины Желтой реки, а является очень специфическим географическим названием, обозначавшим в ханьское время четыре командующих – Дуньхуана, Цзюцюаня, Чжанъе и Цзиньчэна, иногда также и Увэя, все в Ганьсу, нынешней северо-западной провинции собственно Китая. Я могу сослаться на все детали исследования Лао Ганя в «Бюллетене Академии Китая», XXX, с. 369 и далее. Просто немыслимо, чтобы такой ученый, как Сюань-цзан, мог использовать термин Хэ-си для обо-

значения какой-либо местности в Центральной Азии. А последняя часть рассказа, без сомнения, подразумевает, что заложники предполагались прибывшими из Китая. Местные жители показывали на Сюань-цзана и говорили: «Он из первоначальной страны наших прежних царей». Фрукты, сказали, завезенные ими, называются чжинани и чжинараджапутра. А в параллельном рассказе о монастыре заложников в Каписе рисунки на стенах показывают их китайский облик и одежду. Нет ничего, что указывало бы на Кашгар, и поэтому я не вижу причин ... не обращать внимания на контекст в целом, который настойчиво говорит о Китае» (Цюрхер, 1968, с. 354–355).

Как видим, Е. Цюрхер основывает свою точку зрения на трех сообщениях в двух преданиях: 1) о прибытии «заложников» из региона «к западу от реки», в котором, полагает он, ученый Сюань-цзан мог назвать только Ганьсуский коридор, обозначавшийся в ханьское время именно выражением хэ-си; 2) о рисунках на стенах помещений монастыря в Цзябиши, свидетельствующих о китайском облике и одежде «заложников»; 3) о названиях груш и персиков, завезенных заложниками в Индию якобы из Китая.

Рассмотрим эти аргументы Е. Цюрхера по порядку.

Если принять суждение Е. Цюрхера о том, что Сюань-цзан не мог использовать выражение хэ-си для обозначения какой-либо местности в Центральной Азии, так как он, большой ученый, знает-де, что так в ханьское время назывался регион Ганьсуского коридора, то получается, Сюань-цзан, во-первых, не просто записывал со слов жителей царств Цзябиши и Чжинапуди древние предания, в которых упоминались какие-то иноземцы, жившие к востоку от Цунлина и к западу от какой-то реки, а излагал предания, исходя из собственных географических и исторических представлений и, во-вторых, знал, что события, упоминаемые в преданиях, происходили в ханьское время.

О том, что это не так, свидетельствует упоминание Сюань-цзаном иноземцев или, по переводу Е. Цюрхера, «приграничных племен». Если бы Сюань-цзан подразумевал под хэ-си именно Ганьсуский коридор ханьского времени и, следовательно, знал, что события эти происходили в ханьский период, то он знал бы и то, что как только этот регион, покинутый сюннами, перешел под контроль Хань в 121 г. до н.э., он сразу же после этого был заселен ханьцами (см. об этом: Боровкова, 2000, с. 95–97), а не какими-то иноземцами или племенами. Но Сюань-цзан был ученым буддистом, а не историком и этого явно не знал.

О том, что в преданиях под регионом «к западу от реки» подразумевался не Ганьсуский коридор, говорит хотя бы то, что жившие там иноземцы боялись Кушанского царства и самого Канишки. А как мы выяснили выше, кушанское войско всего два раза выходило к востоку от Цунлина, как тогда называли Заалайский хребет, в ближнее к нему царство Шулэ. Но от Шулэ до Дуньхуана, самого западного города Ганьсуского коридора, было 4850 ханьских ли (1900 км). Так что вряд ли жители этого региона вообще слышали о Кушанском царстве. А вот жители Шулэ могли страшиться юэчжей (кушан), так как в 90 г. оказавшееся в нем без продовольствия кушанское войско грабило их.

И наконец, обратим внимание на то, что древние китайцы применяли выражение «к западу от реки» (хэ-си) для обозначения земель к западу от разных рек и в разных регионах. Так, с 652 по 645 г. до н.э. царство Цинь вело борьбу за земли «к западу от реки», принадлежавшие царству Чжао (см.: Исторические записки, т. 2, с. 24, 27; т. 5, с. 147, 149) и находившиеся, несомненно, к западу от восточного участка Великой излучины Хуанхэ, являющегося естественным рубежом между нынешними провинциями Шэньси (внутри излучины) и Шаньси (к востоку от излучины). В 121 г. до н.э. сюнны, жившие, напомним, со 167 г. до н.э. «к западу от реки», сдались Хань и были расселены в Ордосе, т.е. внутри Великой излучины Хуанхэ, а в их бывшие земли в Ганьсуском коридоре Хань сразу же стала переселять ханьцев и по мере заселения создала там четыре административных района (цзюнь): Дуньхуан, Цзюцюань, Чжанъе и Увэй (обо всем этом см. подробнее: Боровкова, 2000, гл. 2). В хронике «Вэй шу» в сообщениях за первую половину V в. выражение хэ-си встречается часто. При этом в одних говорится о царстве Хэси, созданном в 412 г. в землях пров. Ганьсу, включая Ганьсуский коридор, о пожалованиях его правителю и о его разгроме Северной Вэй (386–535) в 439 г. (ВШ, гл. 3, с. 52; гл. 4/1, с. 79, 83, 87–89), а в других, более многочисленных – о том, что Северная Вэй громила в этот же период иноземцев «к западу от реки» (ВШ, гл. 3, с. 53–55, 60, 75, 79), но живших к западу от восточного участка Великой излучины Хуанхэ, внутри этой излучины, а также о поездках императоров на охоту «к западу от реки» (ВШ, гл. 3, с. 74, 79, 83, 84, 85 и др.), несомненно в ближние к столице земли этого региона. Впервые административный район с названием Хэси-цзюнь был создан в 537 г. в империи Восточная Вэй (534–550), занимавшей земли к востоку от Великой излучины Хуанхэ, на западном берегу реки Линьфэнь в нынешней пров. Шаньси и ликвидирован

при Северной Чжау (557–581) (ВШ, 1933, гл. 106/1, с. 2148/2; ДМДЦД, с. 614). Позже в империи Тан (618–906) было создано по одному уезду Хэси-сянь в землях нынешних провинций Юньнань и Сычуань (ДМДЦД, с. 514).

Все изложенное не оставляет, как нам представляется, сомнения в том, что Сюань-цзан, не знавший, к какому времени относятся сведения записываемых им преданий, мог использовать выражение «к западу от реки» для обозначения любого региона, соответствовавшего ему. А так как в преданиях сказано, что иноземцы, жившие к западу от реки, страшились Кушанского царства, а бояться его могли, как мы выяснили, только жители ближнего с востока к Цунлину царства Шулэ (Кашгар), в котором в 90 г. кушанское войско грабило, то есть основание полагать, речь в преданиях шла именно о них. Но сомнение может возникнуть в связи с тем, что нынешний Кашгар, с которым идентифицируется древнее Шулэ, лежит на северном, а не на западном берегу р. Кызылсу. Однако не исключено, что древняя столица царства Шулэ находилась чуть восточнее нынешнего Кашгара, где река Кызылсу как раз делает изгиб и течет с юго-запада на северо-восток. Кушанцы явно не сумели за короткий срок пребывания в Шулэ составить представление об общем направлении течения этой реки, и лишь по данному узкому участку определили, что иноземцы живут к западу от нее.

Так что первый аргумент Е. Цюрхера, свидетельствующий, по его мнению, что «заложники» от иноземцев, живших «к западу от реки», прибыли к Канишке из Ганьсуского коридора Китая, оказывается несостоятельным.

А теперь обратимся ко второму аргументу Е. Цюрхера, приведенному тоже в доказательство того, что «заложники» прибыли к Канишке из Китая. По утверждению этого ученого, в «рассказе о монастыре заложников в Каписе (Цзябиши. – *Л.Б.*) рисунки на стенах показывают их китайские черты лица и одежду» (Цюрхер, 1968, с. 355). В его же переводе предания данное сообщение выглядит так: «Черты лица, одеяния и украшения заложников-сыновей, как они изображены на стенах различных помещений, *очень похожи* (курсив наш. – *Л.Б.*) на (то же) народа Китая» (Цюрхер, 1968, с. 377). Сопоставим его с нашим дословным переводом: «Все стены помещений (*чжу ши би*) [монастыря] в рисунках (*ту хуа*), [на которых] чжицзы по чертам лица и облику (*жун мао*), одеяниям и украшениям (*фу ши*) очень (*по*) похож (*тун*) на восточных *ся*». *Ся* – это самое древнее самоназвание китайцев эпохи первоначального формирования китайского этноса (Крюков, Софро-

нов и др., 1978, с. 271–272), исчезнувшее в период империй Цинь и Хань (Крюков, Переломов и др., 1983, с. 353), но сохранившееся, как видим, в древнем буддийском предании. И то, что Сюань-цзан не заменил его, несомненно, известным ему более поздним самоназванием *ханьжэнь*, доказывает, что он просто записывал рассказ своих информаторов. Но самое главное в этом сообщении – указание на то, что чжицзы по чертам лица, облику и одежде были «очень похожи» на ся, т.е. на китайцев, но явно не были ими, тогда как Е. Цюрхер считает их китайцами.

А мог ли быть этим чжицзы, похожим на китайца, Чэньпань, посланный в Кушанское царство из Шулэ (Кашгара)? В связи с этим вопросом необходимо вспомнить сведения из биографии Бань Чао, исследованные выше в четвертой главе. Согласно им, правитель Шулэ Чжун, которого Бань Чао возвел на трон этого царства в 74 г., изменил ему в 84 г. И Бань Чао тут же сделал правителем Шулэ Чэн Да, начальника своей канцелярии, несомненно, грамотного китайца. Но в том же году Чжун при поддержке войск Канцзюй вернулся в Шулэ, а Бань Чао, по всей вероятности, вместе с Чэн Да закрепился в одном из городов этого царства. Его противостояние с Чжуном продолжалось до 86 г., когда Бань Чао заманил и убил Чжуна. Так как в биографии Бань Чао нет сообщения о возведении им после этого на трон Шулэ какого-то нового человека, то очевидно, что правителем царства остался ханец Чэн Да. Бань Чао находился в Шулэ до 102 г., а до 106 – его преемник Жэнь Шан. За этот долгий период Чэн Да со своим окружением из ханьцев смог упрочить свое положение в качестве правителя Шулэ, породниться с местной знатью. И их ближайшие потомки были, естественно, похожи на китайцев.

Не удивительно поэтому, что Чэньпань, один из членов правящего дома Шулэ, отправленный на рубеже 116–117 гг. в Кушанское царство, по облику и одежде тоже был похож на китайца. Так что в рассматриваемом сообщении из предания описан еще один факт, дающий основание считать, что именно Чэньпань был тем чжицзы, которого принимал царь Канишка.

Однако Е. Цюрхер, утверждая, что «заложники» прибыли к Канишке из Китая, ссылается еще и на сведения о названиях груш и персиков, завезенных в Индию «заложниками», и на танские комментарии к ним во втором предании, записанном Сюань-цзаном в царстве Чжинапуди. Но в докладе он лишь кратко упоминает о них. Поэтому решающее значение приобретает рассмотрение его перевода этой части предания.

Наш, практически дословный, перевод ее начала таков: «Это царство (*цы го*) тогда (*цзэ*) и было зимним местожительством чжицзы (*чжицзы дун со-цзюй е*). Поэтому (*гу*), сказывают (*юэ*), по причине местожительства [в нем] чжицзы Чжинапуди (*Чжинапуди чжицзы со цзюй инь*) [в Тан говорят, что Хань пожаловала [его] (*Тан янь Хань фэн*)] и было [это] царство названо (*вэй го хао*)».

Считаем, что первое предложение в этом сообщении заканчивается частицей *е*, которая в древних текстах обычно оформляла конец предложения с предметным сказуемым при отсутствии связки, заменяя ее, и переводится «и есть». А следующее предложение начинается со слов «поэтому (*гу*), сказывают (*юэ*), ...». Последовательность идущих далее слов – «*Чжинапуди чжи-цзы* местожительства» – позволяет перевести их только так – «местожительства [в нем] чжицзы Чжинапуди», где *Чжинапуди*, стоящее перед *чжицзы*, оказывается собственным именем этого чжицзы. Если бы Чжинапуди было географическим названием места обитания чжицзы, то оно и стояло бы непосредственно перед словом «местожительства». Иероглиф *инь*, стоящий после «местожительства» и означающий «из-за», «по причине», «вследствие», определяет структуру нашего перевода этого предложения: «Поэтому, сказывают, по причине местожительства [в нем] чжицзы Чжинапуди ... и было [это] царство названо». Согласно этому сообщению Чжинапуди – это имя чжицзы, любезно принятого Канишкой, в память о котором царь, видимо, и назвал это царство.

Е. Цюрхер перевел и истолковал данное сообщение иначе: «Это, значит, и есть страна, где заложники-сыновья жили в течение зимы, поэтому она называется Чжинапуди (по-китайски: удел Хань); поскольку это и есть место, где жили заложники-сыновья, они и сделали его названием страны» (Цюрхер, 1968, с. 382).

Он проигнорировал частицу *е*, заканчивающую первое предложение, и включил в него первые три слова из второго предложения (*гу юэ Чжинапуди*). В результате в его переводе получилось, что страна была названа Чжинапуди, потому что в ней зимой жили «заложники-сыновья». Перевод им остальной части второго предложения просто повторяет по смыслу предыдущее предложение. Он начал его с отсутствующей в китайском тексте фразы: «Поскольку это и есть», добавив в него далее местоимения «они» и «его». Если вместо этих местоимений поставить существительные, их заменяющие, то предложение будет таким: «Поскольку это (т.е. страна. – *Л.Б.*) и есть место, где жили заложники-сыновья, они (т.е. заложники-сыновья. – *Л.Б.*) и сделали его (т.е. место, которое и есть страна. – *Л.Б.*) названием страны».

Согласно столь неясному переводу, получилось, что иноземные «заложники», поскольку эта страна была тем местом, где они жили зимой, сами и назвали ее, что, полагаем, было невозможно. Однако этот перевод позволил Е. Цюрхеру предположить, что Чжинапуди – это географическое название, «вокруг которого и развивалась история прибытия китайских заложников» (Цюрхер, 1968, с. 355).

Соответственно, Е. Цюрхер перевел и истолковал танский комментарий «*Тан янь Хань фэн*», включенный во второе предложение. Он дан во фразе: «*Чжинапуди чжицзы сю-цзюй инь*» – непосредственно к слову «Чжинапуди», отнесенного, однако, Е. Цюрхером к первому предложению. Комментарий «*Тан янь Хань фэн*», согласно его переводу: «по-китайски: удел Хань» – означал, что «Чжинапуди» – это перевод китайского названия «удел Хань».

Но, во-первых, в танское время самоназванием китайцев был уже этноним *хуа* или *хань* и соответственно их язык назывался либо *хуа юй*, либо *хань юй* (об этом см.: Крюков и др., 1984, с. 280–283), но не *тан юй*. И потому выражение *Тан янь* в этом комментарии и последующих явно означало буквально «в Тан говорят», а не «по-китайски». Во-вторых, в ханьское время иероглиф *фэн* использовался вместо иероглифа *го* для обозначения удела или владения титулованного лица очень редко, но очень часто в значении «жаловать». В основном он встречается в многочисленных сообщениях о том, что император жаловал (*фэнь*) кому-то титул вана или хоу, или должность, или дворы в кормление. Среди перечисленных в разделе «Ди ли чжи» «Хань шу» и «Хоу Хань шу» нет владения (*го*) с названием Чжинапуди, а жаловать удел в Индии Хань не могла. В Тан, несомненно, говорили о том, что «Хань пожаловала [его]», т.е. Чжинапуди. Поскольку в «Хоу Хань шу» только в описании Шулэ есть сообщение о пожаловании ханьским императором его правителю Чэньпаню звания *да-дувэй*, есть основание заключить, что Чжинапуди – это индийский вариант имени Чэньпаня, но в китайской транскрипции.

Последующие сведения в этом предании, записанном Сюаньцзаном в царстве Чжинапуди, подтверждают, по нашему мнению, что Чжинапуди – это имя чжицзы, а по мнению Е. Цюрхера, доказывают, что «заложники» прибыли к Канишке из Китая. Рассмотрим эти сведения, сопоставляя его и наш перевод их.

Наш дословный перевод с транскрипцией таков: «В пределах этого [царства] (*цы цзин*) и на территории всех Индий (*ван цзи чжу Инду*) не было (*у*) груш (*ли*) и персиков (*тао*). По причине [того, что они] были выращены чжицзы (*чжицзы со-чжи инь*),

персики назвали (*вэй тао юэ*) *чжина-ни* (в Тан говорят, что завезены при Хань – *Тан янь Хань чи-лай*), а груши – *чжина-лоду-фуданьло* (в Тан говорят, что [завезены] при Хань сыном правителя – *Тан янь Хань ван цзы*).

Е. Цюрхер перевел это сообщение так: «Начиная с этого региона и по всей Индии (первоначально) не было груш и персиков. Они были (впервые) выращены заложниками-сыновьями, и потому (индусы) назвали персики *чжина-ни* (по-китайски: «привезены из Хань или Хань»), а груши – *чжина-ло-шэ-фу-да-ло* (по-китайски: «сын царя Хань»).

С нашей точки зрения эти сведения не позволяют усомниться в том, что персики и груши, изначально отсутствовавшие в царстве Чжинапуди и во всей Индии, впервые были завезены и выращены здесь чжицзы. По этой причине местное население и дало им в его честь названия, начинающиеся с *чжина*, первой части имени чжицзы – Чжинапуди.

Подтверждают это и танские комментарии к названиям персиков и груш. В комментарии к названию персиков *Тан янь Хань чи-лай* выражение *Хань чи-лай* в зависимости от контекста может быть переведено дословно – «Хань привезла» или «при Хань завезены», «завезены во времена Хань». Так как Поздняя Хань никогда и никого не посылала в Кушанское царство, то очевидно, что в данном случае в комментарии говорится о том, что персики были завезены в Кушанское царство во времена Хань. А комментарий к названию груш – выражение «*Хань ван цзы*» – дословно означает: «сын правителя Хань», но его можно перевести и «сыном правителя при Хань». Однако правитель Хань назывался императором (*ди*), а термин *ван* обозначал в ней высший титул знатности, соответствующий титулу «князь». Кроме того, в обеих империях Хань *ванами* называли также правителей всех иноземных государств (кроме шаньюев Сюнну и куньми Усунь), тем самым приравнивая их к своим ванам (князьям) и ставя ниже императора. Поскольку, как уже говорилось, императоры Поздней Хань и ее ваны никогда не посылали в Кушанское царство своих сыновей в свиту и даже послов, то очевидно, что в данном случае в Тан говорили о сыне правителя какого-то иноземного царства, во времена Хань побывавшего в Кушанском царстве в качестве чжицзы и завезшего туда персики и груши. Но такой редкостный случай, как тоже уже говорилось, в «Хоу Хань шу» отмечен только один: Чэньпань, дядя правителя Шулэ, был отправлен в Кушанское царство, где прожил несколько лет и, следовательно, мог за это время вырастить привезенные им груши и персики, а поз-

же, когда он стал правителем Шулэ, Хань пожаловала ему звание да-дувэй.

Проведенный анализ этих сведений из преданий показывает, что Чжинапуди – это имя чжицзы, которого принимал Канишка, что его именем (по-видимому, после его возвращения домой) царь назвал царство, в котором чжицзы жил зимой, что названия персиков и груш, данные им местным населением, поскольку чжицзы впервые вырастил их в этом царстве, начинаются в знак признательности с первой части его имени. А анализ танских комментариев к этим сведениям в предании не оставляет сомнения в том, что описанные в них события относятся к периоду Хань, разумеется, Поздней, так как при Ранней Хань Кушанского царства еще не существовало, что чжицзы Чжинапуди, позже пожалованный в Поздней Хань званием да-дувэй, впервые вырастивший в Кушанском царстве груши и персики, «сын» иноземного (по отношению к Хань) правителя, и был тем самым Чэньпанем из Шулэ, который был послан в Кушанское царство на рубеже 116–117 гг.

Наш подробный анализ этих сведений не позволяет согласиться с Е. Цюрхером, который, судя по его переводу, считает танские комментарии к ним не толкованиями текста, а простым переводом индийских названий на китайский язык: Чжинапуди – по-китайски: «удел Хань»; чжина-ни (персики) – по-китайски: «привезены из Хань»; чжина-ло-шэ-фу-да-ло (груши) – по-китайски: «сын царя Хань» – и рассматривает их как доказательство того, что «заложники» «прибыли из Китая».

Но еще более убедительное доказательство этого Е. Цюрхер видит в заключительных фразах предания, приведенных сразу после рассказа о чжицзы, впервые вырастившем персики и груши. Согласно нашему переводу, в них сказано:

«Поэтому (*гу*) люди этого царства (*цы го жэнь*) глубоко (*шэнь*) уважают (*цзин*) [иноземцев из] восточных земель (*дун ту*). А указывая друг на друга (*гэн сян чжи*), [они] заявляли (*гао юй*) [мне]: «А мы (*ши во*) и есть люди (*жэнь е*) данного царства (*бэнь го*) давнего правителя (*сянь ван*)»».

По смыслу эти фразы точно согласуются с тем, о чем говорилось в предании до этого: жители царства Чжинапуди уважали людей из восточных земель, поскольку они знали, что чжицзы, впервые вырастивший в их царстве груши и персики, был прислан к Канишке правителем иноземцев, живших к востоку от Цунлина и к западу от какой-то неизвестной им реки, т.е. из восточных земель, и явно гордились тем, что они были людьми

царства давнего могущественного правителя, несомненно Канишки, о котором они только и говорили Сюань-цзану.

Е. Цюрхер перевел эти фразы иначе: «По этой причине народ этой страны глубоко уважает восточные земли (Китая) и, более того, они указывали (на нас) и говорили друг другу: «Эти люди из первоначальной страны наших прежних царей» (Цюрхер, 1968, с. 383).

Во-первых, сведения в преданиях, записанных Сюань-цзаном, и в древнекитайских историях не дают ни малейшего основания говорить, как это делает Е. Цюрхер в своем переводе, о якобы известных древним индусам восточных (т.е. самых дальних от Индии) землях Китая. Во-вторых, во фразе: «указывая друг на друга, заявляли», – Е. Цюрхер поменял эти глаголы местами, в результате чего получилось, что жители царства Чжинапуди, рассказывавшие Сюань-цзану предание о Канишке и чжицзы, «указывали на нас», т.е. на Сюань-цзана и его спутников, и говорили друг другу, что они являются людьми «из первоначальной страны наших прежних царей», т.е. из Китая. Таким образом, согласно переводу Е. Цюрхера, не только несколько «заложников (чжицзы)» прибыли в Кушанское царство из Китая, хотя таких фактов в истории Китая не было, но и родиной давних царей царства Чжинапуди был Китай. Однако в предании, рассказанном жителями этого царства Сюань-цзану, речь шла только об одном давнем их царе, о Канишке, который не был ни китайцем, ни похожим на китайца, ни родом из Китая. А чжицзы, похожий на китайца, не был царем. Уже эти несоответствия известным историческим фактам дают основание усомниться в точности перевода Е. Цюрхером преданий о Канишке и чжицзы в целом и последних фраз в частности, а также в обоснованности умозаключений, сделанных им на основании такого перевода.

Проведенное подробное исследование сведений из буддийских преданий о Канишке и чжицзы, записанных Сюань-цзаном в первой половине VII в., и исторических фактов I–II вв., изложенных в «Хоу Хань шу», доказывает, что они в целом согласуются.

Сообщение в преданиях о могуществе царства Канишки согласуется со свидетельством в описании Большого Юэчжи в «Хоу Хань шу» о том, что после завоевания Тяньчжу Вимой Кадфизом, предшественником Канишки, Кушанское царство стало самым богатым и процветающим.

В преданиях говорится, что Канишка с войском доходил до земель к востоку от Цунлина и иноземцы, жившие там к западу от реки, испытывали страх перед его могуществом. И факты, из-

ложенные в «Хоу Хань шу», доказывают, что кушанские войска два раза, в 90 и примерно в 123 г., перевалив через Цунлин (как в Поздней Хань назывался Заалайским хребет), входили в ближнее к нему с востока царство Шулэ (Кашгар). При этом кушанское войско в 90 г. пришло в Шулэ покарать Бань Чао без запаса продовольствия и потому, ограбив жителей Шулэ, тут же вернулось домой. Не удивительно поэтому, что народ Шулэ испугался кушанского войска, когда оно, сопровождая Чэньпаня, примерно в 123 г. мирно вступило в это царство. Очевидно, что только население Шулэ могло быть теми иноземцами, жившими к востоку от Цунлина и к западу от реки, безусловно Кызылсу (истинное направление течения которой кушанцы не успели узнать), которые испытывали страх перед Кушанским царством. Народы же других мелких царств Западного края (Восточного Туркестана) и тем более ханьцы, жившие к западу от Хуанхэ в Ганьсуском коридоре в более чем двух тысячах километров от Цунлина и Шулэ, вряд ли вообще слышали о кратковременных появлениях кушанских войск в нем.

Согласно обоим преданиям, Канишка с почестями принял прибывшего к нему чжицзы, а согласно описанию Шулэ, кушанский царь сердечно принял прибывшего из Шулэ Чэньпаня.

В первом предании сказано, что чжицзы потом вернулся домой, и в описании Шулэ говорится о возвращении Чэньпаня.

По сведениям в первом предании, чжицзы по чертам лица, одежде и украшениям был «очень похож» на китайца. А в «Хоу Хань шу», в биографии ханьского военачальника Бань Чао, жившего с 74 до 102 г. в Шулэ, говорится, что он в 84 г., получив в свое подчинение уже двухтысячное войско из ханьцев, по причине измены правителя Шулэ Чжуна, его первоначального ставленника, сделал правителем этого царства начальника своей канцелярии ханьца Чэн Да. Несомненно, что Бань Чао дал ему в помощники и других ханьцев. Они, надо полагать, породнились со знатными родами Шулэ. Поэтому неудивительно, что их ближайшие потомки и Чэньпань в их числе были очень похожи на китайцев по чертам лица и одеяниям.

Из второго предания ясно, что Чжинапуди – это имя чжицзы, ставшее названием царства, в котором он жил зимой. Несомненно, это произошло по воле царя Канишки после отъезда чжицзы домой. А население этого царства, поскольку чжицзы Чжинапуди впервые вырастил здесь груши и персики, дало им названия, начинающиеся с первой части его имени – чжина. Согласно же танским комментариям к этим сведениям, Чжинапуди был тем, кого «Хань пожаловала». А судя по материалам «Хоу Хань шу»,

император пожаловал должность военоначальника (фактически – звание) да-дувэй только Чэньпаню из Шулэ. Все это, считаем, вряд ли оставляет сомнения в том, что Чжинапуди – это индийский вариант имени Чэньпаня, но дошедшего до нас благодаря Сюань-цзану в китайской транскрипции.

Как видим, наше исследование подтверждает точку зрения А.К. Нарайна о том, что в буддийских преданиях и в описании Шулэ речь идет об одном и том же событии, что кушанский царь, принимавший Чэньпаня, и был Канишкой, что он правил примерно со 103 по 125 г.

Но если описанный в буддийских преданиях конкретно-исторический факт прибытия ко двору Канишки сына правителя из далекого восточного царства подтверждается достоверными датированными сведениями из «Хоу Хань шу», то есть основание полагать, что описанные в буддийских преданиях другие конкретно-исторические факты, касающиеся деятельности Канишки в его собственных индийских владениях, являются не менее достоверными.

Так, в первом рассмотренном предании, записанном Сюань-цзаном в царстве Цзябиши, есть фраза: «Канишка, правитель царства Цзяньтоло, ...». Она же есть и в одном из преданий, записанных Сюань-цзаном в царстве Цзяшимило (Кашмире) (ДТСЮЦ, гл. 3, с. 116). В описании царства Цзяньтоло Сюань-цзан сообщил, что его столицей является г. Пурушапур (Пешавар). Этих сведений явно недостаточно, чтобы судить о том, был ли г. Пурушапур столицей Канишки и вообще Кушанского царства.

Но есть и другие сообщения. В первом из рассмотренных преданий говорится, что Канишка, приняв прибывшего к нему чжицзы с любезностью, повелел ему летом жить в царстве Цзябиши, зимой – в одном из царств Тяньчжу, а весной и осенью – в царстве Цзяньтоло. Так что чжицзы половину каждого года проводил в царстве Цзяньтоло. Но этот сын правителя далеких восточных иноземцев прибыл именно ко двору Канишки. Получается, что двор Канишки находился в столице царства Цзяньтоло городе Пурушапур (Пешаваре), ставшем, следовательно, при нем столицей Кушанского царства. Не исключено, что первый шаг к этому сделал Вима Кадфиз, обосновавшись в Пурушапуре при подготовке к завоеванию Тяньчжу. А Канишка, скорее всего, официально перенес сюда столицу из г. Ланьши, оказавшегося на крайнем северо-западе огромного Кушанского царства, поскольку управлять им оттуда стало, несомненно, очень сложно. Пурушапур же находился примерно посередине Кушанского царства.

Кроме того, сыграла, возможно, свою роль и безусловная необычность личности самого Канишки. Его имя резко отличается от несомненно юэчжийских имен основателей царства – Куджулы Кадфиза и Вимы Кадфиза. Но никакого переворота, смены династии при нем не произошло, судя по легенде на его монетах, написанной, обратим внимание, на бактрийском языке: «Царь царей Канишка Кушан». В ней он прямо объявил себя царем кушанской (гуйшуанской) династии, основанной, как известно, Гуйшуан-сихоу Куджулой Кадфизом. Скорее всего, Канишка был сыном Вимы Кадфиза, но не от старшей юэчжийской жены, сын от которой становился наследником, а от младшей, которой могла быть дочь правителя индо-сакской династии царства Цзибинь, завоеванного Куджулой Кадфизом, по нашим расчетам, на рубеже 50–60-х годов I в. н.э. Поскольку он изначально не мог быть наследником, мать дала ему это, вероятно, индо-сакское имя и воспитателей из буддистов. Но в силу неизвестных нам обстоятельств именно он стал кушанским царем примерно в 103 г., когда, полагаем, ему было уже около 40 лет. А умер он примерно в 125 г. в возрасте около 62 лет.

В отличие от отцов-основателей Кушанского царства – Куджулы и Вимы Кадфизов, политиков и воинов, Канишка стал государем-духоустроителем. Он отказался от принятого до этого летоисчисления, которое велось от события уже почти никому в царстве неизвестного, и ввел новое, начинавшееся с года своего вступления на трон, названное исследователями «эрой Канишки». Зная, видимо, о недовольстве коренного населения Кушанского царства, жившего к северу от Амударьи, двуязычными монетами Вимы Кадфиза с изображением на оборотной стороне индуистского бога Шивы, Канишка стал чеканить свои монеты по типу монет Вимы Кадфиза, но с легендой на бактрийском языке кушанской письменностью, придав им тем самым общегосударственное значение. Но одновременно, демонстрируя уважение ко всем народам, населявшим его царство, он поместил на оборотной стороне монет изображения божеств различных верований, которые исповедовали эти народы.

Но прославился Канишка как покровитель буддизма, получившего во время его царствования широкое распространение в Индии – обширных и самых богатых владениях Кушанского царства.

Скорее всего, к тому времени, когда Канишка примерно в 40 лет стал царем, он, воспитанный под влиянием своей матери, хорошо изучил буддизм. В этом убеждает сообщение в буддийском предании, записанном Сюань-цзаном в царстве Цзяшимило

(Кашмире), о том, что Канишка, став царем, в свободное от государственных дел время изучал сутры и ежедневно приглашал по одному монаху для разговора об учении (ДТСЮЦ, гл. 3, с. 116).

Убедившись, видимо, во время этих бесед в бескомпромиссной разности понимания буддийского учения представителями разных течений, Канишка решает созвать собор самых священномудрых буддистов, чтобы устранить эти противоречия. После многоэтапного отбора 500 человек прибыли в царство Цзяшимило (Кашмир). Но на соборе разгорелись горячие споры (ДТСЮЦ, гл. 3, с. 117–119).

После собора буддизм раскололся на два основных направления – махаяну (большая колесница) и хинаяну (малая колесница). Однако при поддержке Канишки фактически победу одержала махаяна, согласно учению которой буддистом мог стать не только монах, отрекшийся от мира, но и любой смертный. А. Н. Зелинский, например, так определяет причины победы махаяны и ее итоги: «Связь кушан с махаяной была связью двух взаимозависимых систем. Поддерживая буддизм, Канишка сам нуждался в поддержке буддистов, которые, выйдя из монастырской общины к широкой общественной деятельности, стали мощной культурной и нравственной силой страны, не считаться с которой кушанские правители не могли, даже если бы и хотели этого. С другой стороны, махаяна как экстерриториальная религия, открывшая широкие двери прозелитизму, была чрезвычайно удобна в качестве культа, способного объединить значительную часть разноплеменного населения империи. Со своей стороны, махаянисты нуждались в сильной руке государства не только для борьбы со своими идейными противниками в лоне самого буддизма, но для противодействия всем чуждым ему религиозным культам кушанского царства. Образно говоря, именно этот союз «алтаря и трона» дал возможность махаяне прочно стать на ноги, а кушанам – расширить сферу своего политического и культурного влияния не только в собственной стране, но и далеко за ее пределами» (Зелинский, 1975, с. 231–232).

Однако некоторые исследователи считают сведения в преданиях о соборе при Канишке легендарными (Зеймаль, 1968, с. 70; Бонгард-Левин, 1969, с. 491). Вряд ли можно согласиться с этой точкой зрения. Созыв собора – событие конкретно-историческое, а не культовое действо, порождающее мифы и легенды о разных чудесах. Достоверность факта проведения Канишкой собора подтверждается, полагаем, тем, что кроме детального описания его подготовки и дискуссии на нем в предании, записанном

Сюань-цзаном в царстве Цзяшимило, краткие сведения о нем есть и в предании, записанном Сюань-цзаном в царстве Цзяньтоло. А косвенным доказательством проведения собора и победы в результате его буддизма махаяны являются сведения, собранные разными исследователями, о том, что большинство буддистов-миссионеров, начавших прибывать в Китай примерно в 60–80-х годах II в. н.э, были махаянистами и выходцами из Кушанского царства (Васильев, 1975, с. 212–213).

Но ведь это означает, что широкое проникновение буддизма махаяны в царства Восточного Туркестана и затем в Китай началось в тот период, когда правителем Шулэ (Кашгара) был Чэньпань (ок. 123–168 гг.), проживший до этого несколько лет в Кушанском царстве. Согласно преданиям, Канишка построил по монастырю в трех местах его проживания. Он, должно быть, хотел, чтобы Чэньпань, находясь в них, мог серьезно изучать буддизм – и именно буддизм махаяны. Неудивительно поэтому, что возвратившись в Шулэ и став его правителем, Чэньпань широко открыл двери проповедникам буддизма, в основном махаяны, в Восточный Туркестан и через него в Китай. Так что есть основание предположить, что собор в Кашмире Канишка созвал около 110 г. до прибытия к нему Чэньпаня на рубеже 116–117 гг.

Итак, исследователи согласны в том, что буддизм получил особенно широкое распространение в Кушанском царстве при Канишке. Однако буддийские предания, изложенные Сюань-цзаном, и археологические данные свидетельствуют о разной интенсивности его распространения в отдельных регионах этого огромного царства. Так, буддийские предания, записанные Сюань-цзаном, сохранили сведения, подтверждаемые археологическими данными, только о строительстве при Канишке множества буддийских монастырей и прочих святилищ в царствах Северной Индии, лежавшей, по сообщению Сюань-цзана, к востоку от царства Ланьпо (Кабула). А широкие археологические исследования в Средней Азии (Северной Бактрии), где и возникло Кушанское царство, и в отдельных районах Северного Афганистана, где находилось царство Гаофу, первым включенное в Кушанское царство, выявили пока существование здесь в кушанское время лишь нескольких крупных буддийских культовых центров (у Балха, Термеза, Айртама), ступ и мелких памятников вокруг них. Большие размеры этих центров и ступ дали основание предположить, что строились они при поддержке царского двора и его местных представителей (Ставиский, 1977, с. 183–186, 190). В основном же, как показали эти исследования, в бактрийских землях Кушанско-

го царства сохраняли прочные позиции издавна укоренившиеся здесь разные местные культы и созданный и поддерживаемый царским двором династийный культ кушан (сооружения Халчаяна, Сурх-Котала). Так что насильственной буддизации населения всего царства не было.

Но массовое строительство буддийских храмов, монастырей, ступ, инициируемое Канишкой и его представителями на местах, требовало, надо полагать, крупных расходов государственных и частных средств, что подрывало экономику страны. Особенно ощутимо это должно было сказаться на менее богатых, чем Индия, регионах царства, в частности на Северной Бактрии, утратившей после переноса Канишкой столицы из Ланьши в Пурушапур статус метрополии. Подтверждение данному предположению находим в исследовании Е. В. Зеймаля, отметившего сокращение притока кушанских медных монет к северу от Амударьи, начиная с времени Канишки (Зеймаль, 1983, с. 232). Так как этот процесс начинается с времени Канишки и, следовательно, в какой-то мере позволяет ретроспективно оценить его правление, кратко остановимся на нем. Но прежде скажем кратко о кушанских царях, правивших после Канишки, основываясь на составленной Е. В. Зеймалем таблице надписей, относимых к «эре Канишки» (Зеймаль, 1968, с. 32–47). Абсолютные даты их правления даем по хронологии А.К. Нарайна и нашим расчетам.

Согласно двум надписям, датированным 24 и 28 годами этой эры, кушанским царем в 126–130 гг. был Васишка. Но 28 годом датирована и первая надпись царя Хувишки, а последняя – 60 г. Однако исследователи считают, что он правил в 28–62 гг. «эры Канишки» (130–162), хотя в надписях 61 и 62 г. имя царя не указано. Надписи же 63 г. вообще нет. В восьми надписях, датированных от 64 (или 67?) по 98 г. назван царь Васудева. И хотя есть сомнения в чтении первой даты – 64 г. или 67 – его правление принято датировать 64–98 гг. «эры Канишки» (166–200). Кроме того, в надписи, датированной 41 г., царем назван Канишка, сын Васишки, монеты которого неизвестны. Его принято называть Канишкой II. А значительные различия золотых монет Васудевы дали основание многим нумизматам предполагать, что их выпускали несколько царей: Васудева I, Васудева II и даже Васудева III. С нашей точки зрения, факт правления в течение всех 34 лет непосредственно друг за другом двух и тем более трех царей с одинаковым именем в древней истории Востока что-то не припоминается и потому вызывает сомнения. Но кроме гипотезы о нескольких Васудевах высказана гипотеза о существовании одного

Васудевы, на каком-то этапе правившего одновременно с Канишкой III, и о возможном разделе Кушанского царства.

О сокращении притока монет этих кушанских царей в их владения к северу от Амударьи свидетельствуют составленные Е. В. Зеймалем таблицы находок их в Южном Таджикистане. Медных монет «сотера мегаса», выпускавшихся, как мы выяснили выше, Куджулой Кадфизом и, по-видимому, Вимой Кадфизом до проведения им денежной реформы, т.е. всего примерно в течение 60 лет, обнаружено около 500 экземпляров (Зеймаль, 1983, с. 160, прим. 27а). Собственных медных монет Вимы Кадфиза, правившего примерно в 80–102 гг., т.е. около 23 лет, и выпускавшего их после денежной реформы в течение, полагаем, примерно 13 лет, найдено тоже немало – 104 экземпляра (там же, с. 187–189). А медных монет Канишки, чеканившихся в течение всех 23 лет его правления, найдено лишь 71 (там же, с. 199–203), всего 31 монета Хувишки, правившего 32 года (там же, с. 212–213) и 36 монет последнего кушанского царя Васудевы, правившего 34 года (там же, с. 219–221). Кроме того, известны 37 монет Канишки III (там же, с. 227–228), которые часть нумизматов считает монетами Васудевы II.

Более того, как выяснил Е. В. Зеймаль, сокращение притока монет в этот регион происходило при одновременном уменьшении их веса, хотя это позволяло из того же количества металла выпускать больше монет (там же, с. 232). Но этого, как ясно из вышеизложенного, не происходило.

Причины сокращения притока монет в коренные земли кушан Е. В. Зеймаль объясняет во введении к разделу «Монеты посткушанского периода» так: «Территории к северу от Амударьи, где кушанские медные монеты имели широкое хождение, видимо, стали испытывать недостаток в монете, когда прекратился ее приток – в результате отпадения этих областей от Кушанского царства в правление Хувишки или позднее, уже после того, как Кушанское царство перестало вообще существовать. Подражания монетам кушанских царей должны были восполнить нехватку собственно кушанских монет в обращении и, видимо, вполне соответствовали этому назначению» (Зеймаль, 1983, с. 232). А далее в четырех главах этого раздела он рассматривает подражания монетам Хувишки, Васудевы, Канишки III и монеты сасанидских кушаншахов.

Но если, как он допускает, области к северу от Амударьи отпали от Кушанского царства при Хувишке, то почему сюда продолжали поступать его поздние монеты и монеты его преемника Ва-

судевы? Если же подражания монетам этих кушанских царей были «посткушанскими», т.е. выпускались после того, как Кушанское царство прекратило существование, то кто их выпускал? Тем более что сам Е. В. Зеймаль считает: эти подражания, вес которых был еще ниже, чем монет-прототипов, «не отличаясь от своих монет-прототипов по металлу, по существу, продолжают кушанскую медную чеканку, хотя и на несравненно более низком техническом и художественном уровне», что они «выпускались с целью сохранить и продолжить традиции и нормы обращения кушанской меди» (там же, с. 232). И при этом, в то время как подражания монетам Хувишки найдены в большинстве своем (37 экз.) в землях к северу от Амударьи и вроде бы выявлены в небольшом числе и в других регионах царства (там же, с. 240), обильные (163 экз.) подражания монетам Васудевы вообще выявлены пока только к северу от Амударьи, как и сравнительно немногочисленные (37 экз.) подражания монетам Канишки III.

Ответить на эти вопросы можно, полагаем, при сопоставлении очень важных, хотя иногда и противоречивых, выводов нумизматов с уже упоминавшимися историческими фактами.

Значительное уменьшение веса и сокращение числа монет Хувишки и Васудевы, поступавших в области к северу от Амударьи, свидетельствуют, с нашей точки зрения, о начавшемся с конца правления Канишки во всем Кушанском царстве экономическом упадке. Скорее всего, непроизводительные расходы им огромных средств на строительство множества буддийских монастырей и реликвариев, и одновременно на поддержание и расширение династийных святилищ кушанских царей в Халчаяне, Сурх-Котале и в сел. Мат заметно опустошили казну. А двойственная политика Канишки, с одной стороны, возвеличивавшего кушан, а с другой – всемерно поощрявшего распространение чуждого им буддизма, обострили отношения при царском дворе, о чем, полагаем, красноречиво говорят следующие факты. После смерти Канишки царем, видимо по обычаю, стал его старший сын и наследник Васишка. О нем известно только по двум надписям, датированным 24 и 28 годами «эры Канишки» (126 и 130 гг.). Как видим, Васишка правил около четырех лет. При нем были разрушены династийные святилища кушанских царей в Сурх-Котале и в сел. Мат, но в 31 г. (133), т.е. в первом же году правления царя Хувишки, сменившего его на троне в 28 г. «эры Канишки», святилище в Сурх-Котале было восстановлено. После этого оно существовало еще почти сто лет и только в конце II – начале III в. подверглось разграблению и окончательному разрушению.

Эти события дают основание предположить, что Васишка был ревностным буддистом и не отличался веротерпимостью Канишки и его сторонников. Скорее всего, другие члены царского рода, возмущенные разгромом святилищ своей династии, свергли Васишку, сделав по обычаю царем следующего сына Канишки – Хувишку. Судя по тому, что при нем было восстановлено святилище в Сурх-Котале, он продолжал политику Канишки. Но его правление было не безоблачным: надпись, найденная в Аре (близ Патны на востоке Центральной Индии) и датированная 41 г. «эры Канишки» (143), в которой упоминается царь Канишка, сын Васишки (Зеймаль, 1968, с. 40), называемый исследователями Канишкой II, дает основание предположить, что была предпринята неудавшаяся попытка свергнуть Хувишку с престола.

Резкое же сокращение поступлений монет Хувишки в области к северу от Амударьи свидетельствует, полагаем, что при нем экономическая ситуация в Кушанском царстве быстро ухудшалась, особенно в отдаленных бактрийских землях. И тот факт, что в 159 и 161 годах кушанский царь, несомненно Хувишка, отправил морем два посольства в Позднюю Хань именно из Тяньчжу, доказывает, что в пределах Кушанского царства все большее значение приобретали более богатые индийские владения.

Одновременно при кушанском дворе возрастало влияние индийской знати, что видно из того, что после Хувишки кушанским царем стал Васудева, чье имя было уже типично индийским (Бонгард-Левин, 1969, с. 494), и на оборотной стороне монет которого стал изображаться, как и при Виме Кадфизе, только индуистский бог Шива. Однако другие нумизматические особенности монет Васудевы – фактура, легенда и изображение царя на лицевой стороне – характерны, доказывает Е. В. Зеймаль, для кушанской чеканки и не позволяют однозначно считать Васудеву основателем новой династии (Зеймаль, 1983, с. 216–218).

Но именно Васудева, правивший в 166–200 гг., стал последним кушанским царем, известным и по надписям, и по легендам монет. По наблюдениям индологов, в конце II – начале III в. в долине Ганга в районе Матхуры, т.е. там, где только и были найдены надписи, в которых упоминается Васудева, возникают индийские царства с собственной монетой (Бонгард-Левин, 1969, с. 501). Кушанское царство здесь более не существовало.

Иначе развивалась ситуация в коренных землях кушан, лежавших к северу от Амударьи. Доказывает это сообщение в хронике царства Вэй в династийной истории «Сань го чжи» («Описание трех царств»), составленной в конце III в., о том, что в 12-ю луну

3 г. Тай-хэ (январь 230 г.) ко двору этого царства прибыл посол с дарами из Юэчжи (Кушанского царства) от царя Подяо (СГЧ, гл. 3, с. 0926/1). Данное официальное сообщение не оставляет сомнения в том, что Кушанское царство тогда еще существовало. Но где? Царство Вэй – одно из трех, созданных в 220 г. на землях павшей империи Поздняя Хань. Оно занимало только ее северные земли, в том числе и в Ганьсуском коридоре, а два других царства У и Шу – земли к югу от него (Исторический атлас, т. 3, л. 3–4). Очевидно, что кушанский посол мог прибыть в столицу царства Вэй г. Лоян только по прикуньлуньскому пути, через Ганьсуский коридор, т.е. из Средней Азии. Таким образом, выясняется, что в первой трети III в. Кушанское царство во главе с царем Подяо существовало в коренных землях кушан, в Северной Бактрии. В индийских же владениях Кушанского царства тогда уже сложились собственно индийские царства.

В литературе высказано мнение, что «Подяо» – это древнекитайская транскрипция индийского имени «Васудева». А многие нумизматы, признающие, исходя из значительного различия разных групп монет Васудевы, существование Васудевы I и Васудевы II, идентифицируют Подяо с Васудевой II. Но, как уже отмечалось выше, весьма сомнительно предположение о том, что непосредственно друг за другом Кушанским царством правили два царя с одинаковым именем. Также трудно представить и то, что Васудева II, более индус, чем кушанец, потеряв свои владения в Индии, бежал в далекие земли собственно кушан, в Северную Бактрию, был там принят и правил по крайней мере до 230 г. Более вероятно, что Васудева, ставший царем в 166 г., умер в 200 г., после чего власть кушан в индийских землях рухнула, и здесь возникли собственно индийские царства.

Более согласуется с установленным нами на основании сообщения в «Сань го чжи» фактом существования Кушанского царства в Северной Бактрии в 230 г. во главе с царем Подяо точка зрения Е. В. Зеймаля. Он доказывает, что существовали один царь Васудева и еще царь Канишка III, имя которого, по его мнению, читается в легенде немногих хорошо сохранившихся золотых монет, на оборотной стороне которых помещено изображение не бога Шивы, как на монетах Васудевы, а богини Ардохш с рогом изобилия в руке, встречающееся еще на монетах Канишки I (Зеймаль, 1983, с. 222). Но Е. В. Зеймаль отмечает и другое: «Типологическая близость наиболее ранних монет Канишки III ... к золотым монетам Васудевы, составляющим 2-ю фазу в его чеканке, настолько очевидна ... что позволяет считать их выполненными

на одном и том же монетном дворе и, вероятнее всего, одним и тем же мастером, прекращающим после этого изготовление штемпелей для монет Васудевы» (там же, с. 223).

Эти сведения о Канишке III дают, с нашей точки зрения, больше оснований идентифицировать с Подяо именно его, чем Васудеву. Канишка III, судя по этому его имени, если он правил в 230 г., был, по-видимому, внуком Хувишки и правнуком Канишки I, который, как и они, не забывал своей далекой родины и был послан еще Васудевой управлять кушанскими владениями в Северной Бактрии. После смерти Васудевы в 200 г. и крушения Кушанского царства в Индии он и провозгласил себя царем в исконных землях Кушанского царства. Можно предположить, что, узнав об этом, работники бывшего монетного двора Васудевы, вероятно, кушанцы, а не индусы, увидели возможность продолжить привычную им работу – чеканку кушанских монет – и бежали к Канишке III. Сначала он повелел, надо полагать, выпустить как можно больше освоенных ими дешевых в производстве подражаний монетам Васудевы, по причине чего так обильны находки их именно в этом регионе, а затем – чеканить свои золотые и медные монеты и подражания им.

Отправление же юэчжийским царем Подяо (Канишкой III) посла в Китай свидетельствует, скорее всего, о том, что он уже осознал серьезную угрозу своему царству со стороны созданной в 226 г. державы Сасанидов и стал искать союзников. О подчинении кушан Балха, а не всех кушан вообще говорится в «Истории Армении» Моисея Хоренского (V–VI вв.) в рассказе о борьбе царя Армении Хосрова против Ардашира (Тревер, 1954, с. 138–139; Зеймаль, 1968, с. 94–95). Однако выражение покорности со стороны царя, потерпевшего поражение, отнюдь не всегда означало превращение его царства в неотъемлемое владение победителя. Вспомним, в 53 г. до н.э. сюннуский шаньюй заявил о подчинении Хань владений сюннов, но и после этого они не стали территорией этой империи. В 60 г. до н.э. царства Восточного Туркестана покорились Хань, но и они не стали неотъемлемой частью ее территории. Однако очевидно, что сигнал тревоги для Подяо к 230 г. уже прозвучал.

И вот в надписи на камне 262 г., сделанной по повелению царя царей Шапура I (241–272), сына и преемника Ардашира I, в числе многих шахров (царств), которыми он владеет, назван и «Кушаншахр, что власть его простиралась на восток вплоть до Пашкабура, а на запад и север – до Каша, Согда и границ Чача» (Луконин, 1969, с. 31).

Поскольку Чач (Шаш), находившийся в районе Ташкента, входил во II в. н.э., как мы выяснили выше, в царство Канцзюй, то очевидно, что перед нами точное описание пределов северо-западной части владений бывшего Кушанского царства – Северной и Южной Бактрии – на востоке до Пашкабура (Пурушапура, Пешавара), на западе до Каша и Согда, на севере до Чача. Бывшие индийские владения Кушанского царства к востоку от Пашкабура Шапуру I явно не подчинялись.

Все изложенное позволяет заключить, что великое Кушанское царство, созданное Куджулой Кадфизом на месте Большого Юэчжи около 20 г. н. э. и превратившееся в могучую державу, прекратило свое существование после смерти Васудевы в 200 г. В его восточной, индийской части образовались собственно индийские царства, а в западной – кушанским царем провозгласил себя Подяо или Канишка III. Это позднее Кушанское царство просуществовало в коренных землях кушан к северу от Амударьи, вероятно, до середины III в. и было завоевано, скорее всего, Шапуром I (241–272), поскольку здесь на смену монетам Васудевы и Канишки III и подражаниям им пришли, возможно не сразу, монеты сасанидских кушаншахов. Но в Гиссарской долине находки монет сасанидских кушаншахов пока не зарегистрированы (Зеймаль, 1983, с. 260).

Заключение

Исследование Кушанского царства следует начинать с Большого Юэчжи, поскольку именно оно, согласно сообщению в древнекитайской истории, и было в результате мятежа преобразовано в Кушанское царство. До сих пор, однако, предыстория последнего, а сведения о нем есть только в древнекитайских хрониках, не стала предметом специального изучения. Отсюда разные оценки и датировки событий. Восполнить этот пробел и призвана данная работа.

В **главе первой**, основанной почти полностью на материалах «Ши цзи», написанной Сыма Цянем в конце II – начале I в. до н.э., выяснены основные события (и обоснованы их даты) истории кочевников юэчжей в это время, позволяющие правильно понять их историю и в последующее время. Доказано, что в 167 г. до н.э. разгромил и изгнал юэчжей с их родины в Ганьсуском коридоре сюннуский Лаошан-шаньюй, и они переселились в долину Или. Но в начале 163 г., примерно за полтора года до смерти этого шаньюя осенью 162 г., они были снова разгромлены и изгнаны и отсюда. Переселяясь снова, они примерно в начале 162 г. вышли к западу от Давань (Ферганы) в земли Дася, т.е. Греко-Бактрийского царства, возглавляемого могущественным тогда Евкратидом (170–155).

По сведениям посла империи Хань Чжан Цяня, побывавшего в Средней Азии в 129–128 гг., юэчжи в сражении с Дася (т.е. с Евкратидом) потерпели поражение и подчинились ей. Они создали в землях к северу от р. Гуйшуй «кочевое царство» Большое Юэчжи, не имевшее городов, но уже в 129 г. обладавшее сильным войском. А к югу от него и р. Гуйшуй лежала земледельческая страна Дася с большим числом городов, но раздробленная на мелкие владения со слабыми войсками, что согласуется с выводом нумизматов о распаде Греко-Бактрийского царства после смерти Евкратида в 155 г.

Но и в 129–128 гг. Большое Юэчжи все еще признавало номинально зависимость от правителя одного из этих владений Дася, занимавшего столицу ее Ланьши. Согласно нумизматическим данным, рассмотренным в третьей главе данной работы, им был сын Евкратида Гелиокл. А Ланьши, как показало историко-географическое исследование, находилась на месте открытого советскими археологами огромного древнего городища у г. Шахринау в 44 км западнее Душанбе. Все это доказывает, что р. Гуйшуй – это Сырдарья, в горно-степных землях к северу от которой и могли жить кочевники, а к югу лежала земледельческая Северная Бактрия – Дася. Таким образом, очевидна несостоятельность точек зрения, согласно которым кочевники-юэчжи переселились из долины Или в земли Дася в 140–139 гг. до н.э., разгромили и подчинили ее и поселились в ее землях к северу от р. Гуйшуй, идентифицированной с Амударьей, т.е., получается, в землях земледельческой Северной Бактрии.

Исследованные **во второй главе** материалы «Хань шу» за I в. до н.э. в сопоставлении с рассмотренными данными «Ши цзи» за II в. до н.э. показывают, что в I в. Дася исчезла с политической карты региона и на ее землях оказалось Большое Юэчжи со столицей Ланьши. Бывшее во II в. «кочевым царством», оно в I в. стало, как ранее Дася, царством оседлых земледельцев. Краткая фраза в «Хань шу» о «переселении сюда», т.е. в Дася, юэчжей свидетельствует о мирном характере овладения ими этой страной. Но часть юэчжей, несомненно, осталась в землях к северу от Гуйшуй, ставших для них второй родиной. А произошло это, как выяснилось, на рубеже 100–99 гг. до н.э., так как в «Хань шу» сведений о юэчжах за последующие годы I в. до н.э. нет.

Что же касается ставок пяти юэчжийских сихоу (князей), обязанных снабжать продовольствием послов, то уже тот факт, что они указаны в городах, не имевшихся у юэчжей ранее, показывает их местонахождение в землях бывшей Дася. А подробное историко-географическое исследование показало, что они находились всего в 36–80 км друг от друга на караванном пути, проходившем по южному берегу Сырдарьи, т.е. в самых северных землях бывшей Дася, и, следовательно, были учреждены сразу после начала переселения сюда юэчжей на рубеже 100–99 гг. до н.э.

Таким образом, **установлена дата события, спустя сто с лишним лет после которого, по сообщению в «Хоу Хань шу», один из этих пяти князей поднял мятеж и преобразовал Большое Юэчжи в Кушанское царство**.

Археологические и нумизматические материалы из Бактрии рассмотрены **в третьей главе** по работам соответствующих специалистов и сопоставлены с выводами из нашего исследования данных древнекитайских историй. Одни археологические материалы, свидетельствующие и об отсутствии обычных при завоевании разрушений и о поддержке после завоевания кочевниками хозяйства земледельцев, подтверждают сообщение в «Хань шу» о мирном переселении юэчжей в Дася и доказывают постепенное мирное врастание этих кочевников в среду бактрийцев-земледельцев, другие – говорят о существовании в полупустынных Бишкентской и Нижнекафирниганской долинах, т.е. в центре царства, большого анклава кочевников, сохранявших здесь свой кочевой образ жизни и, безусловно, конницу, что доказывает стремление правителей Большого Юэчжи контролировать положение в царстве с их помощью.

А нумизматические данные свидетельствуют о выпуске царями Большого Юэчжи монет двух видов (заметим, выпуск монет в те времена был монополией царей) – очень малочисленных дорогих серебряных подражаний чекану Евкратида и довольно многочисленных медных подражаний чекану Гелиокла, т.е. подражаний чекану тех двух последних греко-бактрийских царей, с которыми у юэчжей были добрые отношения. Анализ данных позволил не согласиться с бытующим мнением (которое основано на несовпадении ареалов находок и соответственно распространения в древности основной части монет этих двух видов) о том, что эти монеты выпускались во владениях разных юэчжийских князей (!), что-де доказывает раздробленность Бактрии под властью кочевников. Несовпадение ареалов распространения монет объясняется, как показано в работе, тем, что они тогда играли разные роли: первые явно были наградой, т.е. медалями особо отличившимся военачальникам, и большинство их найдено в некоторых захоронениях в регионах расположения основных воинских контингентов – Нижнекафирниганской долине и на подступах к столице, а вторые были именно деньгами и найдены в основном при раскопках поселений в наиболее развитой в хозяйственном отношении долине Сурхандарьи.

Подробно исследованные **в четвертой главе** материалы «Хоу Хань шу» о политике Поздней Хань (25–220 гг. н.э.) в Западном крае (Восточный Туркестан) опровергают кочующие в литературе мнения о том, что этот край был ею завоеван и что за контроль над ним Хань боролась с Кушанским царством, и о распространении влияния Кушанского царства в Восточном Туркестане.

Три раза, в 73–76, 89–91 и 124–127 годах, Поздняя Хань пыталась разгромить северных сюннов и закрепиться в северо-восточном районе (ныне Хами-Турфан) Западного края, и безуспешно. Но с 73 по 87 г. ханьский военачальник (всего лишь среднего ранга) Бань Чао подчинил все царства, лежавшие по прикуньлуньской дороге и контролировал их, получив чин сановника, только до 102 г. В 84 г. Кушанское царство спасло Бань Чао, осажденного в Шаче (Яркенде), от неминуемого разгрома, уговорив Канцзюй отвести свои войска оттуда. В 87 г. по прикуньлуньскому пути прибыл ко двору Поздней Хань кушанский посол с богатыми дарами, передавший предложение своего царя о заключении между двумя домами династического брака. Только от него, высокопоставленного кушанского сановника, могли здесь узнать, а дворцовые историографы записать достоверные сведения из истории Кушанского царства, приведенные затем в «Хоу Хань шу». Могущество Кушанского царства, покорившего три большие страны, видимо, испугало императора и, безусловно, по его тайному указу посол, чтобы не сообщил дома о дороге в Хань, на обратном пути был убит Бань Чао, жившим в Шулэ (Кашгаре). В 90 г. кушанское войско прибыло в Шулэ, чтобы покарать Бань Чао, но, не имея сведений, без должного запаса продовольствия, было вынуждено, ограбив местное население, быстро вернуться домой. На этом закончились контакты этих двух империй.

В пятой главе исследованы сведения «Хоу Хань шу» о создании Кушанского царства, нумизматические данные и сообщения Страбона и Помпея Трога, исходя из установленной даты создания владений пяти юэчжийских князей к югу от Сырдарьи на рубеже 100–99 гг. до н.э. и даты получения в Поздней Хань сведений о Кушанском царстве, в 87 г. н.э., а также дат некоторых событий из истории Парфии, Рима и царства Гондофара. Определено время его создания.

Спустя сто с лишним лет после создания владений пяти юэчжийских князей, один из них, Гуйшуанский (Кушанский) князь Куджула Кадфиз, город-ставка которого находилась в районе нынешнего г. Бекабада, поднял мятеж, разгромил четырех князей-соседей, броском на юг овладел далекой столицей Ланьши (Шахринау) и провозгласил себя царем около 20 г. н.э. По свидетельству Помпея Трога, асии стали царями тохаров. Это значит, что Куджула Кадфиз был главой небольшого племени асиев, а сверг царя Большого Юэчжи, который происходил из очень большого племени тохаров.

По-видимому, не желая подчиняться ему, богатейшие князья из тохаров и бактрийцев провозгласили себя царями, и Куджула Кадфиз не один год усмирял их. Только так можно объяснить появление титула «царь царей великий спаситель» («сотера мегаса») в легенде монет, которые Куджула Кадфиз, как показано в работе, начал чеканить вместо подражаний чекану Гелиокла, но без указания своего имени, видимо, еще долго раздражавшего многих его подданных. Так появились монеты безымянного царя («великого спасителя») «сотера мегаса», породившие дискуссию об их принадлежности.

Более того, явно с целью смягчения межплеменного противостояния Куджула назвал царство не Асианским, а Гуйшуанским (Кушанским) по своему княжескому титулу, давно учрежденному еще тохарскими царями Большого Юэчжи. Так что название «кушаны» – не этноним, а общее название подданных этого государства, принадлежавших к разным племенам и народам, а также название правящей династии.

В 47 г., когда один из претендентов на трон Парфии вторгся в земли Бактрии, Куджула Кадфиз впервые напал на иноземное царство Аньси (Парфию), нанес тяжелое поражение и затем «завладел» подвластным ей до этого большим царством Гаофу, по-видимому, царством Гондофара, находившимся к югу от Амударьи (а не завоевал его!). Процесс овладения был постепенным и долгим, что доказывают найденные здесь, но отсутствующие в землях Кушанского царства к северу от этой реки монеты царя Гермея. Сначала после чекана только Гермея появились монеты, на аверсе которых были изображение и греческая легенда царя Гермея, а на реверсе – «Кушанский князь» – титул и имя Кадфиза. После же ряда переходных типов появились монеты того же типа чекана Гермея, но уже с легендами, упоминающими только Куджулу. Это свидетельствуют о росте влияния в этом царстве Куджулы вплоть до превращения его в царя.

Только после превращения Гаофу в неотъемлемую часть Кушанского царства Куджула Кадфиз с его территории совершил военный поход на восток, но, опасаясь нападения с тыла, примерно на рубеже 50–60-х годов завоевал большое североиндийское царство Цзибинь. Тот факт, что кушанский посол в 87 г. сообщил при дворе Поздней Хань только о Куджуле Кадфизе, умершем восьмидесяти с лишним лет, и о ставшем царем, явно пожилом его сыне Виме Кадфизе, завоевавшем еще Тяньчжу (Центральную Индию), показывает, что в 87 г. правил Вима, а его отец Куджула умер около 80–81 г., до завоевания Вимой Тяньчжу. Это

и надпись из Калатсе 187(184?) г. неизвестной эры дают основание считать, что два первых кушанских царя продолжали летоисчисление, начатое царями Большого Юэчжи с даты овладения юэчжами Дася на рубеже 100—99 гг. до н.э. И потому ее можно назвать «эрой Юэчжи».

После завоевания Тяньчжу Кушанское царство стало очень богатым. И Вима Кадфиз вместо выпускавшихся отцом и им до того медных монет «сотера мегаса» (чем также объясняется их необычайная многочисленность) стал чеканить золотые и медные монеты от своего имени с изображением индуистского бога Шивы на реверсе. Дата конца его правления не зафиксирована.

В шестой главе в основном детально исследована очень долго и неоднозначно решаемая проблема начальной даты правления Канишки, ставшего царем, как доказали нумизматы, после Вимы Кадфиза. Точно установленный в работе факт правления Вимы в 87 г. отсекает гипотезы о начале правления Канишки до 88 и позже 120 г. А детальный анализ и сопоставление сходных по сюжету сведений в описании Шулэ (Кашгар) в «Хоу Хань шу» и в буддийских преданиях, записанных китайским буддистом VII в. Сюань-цзаном, доказал справедливость мнения А. К. Нарайна, высказанного им в 1960 г., о том, что 23-летнее правление Канишки длилось с 103 по 125 г. н.э.

Канишка впервые вместо летоисчисления от даты события, неизвестного в огромных новоприобретенных владениях Кушанского царства, ввел летоисчисление с первого года своего правления, названного учеными «эрой Канишки». Впервые на его золотых и медных монетах легенды были написаны на бактрийском языке кушанской письменностью и впервые в них он, царь Канишка, был назван Кушаном. А на реверсе монет кроме индуистского бога Шивы, единственного на монетах Вимы, изображались боги разных религий, распространенных в разных регионах, ставшего огромным Кушанского царства. Канишка перенес столицу царства из оказавшегося далеко на северо-западе г. Ланьши (Шахринау) в г. Пурушапур (Пешавар).

Но знаменитым в истории Канишка остался как покровитель буддизма, получившего со времени его царствования широкое распространение. Однако при нем насильственного насаждения буддизма не было. По археологическим данным, в бактрийских землях к северу и югу от Амударьи сохраняли свои позиции укоренившиеся здесь ранее местные культы и династийный культ кушан (в комплексах Халчаяне, Сурх-Котале).

После Канишки наблюдается нарастание внутренних противоречий при кушанском дворе. Ставший следующим царем, судя по надписям, Васишка (126–131), видимо, ярый буддист, разрушил династийные святилища кушанских царей в Сурх-Котале и сел. Мат. Но занявший трон в 131 г. Хувишка (131–162) тут же восстановил храм в Сурх-Котале, просуществовавший до конца II – начала III в., т.е. до конца существования Кушанского царства. А одна надпись, относящаяся к 143 г., с именем царя Канишки, названного сыном Васишки, именуемого учеными Канишкой II, свидетельствует, видимо, о неудачном заговоре против Хувишки. В 162 г. правление Хувишки закончилось, а следующий царь Васудева начал, судя по надписям, править только в 166 г. Перерыв в четыре года, типично индусское имя Васудевы, снова появление на реверсе его монет только индуистского бога Шивы, отправление в 159 и 161 г. посольств в Позднюю Хань именно из Тяньчжу – все это дает основание считать, что в 166 г. при кушанском дворе победила группировка знати из Тяньчжу. Но Васудева стал последним царем Великого Кушанского царства, после смерти которого, видимо в 200 г., это царство перестало существовать. В индийских землях возникли индийские царства с собственной монетой. Но в коренных землях кушан в Северной Бактрии существовало царство, называвшееся Кушанским по крайней мере до 230 г., когда из него в северное китайское царство Вэй прибыл посол. А, судя по монетам, возглавлял его царь Канишка III. О положении же в бывших кушанских владениях к югу от Амударьи в III в. сведений в китайских историях нет. А согласно победной надписи на Кааба-и Зардушт 262 г. второго Сасанидского царя Шапура I (241–272), в числе подвластных ему земель назван и Кушаншахр, но до Пашкабура (Пешавара).

Библиография

Источники

ШЦ – Сыма Цянь. Ши цзи (Исторические записки). Пекин, 1975.

ШЦ, 1933 – Сыма Цянь, 1933 (Исторические записки). – Эршиу ши, т. 1. Шанхай, 1933.

ХШ – Бань Гу. Хань шу (История Хань). Пекин, 1964.

ХШ, 1933 – Бань Гу. Хань шу (История Хань). – Эршиу ши, т. 1. Шанхай, 1933.

ХХШ – Фань Е. Хоу Хань шу (История Поздней Хань). Пекин, 1965.

ХХШ, 1933 – Фань Е. Хоу Хань шу (История Поздней Хань). – Эршиу ши, т.1. Шанхай, 1933.

СГЧ – Чэнь Шоу. Сань го чжи (Описание трех царств). Пекин, 1959.

ВШ – Вэй Шоу. Вэй шу (История Вэй). Пекин, 1974.

ЦШ – Фан Сюаньлин. Цзинь шу (История Цзинь). Пекин, 1974.

БШ – Ли Яньшоу. Бэй ши (История Севера). Пекин, 1974.

СШ, 1933 – Вэй Чжэн. Суй ши (История Суй). – Эршиу ши, т. 3. Шанхай, 1933.

ЦТШ, 1933 – Ли Сюй. Цзю Тан шу (Старая история Тан). – Эршиу ши, т. 4. Шанхай, 1933.

ЦТШ, 1975 – Ли Сюй. Цзю Тан шу (Старая история Тан). Пекин, 1975.

СТШ – Оуян Сю. Синь Тан шу (Новая история Тан). – Пекин, 1974.

ДТСЮЦ – Сюан-цзан. Да Тан сиюй цзи (Записки о западном крае эпохи Великой Тан). Тайбэй, 1969.

ЦФЮГ – Ван Циньжо. Цефу юаньгуй (Сокровищница книжной палаты). Пекин, 1960.

Литература

Абетеков, Баруздин, 1963 – Абетеков А.К., Баруздин Ю.Д. – Сако-усуньские памятники Таласской долины. – Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963.

Акишев, Кумаев, 1963 – Акишев К.А., Кумаев Г.А. Древняя культура саков и усуней в долине реки Или. М., 1963.

Аристов, 1900 – Аристов Н.А. Этнические отношения на Памире и в припамирских странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям. – Русский антропологический журнал. 1900, кн. 3–4.

Атаханов, 1983 – Атаханов Т.М. Археологическая карта Гиссарской долины. – Бактрия–Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов. М., 1984.

Атлас автомобильных дорог СССР. М., 1984.

Атлас к очеркам, 1979 – Чжунго ши гао диту дзи (Атлас к Очеркам истории Китая). Ред. Го Можо, т. 1. Пекин, 1979.

Афганистан (карта, 1:2 000 000). ГУГК, 1978.

Байер, 1738 – Bayer T.S. Historia Regni Graecorum Baktriani. St. Petersburg, 1738.

Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов конференции, посвященной десятилетию Южно-Таджикской археологической экспедиции. М., 1983.

Бартольд, 1902 – Бартольд В. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. СПб, 1902.

Бахофер, 1941 – Bachofer L. On Greeks and Sakas in India. – Journal of the American Oriental Society. Vol. 61. 1941.

Бейли, 1968 – Baily H.W. Kanishka. – Papers on the Date of Kanishka, Leiden, 1968.

Бернар, 1983 – Бернар П. Древний греческий город в Центральной Азии. – В мире науки. №1. М., 1983.

Бернштам, 1947 – Бернштам А.К. К вопросу об усунь, кушанах, тохарах. – Советская этнография. №3, 1947.

Бешем, 1953 – A new study of the Saka-Kushana period. – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XV. 1957.

Бешем, 1957 – The succesion line of the Kanishka. – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. Vol. XX. 1957.

Бил, 1914 – Beal S. The life of Hiuen-Tsang. London, 1914.

Бил, 1906 – Beal S. Si-Yu-Ki. Buddhist records on the Western World. Vol.1–2. London, 1906.

Бичурин, 1950, 1953 – Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1–2. М.–Л., 1950; т. 3, М.–Л., 1953.

Бонгард-Левин, 1964 – Бонгард-Левин Г.М. К проблеме историчности II собора в Паталипутре. – Индия в древности. М., 1964.

Бонгард-Левин, 1969 – Бонгард-Левин Г.М. Древняя Индия (Исторический очерк). М., 1969.

Бронников, 1913 – Бронников Н.А. К исторической географии тохаров. М., 1913.

Боровкова, 1983 – Боровкова Л.А. Установление политических связей ханьского Китая с государствами Центральной Азии. – XIV научн. конфер. "Общество и государство в Китае", ч. 2. М., 1983.

Боровкова, 1984 – Боровкова Л.А. О двух владениях Чеши в Восточном Туркестане (I в. до н.э. – III в. до н.э.). – XV научн. конфер. «Общество и государство в Китае», ч. 2. М., 1984.

Боровкова, 1985 – Боровкова Л.А. Об одной ошибочной историко-географической идентификации. XVI научн. конфер. «Общество и государство в Китае», ч. 2. М., 1985.

Боровкова, 1989 – Боровкова Л.А. Запад Центральной Азии во II в. до н.э. – VII в. н.э. (историко-географический обзор по древнекитайским источникам). М., 1989.

Боровкова, 1990 – Боровкова Л.А. Где и когда сюнну вышли на историческую арену. – XXI научн. конфер. «Общество и государство в Китае», ч. 2. М., 1990.

Боровкова, 1991 – Боровкова Л.А. Когда умер Лаошан-шаньюй? – XXII научн. конфер. «Общество и государство в Китае», ч. 2. М., 1991.

Боровкова, 1991а – Боровкова Л.А. О времени создания царств Усунь и Большое Юэчжи. – XXIII научн. конфер. «Общество и государство в Китае», ч. 1. М., 1991.

Боровкова, 1992 – Боровкова Л.А. О точности метода научного исследования. Восток. 1992, №1.

Боровкова, 1992а – Боровкова Л.А. Проблема местоположения царства Гаочан (по китайским историям). М., 1992.

Боровкова, 1998 – Боровкова Л.А. О местонахождении гор Циляньшань. – XXVIII научн. конфер. «Общество и государство в Китае», ч. 1. М., 1998.

Боровкова, 2001 – Боровкова Л.А. Царства Западного края II–I в. до н.э. (по «Ши цзи» и «Хань шу»). М., 2001.

Боровкова, 2001а – Borovkova L. The Problems of Kushan Chronology I–II A.D. according to Chinese Sources. – Information Bulletin IASCCA. 21. M., 2000.

Бхандаркар, 1902 – Bhandarkar D.R. A kushana stone-inscription and the question about the origin of the Saka Era. – The Journal of Bombey Branch of the Royal Asiatic Society. Vol. XX. 1902.

Бэйли, 1968 – Baily H.W. Kaniska – Papers of the Date of Kanishka. 1968.

Вайнберг, Кругликова, 1976 – Вайнберг Б.И., Кругликова И. Т. Монетные находки из раскопок Дильберджина. – Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг. М., 1976.

Ван Минчжэ, 1983 – Ван Минчжэ. Лунь Хань-дай усунь-цзу Илихэлююй-ды кайфа (Об освоении усунями долины Или в эпоху Хань). Синьцзян шэхуй кхюэ. 1983, 31.

Ван Чжилай, 1980 – Ван Чжилай. Чжун Я ши (История Центральной Азии). Т. 1. Пекин, 1980.

Васильев, 1955 – Васильев Л.С. Бань Чао в Западном Крае. – Вестник древней истории. 1955, №1.

Взаимодействие, 1989 – Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Сборник статей. Отв. ред. В.М. Массон. Алма-Ата, 1989.

Восточный Туркестан, 1984 – Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. М., 1984.

Восточный Туркестан, 1988 – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М., 1988.

Вэй Цин, 1975 – Вэй Цин и Хо Цюйбин. Шанхай, 1975.

Гарднер, 1886 – Gardner P. The coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India (in the British Museum). London, 1886.

Германн, 1935 – Herrmann A. Historical and Commercial Atlas of China – Cambridge, 1935.

Германн, 1966 – Herrmann A. An Historical and Commercial Atlas of China New ed. by N. Ginsburg. Chicago, 1966.

Гёбль, 1967 – Göbl R. Dokumente zur Geschichte der iranishen Hunnen in Baktrien und Indien. Bd. I–IV. Wiesbaden, 1967.

Гёбль, 1968 – Göbl R., Numismatic Evidence Relating to the date of Kanishka. – Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.

Гёбль, 1978 – Göbl R. Antike Numismatik. Bd. 2. Munchen, 1978.

Гинзбург, 1974 – Гинзбург В.В. Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.

Гиршман, 1946 – Гиршман Р. Раскопки французской археологической экспедиции в Бограме. – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. XIII. 1946.

Гиршман, 1946а – Girshman R. Begram Récherches archéologique et historique sur les Kouchans. Le Kaire, 1946 [MDAFA, t. XII].

Гиршман, 1975 – Гиршман Р. Кушаны и Иран. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Глуховской, 1893 – Глуховской А.И. Пропуск вод р. Аму-Дарьи по ее старому руслу в Каспийское море. СПб, 1893.

Горбунова, 1975 – Горбунова Н.Г. Фергана в кушанское время. Центральная Азия в кушанскув эпоху. Т. 2. М., 1975.

Грантовский, 1975 – Грантовский Э.А. О восточноиранских племенах кушанского ареала. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Григорьев, 1867 – Григорьев В.В. Греко-Бактрийское царство. – Журнал Министерства просвещения. CXXXVI, 1867.

Григорьев, 1871 – Григорьев В.В. О скифском народе саках. СПб, 1871.

Грумм-Гржимайло, 1909 – Грумм-Гржимайло Г.Е. Белокурая раса в Средней Азии. СПб, 1909.

Грумм-Гржимайло, 1926 – Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2. М., 1926.

Гулямова, 1959 – Гулямова Э. Археологические памятники Гиссарской долины. – Археологи рассказывают. Сталинабад, 1959.

Гулямова, 1975 – Гулямова Э. Изучение кушанских памятников района Шахринау. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Гумилев, 1960 – Гумилев Л.Н. Хунну: Средняя Азия в древние времена. М., 1960.

Гумилев, 1970 – Гумилев Л.Н. Место исторической географии в востоковедных исследованиях. – Народы Азии и Африки. №1. М., 1970.

Давидович, 1955 – Давидович Е.А. О работах Гиссарского отряда в 1955 г. – Археологические работы в Таджикистане в 1955 г. Вып. III. Сталинабад, 1956.

Давидович, 1976 – Давидович Е.А. Первый клад тетрадрахм кушанца «Герая». – Вестник древней истории. 1976, №4.

Давидович, Мухтаров, 1969 – Давидович Е.А., Мухтаров А. Страницы истории Гиссара. – Душанбе, 1969.

Дебец, 1931 – Дебец Г.Ф. Еще раз о белокурой расе в Центральной Азии. – Советская этнография. Вып. 5–6. 1931.

Дегинь, 1756–1758 – Deguignes J. Historie genérale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. T. 1–5. Paris, 1756–1758.

Де Гроот, 1921, 1926 – De Groot J.J. M. Die Hunnen der vorchristlichen Zeit. Bd. 1, 2. Berlin, 1921, 1926.

Денисов, 1983 – Денисов Е.П. Могильники на реке Ксиров и тохароюэчжийская проблема. – Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. Тезисы докладов. М., 1983.

Доклады, 1968 – Papers on the Date of Kanishka. Submitted to the Conference on the Date of Kanishka. London, 20–22 April, 1960. Ed. by A.L. Basham. Leiden, 1968.

ДМДЦД – Чжунго гу цзинь ди-мин да-цыдянь (Большой словарь китайских древних и современных географических названий). Шанхай, 1931.

Дьяконов, 1950 – Дьяконов М.М. Работы Кафирниганского отряда. – Труды Согдийско-Тадж. Археологич. экспедиции. Т. 1. 1946–1947.

Дьяконов, 1961 – Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.

Жюльен, 1846 – 1847 – Julien S. Notes sur les pays et les peuples èrangers, tirées des géographies et des historiens chinois. – Journal Asiatique. Ser. 4. 1846, t. VIII; 1847, t. IX.

Заднепровский, 1975 – Заднепровский Ю.А. Опыт региональной классификации погребальных памятников Средней Азии древнего периода (II в. до н. э. – VI в. н. э.) – Страницы истории материальной культуры Киргизстана. Фрунзе, 1975.

Заднепровский, 1975а – Заднепровский Ю.А. К истории кочевников Средней Азии кушанского периода. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Зеймаль, 1965 – Зеймаль Е.В. Кушанское царство по нумизматическим данным (Автореф. канд. диссер.). Л., 1965.

Зеймаль, 1967 – Зеймаль Е.В. Кундузский клад греко-бактрийских монет. Рец. на: R. Curiel, G. Fussman. Le trésor monétare de Qunduz. – Вестник древней истории. 1967, №1.

Зеймаль, 1968 – Зеймаль Е.В. Кушанская хронология (материалы по проблеме). М., 1968.

Зеймаль, 1974 – Зеймаль Е.В. Начальная дата Канишки – 278 г. н.э. – Центральная Азия в Кушанскую эпоху. Т.1. М., 1974.

Зеймаль, 1978 – Зеймаль Е.В. Политическая история древней Трансоксианы по нумизматическим данным. – Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.

Зеймаль, 1983 – Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе, 1983.

Зеймаль, 1983а – Зеймаль Е.В. Начальный этап денежного обращения древней Трансоксианы. – Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983.

Зеймаль, 1987 – Зеймаль Е.В. К периодизации древней истории Средней Азии (середина 1 тыс. до н. э. – середина 1 тыс. н. э.). – Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.

Зелинский, 1967 – Зелинский А.Н. Академик Федор Ипполитович Щербатской и некоторые вопросы культуры кушан. – Страны и народы Востока. 5. М., 1967.

Зелинский, 1975 – Зелинский А.Н. Кушаны и махаяна. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Зограф, 1937 – Зограф А.Н. Монеты Герая. Ташкент, 1937.

Зуев, 1974 – Зуев Ю. Юэчжи и кушаны в свете китайских источников. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.

Иванов, 1967 – Иванов В.В. Языковые данные о происхождении кушанской династии и тохарская проблема. – Народы Азии и Африки. 1967, №3.

Индия в древности. Сб. статей. М., 1964.

Исторический атлас, 1982 – Чжунго лиши диту цзи (Исторический атлас Китая). Ред. Тань Цисянь. Т. 2. Пекин, 1982.

История Ирана, 1977 – История Ирана. М., 1977.

Исэ Сэнтаро, 1967 – Исэ Сэнтаро. Вага куна-ни океру сэйики си кэнкю (Изучение истории западного края в Японии). – Рэкиси кёику, 1967, № 9–10.

Каннингэм, 1892 – Cunningam A. Coins of the Tochari, Kushans or Yue-ti. – Numismatic Chronicle Ser. 3., vol. XI, 1892.

Каннингэм, 1890 – Cunningam A. Indo-Scythians. Coins on the Sakas. – Numismatic Chronicle Ser. 3., vol. X, 1890.

Каннингэм, 1892 – Cunningam A. Coins of the Kushans, or Great Yue-ti. – Numismatic Chronicle Ser. 3., vol. XII, 1892.

Каннингэм, 1893 – Cunningam A. Later Indo-Scythians. – Numismatic Chronicle Ser. 3., vol. XIII, 1893.

Карта среднеазиатских республик (1 : 2 000 000). 1965.

Кесь, 1939 – Кесь А.С. Русло Узбоя и его генезис. – Труды Института географии АН СССР. Вып. 30. М.–Л., 1939.

Кингсмил, 1882 – Kingsmill W. The intercourse of China with Eastern Turkestan and adjacent countries in the second century before Christy. – Journal Royal Asiatic Society of Great Britain and Nothern Ireland. New Ser., t. XIV, 1882.

Китай (карта 1: 4 000 000). 1974.

Катани Накао, 1969 – Катани Накао. Соку то дай гэсси (Сэ и Большие юэчжи). – Тоёси кэнкю. Т. 28. 1969, №3.

Кругликова, 1974 – Кругликова И.Т. Новые античные памятники Южной Бактрии. – Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока (Тезисы докладов). М., 1974.

Кругликова, 1975 – Кругликова И.Т. Дильберджин (раскопки 1970–1972 гг.). Ч. 1. М., 1975.

Крюков, 1988 – Крюков М.В. Восточный Туркестан в III в. до н.э. – VI в. н.э. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерк истории. М., 1988.

Крюков, Софронов и др., 1978 – Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы: проблема этногенеза. М., 1978.

Крюков, Переломов и др., 1983 – Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983.

Кувахара, 1916 – Кувахара Д. Тё Кэн-но энсэй (Дальний поход Чжан Цяня). – Дзоку ситэки кэнкю. 1916.

Кюрье, Фусман, 1965 – Curiel R., Fussman G. Le trésor monétaire de Qunduz. Paris, 1965 (MDAFA. T. 20).

Лао Гань, 1976 – Лао Гань. Сюэшу луньвэнь цзи (Сборник научных статей). Тайбэй, 1976.

Лившиц, 1974 – Лившиц В.А. Кушаны: письменность и язык. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.

Линь Гань, 1984 – Линь Гань. Сюнну лиши няньбяо (Хронология по истории сюннов). Пекин, 1984.

Линь Гань, 1986 – Линь Гань. Сунну лиши (Общая история сюннов). Пекин, 1986.

Литвинский, 1972 – Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

Литвинский, 1984 – Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии. – Восточный Туркестан и Средняя Азия. М., 1984.

Литвинский, 1988 – Литвинский Б.А. История изучения. – Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988.

Лоуи, 1961 – Loewe M. Militaru Operations of the Han Period. L., 1961.

Лоуи, 1969 – Loewe M. Chinese relations with Central Asia. – Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies, Vol. 32, 1969, №1.

Луконин, 1967 – Луконин В.Г. Кушано-сасанидские монеты. – Эпиграфика Востока. Т. XVIII. Л., 1967.

Луконин, 1974 – Луконин В.Г. Завоевания Сасанидов на Востоке и проблема кушанской абсолютной хронологии. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.

Лю Гуанхуа, 1981 – Лю Гуанхуа. Ю тань Хань-дай ды Усунь (Еше раз об усунях эпохи Хань). – Синьцзян дасюэ сюэбао. 1981, №3.

Лю Хоушэн, 1958 – Лю Хоушэн. Чжан Цянь чжуань цзи (Записки о биографии Чжан Цяня). Шанхай, 1958.

Маенхен-Хелфен, 1945 – Maenchen-Helfen O. The Yüeh-chib problem reexamined. Journal of American Oriental Society. Vol. 65. 1945.

Мак Доуэлл, 1967 – Mac Dowall D. The Rise of Gondophars the Great. – Royal Numismatic Society. 1967, December.

Мак Доуэлл, 1968 – Mac Dowall D. Numismatic Evidence for the Date of Kanishka. – Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.

Мак Доуэлл, 1974 – Mac Dowall D. Implications for Kushan Chronology of the Numismatic Context of the Nameless King. Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.

Мандельштам, 1954 – Мандельштам А.М. О некоторых результатах работ французской археологической миссии в Афганистане. Советская археология, 19. 1954.

Мандельштам, 1957 – Мандельштам А.М. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей с древнейших времен до X в. н. э. Сталинабад, 1957 (Труды АН Тадж. ССР. Т. 53).

Мандельштам, 1961 – Мандельштам А.М. Об одном оболе «Герая». – Эпиграфика Востока, 14. 1961.

Мандельштам, 1966 – Мандельштам А.М. К предкушанскому чекану Бактрии. – Эпиграфика Востока, 17. 1966.

Мандельштам, 1966а – Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. – М.–Л., 1966 (МИА №136).

Мандельштам, 1974 – Мандельштам А.М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических памятников. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.

Мандельштам, 1975 – Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.

Маркварт, 1901 – Marquart J. Eranšahr nach der Geographie der Ps. Moses Xorenac'i. Berlin, 1901.

Маршалл, 1951 – Marshall Y. Taxila. Vol. 1–3. Cambridge, 1951.

Массон, 1955 – Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным. – Вестник древней истории. 1955, №2.

Массон, 1956 – Массон В.М. Древнебактрийские монеты, чеканенные по типу тетрадрахм Гелиокла. – Эпиграфика Востока, 11. М.–Л., 1956.

Массон, 1957 – Массон В.М. К вопросу о чекане юэчжийской Бактрии. – Известия Отделения общ. наук АН Тадж. ССР. Вып. 14. 1957.

Массон, 1959 – Массон В.М. Монетные находки из Таксилы. Известия Отделения общ. наук АН Тадж. ССР. Вып. 14. 1959.

Массон, 1964 – Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. М.–Л., 1964.

Массон, 1966 – Массон В.М. Страна тысячи городов. М., 1966.

Массон, 1966а – Массон В.М. Хорезм и кушаны. – Эпиграфика Востока, 17. 1966.

Массон, 1971 – Массон В.М. Кундузский клад и некоторые вопросы греко-бактрийской нумизматики. – Эпиграфика Востока, 20. Л., 1971.

Массон, 1975 – Массон В.М. Раскопки кушанских памятников в Северной Бактрии. – Археологические открытия-74. 1975.

Массон, 1985 – Массон В.М. Северная Бактрия. – Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.

Массон, Ромодин, 1964 – Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. М., 1964.

Массон М., 1928 – Массон М.Е. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1917 – 1927 гг. – Известия Средазкомстариса. Вып. 3. Таш., 1928.

Массон М., 1948 – Массон М.Е. Неопубликованные находки греко-бактрийских монет, зарегистрированные на территории Таджикской ССР

до 1947 г. – Сообщения Тадж. ФАН СССР. Вып. 7. Сталинабад, 1948.

Массон М., 1950 – Массон М.Е. Происхождение безымянного «царя царей – великого спасителя». – Труды Среднеазиатского Государственного Университета. Новая серия. Вып. XI. 1950.

Массон, 1975 – Массон М.Е. К вопросу о северных границах государства «Великих Кушан». – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Матусовский, 1888 – Матусовский З. Географическое обозрение Китайской империи с картою. СПб, 1888.

Машкин, 1950 – Машкин Н.А. История древнего Рима. Л., 1950.

Митчинер, 1975 – Mitchiner M. Indo-Greek and indo Scythian coinage. Vol. 1. L., 1975.

Мукерджи, 1962 – Mukerjee B.N. A Note on the Date of Gondophares. Indian Historical Quaterly, 1962.

Мукерджи, 1968 – Mukerjee B.N. Some Observation on the Date of Kanishka I. – Paper on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.

Мукерджи, 1969 – Mukerjee B.N. Ta-hsia and the problem Concerning the Advent of Nomadic Peoples in Greek Bactria. – East and West. N.S. Vol. 19, №3–4. 1969, Roma.

Мурзаев, 1948 – Мурзаев Э.М. Непроторенными путями (записки географа). М., 1948.

Мурзаев, 1952 – Мурзаев Э.М. Монгольская Народная Республика. Изд. 2-е. М., 1952.

Мурзаев, 1966 – Мурзаев Э.М. Природа Синьцзяна и формирование пустынь Центральной Азии. – М., 1966.

Мухтаров, 1975 – Мухтаров А. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан). Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Мялль, 1975 – Мялль М. Некоторые проблемы возникновения махаяны. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М. 1975.

Нарайн, 1957 – Narain A.K. The Indo-Greeks. Oxford, 1957.

Нарайн, 1968 – Narain A.K. The Date of Kanishka. – Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.

Негматов, Салтовская, 1975 – Негматов Н.Н., Салтовская Е.Д. Материальная культура кушанского времени в Уструшане и Западной Фергане. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Никонов, 1970 – Никонов А.А. От Амударьи до Гиндукуша. М., 1970.

Обельченко, 1974 – Обельченко О.В. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.

Огел, 1975 The history of Kushans and its Chinese Sources. Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Олчин, 1968 – Allchin F.R. Archeology and the date of Kanishka: the Taxila Evidence. – Papers on the date of Kanishka. Leiden, 1968.

Пидаев, 1978 – Пидаев Ш.Р. Поселения кушанского времени в Северной Бактрии. Ташкент, 1978.

Пидаев, 1979 – Пидаев Ш.Р. Монеты, чеканенные по типу Гелиокла, как исторический источник. – Античная культура Средней Азии и Казахстана (тезисы докладов). Ташкент, 1979.

Пилипко, 1978 – Пилипко В.Н. Топография находок кушанских монет на побережье средней Амударьи. – История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.

Пичикян, 1991 – Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. М., 1991.

По Средней Азии, 1973 – По Средней Азии и Казахстану. – М., 1973.

Пугаченкова, 1965 – Пугаченкова Г.А. К иконографии Герая (о некоторых вопросах раннекушанской истории). – Вестник древней истории. 1965, №1.

Пугаченкова, 1966 – Пугаченкова Г.А. К дискуссии о «Сотере Мегасе». – Труды ТашГУ. Вып. 295. 1966.

Пугаченкова, 1966а – Пугаченкова Г.А. Халчаян. К проблеме художественной культуры северной Бактрии. Таш., 1966.

Пугаченкова, 1967 – Пугаченкова Г.А. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии. – Вестник древней истории. 1967, №3.

Пугаченкова, 1968 – Пугаченкова Г.А. К изучению памятников Северной Бактрии. – Общественные науки в Узбекистане. Ташкент, 1968, №8.

Пугаченкова, 1969 – Пугаченкова Г.А. Трон Митридата I из Парфянской Нисы. – Вестник древней истории. 1969, №1.

Пугаченкова, 1970 – Пугаченкова Г.А. К изучению бактрийско-кушанских памятников на правобережье Сурхан-Дарьи. – Археологические открытия–69. 1970.

Пугаченкова, 1973 – Пугаченкова Г.А. К стратиграфии новых монетных находок из Северной Бактрии. – Вестник древней истории. 1973, №3.

Пугаченкова, 1974 – Пугаченкова Г.А. Новое о кушанах. Дальверзинский клад. – Наука и жизнь. 1974. №1.

Пугаченкова, 1974а – Пугаченкова Г.А. О культах Бактрии в свете археологии. – Вестник древней истории. 1974, №3.

Пугаченкова, 1979 – Пугаченкова Г.А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979.

Пугаченкова, Ртвеладзе, 1971 – Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Новые монетные находки из правобережной Бактрии.– Вестник древней истории. 1971, №4.

Пуллиблэнк, 1966 – Pulleyblank E. Chinese and Indo-Europeans. – Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain an Ireland. 1966, №1–2.

Пуллиблэнк, 1968 – Pulleyblank E. Chinese Evidence for the Date of Kanishka. – Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.

Пуллиблэнк, 1970 – Pulleyblank E. The Wu-sun and Sakes and the Yüeh-chin migration. – Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. Vol. 33, pt. 1, 1970.

Пури, 1965 – Puri B.N. India under Kushanas. Bombey, 1965.

Пури, 1974 – Puri B.N. The Nationality of the Kushans – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.

Пьянков, 1982 – Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции (общие данные о стране: название и территория). Душанбе, 1982.

Ранов, Салтовская – Ранов В.А., Салтовская Е.Д. О работах Ура-Тюбинского отряда в 1959 г. – Археологические работы в Таджикистане. Вып. VII. Душанбе, 1959.

Раулинсон, 1969 – Rawlisson H.Y. Baktria. The history of forgotten Empire. London, 1912. 2-е изд. – 1969.

Ремюза, 1829 – Rémusat A. Nouvaux mélanges asiatiques. T. 1, P., 1829.

Рерих, 1963 – Рерих Ю.Н. Тохарская проблема. – Народы Азии и Африки. 1963, №6.

Розенфилд, 1967 – Rosenfild J.M. The Dynastic Arts of the Kushans. Berkeley – Los Angeles, 1967.

Ртвеладзе, 1976 – Ртвеладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. – Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976.

Ртвеладзе, 1979 – Ртвеладзе Э.В. О некоторых спорных вопросах истории и археологии Бактрии до Великих Кушан. – Античная культура Средней Азии и Казахстана (тезисы докладов). Ташкент, 1979.

Ртвеладзе, 1982 – Ртвеладзе Э.В. Об ареале и хронологии сасанидских завоеваний в Северной Бактрии – Тохаристане (по данным нумизматики). – Общественные науки в Узбекистане. 1982, №1.

Савицкий, 1941 – Савицкий Г.И. Древняя Бактрия по данным античных авторов (из серии «Известия античных писателей о Средней Азии»). – Труды Самаркандского Государственного педагогического Института им. А.М. Горького. Т. 2. Вып. 4. 1941.

Салтовская, 1959 – Салтовская Е.Д. О работах в Гиссаре в 1957 г. – Археологические работы в Таджикистане–57. 1959.

Сарианиди, 1979 – Сарианиди В.И. Царский некрополь в Северном Афганистане. – Вестник АН СССР. 1979, 47.

Сарианиди, 1984 – Сарианиди В.И. Бактрия сквозь мглу веков. М., 1982.

Сарианиди, 1987 – Сарианиди В.И. Бактрийский центр златоделия. – Советская археология. 1987, №1.

Сарианиди, Кошеленко, 1982 – Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Монеты из раскопок некрополя, расположенного на городище Тилля-Тепе (Северный Афганистан). – Древняя Индия. Историко-культурные связи. М., 1982.

Светоний, 1990 – Светоний Г.Т. Жизнь последних двенадцати цезарей. М., 1990. Перевод, предисловие и послесловие М.Л. Гаспарова.

Симонетта, 1974 – Simonetta A. The Indo-Parthian coinage and its significance in the Chronology of the Kushans. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т.1. М., 1974.

Синицын, 1959 – Синицын Р.М. Центральная Азия. М., 1959.

Синицын Е., 1975 – Синицын Е.П. Бань Гу – историк древнего Китая. М., 1975.

Сиратори, 1902 – Shiratori K. Über den Wu-sun Stamm in Cental Asia. Keleti Szembe, III, 1902.

Сиратори, 1944, 1981 – Сиратори Куракити. Сэйики си кэнкю (Исследования по истории Западного края). Токио, 1944. 2-е изд. – 1981 г.

Сиркар, 1968 – Sircar D.C. Paleographical and Epigraphical Evidence of Kanishka Date. – Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.

Ставиский, 1961 – Ставиский Б.Я. О северных границах кушанского царства. – Вестник древней истории. 1961, №1.

Ставиский, 1964 – Ставиский Б.Я. Средняя Азия, Индия, Рим (к вопросу о международных связях в кушанский период). – Индия в древности. М., 1964.

Ставиский, 1966 – Ставиский Б.Я. Между Памиром и Каспием (Средняя Азия в древности). М., 1966.

Ставиский, 1973 – Ставиский Б.Я. Раскопки Кара-Тепе – буддийского культового центра Кушанского Термеза. – Археологические открытия–72. 1973.

Ставиский, 1977 – Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры. М, 1977.

Ставиский, 1982 – Ставиский Б.Я. Династийное святилище в сел. Мат и буддийские памятники Термеза (О двух художественных течениях в искусстве Кушанской империи). – Древняя Индия. М., 1982.

Стейн, 1907 – Stein A. Ancient Khotan. Vol. 1–2. Oxford, 1907.

Страбон, 1964 – Страбон. География в 17 книгах. Пер. Г.А. Стратановского. М., 1964.

Сыма Цянь, 1972, 1975 – Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Перевод с китайского и комментарий Р.В. Вяткина и В.С. Таскина Т. 1. М. 1972; Т. 2, М., 1975.

Сыма Цянь, 1984–1996 – Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р.В. Вяткина. Т. 3–7. М., 1984–1996.

Тарн, 1938 – Tarn W.W. The Greeks in Baktria and India. Cambridge (Engl.), 1938.

Таскин, 1968 – Материалы по истории Сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В.С. Таскина. М., 1968.

Таскин, 1973 – Материалы по истории Сюнну (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В.С. Таскина. Вып. 2. М., 1973.

Таскин, 1980 – Таскин В.С. Материалы по истории ухуаней и сяньби. – Дальний Восток и соседние территории в средние века. Новосибирск, 1980.

Таскин, 1984 – Материалы по истории древних кочевых народов *группы дунху*. Введение, перевод и комментарии В.С. Таскина. М., 1984.

Толстов, 1939 – Толстов С.П. К вопросу о монетах «Герая». Вестник древней истории. 1939, №2.

Толстов, 1948 – Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.–Л., 1948.

Толстов, 1961 – Толстов С.П. Датированные документы из дворца Топраккала и проблемы «Эры Щака» и «Эры Канишки». Проблемы востоковедения. 1961, №1. См. также: Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.

Томашек, 1877 – Tomaschek W. Zentralasiatische Studien. 1. Sogdiana. Wien, 1877.

Томашек, 187? – Tomaschek W. Baktria, Baktriano, Baktriane. – Pauly's Real-Encyclopadie der Klassischen Altertumwissenschaft, begonnen von Wissowa. Bd. 2. Stuttgart.

Тревер, 1954 – Тревер К.В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV–VII вв. – Советская археология, XXI. 1954.

Уайли, 1881 – Wylie A. Notes of the Westrn Regions. Transl. from the «Tsëen Han Shoo», b. 96, pt. 1 – Journal of the Anthropological Institute of Great Britain an Ireland. 1881, vol. X.

Уайли, 1882 – Wylie A. Notes of the Westrn Regions. Transl. from the «Tsëen Han Shoo», b. 96, pt. 2 Introductory note by H.H. Howorth. – Journal of the Anthropological Institute of Great Britain an Ireland. 1882, vol. XI.

Умняков, 1840 – Умняков И. Тохарская проблема. – Вестник древней истории. 1940, №3–4.

Фан Хао, 1974 – Фан Хао. Чжун-Си цзяотунши (История связей Китая с Западом). Т. 1–6. Тайбэй, 1974. 5-е изд.

Фудзита, 1916 – Фудзита Тоёхати. Дайен-но Кисандзё то гэсси-но отэй (Город Гуйшань в царстве Давань и ставка правителя юэчжей). – Тоё гакухо. Т. VI. Май 1916.

Фудзита, 1916а – Фудзита Тоёхати. Гэсси-но коти то соно сэй и-но нэндай (Древние земли юэчжей и их переселение на запад). – Тоё гакухо. Т. VI. Окт. 1916.

Фудзита, 1935 – Фудзита Тоёхати. Юэчжи гу-ди юй ци си и няньдай (Древние земли юэчжей и датировка их переселения на запад). – Сибэй гу-ди яньцзю. Шанхай, 1935. Перевод статьи 1916 г.

Халун, 1937 – Haloun Y. Zur Üe-tsi Frage. – Zeitschrift der Deutschen Morgenländishen Geselschaft. Wien, 1937. Bd. 91.

Ханеда, 1930 – Ханеда Тору. Дай гэсси оуби Кисо ни цуйтэ (О Большом Юэчжи и Гуйшуане). – Сигаку дзасси. Т XX. Сент. 1930.

Ханеда, 1933 – Haneda Toru. A propos des Ta Yue-tche et des Kouei-chouang. – Bulletin de la Maison Franco-Japonaise, 1933.

Хирт, 1917 – The story of Chang K'ien, China's Pioneer in Western Asia. – Journal of the American Oriental Society. Vol. 37, 1917.

Хлопин, 1975 – Хлопин И.Н. Исторический подход к кушанской ономастике. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. 1975.

Хулсве, Лоуи, 1979 – Hulsewe A.T.F., Loewe M.A.N. China in Central Asia. The Early Stage: 125 B.C. – A.D. 23. An Annotated Translation of chapters 61 and 96 of the history of the Former Han Dynasty by A.T.F. Hulsewe with Introduction by M.A.N. Loewe. Leiden, 1979.

Хумбах, 1960 – Humbach H. Die Kaniška-Inschrift von Surch-Kotal. Wiesbaden, 1960.

Центральная Азия, 1974, 1975 – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Труды Международной конференции по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху в Душанбе 27 сентября – 6 октября 1968 г. Т. 1, 2. М., 1974, 1975.

Цыхай (Море слов). Шанхай, 1948.

Цюрхер, 1968 – Zürcher E. The Yueh-chih and Kanishka in the Chinese sources. – Papers on the Date of Kanishka. Leiden, 1968.

Шаванн, 1906 – Chavannes E. Les pays d'Occident d'aprиs Wei-lio. – Tung pao. Ser. II, vol. 6, 1905.

Шаванн, 1906 – Chavannes E. Les pays d'Occident d'apres le Heou Han Chou. – Tung pao. Ser. II, vol. 8, 1907.

Шарма, Неги, 1975 – Sharma Y., Negi J. The Saka-Kushans in the Central Ganga Valley (Mainly a Review of New Date from Kausambi). – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Шлюмберже, 1975 – Schlumberger D. Sur la nature des temples de Surkh Kotal. – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 2. М., 1975.

Шлюмберже, 1985 – Шлюмберже Д. Эллинизированный Восток. Греческое искусство и его наследники в несредиземноморской Азии. М., 1985.

Эгами Намио. 1967 – Эгами Намио. Гэсси то гёку (Юэчжи и нефрит). – Адзиа бунка си кэнкю. Tokyo, 1967.

Эноки, 1974 – Enoki K. Hsieh, Viceroy of the Yueh-chin (A Contribution to the Chronology of Kushans). – Центральная Азия в кушанскую эпоху. Т. 1. М., 1974.

Юль, 1873 – Юль Р. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. Перевод О.А. Федченко. – Известия Русского географического общества. Т. VI. 1873.

Юсупов, 1972 – Юсупов Х. Археологические работы в предгорьях Северо-Западного Копет-Дага и между Сарыкамышем и Кызыл-Арватом. – Каракумские древности. Вып. 4. Аш., 1972.

Ян Куань, 1955 – Ян Куань. Чжунго ли-дай чи-ду као (Исследование китайских мер длины разных эпох). Шанхай, 1955.

Ясума Яитиро, 1932 – Ясума Яитиро. Гэсси-но сейхо идо ни цуйтэ (О переселении юэчжей на запад). – Сигаку дзасси. XLII, май, 1932.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Айвадж 34, 35, 60, 121, 139

Айртам 145, 223, 263

Аксу, см. Гумо

Алашань, пустыня 15-17

Амасия (Амасья) 76

Амударья, Окс, Джейхун, Уху 7, 26, 28-30, 35, 36, 60, 76, 90, 95, 102, 105, 109, 114, 116-120, 122-126, 139, 140, 142, 145, 208, 213, 214, 218, 221-224, 226-228, 230, 231, 261, 264-267, 270, 272, 275-277

Ань, царство 95, 102

Аньси, г. 46, 56, 70, 72, 78, 100

Аньси, царство 26, 27, 40, 46, 53-56, 59, 66, 67, 69, 70, 75, 78, 99-102, 108-110, 111, 116, 130, 133, 134, 169, 175-177, 190, 196, 200, 206-209, 211,212, 275

Аравийское море 206, 207

Арахосия 209, 210, 213

Аре 267

Армения 77, 269

Армянское царство 110, 111

Аруктауский могильник 119, 138

Ашхабад, г. 100, 101, 109, 116

Афганистан 7, 28, 60, 215, 216, 244

Афганистан Северный 7, 29, 79, 109, 122, 142, 220, 233, 243, 263

Ба (Сычуань) 54

Бабашевский могильник 119

Бадахшан 125

Базар-Дара, пос. 105

Байлуньдуй (Пески Кумтаг) 17

Байрам-Али, г. 100

Бактрия 8, 23, 25, 27-30, 38, 39, 75-79, 102, 107, 112, 113, 115-118, 120-126, 132-137, 139, 140, 199, 202, 204, 208, 211, 221, 227, 232, 273, 275

Бактрия Северная 10, 36, 60, 109,116-121, 125, 126, 128, 129, 131, 135-141, 146, 147, 195, 198, 200, 202, 205, 211, 217, 263, 264, 268-270, 272, 273, 277

Бактрия Южная 109, 116, 117, 119, 122, 123, 125, 126, 128-132, 136, 139, 145, 221, 270

Балх, г. 35, 36, 51, 60, 136, 140, 145, 263, 269

Балхаба, р. 119

Балхское городище 139

Баркуль, оз., см. Пулэйхай

Баркуль, см. Пулэй

Беграм, г. 220, 221, 244, 209

Бекабад, г. 29, 60, 95-97, 102, 115, 211, 274

Битянь (Джамбул), г. 49, 67, 101, 102

Бихар 230

Бишкек (Фрунзе), г. 49, 50, 58

Бишкек—Ош тракт 49, 58

Бишкентская долина 119, 121, 138, 141, 203, 204, 273

Большое Юэчжи / Кушанское царство 10, 13, 21-28, 30, 31, 33, 34, 36, 37, 39, 40, 42, 44, 49-56, 58-61, 63-75, 77-79, 83, 84, 86-90, 97-105, 107-116, 119-122, 127, 128, 132-134, 137-147, 150, 152, 164, 166, 167, 169-172, 179-181, 190, 192, 195-208, 211, 215, 217-219, 222, 223,227, 232, 239, 244, 245, 258, 270-276

Большой Ферганский канал 97

Бомао, г. 71, 88

Бохань, см. Давань, царство

Бугур, см. Улэй, г.

Булушабуло, Пурушапур, Аешаваз, г. 243

Бутао, Пуда, царство 108-110, 196, 205, 212, 214, 232

Бухара, царство, г. 100

Вахш, р. 120

Вахша долина 120, 136

Великая излучина Хуанхэ 251

Великий караванный путь 87, 89, 90, 92-95, 97, 98, 100, 101, 115, 134

Восточная Вэй, империя 251

Восточный Туркестан, см. Западный край 230, 233, 239, 248, 263, 269

Вэй, царство 268

Вэй, империя 68

Вэйсюй (Курля), царство 173, 185, 187, 188

Вэньсу, царство 168, 173-175, 183-185

Ганг, долина 267

Гандхара 105, 107, 124, 209, 225

Ганьсу, пров. 251

Ганьсуский коридор 13, 15, 17-19, 22, 23, 31, 32, 39-41, 45-48, 52, 53, 55, 57, 59, 74, 76, 85, 86, 106, 187, 188, 199, 250-252, 259, 268, 271

Ганьчжоу, см. Чжанъе

Гаофу-сихоу владение, Яньфоцзе, царство (Ура-Тюбе, г.) 71, 86, 88, 90-92, 94, 96-98, 110, 115, 196, 200, 201, 208

Гаофу, царство 201, 205-209, 211-215, 218, 221, 222, 224, 225, 227, 263, 275

Гаоцзюэ 155

Герат 244

Гилгит, г. 105

Гиндукуш, горы 109, 117, 124-126, 131, 132, 142, 210, 244

Гиссарская долина 121, 136, 138-142, 144, 270

Гиссарский хребет 117

Гиссарский канал 140

Голодная степь 97

Голодностепский канал 97

Греко-Бактрийское царство 7, 29, 30, 36, 38, 50, 51, 58, 59, 72, 74-76, 118, 120, 122-124, 127-129, 132, 137, 195, 198, 200, 271

Гуандэ 159

Гуаньчжун, г. 178

Гуйцы (Куча) г., царство 82, 83, 150, 151, 154-156, 159, 162-165,

167-169, 171-175, 178, 180, 183-185, 190, 192, 237

Гуйшуанское царство, см. Кушанское царство

Гуйшань, г. (Ош) 49, 50, 67-70, 77, 95, 99, 110

Гуйшуан-сихоу владение, Цяньдунь, Гуйшуанни, Хэ (Бекабад), владение 71, 86, 88-96, 102, 110, 115, 137, 141, 143, 144, 196, 199-204, 228, 234, 236, 261

Гуйшуй, р., Яксарт, Нами (Сырдарья) 27-30, 33-36, 49-51, 58-60, 63, 71, 75-77, 86, 93, 94, 97-99, 102, 103, 112, 113, 115, 116, 118, 119, 126-128, 132-134, 137, 140, 143, 271, 272

Гума, см. Пишань, царство

Гумо, царство (Аксу) 82, 150, 151, 162, 163, 168, 173-175, 184, 185, 189

Давань, Полона, Бохань, Нинъюань (Фергана) 20, 22, 23, 25-29, 32-36, 40-42, 49, 50, 53-56, 58-60, 63-74, 77, 78, 87, 89, 90, 94, 95, 99, 100, 102, 103, 110-114, 128, 133, 140, 149-151, 154, 166, 167, 171, 176, 271

Дай, г. 90, 91, 101

Дангаринский район 142

Дася, греко-бактрийское царство 195, 198, 200, 272, 273, 276

Дася (Северная Бактрия), страна 10, 22-28, 39, 32-41, 45, 49-54, 56, 58-61, 63-65, 67, 69-78, 86-88, 90, 98, 99, 102, 103, 107, 110-116, 118-122, 126-129, 132-134, 137, 138, 140, 143, 147, 195-203, 208, 211, 217, 227, 264, 271, 272

Дацинь, Лигань (Рим), империя 7, 9, 76, 77, 108, 111, 112, 175, 176, 241

Денау 140

Джейхун, см. Амударья

Джизак, г. 96, 101, 102, 116

Джунгария, р-н 47

Дильберджин, г. 145

Доути 159

Думи-сихоу 196, 199, 201

Дуньхуан, Гуачжоу, Шачжоу 17, 27, 31, 32, 41-46, 65, 72, 79, 93, 237, 251

Дуньхуан-Цзюнь, пров. Дуньхуан 32, 64, 70, 81, 149, 156, 163, 178, 182-184, 186, 249

Душанбе, г. 35, 61, 77, 98, 110, 113, 139-142, 198, 200, 230, 272

Душанбинский тракт 23, 35, 87, 96-98, 115, 201, 203, 211

Дэжо, царство 82, 161, 190, 192

Евкратидия, г. 51, 140

Европа 7, 29, 38

Евфрат, р. 112

Жинань (Индокитай) 240

Желтая река, см. Хуанхэ

Заалайский хребет, см. Цунлин

Западная Гандхара 221

Западный край, Сиюй (Восточный Туркестан) 8, 10, 17, 19, 41, 42, 46, 52, 57, 59, 63, 80, 82, 87, 89, 104, 110, 147, 148, 150, 153, 154, 156-158, 163-165, 167, 168, 173-189, 190-193, 198, 235, 236, 238, 239, 241, 273, 274

Западный Пенджаб 214

Зеравшан, р. 102

Или, р. 57, 195, 199

Или, долина 38, 46-49, 57, 106, 107, 117, 271, 272

Инай, царство 104

Индия 7, 8, 77, 82, 105, 112, 123, 207, 231-233, 242, 248-250, 253, 255, 256, 258, 261, 264, 268

Индокитай, см. Жинань

Иссык-куль, оз. (Тяньчи, Иэхап) 233

Иу, Иулу (Хами), г.. р-н 155-158, 160, 170, 173, 178, 179, 181, 183, 184, 189, 191, 192

Ихэгу, долина 184

Кабул, г. 243, 244

Кабул, р. 243

Кабулистан 214, 220

Кайракумская степь 97

Кайракумское водохранилище 97

Калаи-Заль, городище 139

Калатсе 217, 232, 276

Кан, см. Самоцзянь, г. и царство

Канцзюй, царство 14, 22, 26-28, 40, 46, 49, 50, 53, 57-59, 67, 72, 74, 79-81, 83, 99, 101, 102, 109-111, 116, 128, 150, 151, 154, 163, 164, 166, 167, 197, 203, 207, 217, 228, 253, 270, 274

Каписа 244, 248, 250, 252

Каракорумский хребет 105, 107

Каракорумское шоссе 105

Карашар, см. Яньци, г. и царство

Кафирниган, р. 119, 121, 145

Каш 269, 270

Кашгар, см. Шулэ, г. и царство

Кашгарский хребет 107

Кашмир, см. Цзяшимило, царство

Кей-Кобад-Шах, городище 145

Китай (КНР) 7, 15, 87, 89, 90, 92-95, 105, 114, 115, 237, 246-248, 250, 252, 255, 257, 258, 263, 269

Коккульский могильник 119, 138

Кобадианский район 145

Котпур 145

Кульджа, г. 46

Кумтаг, пустыня 17

Кундуз, р. 119

Кундузская долина 139

Кураминский хребет 99, 102

Курля, см. Вэйсюй

Куухэ, р. 186

Куча, см. Гуйцы

Кушанское царство, Большое Юэчжи 7-11, 30, 36, 61, 78, 89, 92, 93, 104, 114, 115, 131, 135, 137, 141, 143-145, 147, 152, 157, 167, 169-172, 193, 195-199,

201-207, 209, 211, 213-218, 220-236, 238-241, 245-248, 251, 252, 253, 256-261, 263, 265-270

Кушаншахр 277

Кызыл-тепе 124

Кызылсу, р. 121, 252, 259

Ланьпо, царство (Кабул) 243, 244, 263

Ланьчжоу 54

Ланьши, г. (Шахринау) 33-37, 51, 60, 61, 70, 72, 77, 78, 86, 97, 98, 100, 110, 113, 115, 121, 127-129, 131, 137, 139-141, 144, 171, 196-198, 200, 203, 203, 211, 217, 220, 223, 227, 228, 260, 264, 272, 274, 276

Линцзюй 54, 103

Линьфэнь, р. 251

Лобнор, оз. 17

Лондон 230, 247

Лоулань, Шаньшань (Чарклык), царство 16, 17, 42, 57, 65, 66, 81, 82, 149, 150, 154-162, 164, 181-187

Лоян, г. 160, 161, 164, 176, 190-192, 196-198, 268

Лунси, г. 20

Лунси-цзюнь, пров. 22, 208

Луньтоу, царство 64

Лючжун 178, 182-187, 190, 191

Мазари-Шериф, г. 220

Малое Ань, царство 93, 102

Малое Юэчжи, владение 27, 31-32, 71

Мара, г. 100

Мат, селение 266, 277

Матхура, г. 221, 225, 267

Мауэса держава 107

Мерв, г., владение 100

Месопотамия, пров. 76, 112

Му, царство (Чарджоу) 95, 100

Мукры, станция 119

Наманган, г. 50

Нами, р., см. Гуйшуй

Наньдоуми, царство 44, 45

Наньду, царство 105, 152

Нацзелохз, царство 243

Нижнекафирниганская долина 119, 121, 136, 138, 139, 141, 144-145, 273

Нинъюань, см. Давань

Ниса (Паньду), г. 100, 101

Окс, см. Амударья

Ош, см. Гуйшань

Ордос, см. Хэнань-ди

Орисса 230

Пакистан 7, 105

Памир 30, 53, 79, 90, 105, 107, 110, 114

Памир-Алай, страна 30

Паньгао 235

Паньду (Ниса), г. 100, 101

Паньто, царство 159, 162

Паньци, царство 206, 207

Пап 50

Паропамисад (Гиндукуш), горы 209-213

Парфия 7, 51, 54, 55, 75-78, 100, 102, 108, 111, 112, 116, 130, 132, 134, 207-209, 211-213, 224, 274, 275

Патна 267

Пенджаб 221, 225

Персидский залив 207

Персия, см. Сасанидов держава

Петербург 29

Пешавар, Пурушапур, Буашабу-ло 220, 225, 243, 245, 260, 264

Пибоша, р. 245

Пинчэн (Датун), г. 155

Пишань, царство (Гума) 82, 104, 105, 149, 152, 161

Полона, см. Давань, царство

Пуда, см. Бутао, царство

Пули, царство 104, 152

Пулэй, царство (Баркуль) 190

Пулэйхай (оз. Баркуль) 155, 158

Пяндж, г. 35, 60

Пяндж, р. 28, 29, 76

Пянджский район 142

Равалпинди, г. 105, 220, 225

Раскемдарья, р. 105

Река, см. Хуанхэ

Рим, см. Дацинь 207, 245, 274

Россия 76

Сакастена, владение 209

Самарканд, г. 35, 92, 100

Самоцзянь, Кан, царство (Худ-жанд) 35, 50, 96, 97, 99, 102

Саракамышская впадина 76

Сары-Таш, см. Сюсюнь

Северная Бактрия, см. Дася

Северная Вэй, империя 89, 90, 251

Северная Индия 79, 106, 107, 109, 116, 145, 220, 233, 243, 263

Северная Чжао, империя 252

Северный Афганистан 7, 29, 79, 109, 122, 142, 220, 233, 243, 263

Сидунь-сихоу владение, Фудиша (Хаваст) 71, 86-88, 90-92, 96, 101, 110, 115, 196, 199, 201

Сие, царство 104, 149, 151, 152, 161, 190

Синьду, р. (Инд) 245

Синьциньчжун, см. Хэ-нань-ди

Сирия 112

Сиркап 214, 215, 224

Согд, Согдиана, г., царство 26, 76, 100, 102, 116, 120, 125, 269

Срединная империя (Чжунго) 147, 148, 245

Средняя Азия 10, 18-21, 28, 29, 31, 33, 38-41, 51, 52, 60, 87, 89, 90, 128, 129, 220, 233, 243, 263, 268, 271

Судуйшана, см. Эрши, г., царство

Суй, империя 34, 115

Сурх-Котал, г. 266, 267, 276, 277

Сурхандарья, р. 119, 121, 124, 138, 140, 141, 144, 273

Сурхандарьинская долина 136, 137, 140

Сучжоу, см. Цзюшуань, г.

Сырдарья, см. Гуйшуй

Сычуань, Шу, царство 208, 272, 274

Сычуань, пров. 252

Сэ, царство (долина Или) 46, 106

Сюми-сихоу, владение, Цзябэй, царство 71, 86, 88, 90-92, 96, 97, 110, 196, 199, 201

Сюнну, царство 16-22, 25, 30, 32, 40-45, 47-49, 51-54, 56-59, 64-66, 70, 72, 85, 105, 110, 128, 152

Сюсюнь, царство (Сары-Таш) 68, 69, 78, 106, 107

Сяньду, Висячий переход (перевал Хунджераб) 79-82, 103, 105-107, 161, 176

Таджикистан 119, 136

Таксила, г. 105

Таксила, р-н 124, 214, 215, 224, 225

Тан, империя 34, 95, 115, 252, 254, 256

Тахт-и-Сулейман 69

Ташкент, г. 26, 102, 116, 270

Ташрабат, станция 119

Термез, г. 35, 36, 60, 61, 124, 137, 140, 145, 263

Тогань, г. 173, 175, 178

Тулхарский могильник 119, 120, 138

Туп-хона, пос. 141

Туркмения 119, 206

Турфан, см. Чеши ближнее

Турция 76

Тхал, пустыня 245

Тяньчжу (Центральная Индия) 175, 196, 206, 207, 209, 215-217, 219-221, 225, 227, 230, 239, 240, 241, 258, 266, 267, 275-277

Тяочжи (Малая Азия) 101, 108, 110, 176, 177

Тяньшань (хребты Богдошань и Баркультаг) 155, 160

У, царство 268

Увэй, Лянчжоу, пров. 249, 251

Узбекский тракт 35, 92

Узбой 76

Ушаньли, царство 81, 82, 101, 104, 108-110, 116, 126, 131, 152, 207, 209

Улэй, царство (Бугур) 83, 104, 152, 174

Ура-Тюбе, см. Гаофу-сихоу владение 201, 208

Урумчи, г. 46

Усунь, царство в Ганьсуском коридоре 16, 26, 28, 441-44, 48, 49, 51-54, 56, 57, 164, 165, 167, 173, 181

Усунь, царство в долине р. Или 47-49, 59, 84-86, 106

Уху, см. Амударья.ю р.

Уцзи, г. 166, 167

Уча, царство 104, 105, 152

Фаньяньна, царство 244

Файзабад-кала, могильник 142

Фергана, см. Давань

Ферганская долина 26, 27, 29, 97

Фудиша, см. Сидун-Сихоу владение

Хаваст, г. 35, 92, 96, 97, 100-102, 115, 116, 201

Халчаян, г. 144, 266, 276

Хами, см. Иу, г., р-н 198, 236

Хань, империя 8, 9, 13-23, 25, 26, 30, 31, 33-35, 39-41, 48, 51-60, 63-67, 74, 79-84, 87, 89, 99, 101, 103, 104, 106, 108, 110, 111, 113, 116, 128, 134, 147-152, 155-157, 159, 160-165, 167, 170-179, 183, 184, 188, 189-191, 196, 200, 208, 237-242, 250, 251, 253-257, 269, 273

Хорезм, г., царство 230

Хотан, см. Юйтянь, г., царство

Хуанхэ, Река, Желтая река 13-15, 17, 155, 246-249, 259

Худжанд (Ленинабад), см. Самоцзянь

Хульм 35

Хунджераб, перевал, см. Сяньду

Хунза, р., 105

Хух-хото, см. Юньчжун, г.

Хуцзао, г. 71, 88

Хуцзе, царство 16, 57

Хэ, см. Гуйшуан-сихоу владение

Хэмо, г. 71, 88

Хэнань-ди, Земли к югу от Реки, Синьциньчжун (Ордос) 13-15, 32, 40, 41, 56, 155, 251

Хэси, царство 251

Хэси-сянь, уезд 252

Хэси-цзюнь, р-н 251

Цао, царство 93

Цзибинь, царство (Северная Индия) 70, 72, 73, 81, 82, 103-108, 110, 112, 116, 149, 152, 196, 205-207, 212, 214-216, 218, 222, 224, 225, 227, 261, 275

Цзинцзюэ, царство (Емацзинцзи) 153

Цзиньчэн, г. 249

Цзюаньду, царство (Улугчат, Чигучак) 68, 69, 77, 106, 107

Цзюйми, Юйми, царство (Керия) 26, 53, 149-151, 154, 163, 164, 190, 237

Цзюцюань, Сучжоу, г. 41, 54, 103, 155, 160, 186

Цзюцюань-цзюнь, р-н 182, 249, 251

Цзюйянь, г. 155, 173

Цзыхэ, царство 151, 161

Цзябиши, царство 241, 243-245, 248-250, 260

Цзябэй, см. Сими-сихоу, владение

Цзяньтоло, царство 242-245, 248, 250, 263

Цзяньши 70

Цзяшимило, царство (Кашмир) 104, 260, 261, 263

Центральная Азия 7, 86, 248, 250

Центральная Индия, см. Тяньчжу

Цилянь, Циляньшань (хребет Рихтгофена), горы 17, 27, 31, 32, 42-45, 70

Цинь, империя 13, 14, 253

Цинь, царство 251

Цицзяоцзин, см. Чеши дальнее

Цунлин, Луковый хребет (Заалайский хребет), горы Тянь-Шань 80, 149, 153, 169, 171, 176, 181, 197, 234, 242, 245, 246, 248, 250-252, 257-259

Цяньдунь, см. Гуйшуан-сихоу владение

Чанъань, г. 48, 67, 68, 70, 77, 78, 80, 100, 101, 105, 160. 190, 196, 197

Чаосянь (Корея), царство 103

Чарджоу, см. Му, царство

Чарклык, см. Лоулань, царство

Чач (Шаш) 269, 270

Чеши дальнее, царство (Турфан) 83, 150, 155, 156, 163. 173, 174, 181, 185-188, 190, 191

Чеши ближнее, царство (Цицзяоцзин) 150, 154-157, 169, 170, 173, 174, 179-182, 184-187, 190-192, 239

Чжанъе, Ганьчжоу, г. 32, 186, 249

Чжанъе-цзюнь, р-н 182, 251

Чжао, царство 251

Чжинапуди, царство 242, 245, 249, 250, 253-260

Чжоешань, горы (Иньшань) 173

Чжэсемосунь, см. Шуанми-сихоу владение

Чжэцзя, царство 245

Чигучак, см. Цзюаньду, царство

Чуст 50

Шаньси, пров. 251

Шаньшань, см. Лоулань

Шахидулла, пос. 105

Шахринау, см. Ланьши 198, 200

Шахринаусское городище 140, 144

Шаче, царство (Яркенд) 90, 104, 148-154, 159, 161, 164-180, 183, 190, 235, 236-238, 274

Шачжоу, см. Дуньхуан

Шичэн, г. 163, 164

Шортепа, пос. 223

Шофан, г. 173

Шу, царство (Сычуань) 39, 54, 59, 268

Шуанми, г. 71, 88

Шуанми-сихоу владение, Чжэсемосунь, царство 71, 86, 88, 90. 91, 96, 97, 110, 196, 199, 201

Шулэ, царство (Кашгар) 34, 35, 68, 69, 82, 83, 87, 88, 91-96, 106, 114, 149, 153, 154, 157, 159, 161-173, 175-178, 180, 183, 186, 187, 190-193, 217, 228, 234-239, 241, 245-249, 251-253, 255, 257, 259-260, 263, 274, 276

Шэньду (Индия) 26, 33, 39, 53, 59, 72, 103, 107, 206, 207

Шэньси, пров. 251

Эрши, Восточное Цао, Судуйшана (Коканд), царство 34-36, 49, 60, 61, 67-70, 78, 97, 99, 102, 110, 111, 140, 234

Южный Таджикистан 135, 142, 219, 220, 228, 230, 231, 265

Юйли, царство (Чара) 150, 173, 175, 185, 187, 188, 191

Юйми (Керия), см. Цзюйми, царство

Юмэнь, Юмэньгуань, застава 81, 108, 157, 191

Юйтоу, царство (Учтурфан) 163, 168

Юйтянь, царство (Хотан) 17, 26, 53, 80-82, 90, 105, 149-154, 159-163, 165-168, 176, 180, 183, 190-192, 235, 237, 238

Юйцзянь, владение (район Ташкента) 101

Юньчжун (Хух-Хото) 41

Юньнань, пров. 252

Юэчжи, царство в Ганьсуском коридоре 16, 17, 20-23, 27, 31, 40, 42, 43, 54, 56, 58, 59, 71, 195-199, 106, 215, 235, 240, 244, 245

Яксарт, см. Гуйшуй, р. 202, 204

Янгуань, застава 71, 72, 79, 80, 82, 87, 88, 90, 98, 101, 108, 114

Яньфоцзе, см. Гаофу-сихоу владение

Яньцай, царство 26, 80

Яньци, г. и царство (Карашар) 83, 150, 156, 157, 173, 175, 180, 185, 187-191

Яньци, царство (Кашмир) 162

Яньшуй, р. (Черчен) 65

Яркенддарья, р. 90

Яркенд, см. Шаче

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдагас 209

Август, имп. 77, 202, 210

Александр Македонский 216

Аминта 123, 130

Антиалкид 123, 130

Антимах Теос (Антимах I) 123

Антоний 76, 77, 112, 241

Аньго 235, 236

Аньгуй (Чангуй) 66

Ань-ди 178, 179, 180, 185, 235

Ардашир I 269

Артабан III 208, 209

Архебий 123, 130

Байба 173

Байер Ф.З. 29, 30

Байин 183

Бань Бяо 79

Бань Гу 24-26, 42-47, 52, 55, 74, 79, 80, 81, 83, 158, 160, 190, 196, 197

Бань Чао 79-83, 147, 152, 153, 155, 157-179, 187, 193, 216, 217, 227, 228, 239, 240, 246, 253, 259, 274

Бань Юн 89, 147, 176, 178-192, 197, 198, 236-239

Бахуа 186

Бил С. 246, 247

Бичурин Н.Я. 15, 23, 33, 37, 74, 84, 199

Бован-Хоу, см. Чжан Цянь

Буцзю-сихоу 44, 85

Ван Ман 80, 148

Ван Фэн 104

Ван Чжун 66

Вань Чжэнь 244

Вардан 208

Васишка 264, 266, 267, 277

Васудева 8, 264-270, 277

Вима Кадфиз, Яньгаочжэнь 8, 146, 196, 205, 215-223, 225-232, 234, 241, 245, 258, 260-262, 265, 267, 275, 276

Вэньгуйми 85

Вэнь-ди 16-18

Гань Ин 176, 177

Гань Фу, Танъи Фу 20-23

Гао-ди, Гао-цзу, см. Лю Бан

Гаофу-сихоу 88

Гелиокл 123-140, 143-146, 223, 225, 272, 273

Гермей, ц. 123, 126, 130, 131, 209-214, 224, 275

Гёбль Р. 229

Гомер 234

Гондофар 209

Готарз 208

Гуан-У-ди (Лю Сю) 148

Гуандэ 152, 159, 162

Гуйшуан-сихоу 88, 234

Гулямова Э. 139

Гэн Бин 156

Гэн Гун 156, 157, 163

Гэн Куй 173

Давидович Е.А. 139

Дегинь Ж. 29

Деметрий 38, 123

Диодот 123

Доу Гу 82, 155, 158-161, 164

Доу Сянь 173, 174

Доути 159

Дуань Си 178

Дьяконов М.М. 139

Евкратид 38, 39, 50, 51, 58, 59, 122, 123, 125, 127-132, 134-144, 198, 200, 271-273

Жоху-сихоу 85

Жэн Шан 175, 177, 178, 253

Зеймаль Е.В. 135, 138, 141, 219, 225, 226, 228, 229, 231, 264-268

Зелинский А.З. 263

Или-ван 184, 185

Иньмофу 103, 104

Ифу 235

Кан 148

Кан Тай 245

Канишка 8, 223, 228-233, 235, 241-249, 251-255, 257-261, 264-270, 276, 277

Каннингэм А. 8

Красс 76, 77, 112

Крюков М.В. 15

Кувахар 38

Куджула Кадфиз 8, 131, 141-146, 196, 201-206, 208-215, 217-219, 221-228, 232, 261, 265, 270, 274, 275

Лао Гань 249

Лаошан-шаньюй 18, 19, 27, 38, 39, 43, 47-49, 57, 71, 106, 271

Ли И 165, 166, 167, 177

Лин-ди 236

Лисий 123, 130

Лю Бан (Хань-ван) 15, 18

Лю Сю, см. Гуан-У-ди

Лянь Цзинь 175, 178

Ма Хун 66

Мандельштам А. М. 119-121, 138, 141

Маньцюй 241

Маодунь-шаньюй 18, 19, 27, 31, 43, 56, 57, 70

Массон В.М. 122, 123, 125, 204, 208, 210, 213

Массон М.Е. 210, 218, 220, 222, 226

Менандр 123, 131, 132

Мин-ди 155, 156

Митридат I 50

Митридат II 75, 132

Могуа 64

Моцай 63

Мэн Тянь 13-15

Наньдоуми 49, 57

Нарайн А.К. 124-127, 131, 216, 230, 236, 237, 238, 247, 249, 260, 264, 276

Пакора 209, 223

Платон 123, 124, 125, 127-130

Подяо 268-270

Помпей Трог 204, 223, 274

Пугаченкова Г.А. 144

Пуллиблэнк Э. 26, 79-82, 158, 160, 161, 179, 180, 190, 199, 237, 238

Пэй Цзунь 149

Ремюз А. 8

Ромодин В.А. 122-125, 204, 208, 210, 213

Ртвеладзе Э.В. 137

Санаб 144

Се 171, 172

Сиратори К. 38

Со Бань 181, 182, 186

Ставиский Б.Я. 118, 119, 123, 125, 135, 136

Страбон 75-77, 102, 112, 202, 204

Су У 66

Сулейман ибн-Дауд 69

Сун-юнь 233

Сыма Цянь 13, 20, 26, 31-34, 41-44, 54-56, 64, 65, 67, 84, 133, 196, 197, 271

Сыма Чжэнь 25, 33

Сюань-ди 104, 106, 108

Сюань-цзан 233-235, 241-243, 245, 246, 249, 250, 252, 253, 258, 261, 263, 276

Сюй Гань 164-166, 173

Сюми-сихоу 86

Сян Юй 15

Сянь 148-152, 154

Танъи Фу, см. Гань Фу

Таскин В.С. 15

Тацит 208

Теофил 123, 130

Тигран II Великий 112

Тоуманъ-шаньюй 14, 15, 31, 56

У-ди 20, 21, 41, 42, 51-53, 55, 56, 58-60, 64-67, 70, 72, 87, 90, 98, 103, 113, 114, 134, 200

Утоулао 103

Уцзюту 85

Фань Е 81, 82, 152, 179, 180, 190, 191, 196, 197, 201, 208, 237-239

Фань Чэнь 165

Филоксен 123, 130

Фу Цзецзы 66, 158, 176

Фудцзита Т. 38, 39

Фэн Фэнши 66

Халун Г. 38

Хань-ван, Лю Бан 15

Хань Вэн-ди 19

Хо Цюйбин 31

Хоренский М. 269

Хосров 269

Хувишка 8, 230, 264-267, 269, 277

Хунье-ван 39

Хуянь-ван 186, 187

Хэ-ди 174, 175

Хэдэ 236

Цао Цзун 181

Цао Цзюнь 186

Цзин-ди 19

Цзюньцзю 185, 186

Цзюньчэн-шаньюй 19, 21, 23, 43

Цзянь 159

Цзятэну 186

Цюрхер Е. 23, 24, 33, 37, 38, 74, 180, 190, 199, 236, 237, 247, 249, 250, 252-258

Цюцзюцю, см. Куджула Кадфиз

Чанфэн 64

Чжан Бо 178

Чжан-ди 156, 163, 168, 169, 216

Чжан Лян 187-189

Чжан Цянь, Бован Хоу 8, 20-37, 39-45, 49, 51-55, 58-60, 63, 69, 75, 86, 100, 106, 107, 109, 121, 122, 127, 129, 132, 133, 140, 158, 176, 198, 200, 271

Чжан Шоуцзе 32, 244

Чжао-ди 66

Чжао Синь 84

Чжун 159, 163, 165-169, 253, 259

Чжунхан Юэ 18, 19

Чэн Да 166, 169, 253, 259

Чэнь Му 80-83, 158, 175

Чэнь Тан 66

Чэньпань 235-241, 246-248, 253, 255-257, 259, 260, 263

Чэньсюнь 236

Шажур I 269, 270, 277

Шива 219, 220, 261, 267, 268, 276, 277

Шуанми-сихоу 86

Шунь-ди 187, 230

Юань-ди 103, 105, 106, 108

Юаньмэн 186-188
Юлидо 179
Юстин 124

Янь 148
Яньгаочжэнь, см. Вима Кадфиз
Янь Лю 150, 151
Янь Шигу 24, 25, 32, 84
Яо Гуан 173
Ясума Я. 38

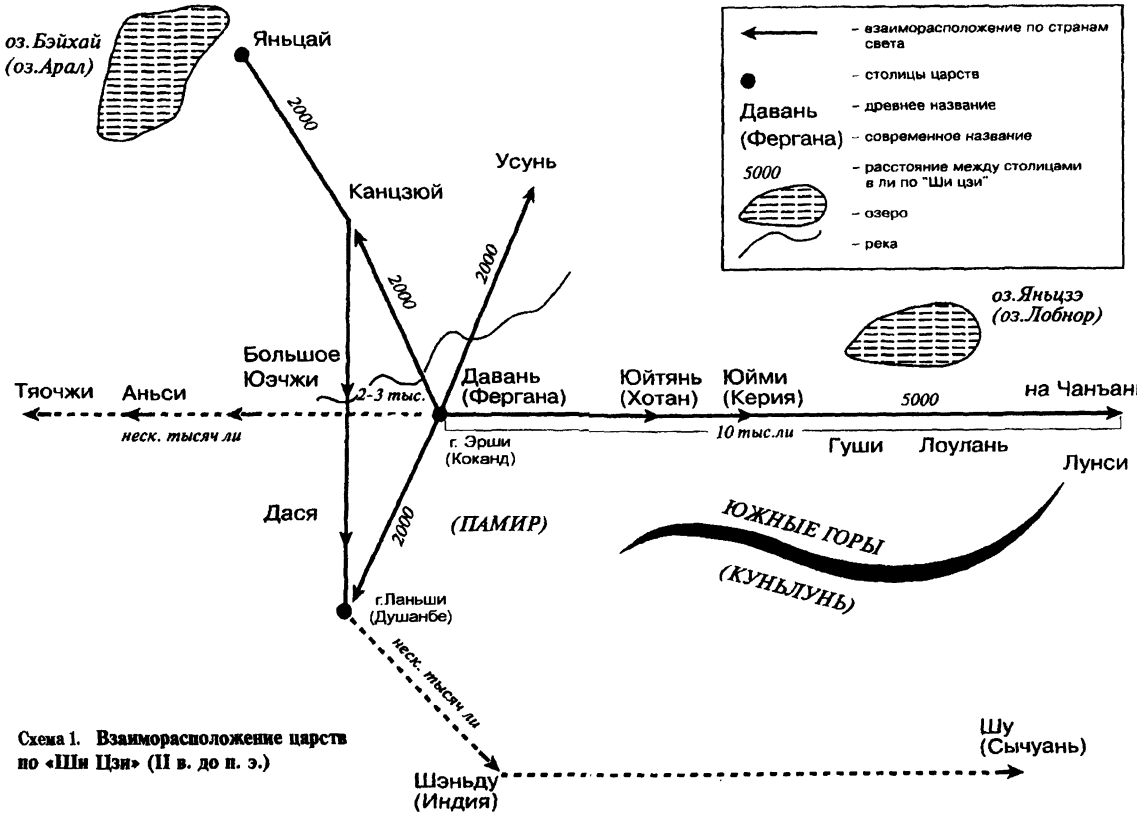
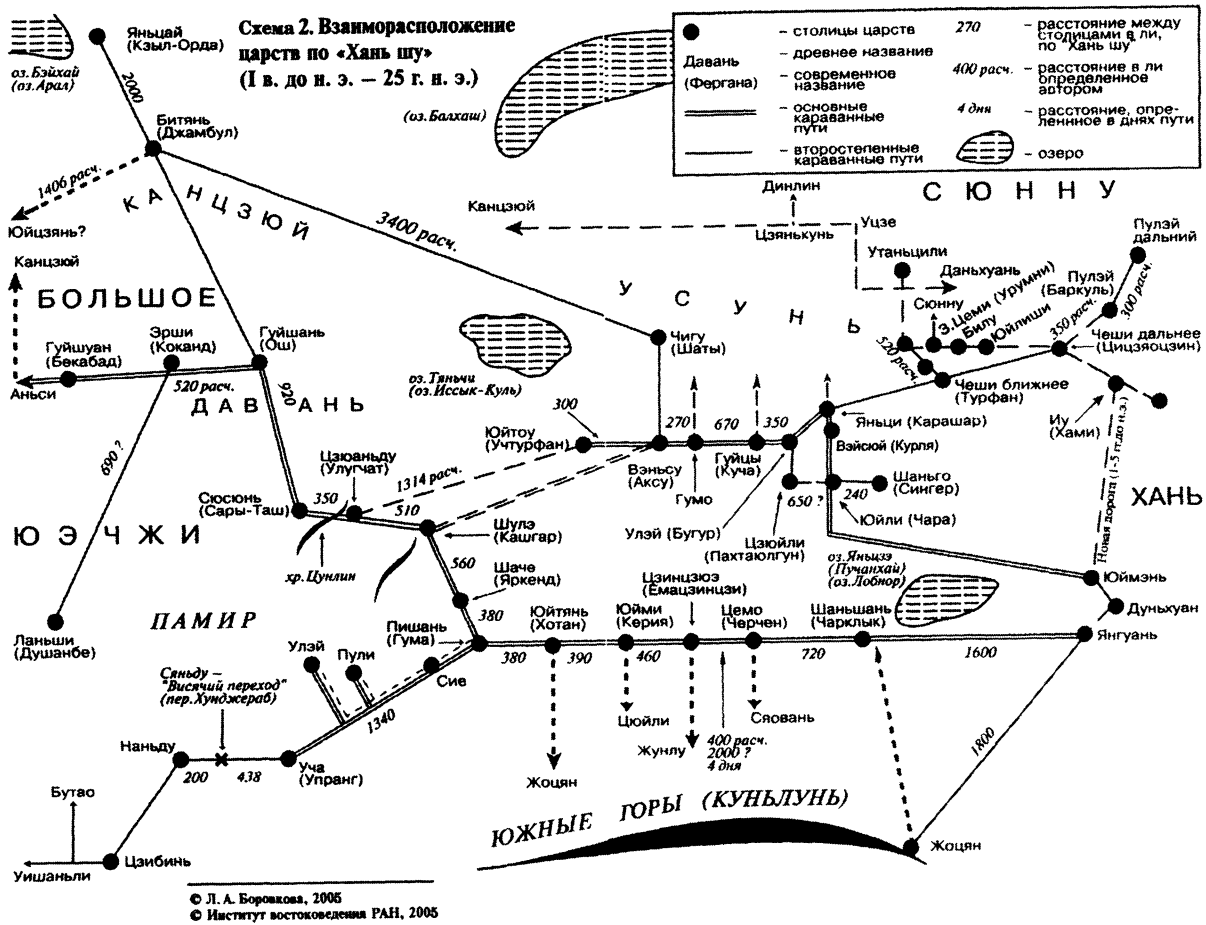

Схема 1. Взаиморасположение царств по «Ши Цзи» (II в. до н. э.)

© Л. А. Боровкова, 2005
© Институт востоковедения РАН, 2005

© Л. А. Боровкова, 2005
© Институт востоковедения РАН, 2005

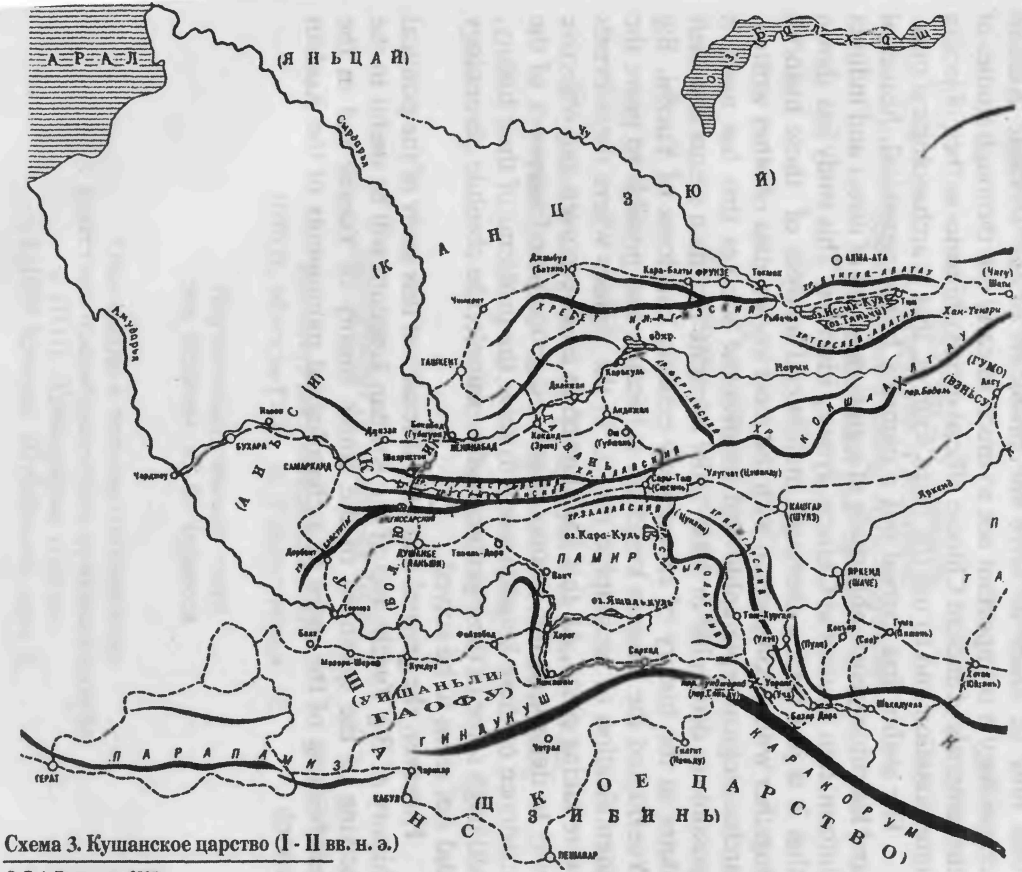

Схема 3. Кушанское царство (I - II вв. н. э.)

© Л. А. Боровкова, 2005
© Институт востоковедения РАН, 2005

Summary

This work allows to disagree with the sceptical opinion of those scholars who are of the opinion that the productivity of the Chinese sources on the history of the Kushan kingdom is already exhausted, that now in order to solve the problems of the absolute Kushan chronology it is important not so much to carry out thorough studies of the materials of ancient Chinese official dynasty histories as their objective interpretation and to use the main sources, that is archaeological ones.

The author has carried out a complex historiographical, historical and historico-geographic study of a great majority of direct and indirect information in ancient Chinese dynasty histories. This study has shown that it is just such a thorough multilateral analysis of these histories together with a comparison with the most known data of other written, archaeological, epigraphic and numismatic sources that has made it possible to determine or make more accurate the main events and their dates in the history of successively existing kingdoms of Yuezhi, Big Yuezhi and the Kushan kingdom. It became also possible to prove the identification of geographic objects in the regions where these events were taking place. All this has allowed in a more proven and objective way to determine the chronological and geographic framework of the existence of these kingdoms and to solve the problems of their history, although some of these problems, for example, the absolute chronology did not seem to be solved.

However, the general and partial results of this study of the political history of Big Yuezhi and of the Kushan kingdom will be useful in the solving of the questions of the ethnic history of Yuezhi and in the establishing of the dates of archaeological monuments of the Kushan epoch.

Научное издание

Боровкова Людмила Акимовна

Кушанское царство
(по древним китайским источникам)

Редактор *А.З. Алмазова*
Корректор *Л.В. Хохлова*
Компьютерный набор *Н.П. Кропотова*
Оригинал-макет *А.Б. Дунаева*

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

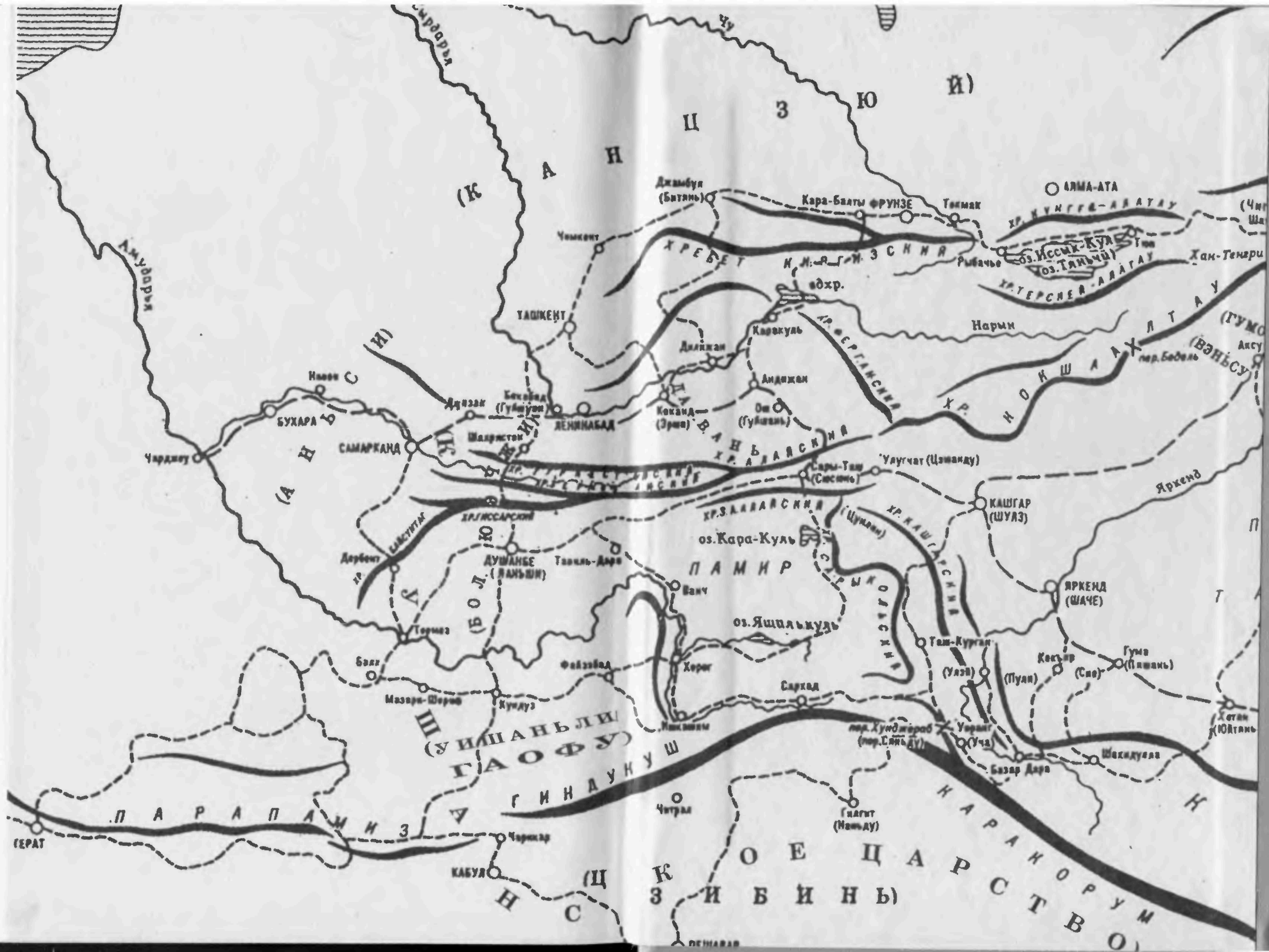
Сдано в набор 10.11.04. Подписано к печати 15.09.05.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20. Уч-.изд. 24 л.
Тираж 300 экз. Заказ № 1839

ИД № 04697 от 28 апреля 2001 г.

Институт востоковедения РАН
107031, Москва ГСП, ул. Рождественка, 12

Научно-издательский отдел
Зав. отделом Ю.В. Чудодеев

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6

Ю Ж Н Ы Й)
(К А Н Ц З
Амударья
Чу
Джамбул (Битянь)
Кара-Балты ФРУНЗЕ
Токмак
АЛМА-АТА
Чимкент
ХРЕБЕТ К И Р Г И З С К И Й
Рыбачье
оз. Иссык-Куль
оз. Тяньчи
Тюп
Хан-Тенгри
вдхр.
ТАШКЕНТ
Каракуль
Нарын
Джизак
Ходжент (Гулистан)
ЛЕНИНАБАД
Коканд (Эрке)
Андижан
Ош (Гулашань)
Ферганский
Ташкент
Аксу
Кермине
Бухара
САМАРКАНД
Шахрисабз
Чарджоу
Сары-Таш (Сюсинь)
Улугчат (Цзинаньду)
Яркенд
КАШГАР (ШУЛЬ)
Дербент
Сангутак
ДУШАНБЕ (ЯНЬШИ)
Тавиль-Дара
оз. Кара-Куль
П А М И Р
Ванч
оз. Яшильхудь
Яркенд (Шаче)
Термез
Балх
Файзабад
Хорог
Сархад
Таш-Курган (Уцзе)
Кашгар (Шуле)
Гума (Пишань)
Мазари-Шериф
Кундуз
Ишкашим
Хотан (Юйтянь)
Шакидулла
Базар Дара
Гиндукуш
Читрал
Гилгит (Ньмэду)
П А Р А П А М И З
Герат
Чарикар
КАБУЛ
К О Е Ц А Р С Т В О
К А Р А К О Р У М
З И Б И Н Ь)